АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 3

«ТЕРРА» – «TERRA»
1990

АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 3

Редактор-составитель
Ю. Фельштинский

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

ББК 66. 61(2)27
К 63

АРХИВ ТРОЦКОГО

ТОМ 3

Ответственный за выпуск *С. А. Кондратов*
Редактор *В.Н. Пекшев*
Художник *И. Е. Сайко*

Репринтное воспроизведение

Подписано в печать 16.04.90. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,25. Уч. изд. л. 19,13.
Заказ 987. Тираж 100 000 экз. Цена 6 руб. 90 коп.

Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА». Москва, 2-ой Новоподмосковный переулок, 4.
Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 7

1927 год

Л. Троцкий. Не иадо мусору!
21 апреля. [3051] 9
Л. Троцкий. Заметки для Вардииа
26 апреля. [948] 14
В. М. Смирнов. Кто страдает "горячечным бредом"
Апрель. [939] 15
Л. Троцкий. Заявление иа плеиуме ИККИ
Начало мая. [3060] 39
Ф. Гетье. Письмо Н. И. Троцкой
4 мая. [949] 41
Л. Троцкий. Политбюро. Президиуму ЦКК
16 мая. [3059, 4693] 43
Л. Троцкий. Борьба за мир и Аигло-Русский комитет
16 мая. [3058] 46
Л. Троцкий. Письмо Н. Крупской
17 мая. [951] 57
Л. Троцкий. Записка Пятницкому
18 мая. [952] 59
Л. Троцкий. В секретариат ЦК
18 мая. [953] 59
Л. Троцкий. В секретариат ЦК. В Президиум ЦКК
18 мая. [954] 60
В Центральиый Комитет ВКП (б). Заявлеиие 83-х
25 мая. [941] 60

В Политбюро ЦК ВКП (б)
25 мая. [955] 72
Л. Троцкий. Пора понять, пора пересмотреть, пора изменить
27 мая. [3064] 73
К. Радек. Термидорианская опасность и оппозиция
Июнь. [956] 74
Г. Зиновьев. Заявление 83-х и наши задачи
Июнь. [957] 81
Л. Троцкий. Две речи на заседании ЦКК
Июнь. [3160, 3161] 87
Л. Троцкий. В секретариат ИККИ
4 июня. [958] 127
Л. Троцкий. В президиум ИККИ
9 июня. [959] 127
Л. Троцкий. Резолюция против демократического
централизма. Июнь. [961] 129
Л. Троцкий. Заявление
Июнь. [3069] 129
Л. Троцкий. Почему мы не требовали до сих пор
выхода из Гоминдана. 23 июня. [3072] 130
Г. Зиновьев. В Политбюро ЦК. В президиум ЦКК
В ИККИ. 25 июня. [962] 131
Л. Троцкий. Заметки
25 июня. [3073] 132
Л. Троцкий. Письмо в ЦК
27 июня. [3074, 4691] 134
В. М. Смирнов. Под знамя Ленина
27 июня. [963, 964] 137
Л. Троцкий. Г. Евдокимов. Заявление
28 июня. [966, 3075] 211
Г. Зиновьев. Записка Троцкому
28 июня. [966] 218
Л. Троцкий. Записка Зиновьеву
28 июня. [966] 218

Л. Троцкий. Председателю ЦКК тов. Орджоникидзе
28 июня. [965] 219
Л. Троцкий. В секретариат ЦКК
29 июня. [967] 219
ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов
1 июля. [970] 220
Новый этап китайской революции. От Чан Кайши к Ван Тинвею
2 июля. [971] 223
А. Зильберман. "Школа" Ярославского
8 июля. [975] 249
Г. Зиновьев. В секретариат ЦК ВКП(б)
Июль. [976] 250
Г. Зиновьев, Л. Троцкий. В Политбюро ЦК ВКП(б)
11 июля. [977, 4693] 251
Л. Троцкий. В редакцию "Правды". В Политбюро
11 июля. [978] 251

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Третий том четырехтомного издания "Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927" охватывает документы апреля–июля 1927 года. Принципы публикации, изложенные в предисловии к первому тому, сохранены и для этой книги. Как и в предыдущих томах, документы расположены в хронологическом порядке и печатаются по копиям, хранящимся в Архиве Троцкого в фонде bMs Russ. 13 T. Значительная часть материалов публикуется впервые и почти все – впервые на русском языке. В оглавлении в квадратных скобках указаны архивные номера документов. Определенные составителем даты и авторы документов также даны в квадратных скобках. Примечания, сделанные составителем, обозначены как "Прим. сост.".

Документы публикуются с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (Бостон), где хранится архив Троцкого.

Ю. Фельштинский

1927 год
(апрель–июль)

В Центральный Комитет ВКП (б)
В Бюро ячейки Института
Красной Профессуры

НЕ НАДО МУСОРУ!

Вчера, 20 апреля, в ячейке Красной Профессуры, при обсуждении вопроса о китайской революции, в качестве "принципиальных" доводов приведены были следующие исторические справки и соображения:

1. Оппозиция предлагает организовать в Китае Советы. Между тем (?!), осенью 1923 года Троцкий был против организации Советов в Германии. Этот сногсшибательный довод повторялся уже и в других местах, ему, очевидно, суждено разделить судьбу "доводов" насчет того, что оппозиция призывает к выходу из профсоюзов, или считает британскую компартию тормозом рабочего движения, или боится урожая и пр. и пр. Население гоголевского городка в "Ревизоре", как известно, пользовалось каждым новым забором, чтобы нанести к нему мусор. Так и некоторые публицисты, полемисты и "теоретики" нашей партии пользуются постановкой каждого нового серьезного вопроса, чтобы завалить его кучей мусора. Если даже допустить, что Троцкий в 1923 году был против организации Советов в Германии, то ведь из этого совсем не вытекает, что их в 1927 году не надо создавать в Китае. Советы не являются сверхисторической формой организации. Чтобы выяснить, прав был или неправ Троц-

кий в 1923 г., надо проанализировать тогдашнюю немецкую обстановку во всей ее конкретности. Если бы при этом оказалось, что Троцкий был неправ, это еще ровно ничего не говорило бы против создания Советов в нынешнем революционном Китае.

На самом деле, утверждение, будто я был против Советов в 1923 г., само по себе вздорно. Речь шла вовсе не о том, создавать или не создавать Советы, а о том, как их создавать. В 1923 году фабзавкомы приняли в Германии в значительной мере функции и значение Советов. Вопрос стоял так: создавать ли, наряду с революционными фабзавкомами, стоявшими под руководством нашей партии, Советы, или же развернуть в Советы уже готовую форму фабзавкомов. Я был сторонником этого второго решения по целому ряду политических и организационных соображений, которые слишком долго было бы излагать. Достаточно будет сказать, что, после всестороннего обсуждения этого вопроса, Политбюро приняло мое предложение о том, чтобы фабзавкомы превратить в Советы и перейти к открытому созданию Советов лишь на известном этапе вооруженного восстания.

Ни для кого, во всяком случае, не было сомнения в том, что для руководства революцией в 1923 году, отнюдь недостаточно было наличия коммунистической партии или ее блока с левой социал-демократией. Необходимость революционной массовой выборной организации, тесно связанной с цехом, заводом, городом, районом, никем не оспаривалась. Только это и позволило прийти к общему решению насчет необходимости развернуть фабзавкомы в Советы, чтобы затем открыто поднять знамя Советов, когда восстание развернется полностью.

2. На том же собрании ячейки читали письмо Чан Кайши, или просто цитировали устное заявление Чан Кайши в том смысле, что он согласен с Зиновьевым и Троцким, а не со Сталиным и Рыковым. Это сообщение ("документ") должно было, очевидно, углубить представление будущих красных профессоров о китайской революции. На такой смехотворной глупости, как "солидарность" Чан Кайши со взглядами оппозиции, вряд ли стоило бы останавливаться, если бы эту глупость не подмешивали к тому мусору, которым кое-кто стремится завалить каждый новый забор, то бишь каждый новый серьезный вопрос.

Верно ли, что Чан Кайши действительно говорил или писал то, что ему приписывают? Я этого не знаю. Допустим, что говорил. В чем же он солидаризируется с оппозицией? Оказывается, в том, что хочет разрыва между Гоминданом и компартией. Стоит на минуту вдуматься в это, чтобы все стало понятным. Чан Кайши читает в наших газетах утверждение, будто оппозиция хочет разрушить сотрудничество между компартией и Гоминданом, будто оппозиция хочет враждебно противопоставить их, будто оппозиция хочет войны между компартией и Гоминданом, будто оппозиция хочет отвести компартию от руководства революцией для "малых дел". Такого рода грубо карикатурное изображение взглядов оппозиции должно встречать несомненнейшую симпатию Чан Кайши. Если, таким

образом, Чан Кайши с чем-нибудь солидарен, то не с оппозицией, а с той чепухой, которую ей приписывают. Дело для нас идет не о войне компартии с Гоминданом, т. е. с его революционными элементами, с его действительно левым крылом, а о таких формах сотрудничества с ним, при которых компартия располагала бы полной самостоятельностью, какая только и подобает партии пролетариата. Когда Китай требует равноправных договоров с другими государствами, то империалисты кричат, что Китай насилует их права. Когда мы требуем для китайского пролетариата равноправных договоров (блоков) с другими классами, то мелкобуржуазные идеологи кричат, что мы призываем пролетариат к измене революции. Теснейший блок пролетариата с мелкой буржуазией и крестьянством отнюдь не должен еще означать лишения пролетарской партии самостоятельности и подчинения ее дисциплине буржуазной партии. Это мы уже не раз разъясняли в других документах и речах, которые, правда, не увидели света, что только и дает возможность рассказывать всему свету, — в том числе и Чан Кайши — будто оппозиция за разрыв сотрудничества с Гоминданом.

Вопрос можно, однако, расширить, и иные критики оппозиции его действительно расширяют. Они пускают в оборот формулу, будто наша политика вообще "помогает правому крылу". В той же ячейке Красной Профессуры пространно доказывалось и разъяснялось, что в вопросе об Англо-Русском комитете оппозиция поддерживает Томаса, желающего разрыва Англо-Русского комитета, что в вопросе китайской революции оппозиция идет навстречу правым гоминдановцам, желающим разрыва между Гоминданом и коммунистами и т. д. и т. п., без конца. Говорят, что наша политика служит правым.

3. Слушая такого рода аргументы, диву даешься: ведь вся история большевистской партии идет при этом насмарку, ибо все развитие большевизма в России шло под аккомпанимент меньшевистских обвинений в том, что большевики служат реакции, что они помогают правым кадетам против левых, кадетам в целом — против эсеров и меньшевиков, правым эсерам — против левых, правым меньшевикам — против меньшевиков-интернационалистов и т. д. и т. п. без конца. Независимые социал-демократы в Германии обвиняли Ленина в том, что своей политикой он оказывает лучшую помощь Шейдеману. Нас обвиняли в том, что мы помогаем нашей непримиримой тактикой Реноделю. Ренодель обвиняет французских коммунистов в том, что они помогают Пуанкаре. Ведь это же обвинение не только штампованное, но и насквозь проплеванное! Как можно революционеру унизиться до того, чтобы поднять такое обвинение, которое валяется на улице, выпав из дырявого меньшевистского кармана?

Французские коммунисты обвиняют французских социалистов за их блок с радикалами. "Тан" изо дня в день обвиняет радикалов за их блок с социалистами. "Тан", т. е. руководящий орган империалистической буржуазии, стремится во что бы то ни стало добиться разрыва блока

между радикалами и социалистами. Радикалы отвечают: мы не хотим толкать социалистов влево в объятия коммунистов, и обвиняют Пуанкаре в том, что он работает "в пользу Москвы". Социалисты отвечают, что они не хотят отталкивать радикалов в лагерь правых, и обвиняют коммунистов в том, что они работают в пользу реакции. Факт, во всяком случае, налицо – и реакционная партия, и коммунистическая партия одинаково стремятся – с разных концов – разорвать блок радикалов с социалистами. Аргумент ли это против коммунистической партии, против коммунистической политики?

Если бы наши советские профсоюзы решили сейчас вступить в Амстердам, подчинившись его дисциплине, то руководящая капиталистическая печать всего мира подняла бы бешеный вой против амстердамских главарей за их блок с московскими красными. В этом уже, во всяком случае, никто не может сомневаться. Отсюда для школы Мартынова вывод: наше невхождение в Амстердам – есть услуга мировому капиталу.

Как известио, Лиге Наций доверяли, отчасти доверяют и сейчас, больше всего средние мелкобуржуазные, пацифистские, социал-демократические партии Европы. Серьезные капиталистические, открыто империалистические партии (за вычетом разве Англии, которая непосредственно командует в Лиге) относятся к Лиге скептически, подозрительно или прямо враждебно. Таковы, например, немецкие националисты. Они прямо одобряли нас за невхождение в Лигу Наций. И наоборот, европейская социал-демократия не раз обвиняла нас в том, что наше невхождение в Лигу – есть работа на пользу националистов и вообще империалистов.

Во время империалистской войны правительства всех стран Европы требовали от социал-патриотических партий очищения их рядов от интернационалистов, изгнания пораженцев и пр. С другой стороны, Ленин требовал от революционных интернационалистов беспощадного разрыва с социал-патриотическими партиями. Каутскианцы обвиняли Ленина в том, что, отрывая революционных интернационалистов от социал-патриотов, он выполняет заказ империалистов.

Можно отойти несколько дальше в прошлое и напомнить тот период, когда социал-демократия была еще принципиально-оппозиционной партией и голосовала в парламенте против "либеральных" законопроектов, причем, при подсчете, голоса ее соединились с голосами крайних правых, также голосовавших против предложений либерального центра. Стенографические отчеты старых парламентов пестрят обвинениями оппозиционной социал-демократии в том, что она идет в одной упряжке с реакцией.

А 1905 год? А 1917 год? Чем политически жила либердановщина с апреля по октябрь? – Обвинениями большевистской партии в том, что, обособляя пролетариат, противопоставляя его "революционной демократии", большевики оказывают величайшую услугу реакции. Ленин отвечал, что самостоятельной классовой политикой большевики, "изолируя" авангард пролетариата от верхушечного социал-оборончества, прокладывают дорогу к настоящему союзу пролетариата с многомиллионным крестьянством.

Пошленькие, насквозь реакционные, филистерские жалобы на то, что

подлинные революционные партии помогают реакции, означают в устах либералов и нынешних социал-демократов лишь одно: если бы пролетариат не сознавал себя как пролетариат, если бы он не вел самостоятельной политики, если бы он соглашался добровольно поддерживать мелкобуржуазную демократию, эта последняя чувствовала бы себя гораздо тверже и гораздо смелее боролась бы против реакции. Это правильно. В этом не может быть никакого сомнения. Но вся "беда" в том, что пролетариат существует, и что история отнюдь не сводится для него только к борьбе "демократии" с реакцией; пролетариат имеет свои исторические задачи гораздо более грандиозного масштаба. Пролетарский авангард знает, что если его самостоятельная политика и ослабляет промежуточную "демократию", то зато вокруг него объединяются такие массы, во главе которых он представляет неизмеримо более грозного врага для реакции, чем так называемая "демократия". Кто не усвоил себе этого основного начала революционной политики и не научился применять его к конкретной обстановке каждой страны и каждой эпохи, тот неизбежно будет сбиваться на пошлости об "единстве революционной демократии", в духе блаженной памяти Церетели. Это мы сейчас и наблюдаем на каждом шагу. Или, может быть, развитые выше соображения применимы ко всем странам, кроме колониальных или полуколониальных? Может быть, нам скажут, что иностранный национальный гнет оказывается сильнее логики классовых отношений и диктует поэтому для китайской партии и пролетариата линию развития и действий, принципиально отличную от нашей собственной? На это придется прежде всего ответить, что такого рода абстрактная ссылка на национальное "своеобразие" по отношению к Китаю не заключает в себе решительно ничего "своеобразного". Свою тактику 1905–1917 годов меньшевики защищали именно ссылками на своеобразие России. Теперь эту тактику, растоптанную ходом вещей в России, школа тов. Мартынова предлагает для Китая, ссылаясь на своеобразие китайских условий. (Мы же считаем, что борьба против национального гнета есть классовая борьба. Школа тов. Мартынова исходит из того, что национальный гнет преодолевает классовые противоречия и что эти последние обостряются только ультралевыми "крайностями" со стороны пролетариата. Но ведь такова вся философия знаменитого меньшевистского пятитомника, посвященного революции 1905 года.) Там ссылались на царизм, здесь – на империалистский гнет. Доводы остались теми же самыми, слово в слово, буква в букву. Только там, где 20 лет тому назад стояло слово с а м о д е р ж а в и е, теперь вставляют в текст слово и м п е р и а л и з м. Британский империализм, разумеется, отличается от самодержавия, но меньшевистские ссылки на него ничуть не отличаются от ссылок на самодержавие. Борьба против иностранного империализма есть классовая борьба. Неужели это не очевидно теперь, после переворота? Ведь все построение школы тов. Мартынова насчет единого фронта пролетариата и буржуазии против империализма, встретило сейчас возражения со стороны... Чан Кайши. Ведь он из единого фронта вышел и вышел довольно серьезно. Его можно, если угодно, назвать "предателем". По отношению к революции он не только предатель, но и палач. Но по отношению

к своему классу, т. е. к буржуазии, он не "предатель", а слуга и исполнитель. Класс этот не хочет идти в блоке с поднимающим голову пролетариатом и с восставшим крестьянством, несмотря на все рассуждения школы тов. Мартынова. Хотелось бы надеяться, что красные профессора, о ячейке которых идет речь, твердо усвоят эти уроки китайских событий, ибо китайская революция, помимо всего прочего, есть для младших поколений нашей партии незаменимая школа. Немало было в прошлом и есть в настоящем людей, которые выучивали всякие принципы назубок, а встретившись с действительностью, жалко попадали впросак. Надо учиться узнавать принципы в действии.

Л. Троцкий

21 апреля 1927 г.

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ВАРДИНА

1. В заявлении Залуцкого есть специфическая вороватость. Он говорит о сближении взглядов двойственно – чтобы нельзя было понять, Залуцкий ли приблизился к взглядам ЦК, или ЦК приблизился к взглядам Залуцкого.

2. Необходимо резче поставить вопрос: если разногласия изживаются, если руководящая политика отклоняется влево, то почему разгрому подвергается левое крыло? Проведение левых или полулевых резолюций руками правых, т. е. принципиальных противников этих самых резолюций, и есть то внутреннее противоречие, от которого наиболее тяжко за последний период страдает партия.

3. Тот довод, что классовые враги за разрыв Англо-Русского комитета, не нашел достаточной оценки. Разумеется, капиталисты против Англо-Русского комитета. Но они совершенно также против Генсовета нынешнего состава. Мы боремся против реформистской линии, чтобы заменить ее революционной. Капиталисты борются против реформистской линии, чтобы держать реформистов в узде.

4. Надо, мне кажется, прямо отметить, что вопрос об Англо-Русском комитете не есть личный вопрос Томского, который по долгу службы проводит здесь общую линию. Можно не сомневаться, что будут сделаны попытки взвалить ответственность именно на Томского. Этому помогать не надо.

5. На странице 14-й сказано: "по рабочему вопросу". Это выражение дает законный повод к придиркам. Рабочим вопросом у нас является вопрос о диктатуре пролетариата в международной революции. Вы же имеете в виду вопрос о материальном положении рабочих в настоящий момент.

6. Качание политики сознает каждый "политически грамотный" человек. Это звучит немножко аристократично. Гораздо важнее то, что эти колебания чувствует на своей спине каждый неграмотный человек.

7. Слово "советизм" звучит нехорошо, как варварский перенос с иностранного языка.

А в общем хорошо.

Л. Троцкий

26 апреля 1927 г.

КТО СТРАДАЕТ "ГОРЯЧЕЧНЫМ БРЕДОМ" *

Передовая статья № 4 "Большевика" и помещенная в том же номере статья тов. Микояна с торжеством заявляют, что оппозиция на последнем пленуме ЦК отказалась от своих прежних взглядов по вопросу о политике цен и даже объявила их "горячечным бредом". К числу экономистов, защищавших "горячечно-бредовые" идеи в этом вопросе, обе статьи, наряду с тт. Пятаковым и Преображенским, относят и автора этих строк. Я не был на пленуме и не могу судить, насколько верно, что товарищи из оппозиции, выступавшие там, действительно объявили свою прежнюю позицию "несуществовавшей" и "несуществующей", не могу судить тем более, что ни в той, ни в другой статье речи этих товарищей не цитируются. Поэтому я считаю необходимым, совершенно независимо от тех или иных выступлений, имевших место на пленуме, еще раз напомнить, что я в свое время говорил по этому вопросу и еще раз проверить на фактах нашей экономики, действительно ли я занимался "горячечным бредом".

1. Общая постановка вопроса

Свои взгляды по вопросу о политике цен я подробно изложил почти год тому назад в статье "Наши хозяйственные затруднения" в № 5 "Красной нови" за 1926 год. Основное положение, из которого я исходил тогда, было сформулировано так:

"При данном соотношении различных видов товарных масс (хлеба, мануфактуры, железа, угля и пр.) величина цен на эти товары уже дана, и притом независимо от их стоимости. Но, в свою очередь, это отклонение цен от ценности дает возможность (и стимул, но главное, возможность) развивать те отрасли производства, где цена выше стоимости, быстрее, чем те, где она ниже ее, и тем самым, в результате нового соотношения товарных масс, приводить цены в соответствие с ценностью". "Наша задача, – писал я далее, – заключается в том, чтобы использовать объективно складывающуюся благоприятную для промышленности конъюнктуру для ее развития, причем, в отличие от капиталистического общества, мы должны руководствоваться не только конъюнктурными показаниями, но и более глубоким анализом тенденций развития нашего хозяйства, регулируя его в порядке не стихии, а плана. Только в этом случае мы сумеем поставить себе на службу стихию рынка и в конечном счете ее преодолеть. Изменить на деле цены мы можем только путем изменения соотношений товарных масс, а это последнее мы можем сделать лишь опираясь на складывающийся в каждый данный момент уровень цен". ("Красная новь" № 5, 1926 г., стр. 172.)

---

* Думаю, что это ненапечатанная статья В.М. Смирнова. Проверить можно по "Красной нови", 1926, № 5, так как автор ссылается на свою статью в этом номере. *Л. Тр.* [рукописное примечание Троцкого]. См. В.М. Смирнов "К вопросу о наших хозяйственных затруднениях" – *прим. сост.*

В чем отличие изложенной здесь точки зрения от той, которая лежит в основе нашей политики цен? В том, что, с моей точки зрения, цены на товары автоматически (хотя и весьма сложно) вытекают из отношений производства данного года. Раз мы установили план производства государственных предприятий, раз мы более или менее правильно предугадали продукцию частного, в частности, крестьянского хозяйства, то мы уже не свободны в установлении цен на те или иные продукты. Все, что мы можем сделать – это предугадать, как сложатся эти цены. Как бы нам ни было желательно установить иные цены, с точки зрения установления, например, более справедливых эквивалентов обмена между промышленностью и сельским хозяйством, всякие попытки в этом направлении без изменения производства обречены на неудачу. Осуществить иное, более желательное для нас отношение меновых эквивалентов мы можем лишь путем изменения соотношений производства, которое опять-таки можем произвести, опираясь на имеющиеся у нас ресурсы. В пределах этих ресурсов мы, таким образом, вольны намечать тот или иной план производства, но не вольны, раз этот план осуществляется, устанавливать на рынке те цены, которые захотим.*

Наша теперешняя политика исходит из совсем другой предпосылки. Она стремится установить рыночные цены, независимо от предполагаемых размеров производства, исходя из желательных соотношений цен – главным образом между продуктами сельского хозяйства и промышленности. А так как это соотношение до сих пор неблагоприятно для сельского хозяйства даже по сравнению с довоенными отношениями, то отсюда и вытекает политика снижения промышленных цен во что бы то ни стало.

После статьи Микояна в № 4 "Большевика", можно точно сформулировать и то, более глубокое расхождение, которое лежит в основе различия приведенных выше двух точек зрения. Я исхожу из того, что, пока существует товарное обращение, пока передвижение продуктов от производителя к потребителю происходит не в порядке плана (как это до известной степени было при "военном коммунизме", когда предметы потребления распределялись по карточкам, а средства производства – в

---

* Оценивая соотношение товарных масс и действительные цены на рынке, я тогда пришел к выводу,что, при недостатке промышленных продуктов, промышленные цены не могут не быть в общем значительно выше тех отпускных цен, которые нами установлены. Отсюда (а вовсе не из "принципиального требования высоких промышленных цен) вытекало мое предложение о повышении отпускных цен. Изменилось ли положение в этом году, об этом речь будет дальше. Здесь я хочу только отметить, что мое предложение о повышении отпускных цен вытекало из конкретной обстановки. При другой обстановке, других соотношениях товарных масс, для нас могла бы создаться необходимость понижения отпускных цен, хотя бы при этом пришлось спустить их и ниже себестоимости. Когда года два тому назад НКТорг не считал возможным снизить цены на льняные ткани, так как нельзя было снизить калькуляцию, хотя эти ткани не находили сбыта, это было так же нелепо, как и пытаться при товарном голоде удержать низкие цены.

порядке нарядов "Комиссии Использования"),* а в порядке покупок, размер которых определяется размерами имеющихся у покупателя средств – пока это так, законы рынка сохраняют все свое значение, хотя бы подавляющая часть товарооборота проходила через руки государственных и кооперативных торговых предприятий. Законы рынка отомрут лишь вместе с самим рынком, вместе с ликвидацией товарного хозяйства, в частности, с ликвидацией "хозяйственного расчета" на государственных предприятиях.** Поэтому реальных результатов можно добиться, только опираясь на эти законы, а не игнорируя их.***

Совсем из другого исходит тов. Микоян: "Раньше в процессе ценообразования, – говорит он, – стихийные законы рынка играли значительную роль, теперь же, поскольку *обобществленный сектор народного хозяйства – кооперация и госторговля* (курсив мой – *В. С.)* – занял преобладающее место на рынке сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции и уже является решающим, преобладающим фактором на рынке – *в значительной степени ограничивается сила и поле действия указанных законов*". (Курсив также мой – *В. С.*) **** Значит, по мнению тов. Микояна, раз государственная и кооперативная торговля заняли

* Да не заподозрит меня кто-нибудь по этому случаю в желании вернуться к "военному коммунизму". Я привожу это только для того, чтобы на конкретном опыте, хотя и не удавшемся, социалистического распределения, показать разницу с той системой распределения, которая существует у нас теперь.

** Это опять-таки ни в какой степени не означает, что я сейчас или в ближайшем будущем хочу устронть покушение на "хозяйственный расчет".

*** Очевидно, по поводу этого взгляда, тов. Кон, в своей недавно выпущенной книжке "О новой экономике тов. Преображенского" (книжке, в которой он изобрел "двуединый регулятор" – термин, от которого за версту несет поповщиной) утверждает, будто бы "отстаивал закон стоимости в качестве единственного регулятора нашего хозяйства" и что поэтому ко мне "должен быть отнесен заслуженный упрек тов. Преображенского в меньшевизме и незнании основ марксизма". Разумеется, приписываемой мне глупости я никогда не говорил, ибо в противоположность тов. Кону, никак не могу признать закона ценности регулятором даже в капиталистическом хозяйстве. Регулятором капиталистического хозяйства является рынок, и говорить о законе ценности как регуляторе столь же нелепо, как утверждать, что регулятором паровой машины является паровой котел. Тов. Кон в своей наивности не подозревает, что, объявляя закон ценности регулятором, он скатывается на вульгарнейшую психологическую теорию о трудовой ценности, которой держался, например, проф. Чупров, и которая обосновывала закон ценности тем, что никто не захочет отдавать продукт своего труда за другой, который содержит меньшее количество труда. Эта теория, разумеется, не имеет ничего общего с теорией Маркса, которая исходит не из индивидуальной оценки человеком своего труда, а из общественно необходимого труда. При таком уровне понимания Маркса, тов. Кону следовало бы вообще воздержаться от упреков кому бы то ни было в незнании основ марксизма.

**** "Большевик" № 4, стр. 19.

преобладающее место на рынке, то, хотя и то и другое и остается торговлей, законы рынка в соответствующей мере идут насмарку.

Это, конечно, совсем иная постановка вопроса. Я не буду по поводу ее вступать в теоретический спор с тов. Микояном. Укажу только, что здесь он расходится не только со мной, но и с теми решениями, которые партия под непосредственным руководством Ленина вынесла в момент перехода к развернутой форме нэпа, в момент перевода наших предприятий на хозяйственный расчет, и к денежной форме товарооборота. "Основной задачей РКП в данный момент в области хозяйства, – читаем мы в декабрьской резолюции конференции 1921 года, – является руководство хозяйственной работой Советской власти в том направлении, чтобы, исходя из наличия рынка и **считаясь с его законами**, овладеть им, и путем систематических, строго обдуманных и **построенных на учете рынка** экономических мероприятий, взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения". "Национализированная промышленность, – говорится в ней далее, – сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, **применяясь к условиям рынка и методам состязания** на нем, завоевать свое решительное господство". *

Если тов. Микоян и помнит эту резолюцию, то она, с его точки зрения, конечно, радикально устарела. Зачем, в самом деле, "исходить из наличия рынка и считаться с его законами", если "сила и поле действия указанных законов в значительной степени ограничивается". Эта постановка тов. Микояна подводит, наконец, теоретический базис под нашу практику в области политики цен. Жаль только, что тов. Микоян не потрудился указать, какие же силы или законы вступают теперь на место законов рынка? Уж не "закон ли первоначального социалистического накопления". ** Во вся-

* См. Всесоюзная коммунистическая партия в резолюциях ее съездов и конференций. Издание 3-е, сс. 378 и 381. Курсив везде мой.

** Кстати, по поводу "первоначального социалистического накопления". Мне выпала на долю сомнительная честь изобретения этого термина. Я уже почти не помню, а другие, конечно, и совсем не помнят небольшой статьи, в которой я разрешился этим термином. Кажется, там шло дело о трудовых армиях, во всяком случае, написана она была еще в эпоху военного коммунизма и никакого отношения к экономике нэпа не имела. Термин этот был затем подхвачен и популяризован тов. Бухариным в его "Экономике переходного периода" и тов. Преображенским в его "Новой экономике" и, таким образом, получил широкое распространение. Не так давно тов. Бухарин привел очень резкий отзыв тов. Ленина об этом моем детище. Этот отзыв я прочел с большим наслаждением и согласен с ним от слова до слова. Я глубоко сожалею о своем несчастном изобретении, думаю, однако, что некоторым оправданием мне может служить то, что никогда после появления моей статьи, я этого термина нигде не употреблял и никаких "теорий" на нем не строил. Недаром и замечание тов. Ленина было построено не против меня, а против тов. Бухарина, и было только составной частью его очень резкой критики на "Экономику переходного периода". Обвинять меня теперь можно только за "соблазн малых сих". Как известно, это очень тяжелое обвинение, но, по совести, ни тов. Бухарина, ни тов. Преображенского к категории "малых" я отнести не могу.

ком случае, теория тов. Микояна имеет то неоспоримое преимущество, что она, наподобие совы Минервы, вылетела через три с лишком года после того, как начала проводиться на практике. А так как практика — лучшая проверка всякой теории, то к этой практике мы и перейдем.

2. Происходит ли у нас снижение цен?

Итак, первое разногласие тов. Микояна со мной заключается в том, что, по мнению тов. Микояна, мы можем устанавливать цены независимо от производства, а я утверждаю, что такие попытки обречены на неудачу. Обратимся к практике. Посмотрим, каковы результаты той политики "снижения промышленных цен", которая проводится уже более трех лет, принимая время от времени даже характер ударных кампаний. Каковы ее результаты?

Возьмем те цены, которые наиболее легко поддаются воздействию государства — отпускные цены государственных трестов. Мы имеем очень резкое снижение их с осени 1923 года, вплоть до ноября 1924 года — на целых 36%. Но с тех пор, т. е. на протяжении двух с лишком лет, никакого **снижения не происходит** — цены эти с ничтожными колебаниями в среднем остаются на одном и том же уровне. Под понятие "снижения цен" это подвести уже никак нельзя, в лучшем случае, можно было бы говорить о **стабилизации их**, если бы не одно обстоятельство, которое особенно широко применялось без **соответствующего понижения цен** в текстильной промышленности, составляющей, как известно, свыше 40% всей продукции предметов широкого потребления. Для того, чтобы иллюстрировать, насколько было снижено качество товаров, приведем данные из статьи М. Василевского, помещенной в "Торгово-промышленной газете" № 38 от 16 февраля текущего года.

На одном из трестов, вырабатывающих суконные ткани, процент в смеске мериносовой и искусственной шерсти менялся так:

	1 квартал 1924/25 г.	1 квартал 1925/26 г.	1 квартал 1926/27 г.
Мериносовой	30,7%	29,3%	23,7%
Искусствен. шерсти	16,6%	32,0%	36,2%

По другому тресту результаты еще более разительны. Сукно, стоимостью в 4 руб. 70 коп., содержало искусственной шерсти: до ухудшения качества 6%, после ухудшения — 44%. Ухудшение качества, хотя и не в таких поражающих воображение пропорциях, происходило и в хлопчатобумажной промышленности. Так например, вес суровья с 1-го по 4-й квартал 1925/26 года понизился на 6,5%.

При таких условиях приходится признать, что в течение этих двух с половиной лет даже в отношении отпускных цен у нас было не понижение, а **замаскированное повышение цен**, т. е. повышение в худшем его виде, ибо оно сплошь и рядом граничило с фальсификацией товара.

Что касается розничных цен, то все то небольшое снижение их, которое происходило за период май-октябрь 1926 года — на 3%, в настоящее время пошло насмарку — в январе цены вновь дошли до майского уровня

и ниже цен осени 1923 года, когда был известный кризис сбыта – всего на 1%. За последние же полтора года рост розничных цен составил около 25%.* Опять-таки снижением цен и этот результат признать не приходится.

Такова практика применения теории "о значительной степени ограничения силы и поля действия законов рынка" – практика, обнимающая собой целый трехлетний период. Она с несомненностью показывает, что законы рынка еще существуют, что они больно бьют тех, кто хочет их игнорировать и что резолюция декабрьской конференции 1921 года, напоминающая, что мы должны "исходить из наличия рынка, считаться с его законами, применяться к условиям рынка и методам состязания на нем", ни в какой степени не устарела и должна считаться и сейчас полезным руководством в нашей хозяйственной работе. По первому вопросу – о безнадежности попыток снижения цен теми методами, которыми мы стараемся это сделать, практика целиком подтвердила мои взгляды.

3. Что происходит с покупательной силой нашего червонца

В той же статье я указывал, что политика низких отпускных цен (при высоких и растущих розничных) отнимает у государства те средства, которые ему необходимы для увеличения промышленной продукции, и переоборудования, и постройки новых предприятий. Но так как вся экономическая обстановка требует гораздо более сильного развития промышленности, чем это позволяют имеющиеся у нас при нашей политике ресурсы, то начинается слишком сильное использование для промышленности бюджетных средств, ведущее к перенапряжению бюджета, с одной стороны, и завязывание эмиссии в долгосрочных кредитах, с другой. В результате, получается медленное снижение покупательной способности червонца, которое тогда, как я указывал, сказывалось только еще на расхождении наших и мировых цен и создавало затруднения для нашего экспорта, но не вызвало еще сколько-нибудь серьезных пертурбаций на внутреннем рынке. Посмотрим, насколько оказалось правильным это положение.

Теперь уже известны результаты выполнения бюджета за 1925–26

* Эти данные относятся к ценам частной торговли и обычно по этому поводу раздаются крики, почему вы не учитываете значения кооперативных цен? К сожалению, учет кооперативных цен только начинает ставиться и приходится оперировать тем, что есть. Необходимо иметь при этом в виду, что роль частной торговли, если ее оценивать не по количеству продаваемых ей государственными органами товаров, а по количеству покупаемых у нее товаров потребителем, далеко немаленькая: даже в крупных городах потребитель не меньше 1/3 покупает у частника, на Украине же, например, около половины расходов рабочего идут на покупку товаров у кооперации, а в Донбассе "частный торговец снабжает рабочего-горняка в большей степени, чем кооперация" (см. "Труд" 17 февраля, № 39, "Грозные выводы"). Что же касается кооперации, то легенда о ее низких накидках последними обследованиями НКТорга окончательно похоронена. Если трудно дать определенную картину движения цен в кооперации за предшествующие три года, за отсутствием данных, то нет никакого сомнения, что они были достаточно высоки.

год: он оказался недовыполненным в своей доходной части на 169 млн. руб. Результатом этого недовыполнения было то, что предположенного в бюджетном плане 100-миллионного государственного резерва образовать не удалось*. А между тем, такой резерв с точки зрения денежного обращения, имеет то значение, что из обращения извлекается часть эмиссии: этот резерв не хранится ведь в виде денег in natura, а поступает на текущий счет Государственного банка. Сокращение этого резерва означает поэтому усиление эмиссионного напряжения. Это усиление напряжения и получилось в результате недовыполнения бюджета прошлого года.

Как обстоит дело с бюджетом этого года? По тому же докладу т. Брюханова, он "является очень напряженным". С этим нельзя не согласиться. В самом деле, по данным о выяснении бюджета, бюджет 1925–26 года, по сравнению с 1924–25 годом, вырос на 31% (с 2,935 млн. руб. до 3,850 млн. руб.). Бюджет на текущий год утвержден в сумме 5,005 млн. руб., т. е. увеличение сравнительно с прошлым годом должно составить 30% – почти столько же, сколько в предыдущем году. Между тем, показатели роста народного хозяйства в текущем году значительно ниже, чем в прошлом. Продукция промышленности в прошлом году увеличилась на 42%, в этом предполагается только на 20%. **Продукция сельского хозяйства возросла за прошлый год на 23%, в этом году увеличение ее предусматривается только в размере 5%. Несколько больше предположенный рост товарной части сельскохозяйственной продукции, но и он должен составить только 8% против 20% прироста в прошлом году. Общий рост всей товарной продукции нашего хозяйства, вместе с импортом, составит 15% против 32 прироста прошлого года. Наконец, рост суммы доходов населения исчисляется для этого года в 8% против 27,5% прироста прошлого года.*** Таким образом, при резком сокращении темпа роста основных показателей народного хозяйства, рост бюджета предположен таким же, как и в прошлом году. Это явно грозит опять недовыполнением бюджета, а это недовыполнение, как показано выше, неизбежно должно усилить эмиссионное напряжение.

Что касается движения покупательной силы нашего рубля, то здесь на первый взгляд дело обстоит как будто бы благополучно. Индекс оптовых цен ЦСУ на январь и февраль месяцы ниже прошлогодних индексов на те же месяцы – по отношению к ним он составляет 93,9% и 92,2%. Несколько выше прошлогодних индекс Конъюнктурного Института – 102,6 и 101,3 и бюджетный индекс, который в январе этого года выше прошло-

* См. доклад тов. Брюханова на III сессии ЦИК СССР, "Экономическая жизнь" № 43 от 22 марта.

** См. "Сводный производственно-финансовый план промышленности", сс. 20 и 28.

*** См. "Контрольные цифры народного хозяйства на 1926–27 год" сс. 291, 299, 301 и 210. Рост общей товарной массы определен там в 12%. Я внес сюда поправку в сторону увеличения в соответствии с тем, что рост продукции промышленности уже после составления контрольных цифр был намечен в 20%, вместо предположений этих цифр, определявших рост ее только в 15%.

годнего на 2,8%. Но такое видимое благополучие объясняется (особенно по отношению к оптовому индексу) только низкими ценами на хлеб (они ниже прошлогодних на 15–20%),* которые являются неизбежным следствием повторного хорошего урожая, всегда резко увеличивающего размер товарных излишков хлеба.** Если исключить это обстоятельство, маскирующее общую тенденцию в движении цен, то наличие здесь повышательной тенденции будет несомненным.

Как и в прошлом году, это снижение покупательной способности нашего рубля при сохранении довоенного паритета нашей и заграничной валюты, давит на наш экспорт в сторону снижения. Соотношение наших и мировых цен все время изменяется не в нашу пользу. Вот данные, приводимые тов. Кауфманом в статье "Снижение цен и экспорт" ("Экономическая жизнь", 5 марта, № 53).

	Общий индекс СССР	Мировой индекс	% отношения мирового индекса к нашему
1925 год			
Сентябрь	174	148,2	85,3
Октябрь	175	145,9	83,5
Ноябрь	178	145,1	81,7
Декабрь	182	144,3	79,5
1926 год			
Январь	188	144,1	76,7
Февраль	192	142,2	74,2
Март	195	139,5	71,6
Апрель	197	138,9	70,6
Май	194	139,1	71,8
Июнь	186	138,8	74,6
Июль	182	138,4	76,0

* См., напр., статью Обухова "Хлебозаготовки за 1-е полугодие" ("Торгово-промышленная газета" № 8, от 11 января).

** Тов. Микоян, следуя своей теории, и здесь, как кажется, приписывает низкий уровень хлебных цен не влиянию объективных причин, а политике НКТ, который якобы сумел провести наиболее целесообразную, с точки зрения наших интересов, цену на хлеб. Нет никакого сомнения, что он и здесь ошибается. Своей политикой, основанной на относительно низком размере хлебозаготовок и усилении заготовок на востоке за счет юга, НКТорг только фиксировал эту тенденцию снижения цен. Временно усилить ту или иную тенденцию при монопольном положении, разумеется, всегда можно, с какими последствиями – вопрос другой. Это форсирование пока что поставило под угрозу гибели часть заготовленного в Сибири хлеба и имело своим последствием напряженное состояние потребительского хлебного рынка и сосредоточение хлебных резервов в руках кулака (см., напр., "Экономич. жизнь", 23 марта, № 66, "Местные рынки в феврале"). Я очень опасаюсь, как бы нам за это не пришлось поплатиться более серьезно. По крайней мере, конъюнктурный обзор Госплана за февраль месяц рисует нашу хлебозаготовительную кампанию далеко не в розовых красках, и определенно отмечает тенденцию к повышению хлебных цен, которое теперь, конечно, идет на пользу кулаку.

Эти данные, которых я не имел, когда писал прошлогоднюю статью, подтверждают опять-таки то предположение, которое я тогда высказывал. Если покупательная сила нашего рубля в мировом золоте определялась в сентябре 1925 года в 85 коп., то к апрелю она снижается до 71 коп. – на 16,5%. После этого она, правда, опять повышается и к июлю доходит до 76 коп. Но та же статья отмечает, что это повышение покупательной стоимости рубля происходит "за счет снижения сельскохозяйственных цен, а понижение уровня с/х цен произошло, главным образом, за счет хлебопродуктов". Именно поэтому и оказалось, что несмотря на это улучшение, почти все сельскохозяйственные культуры, кроме хлеба, становятся для экспорта убыточными и экспорт их сокращается. "Масло, яйца, лен, – отмечает передовая статья "Экономической жизни" (11 марта № 58) – в текущем году являются товарами неблагополучными в экспортном отношении, между тем, эти три товара имеют весьма важное значение для экспорта и требуют к себе величайшего внимания". "Рост экспорта, – говорит цитированная выше статья тов. Кауфмана, – произошел за счет вывоза хлебных продуктов; вывоз остальных товаров либо сократился, либо увеличился незначительно". Таким образом, влияние понижения покупательной способности рубля на ухудшение нашего экспорта еще усилилось. Прибыльными для экспорта остаются, по-видимому, только хлеб и нефтепродукты. Таким образом, игнорирование законов рынка нашей политикой цен, не только окончилось неудачей в области снижения цен: за это игнорирование мы получили дополнительный удар по линии ухудшения нашего экспорта.

Но если в прошлом году снижение покупательной силы рубля было заметно только в наших сношениях с внешним рынком, то, начиная с осени, оно теперь сказывается уже и на внутреннем. Резче всего это отразилось на заготовках сельскохозяйственных продуктов, кроме опять-таки хлеба. Мы явно уже не можем удержать прошлогодних заготовительных цен и должны идти на их повышение. Цены на коровье масло повышены сравнительно с прошлогодними – на Урале с 14 руб. до 20 руб. 60 коп., а в Сибири – с 15 руб. до 22 руб. – и, тем не менее, заготовки идут неудовлетворительно. Заготовки яиц пошли более или менее успешно только в феврале, при цене в 63 руб. за ящик, против 52 руб. прошлогодних. Заготовки мелкого кожсырья значительно отстают от плана,* а частник платит на 30–40% выше государственных заготовителей. Цены на подсолнух также пришлось значительно повысить и, несмотря на это, с заготовками настолько неблагополучно, что заводы растительного масла вынуждены снижать свою программу. Цены на лен повышены в два приема, сначала на 30 коп., а недавно еще на 70 коп., заготовки же его ниже прошлогодних на 33% и ниже заготовок даже 1924–25 года на 11%, за тот же период времени. Дело принимает настолько серьезный оборот, что ВСНХ СССР в заседании 8 марта признал "необходимым повысить цены

* См. "Конъюнктурный обзор Госплана за февраль" ("Экономическая жизнь", 27 марта, № 69).

на почти все технические культуры".* И здесь наша, не считающаяся с рынком политика понижения промышленных цен, привела к тому, что мы получили еще один удар – в виде роста цен на с/х продукты и сырьевого кризиса.

4. Рост себестоимости

Осенью текущего года определилось вполне отчетливо еще одно новое явление, которое совершенно понятно с той точки зрения, которую я отстаиваю, но которое в прошлом году еще не обнаружилось. Я говорю о росте себестоимости промтоваров. В значительной степени он объясняется тем же понижением покупательной способности рубля, в результате которой растут цены на сырье и номинальная заработная плата.** Но наряду с этим, крупную и все возрастающую роль играет и ухудшение условий производства (вытекающее из недостаточности капитальных затрат). "Металлургические заводы Югостали, – сообщает в своем докладе на Всеукраинском Совете съездов промышленности и торговли член правления Югостали тов. Свицын, – за исключением Петровского завода имени

* См. "Труд", 9 марта, № 56, "Недостаток сырья для промышленности". Необходимо отметить, что помимо влияния понижения покупательной способности рубля, сказывающейся на ценах всех с/х культур, на некоторые культуры (напр., лен) наша политика низких промышленных цен оказала и непосредственное влияние. Цены на лен в прошлом году были снижены на 27%, в целях сделать возможным снижение цен на льняные ткани и частью сделать его рентабельным для экспорта. В результате, в этом году мы получили остановку роста посевной площади льна, а по районам заготовок его для промышленности и экспорта – даже снижение ее на 5–6%.

** В нашей прессе все время говорится о большом несоответствии роста производительности труда и заработной платы. Обычно приводят цифры: производительность труда повысилась на 11%, зарплата – на 25%. Это далеко неверно. Прежде всего, на 25% повысилась номинальная зарплата. Реальная же увеличилась только на 13%. Однако и это повышение получится только в том случае, если сравнивать среднюю годовую 1925–26 года с средней годовой 1924–25 года. Дело в том, что в первые три квартала 1924–25 года заработная плата была чрезвычайно низка, составляя только около 83% довоенной. Лишь в конце 3-го квартала зарплата начинает повышаться и к сентябрю достигает, примерно, довоенного уровня. Средняя реальная заработная плата за 1925–26 год поэтому ниже средней заработной платы 4-го квартала 1924–25 г. (124,5 коп. в день против 128,3 коп.), между тем, производительность труда за 1925–26 год значительно выше производительности труда 4-го квартала 1924–25 года (выработка на человеко-день в довоенных копейках за 1925–26 год составила 6 руб. 41 коп. против 5 руб. 76 коп. средней за 4-й квартал, т. е. увеличилась на 11%). Таким образом, причиной увеличения расходов на рабочую силу является не повышение уровня жизни рабочего, а рост разницы между номинальной и реальной заработной платой, т. е. понижение покупательной способности рубля. (Все предыдущие цифры подсчитаны на основе данных ЦБСТ, приведенных в "Отчете ВЦСПС к VII съезду профессиональных союзов", стр. 203.)

Рыкова и завода Дюмо имени Ворошилова, нагружены значительно выше довоенной нагрузки. При данном состоянии оборудования нагрузка их достигла возможного предела. Из-за недостатка отпускаемых средств на дооборудование заводов, техническое состояние металлургических предприятий еще больше изнашивается. По сравнению с 1 января 1926 года, техническое состояние отдельных цехов на Сталинском, Днепровском заводах, а также на заводах Шодуар и Бантке ухудшилось. Большая сеть электромоторов на заводах пришла в негодность и требует замены. Некоторые металлургические заводы работают поэтому с риском выхода из строя целых цехов.* Аналогичную картину состояния оборудования для текстильных фабрик Костромы дает Васильев в статье под заглавием "Паросиловое хозяйство изношено. Катастрофа возможна каждый день". "Машины на текстильных фабриках изношены до крайности, – говорится там, – самые старые котлы сделаны в 1889 году, самые "молодые" – в 1899 году, таким образом, самый меньший стаж для котлов – 28 лет... Паровые машины очень старые... Машина не выдерживает нагрузки, и ее приходится часто ремонтировать. Фиктивная мощность плюс изношенность машины (ей 42 года) чрезвычайно мешают работе. Это тяжелое положение паросилового хозяйства наблюдается абсолютно на всех фабриках".** И в прошлом, а еще более в настоящем году нам приходится вводить в дело все более изношенное оборудование. Понятно, какое влияние это должно иметь на себестоимость.

Нисколько не удивительно поэтому, что в противоположность прежним годам, себестоимость в прошлом году повысилась, и в текущем году несомненно повысится еще. Уже "Сводный план государственной промышленности на 1926–27 год" предусматривал повышение себестоимости на 1%.*** При этом по отдельным отраслям промышленности это повышение гораздо больше: по каменноугольной – на 2,33%, по нефтяной – на 6,5%, по силикатной – на 2,2%, по железной – на 1,6%, лесной – на 5%,

* "Торгово-промышленная газета" № 50, от 2 марта.

** "Труд" от 6 марта, № 54.

*** С так называемой "доамортизацией". Без нее получается понижение на 1%, однако, без "доамортизации" не обойдешься. "Доамортизация" эта вытекает из того, что оценка основного капитала была сделана в довоенных руб., а амортизационные суммы составляли определенный процент этой стоимости, но в червонных руб. Ясно, конечно, что такая калькуляция не учитывала в себестоимости действительного износа зданий и оборудования, и неизбежно вела к огромному дефициту в тот момент, когда фабрика должна быть перестроена или капитально ремонтирована. Однако и переоценка в черв. рублях, благодаря которой получается "доамортизация", по-видимому, далеко недостаточна: она оценивает оборудование в том состоянии, в каком оно находилось в момент переоценки – на 1 октября 1925 г., т. е. не по первоначальной стоимости, а за вычетом износа. Таким образом, амортизационных отчислений даже с доамортизацией хватит только на то, чтобы заменить теперешнее оборудование по выходе его из строя не новым оборудованием, а изношенным в такой же степени, в какой было изношено старое оборудование к 1 октября 1925 г.

бумажной – на 5,2%, пищевкусовой – на 7,1%.* Однако, эти предположения явно чересчур оптимистичны.

Во-первых, предположенного снижения по текстильной промышленности (3,3%, при большом понижении стоимости заграничного хлопка) не произойдет. Это понижение предполагалось при сохранении того пониженного качества, на которое перешла текстильная промышленность во второй половине 1925–26 года. "Предполагаемое в 1926–27 году улучшение качества (вернее было бы сказать, возвращение к качеству первой половины 1925–26 года – *В. С.*) за счет повышения среднего веса тканей может поглотить указанное удешевление себестоимости" – оговаривается ВСНХ в подстрочном примечании.** Также и при исчислении себестоимости льняных изделий не было и не могло быть учтено последнее повышение цен на лен. Данные за истекшую часть года говорят сплошь о превышении сметной себестоимости: "Ориентировочные данные на 1-е полугодие текущего года, – говорится в циркулярном письме председателя ВСНХ СССР, – показывают, что по многим отраслям промышленности задания правительства не выполнены".

"По имеющимся сведениям, себестоимость в каменноугольной промышленности за четыре месяца не только не ниже промфинплановской сметы на 5%, но немного даже выше ее".

"В рудной промышленности, вместо намеченной Промпланом себестоимости в 9,5 коп. за пуд железной руды, ЮРТ ориентируется на себестоимость значительно высшую".

"В основной химической промышленности предполагается достигнуть к 1 июля снижения себестоимости в размере 6%, вместо намечавшихся планом 9%".

"В анилокрасочной промышленности к 1 июля предполагается снижение в размере 5%, вместо проектированных в Промплане 16 процентов".

"В химико-фармацевтической промышленности предвидится удешевление только на 4%, вместо намечавшихся 6 процентов".

"В полиграфической промышленности данные за 1-й квартал свидетельствуют о повышении против промфинплана в словолитном производстве на 9% – 41%, в типолитографском – на 5,5% – 17%, в обойном – на 2%, на краски –от 5 до 40%".

"В спичечной промышленности наблюдается вздорожание заводской себестоимости за 1-й квартал по Северо–Западному тресту на 11,3%, вместо ожидавшегося –на 3,8%. По Вятскому – вздорожание на 3,7%, вместо удешевления на 1,4%".

"На Урале фактическая стоимость дровозаготовок для металлопромышленности достигает за 1 куб. метр 2 руб. 50 коп. – 2 руб. 75 коп., вместо предполагавшихся планом 2 руб. 40 коп. Себестоимость металла на Урале, по данным Главметалла, не показывает пока никаких признаков удешевления".

---

* Сводный производственно-финансовый план, сс. 285 и 85.

** Сводный промфинплан, стр. 93.

"По большинству остальных отраслей себестоимость остается в лучшем случае на уровне предварительных предположений Промплана и не снижается в размерах, указанных правительством".

"Себестоимость цемента, – сообщает председатель ВСНХ СССР т. Лобов, – по сравнению с 4-м кварталом 1925–26 года, поднялась по Цемтресту на 13% и Новороссцементу – на 20%".* (Согласно плану себестоимости, по всей цементной промышленности должна была снизиться на 1%. – *В. С.*) По черному металлу предполагалось небольшое снижение – 0,6%. Однако член правления Югостали тов. Бирман сообщает: "К сожалению, следует сказать, что причины, влиявшие на повышение себестоимости в прошлом году, продолжают целиком действовать и сейчас... Имеющиеся в распоряжении Правления треста калькуляции себестоимости за 1-й квартал показали, что, по сравнению с фактической себестоимостью 1925–26 года, вновь произошло некоторое, хотя и небольшое удорожание".** По сахарной промышленности: "приходится констатировать, – говорит тов. Калманович, – вздорожание заводской себестоимости сахара-песка в истекшую кампанию, приблизительно, на 2 руб. 50 коп. – 3 руб за центнер против прошлогодней себестоимости".*** Это означает увеличение на 10–12%, вместо предположенных по плану 8,3%.

Рост себестоимости, продолжающийся уже второй год, не может считаться случайным явлением. Он явно связан с окончанием "восстановительного" процесса, процесса развертывания производства на старом производственном скелете. Именно поэтому-то он и начинается в момент заканчивания "восстановительного" периода. Теперь уже нельзя расширять производство без дополнительного оборудования, нельзя вести работу на старых запасах, нельзя сколько-нибудь значительно усилить производительность труда без технических улучшений. Калькуляции, в которых не учитывается полностью восстановительная стоимость сырого материала, в которых недоучитывается необходимая амортизация основного оборудования, сразу же и немедленно обнаруживают свою негодность. "Понижение издержек производства должно производиться не с точки зрения мимолетных успехов на рынке, а в перспективе возрождения и развития хозяйственной мощи страны. Калькуляция, учитывающая сырой материал по фиктивным ценам вчерашнего дня, не имеет ничего общего с понижением себестоимости и должна сурово караться как расточение государственного достояния. Равным образом, совершенно неправильной и гибельной была бы политика временного удешевления цен за счет нанесения прямого или косвенного ущерба тяжелой промышленности", – эти директивы XII съезда партии, за забвение которых мы достаточно сильно поплатились, должны стать, наконец, руководящим началом в нашей промышленной политике.

---

* См. "Правда", 24 марта, № 67 – "Себестоимость должна быть снижена".

** "Торгово-промышленная газета" № 60 от 15 марта – "О снижении себестоимости продукции тяжелой индустрии"

*** "Торгово-промышленная газета" от 26 февраля, № 47 – "Итоги свекло-сахарной кампании".

Выполнение этих директив требует средств. Эти средства в народном хозяйстве есть и мы должны, наконец, научиться извлекать их оттуда. Одно из основных средств – гибкая политика цен, использующая рыночную конъюнктуру, т. е. "исходящая из наличия рынка и считающаяся с его законами". Пора научиться действовать по Ленину, а не по тов. Микояну.

Рост себестоимости, до которого мы дошли сейчас, означает рост ценности, увеличение количества человеческого труда для получения той же самой продукции. **Он является неоспоримым симптомом попятного движения производительных сил страны.**

Я не принадлежу к сторонникам "теории социализма в одной стране" и думаю, что без материального содействия передовых в техническом отношении стран мы не сможем построить социализма, не сможем от нэпа перейти к социалистической организации производства, при которой рабочий перестает быть одним из элементов производства – рабочей силой – и превращается в хозяина производства. Тех, кто так думает, принято у нас называть пессимистами. Но я не думаю, да и вообще нет никаких оснований думать, что уровень наших производительных сил обрекает нас на попятное движение. Можно с полной уверенностью сказать, что в формах нэпа мы имеем возможность развивать производительные силы страны и улучшать положение рабочих и трудящихся масс вообще. Вопрос здесь идет только о темпе этого развития и улучшения. И когда, с одной стороны, нас уверяют, что мы можем своими силами не только строить, но и построить социализм без помощи технически передовых стран, а с другой – ведут такую политику, при которой производительность труда в общественном масштабе понижается, и при этом заверяют, что политику большей индустриализации мы вести не можем, ибо нам здесь поставлены объективные пределы – **то это уже не пессимизм, а прикрывание пышными фразами о социализме бессилия собственной политики не только построить, но и строить социализм.** На словах "социализм в одной стране" и революционные фразы о том, что законы рынка не про нас писаны, на деле – неуменье и неспособность, из страха перед мелкобуржуазной стихией,* использовать и те возможности, которые перед

* И при этом неосновательного. Наша политика, которую все время пытаются изобразить как политику смычки между рабочим и крестьянством, на деле и тут приводит к обратным результатам. Расхождение цен на с/х и промышленные продукты, благодаря недостаточному развитию промышленности, не уменьшается, а растет. Если взять соотношение цен на промышленные товары по розничному индексу Конъюнктурного Института (а крестьянин покупает промышленные товары не ниже цен, из которых исходит этот индекс) с ценами на с/х товары по оптовому индексу Госплана (а заготовительные цены, по которым крестьянин продает, ниже цен этого индекса), то мы увидим, что и здесь, начиная с мая 1925 года идет попятное движение: в мае 1925 года крестьянину приходилось за промтовары платить с/х продуктов на 11% больше, чем в довоенное время, а в мае 1926 года, – уже на 42%. В январе 1927 г. это расхождение достигало уже 74% против 46% в январе 1926 г. и 55% в январе 1925 г. **С "ножницами" обстоит дело хуже, чем два года тому назад,** и мы не так уже далеки теперь от расхождения января 1924 г., когда оно составляло 92%.

ками безусловно имеются.

Повышение себестоимости есть беспощадный приговор для нашей политики цен, ибо показывает воочию всякому, что наша политика "снижения цен" построена на гнилом базисе, что она достигает только – да и то редко – "мимолетных успехов на рынке". Серьезной политикой снижения цен является только та политика, которая основывается на снижении ценности, на реальном увеличении производительности труда – на техническом прогрессе. Та политика, которая не в состоянии отыскать средств для этого прогресса, только показывает этим свою непригодность.

5. Ослабляется ли у нас товарный голод?

С осени этого года на рынке начались явления, которые дали повод утверждать, что товарный голод ослабел.* Некоторые начали даже поговаривать об угрозе кризиса сбыта.

Посмотрим внимательно, что произошло.

Прежде всего, обнаружилась большая "разборчивость" покупателя. Потребитель стал предъявлять требования на более высокие и более дорогие сорта товаров (особенно это было заметно по отношению к мануфактуре). Однако с самого же начала необходимо отметить, что эту "разборчивость" проявляли далеко не все покупатели. "Массовый городской потребитель – рабочий и служащий, – отмечает корреспонденция "Торгово-промышленной газеты", – теперь далеко не так разборчив, как деревенский потребитель... Городскому массовому потребителю теперь не до консервов и леденцов. Мясо, цена на которое дошла в городе до 25–30 коп. фунт, массовый потребитель заменяет крупами, овощами и молоком".** "Спрос городского потребителя сделался более скромным – он покупает самые дешевые товары, самую дешевую мануфактуру".*** "Разборчивый" спрос шел, таким образом, со стороны "крестьянина". "Наступает сезон деревенских свадеб, – пишет саратовский корреспондент "Торгово-промышленной газеты", – и со стороны крестьян появился спрос на тонкое сукно в 8–14 руб. за метр, чего, например, в прошлом году не наблюдалось. Большой спрос на хорошие байковые одеяла в 22–25 руб., на теплые шали – в 15–20 руб. и пр. Крестьянин не довольствуется простым штанным материалом, а требует байкового, хотя байка стоит в 5 раз дороже". Спрос, однако, таким "разборчивым крестьянином" предъявляется не только на качество, но и на количество. "Приходя в магазин, – продолжает та же корреспонденция, – крестьянин нередко требует себе нарезать на 100–150 руб. мануфактуры". А сообщение киевского корреспондента "Торгово-промышленной газеты" окончательно устанавливает физиономию этого "разборчивого деревенского

* См., например, "Правда" от 24 декабря, № 298.

** "Торгово-промышленная газета" от 6 ноября, № 256. "Характерные черты деревенского спроса".

*** "Торгово-промышленная газета" от 4 ноября, № 254. "Новые черты потребительского спроса".

потребителя": "требование крестьянским рынком высших сортов товаров и товаров городского потребления (хромовая обувь, галоши, суконные ткани, теплое белье с начесом и пр.) сами крестьяне относят за счет отдельных экономически сильных районов, за счет зажиточной верхушки селянства... Большинство крестьян в правобережьи в этом году отказывают себе даже в необходимом, в связи с небольшим урожаем, почти довоенными хлебными ценами, очень высокими ценами на промтовары и увеличенным налогом".* Разборчивость потребителя объясняется, таким образом, вовсе не насыщением рынка и уж во всяком случае, не значительным увеличением благосостояния низких слоев населения, как это пытались некоторые утверждать, а усилением спроса деревенской буржуазии. В этом первая причина усиления спроса на дорогие товары. О другой причине, тоже очень важной, мы говорим ниже.

Как же обстояло дело со спросом низов населения? Крестьянское население, при урожае, близком к прошлогоднему,** реализовало в этом году свою зерновую продукцию по ценам на 16–17%, а по всем с/х заготовкам – на 8,9% ниже первого квартала прошлого года. Помимо этого, и абсолютный сбор технических культур в текущем году был ниже прошлогоднего. Сельскохозяйственный налог в 1-м квартале 1926–27 года составил 216 млн. руб., против 116 млн. руб. соответствующего периода 1925–26 года. Кустарная промышленность испытывала заминки сбыта своей продукции. При таких условиях, естественно, покупательный фонд крестьянского населения в этом году вряд ли выше прошлогоднего,*** а по исчислениям двух кооперативных учреждений – даже абсолютно ниже.

Городской спрос тоже находился под влиянием ограничительных факторов. Заключение колдоговоров было отсрочено до начала 2-го квартала. Наряду с этим, на городской спрос влияло проведение с 1 октября 1926 года повышения квартирной платы, увеличение тарифов, акцизов и т. д. Попутно с этим, на спрос на промтовары, безусловно ограничивающе действовал, как в городе, так и в деревне, рост потребления хлебного вина – с 95 млн. руб. в первом квартале прошлого года, до 195 млн. руб. в текущем году.****

Таким образом, конъюнктура рынка складывалась в этом году на основе трех факторов: 1) Некоторого увеличения товарной продукции

* "Торгово-промышленная газета", 24 ноября, № 271. "Крестьяне о деревенском рынке".

** Цитируемая статья упускает из виду, что повторный урожай неизбежно должен был увеличивать размер товарных излишков хлеба; в то время, как часть урожая прошлого года пошла на пополнение хлебных потребительских запасов, истощенных плохим урожаем предыдущего года, урожай этого года несомненно должен был иметь своим последствием рост товарных запасов. Как указано выше, эти запасы сосредоточились у кулака, в руках которого таким образом находится в виде хлеба дополнительная потенциальная покупательная сила, которая может проявиться к концу года. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, но при анализе рынка в начале года, она, разумеется, не имеет значения.

*** Здесь, разумеется, уже надо внести поправку, отмеченную в предыдущем замечании.

**** "Торгово-промышленная газета", 17 февраля, № 39. "Рынок промтоваров".

промышленности*. 2) Повышения покупательской способности деревенской (а, по-видимому, и городской) буржуазии. 3) Более или менее стабильного состояния покупательной способности рабочих и массы крестьянства. Первый фактор должен был действовать в направлении ослабления напряжения на рынке, второй – в направлении его усиления, третий же является нейтральным. Как сложилась равнодействующая этих факторов?

В общем плане обозреватели конъюнктуры все время говорят о понижении ее. Эту характеристику они основывают на сокращении оптовых оборотов, с одной стороны, наличием затоваривания для части промышленных продуктов, с другой. Но, наряду с этим, отмечается острый спрос на так называемые ходовые и сезонные товары, а розничные цены, несколько понизившиеся летом, с сентября месяца идут опять вверх.** Что же касается общих размеров затоваривания, то тот же Залкинд отмечает: "Приблизительные подсчеты, которые были сделаны Экономическим Управлением НКТорга по ценному методу для кооперативной розницы, показывают, что низовая кооперация, во всяком случае, увеличила свои обороты на величину, близкую к росту продукции широкого рынка".***

Таковы те противоречивые черты конъюнктуры в этом году, которые заставляют наших конъюнктуристов характеризовать ее как "пеструю". Снижение оптовых оборотов и рост цен. Реализация на низовых звеньях идет в соответствии с поступлением товаров из производства – и в то же время происходит затоваривание. Как связать между собой эти противоречивые явления?

Мы слишком мало придаем значения одному характерному для данного года явлению – несоответствию ассортимента потребностям рынка, а, между тем, он-то и является ключом к разгадке указанных выше противоречивых явлений. Жалобы на это несоответствие слышатся почти в каждой корреспонденции о состоянии рынка: "как в отношении кожтоваров, так и текстиля", – пишет, например, Северо-Кавказский корреспондент "Экономической жизни" (23 марта, № 66), – "большую роль в слабой реализации играли неудовлетворительность ассортимента и отсутствие сезонных товаров в сколько-нибудь значительном количестве.

* Производство предметов широкого потребления в 1-м квартале 1926–27 года, по сравнению с 1-м кварталом прошлого года, увеличилось, по подсчетам Сабсовича ("Торг.-промышл. газета", 23 ноября, № 44), на 23%. Более скромно оценивает это увеличение Залкинд (там же, 15 марта, № 60) – в 20%. При этом Залкинд правильно указывает, что при учете товарной массы надо учесть значительное сокращение в этом году импортных товаров. По хлопчатобумажным изделиям, например, по его подсчету, с учетом этого обстоятельства, товарная масса в 1-м квартале настоящего года увеличилась только на 10%.

** Любопытно, что в этом летнем снижении частная торговля шла впереди кооперативной. Это ясно показывает, что понижение цен носило конъюнктурный характер, являлось результатом обычного ослабления летом спроса, а вовсе не было результатом нашей майской кампании по снижению цен.

*** См. его цитированную статью в № 60 "Торгово-промышленной газеты".

При наличии больших запасов хлопчатки, удовлетворение спроса на тонкобельевые и одежные ткани выражалось максимум в 40–50%. Катастрофическое положение было в феврале с тонкосуконными и шерстяными тканями, спрос на которые покрывался не больше, чем на 15–20%. ...Еще хуже в смысле ассортимента в части продукции продсиликата: сколько угодно дорогого хрусталя и мало фаянса, мало чайников и мало того, что спрашивает деревня". "С одной стороны, острая нехватка ряда сезонных товаров, а также острый дефицит важнейших текстильных групп (в частности, особенно резко-суконных товаров), а, с другой стороны, не менее определенные затруднения в сбыте "побочных" текстильных товаров, в первую очередь, камвольных тканей", – отмечает статья АРКа в "Экономической жизни" от 19 февраля, № 41.

Происходящее затоваривание, таким образом, теснейшим образом связано с обнаружившимся в этом году несоответствием между рыночным спросом и товарным ассортиментом.

Затоваривание происходит, таким образом, только в отношении "неходовых" товаров, что касается ходовых, то недостаток в них не менее острый, чем в прошлом году. При таких условиях становится ясным, откуда возникает и другое противоречие, отчего при соответствии реализации товаров в низовой торговой сети, наряду с ростом товарной массы, происходит затоваривание в опте. продвижение неходового товара естественно встречает все большее сопротивление по мере продвижения к потребителю: трест сравнительно легко сбывает весь свой ассортимент синдикатам и верхних звеньям кооперации, труднее спихнуть его в середининую и еще труднее – в низовую торговую сеть, частник же, как общее правило, берет только ходовой товар. В результате, затоваривание неизбежно должно концентрироваться в серединных звеньях. А это обстоятельство, как правильно указывает статья того же АРКа, еще обостряет голод на ходовые сорта.

"Несомненное загромождение срединных торговых каналов неходовыми товарами, – говорит он, – тормозит дальнейшее развитие закупочных операций этой срединной сети. Несоответствие ассортимента потребительскому спросу не только задерживает значительные товарные массы так называемых неходовых товаров, но тормозит продвижение к потребителю нужных и ходовых сортов, так как загруженная неходовой продукцией торговая сеть вынуждена сокращать покупки, сдерживать свой спрос и, таким образом, не выполнять и роли проводника низового потребительского спроса". В результате, при затоваривании неходовыми товарами средних звеньев торговли, в низших звеньях образуется еще большая нехватка ходовых товаров. Автор статьи совершенно прав в своем выводе: "затоваривание очень часто оказывается лишь оборотной стороной безтоварья".

Посмотрим, однако, почему же могло получиться такое несоответствие между ассортиментом и спросом? Некоторые экономисты, особенно в начале года, пытались и это объяснить все той же "разборчивостью" потребителя: потребитель требует, якобы, теперь совсем другой ассортимент, чем раньше, а промышленность этого не успела учесть и осталась при старом.

Однако, несоответствие это далеко не всегда идет по линии "разборчивости". Выше мы уже привели жалобы на то, что у Продсиликата сколько хочешь дорогого хрусталя и не хватает чайников. Здесь неудовлетворенным оказывается не "разборчивый потребитель", т. е. деревенская и городская буржуазия, а как раз "неразборчивый", т. е. рабочий и масса крестьянства. Почему же это происходит? Ведь, как мы видели выше, этот-то покупатель своих требований не изменил: "городской потребитель покупает самые дешевые товары и самую дешевую мануфактуру", а "большинство крестьян отказывает себе в самом необходимом". Заметка "Торгово-промышленной газеты" – "О регулировании стекольно-промышленных изделий" дает ответ на этот вопрос.

"За последний год ассортимент стекольно-фарфоровых изделий значительно ухудшился; вырабатывается целый ряд товаров, которые не могут быть размещены на рынке. Хотя высшие хозяйственные органы внесли соответствующие поправки в производственные программы трестов на 1926–27 год, однако тресты недостаточно проводят их в жизнь. Санитарный фаянс, ламповые изделия, крупная аптекарская посуда, дорогое сортовое стекло, сервизные и фаянсовые изделия все еще вырабатываются в большем размере, чем это предусмотрено измененными производственными планами".

Оказывается, таким образом, что не потребитель изменил свой спрос, а тресты изменили свой ассортимент. Но тут возникает новое недоразумение, неужели наши тресты так глупы и так упрямы, что, несмотря на предписания высших органов, упорно желают увеличивать продукцию, не находя сбыта на рынке, и сокращать производство тех товаров, которых рынок требует? Конечно, это не так. И та же заметка, хотя и в очень прикрытой форме, показывает, в чем дело: "Нужно, – говорит она, – срочно пересмотреть цены на некоторые изделия, чтобы стимулировать производство дефицитных товаров". Эта скромная фраза разъясняет все.

Нормирование отпускных цен устанавливается, прежде всего, как раз на те товары, которые являются предметами массового потребления и которые находятся в дефиците. Поэтому производство именно дефицитных и массовых товаров становится наиболее невыгодным для треста, а сплошь и рядом и убыточным.* Трест находится на хозяйственном расчете, но дело он имеет не с рынком, а с синдикатом, который платит ему установленную цену. И вот, вместо ориентации на рыночный спрос, на массового потребителя, он начинает ориентироваться на эти установленные цены и переходит на производство тех товаров, которые при этой установленной цене являются наиболее выгодными. Чашки, чайники, стаканы – то, чего требует массовый потребитель, для треста, несмотря на повышение рыночных цен, становится невыгодным, он сокращает их производство, увеличивая за их счет производство хрусталя, которого

* "Новые цены на полульняные (т. е. наиболее дешевые) товары установлены в некоторых случаях ниже себестоимости", – сообщает заметка "Понижение цен на льняные и шелковые товары", "Торгово-промышленная газета", 11 февраля, № 34.

рынок не берет, но за который он может получить выгодную цену с синдиката. Производство отрывается от рынка, и притом так, что как раз на нормированные товары массового потребления голод обостряется, а ненормированные товары для состоятельного покупателя оказываются в избытке.

Так дело обстоит не только в Продсиндикате. "Чем вызывается несоответствие производственного ассортимента требованиям рынка? – задает вопрос Василевский в цитированной выше статье "Проблемы ассортимента и качество в текстильной промышленности. – С одной стороны, стремлением производственных объединений обойти "указные" убыточные цены, прекращая производство тканей с нормированными ценами и заменяя их производством тканей, цены на которые не нормированы. С другой, – выработкой тканей по указанным ценам, но с ухудшением их качества". Последний способ есть тоже переход на неходовые сорта, но только в более замаскированной форме.

Я уже приводил выше из этой же статьи данные о колоссальном ухудшении качества шерстяных изделий, когда процент искусственной шерсти увеличивался с 6% до 44%. "В результате, – дополняет Василевский, – клиентура избегает брать камвольные полушерстяные ткани, потому что они даже по внешнему виду уступают сходным сортам хлопчатобумажных тканей". Трест производит здесь "тот же самый" сорт, но не делает его, во-первых, прибыльным, во-вторых, превращает из ходового в неходовой.

Та же статья делает и еще одно любопытное замечание: "При данной степени ухудшения качества тканей дешевых и дорогих, – говорит Василевский, – в носке первые в большей степени теряют в своей прочности, чем вторые. Отсюда погоня потребителя за добротным товаром". Иначе говоря, именно дешевые массовые сорта становятся неходовыми, и массовому потребителю – рабочему и крестьянину – приходится волей-неволей проявлять "разборчивость" и переходить на "лучшие" сорта, которые сплошь и рядом являются не лучшими, а только более дорогими. В этом вторая причина усиленного спроса на дорогие товары, которая не имеет ничего общего с разборчивостью потребителя.

И здесь наша политика цен приводит к результатам, совершенно противоположным тем, которые она ставила своей целью. Стремясь, при недостаточном количестве товаров, сделать их доступными для массового потребителя по цене, она приводит лишь к еще большему сокращению нужного для этого потребителя товара. Он вынужден при этих условиях или переплачивать за него из-за конкуренции втридорога, или, вместо него, за абсолютно негодным его качеством, переходить на более дорогие сорта товара. Желая помочь массовому потребителю негодными методами, наша политика на деле бьет прежде всего как раз по нему.

Что же касается общей конъюнктуры, которая якобы грозит нам кризисом сбыта, то на нее только слава: она остается примерно такой же, какой была и в прошлом году. Но наша политика цен, оторвав производство от рынка, привела к новому парадоксу: при хорошей конъюнктуре, мы получили затруднения в сбыте.

При этих условиях, разумеется, все те конкретные выводы, которые я делал в отношении политики цен в прошлом году, остаются в полной силе и для настоящего года.

6. Розничные накидки и "незаслуженные доходы торгового капитала"

Когда я писал свою прошлогоднюю статью, я имел только данные оптового индекса Госплана, дающего уровень оптовых цен, и не имел индекса отпускных цен ВСНХ. Мне приходилось, поэтому, при исчислении "незаслуженных доходов торгового капитала", исходить из того, насколько розничные накидки превышают накидки октября 1923 года. Я пришел тогда к выводу, что эта дополнительная накидка за 1923–24 год составляла 14,2%, за 1924–25 год – 20,4% и за первую половину 1925–26 года – 25,7% оптовой цены. Исходя из этого и из предположенного на 1925–26 год количества продукции широкого потребления в 3.100, я приходил к выводу, что в годовом масштабе потери нашей промышленности в пользу торговли составят около 800 млн. руб.

Теперь мы имеем данные об отпускных ценах ВСНХ. Как я и предполагал, сопоставление движения розничных цен с отпускными дает еще более неблагоприятную динамику: за 1923–24 год накидка, по сравнению с октябрем 1923 года, увеличилась не на 14,2%, а на 17,8%, за 1924–25 год не на 20,4%, а на 32,7%, за первую половину 1925–26 года не на 25,7%, а на 43,6%, за вторую половину того же года – на 51,9%, а за 1925–26 год в целом – на 47,7%. Общая же сумма продукции промышленности широкого потребления определилась в сумме свыше 3.500 млн. руб.

Если мы примем подсчеты кооперативов, что через частную торговлю проходит только около 1/3 товарооброта,* то и тогда дополнительная накидка для товаров, проходящих через частную торговлю составит:

$$\frac{1.166 \text{ м.} \times 47{,}7}{100} = \text{свыше } 550 \text{ млн. руб.}$$

Что же касается кооперации, то теперь даже тов. Марецкий не может утверждать, как это он делал в полемике с тов. Майзлиным,** будто бы кооперация не сможет снизить своих накидок, не сдавши рынка частному капиталу: сейчас уже официально признано, что кооперация без труда

* Что весьма сомнительно, так как 1/3 товаров доходит до потребителя через частную торговлю даже в таких крупных центрах, как Ленинград. Что касается провинции, то обследование рабочих бюджетов на Северном Кавказе и Украине показало, что рабочий производит свои расходы через частную торговлю – на Украине в размере 48,2%, а на Северном Кавказе – 46,6%. См. "Труд", 17 февраля, № 39, "Грозные выводы" и 15 марта, № 60, "Наш кооперативный актив".

** Кстати, по поводу тов. Майзлина. Тов. Бухарин неоднократно и письменно и устно заявлял, будто бы эта статья написана мной. Я не вижу в этом, столь рекламируемом тов. Бухариным сенсационном открытии, никакого другого смысла, кроме стремления с его стороны возложить на

могла бы снизить в прошлом году свои накидки на 10%. А ведь если верно, что через нее доходит потребителю 2 с лишком миллиарда промтоваров широкого потребления, то это составит свыше 200 млн. руб. На самом же деле, при наличии огромных прибылей коопераций, которые теперь являются уже установленным фактом, не говоря уже о раздутости кооперативного аппарата, сверхнакидки кооперации, конечно, составили несравненно большую сумму: недаром же снижение цен на 10% намечено как минимальное. Таким образом, при этом колоссально преуменьшенном подсчете, все же выходит, что мы зря, без всякой выгоды для потребителя и в ущерб промышленности перекачали в сферу торговли за прошлый год 750 мил. руб., которые частью пошли на накопление частного капитала, частью были растрачены на потребление частника и на раздутый торговый аппарат... Эта цифра является бесспорной: на самом же деле, если учесть все те преуменьшения, которые сделаны при ее подсчете, она, без всякого сомнения, вырастет до суммы порядка миллиарда рублей.

Какое значение этот расчет имеет для текущего года, сообразить нетрудно: общая сумма продукции предметов широкого потребления вырастает в этом году на 17%, а начали мы этот год при накидках частной торговли, превышающих накидки начала прошлого года на 12% отпускной цены.*

Таким образом подтверждается и мой последний вывод. В то время как продукция промышленности развивается недостаточно, и с точки зрения изживания товарного голода и с точки зрения поглощения свободной рабочей силы; ** в то время как даже для этого недостаточного темпа развития, мы вынуждены форсировать бюджетное и эмиссионное напряжение, понижать тем покупательную силу рубля и сводить тем на нет небольшое повышение номинальной зарплаты рабочего, в то время как капитальные работы в промышленности настолько недостаточны,*** что

меня политическую ответственность за эту статью. Но здесь тов. Бухарин ломится в открытую дверь: со всеми основными выводами тов. Майзлина я целиком согласен и политической ответственности за его статью с себя не слагал и слагать не намерен.

* На 1 октября 1925 года вся накидка на отпускные цены по подсчетам ВСНХ составляла 51%. На 1 октября 1926 года, по тем же подсчетам она составляет 63%.

** "Безработица, по данным НКТруда по 256 биржам в декабре, как и в предыдущие месяцы, продолжала расти и составила на 1 января 1927 года 1.271 тыс. чел., увеличившись по отношению к 1 декабря 1926 года на 3%, а по отношению к 1 октября 1926 года – на 19%. В прошлом году за соответствующий период (с 1 октября по 1 января) прирост безработных выражался в 3%. В абсолютных цифрах число безработных выросло за первый квартал этого года на 200 тыс. чел., против 31 тыс. в прошлом году". ("Материалы к докладу Госплана в СТО" по конъюнктуре народного хозяйства в январе, "Экономическая жизнь", 25 февраля, № 46.)

***Недостаточны они и в этом году. Не говоря уже о том, что план промышленности сверстан с таким напряжением, что сам по себе едва ли мог бы быть выполнен, последнее понижение отпускных цен еще более его подрезывает: это снижение обойдется промышленности в 150–200 м. р.,

не в состоянии даже остановить ухудшения и износ промышленного оборудования – в это время мы огромные средства теряем зря в сфере торговли, способствуя тем росту средств и непроизводительного потребления частного капитала, с одной стороны, разбуханию торгового кооперативного аппарата, – с другой. "Торговый социализм" тов. Микояна приводит к такой задержке роста основной базы социализма – национализированной промышленности, который граничит с попятным движением.

7. Итоги

Их подвести нетрудно.

1) В области отпускных цен мы имеем не понижение их, а замаскированное повышение.

2) В области розничных – и прямое, и замаскированное повышение, причем оно охватывает не только промышленные, но и сельскохозяйственные товары.

3) В области экспорта – убыточность его по отношению к большинству товаров и прямое сокращение экспорта продуктов интенсивного сельского хозяйства.

4) В производстве промышленных товаров – рост себестоимости.

5) В области сбыта – затоваривание неходовыми товарами при высокой конъюнктуре и ухудшение снабжения массового потребителя.

6) В области торговли – огромные прибыли, усиливающие потребление непроизводительных слоев населения, при стабильном, в лучшем случае, потреблении рабочих и низов крестьянства.

7) Огромный рост безработицы при недостаточной продукции промышленности.

В чем тут дело?

Мы оказались не в состоянии пойти к социализму прямым путем. Мы вынуждены были отступить и наступать вновь обходным путем нэпа. Но для того, чтобы этот путь был успешным, необходимо совершенно ясно давать себе отчет в том, насколько мы отступили, в какой обстановке мы действуем, и не утешать себя никакими сладкими иллюзиями о том, что мы ближе к социализму, чем на самом деле. Так действовала партия под

При общем плане финансирования 1.561 м. р. и плане капитальных затрат 947 м. р. (в числе коих нераспределенный резерв – 30 м. р. и второочередных работ – 43 м. р., которые едва ли будут выполнены за недостатком средств). Таким образом, уменьшение средств промышленности от этого снижения составляет свыше 10% всего финансирования промышленности и около 20% сумм, намеченных на капитальные работы. Предполагается, что это снижение отпускных цен будет компенсировано дополнительным снижением себестоимости. Но мы видели выше, что надежд на это снижение нет никаких, и что, наоборот, можно ожидать скорее повышения ее. Таким образом, последнее снижение отпускных цен бьет и очень сильно – по плану капитальных работ, и без того крайне недостаточному.

руководством Ленина, который всегда в самой решительной форме предупреждал против таких иллюзий и всегда самым отчетливым образом вскрывал степень нашего отступления – от военного коммунизма – к государственному капитализму, от государственного капитализма – к регулированию торговли.* Последнее время мы перестали идти этой единственно верной дорогой.

Все большее распространение начинают получать теории, что мы находимся уже у самого порога социализма, что рынок уже отмирает, что "в строгом смысле слова термин "наемный рабочий" неприменим к рабочим государственной промышленности. Мы его употребляем лишь за неимением другого термина".** Все чаще начинают раздаваться голоса, которые объявляют уже решенными те задачи, которые перед нами еще только стоят. За это действительность, которая отнюдь не обязана меняться от теорий, больно бьет нас. Опыта в этом отношении более, чем достаточно. И пора уже, наконец, покончить с "революционными фразами", за которыми всегда скрывается только оппортунистическое содержание, стать на почву реальной действительности и действовать на ее основе. Только тогда мы сумеем не на словах, а на деле преодолеть ее.

Что же касается вопроса о "горячечном бреде", то всем известно, что люди, одержимые им, теряют способность правильно воспринимать окружающее и свои фантазии принимают за действительность. Пусть читатель сам судит, кто страдает этим недугом.

В. М. Смирнов

апрель 1927 г.

---

* См. его речь на Московской Губпарткоиференции, т. XVIII, стр. 399.

** См. Бухарин. – "Международная буржуазия и Карл Каутский ее апостол", стр. 64.

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ ИККИ
ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ РЕЗОЛЮЦИИ

Новая резолюция против оппозиции увенчивает линию, которая является несомненным и бесспорным правым уклоном от марксистской, ленинской линии.

Объективными причинами этого уклона являются поражения международного пролетариата, временная стабилизация капитализма и замедленный темп социалистического развития СССР.

В результате ряда поражений — при неправильном хвостистском руководстве — вырос и окреп правый уклон. Этот последний усугубляет последствия поражения рабочего класса, затрудняя подготовку его побед.

Поражение германского пролетариата в 1923 году, поражение в Болгарии и Эстонии, поражения великих стачек в Англии, наконец, поражение китайского пролетариата не только усилили временно социал-демократию за счет коммунистической партии, но и усилили внутри коммунистической партии правое крыло за счет левого. ВКП не составляет исключения из этого международного процесса. В свою очередь правое крыло, пользуясь могущественным аппаратом, бьет исключительно влево, и механически, путем репрессий, высылок, отстранений, исключений еще более перемещает соотношение сил в ущерб левому крылу.

Таковы общие причины, в силу которых мы, левая оппозиция, выступаем, как меньшинство, тогда как коммунисты типа Мартынова, Шмераля, Пеппера, Тельмана и пр. громят нас от имени большинства. По вопросу об Англо-Русском комитете пленум санкционировал неслыханную берлинскую капитуляцию перед штейкбрехерами и изменниками. Хотите вы этого или не хотите, — это есть линия на Амстердам. Более того, если эта линия еще продержится, внутри Коминтерна неизбежно родятся стремления перекинуть мост ко Второму Интернационалу. Мы видим уже сегодня, как эти тенденции складываются. Мы предупреждаем о них. Мы заранее объявляем им непримиримую борьбу.

Расчеты на помощь реформистских верхов Англии против войны оказались жалкой иллюзией. Поведение вождей Генсовета и рабочей партии перед дипломатическим разрывом, как и в момент разрыва, продиктовано трусостью и подлостью. Оба эти качества будут только возрастать по мере действительного приближения войны.

По вопросу о китайской революции пленум принял решение, санкционирующее ошибочную линию прошлого и подготовляющее новые поражения и в будущем. Руководящие в Ханькоу гоминдановцы, типа Ван Тинвея и К°, заигрывают с буржуазией, тормозя аграрное и рабочее движение, а если им не удастся затормозить его, они объединяться с Чан Кайши против рабочих и крестьян. Кто выступает в этих условиях против Советов и за подчинение компартии Гоминдану, т. е. Ван Тинвею, тот подготовляет новое, может быть, еще более жестокое поражение китайской революции. Мы заявляем, что этой линии нет оправдания. Мы обязуемся всеми силами вести внутри Коминтерна борьбу за изменение этой грубо-оппортунистической политики.

Вы не допустили сюда тов. Зиновьева, который в течение семи лет был председателем Коминтерна. Наши речи и статьи не печатаются. Работы самого Исполкома окружены плотным молчанием. Разве так готовят рабочий класс к опасностям войны? Но теперь уже недостаточно замалчивать речи и статьи оппозиции. Приходится все чаще замалчивать факты. Каждый день от партии и рабочего класса скрываются телеграммы из Китая, Англии, отовсюду, только потому, что ход событий идет вразрез с ложной линией руководства. Таким путем партия разоружается, ошибки накопляются и подготовляются новые поражения.

Попытка представить борьбу с оппозицией, как борьбу с троцкизмом, представляет собой, особенно в свете китайских событий, жалкую трусливую маскировку правого уклона. Вы пытаетесь искусственно оживить расхождения Троцкого с большевизмом, ликвидированные Троцким задолго до того, как большинство здесь присутствующих приобщилось к большевизму. Тщетно! Наиболее законченное выражение официальной линии в китайском вопросе дал здесь Мартынов, который в трех революциях занимал активную контрреволюционную позицию. Он повторяет ныне в применении к Китаю все то, что говорил в 1905 и 1917 гг. Вождь меньшевизма Дан признает позицию Мартынова в китайском вопросе правильной и подлинно меньшевистской. Основные взгляды Ленина на революцию вы именуете "троцкизмом", чтобы оправдать мартыновскую борьбу против них. При идейном сползании, такая маскировка неизбежна. Но она не поможет. Взгляды, которые мы отстаиваем, представляют собой проверенные всей историей нашей партии взгляды большевизма.

Около сотни старых большевиков, коренных строителей нашей партии, подали на днях в ЦК заявление о своей солидарности с основными взглядами оппозиции. Этот факт окончательно разбивает поддельные ссылки на "троцкизм". В числе подписавших заявление – выходцы из других партий составляют во много раз меньший процент, чем в руководстве Коминтерна или ВКП.

Покушение на исключение из Исполкома Коминтерна тт. Троцкого и Вуйовича представляет собой такое же вопиющее попрание устава Коммунистического Интернационала, как и недопущение тов. Зиновьева на заседание Исполкома. И то и другое есть выражение идейной слабости и бюрократического произвола. И то и другое ярче всего выражают линию Сталина, против опасности которой предупреждал Ленин в своем завещании. Вместо того, чтобы исправлять явные и очевидные ошибки руководства, столь дорого обошедшиеся партии и международному пролетариату, Сталин хочет избавиться от тех, кто эти ошибки раньше видит и о них предупреждает. Непосредственная цель недопущения Зиновьева и попытки исключения Троцкого и Вуйовича – оградить VI мировой конгресс от критики. За этим должно последовать исключение оппозиционеров из ЦК ВКП, дабы и на XV съезде, соответственно подготовленном, не дать места ни одному голосу критики. Такого рода недостойными мерами можно только подорвать авторитет VI конгресса Коминтерна. Тем временем созыв VI конгресса неожиданно отложен вчерашним решением Исполкома, без обсуждения, еще на целый год (четыре года после

V конгресса). Цель этой отсрочки в том, чтобы поставить Интернационал перед совершившимися фактами, в особенности в отношении оппозиции, и потребовать от Интернационала лишь освещения задним числом того, что произошло. Это есть тот грубый и нелояльный, по выражению Ленина, метод, при помощи которого хотят сделать невозможным для партии исправление линии нормальными партийными путями. Но это не поможет. Линия будет исправлена. Только Коминтерну и международному пролетариату придется за это исправление гораздо дороже заплатить.

В ожидании нашей резолюции ведется работа по подготовке новых и еще более грубых репрессий. Ваша резолюция должна освятить их. Но это ни на шаг не продвинет дело вперед. Правота на нашей стороне. Период международных потрясений, в который мы вступаем, будет обнаруживать нашу правоту с каждым днем, разрушая всякую фальшь и двойственность. Во внесенных нами документах мы изложили свою точку зрения. Вы нас осудили. Но международный рабочий класс имеет право знать, за что вы нас осудили. Скрывать наши документы можно только при явном сознании собственного бессилия. Можно спрятать статьи, но фактов спрятать нельзя. Вам придется пересмотреть ваши решения. Мы подготовляем завтрашний день. Мы ограждаем преемственность революционного большевизма. После этого пленума мы больше, чем когда бы то ни было, уверены в том, что революционный большевизм победит, ибо вне его только растерянность шатания, рецидивы меньшевизма и поражения.

Да здравствует Третий Интернационал.

Да здравствует революционный большевизм.

Л. Троцкий

[начало мая 1927 г.]

ПИСЬМО Ф. ГЕТЬЕ Н. И. ТРОЦКОЙ

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Ивановна!

Ваши планы относительно поездки в окрестности Парижа для лечения малярии, откровенно скажу, мне не по душе. Не по душе, во-первых, потому, что не знаю, насколько здорова местность, в которой Вы будете жить, во-вторых, в какие врачебные руки Вы попадете. Правда, я не могу и в Левико рекомендовать Вам врача, но если туда ездят лечиться от хронической малярии, то, думается, там можно скорее найти подходящего врача. Что касается сезона в Левико, то он официально начинается с 1 апреля старого стиля и, следовательно, в мае Вы найдете достаточное количество врачей. К кому обратиться? Я бы на Вашем месте не спешил тотчас по приезде в Левико обращаться к врачу, а употребил бы дня два на ни-

тервьюирование больных (отнюдь не служащих в отеле!!) на этот предмет. Так делал я сам и некоторые больные, которых я посылал на курорты, и, надо сказать, довольно успешно. Если я настаиваю так упорно на возможно скорой поездке Вашей в Левико, то потому, что курорт этот самый известный по лечению хронической малярии, затем потому, что мне хочется, чтобы Вы вернулись совершенно здоровой и, наконец, чтобы Вы вернулись поскорее, а пребывание под Парижем, мне думается, пропащее время.

Простите, что я так настойчиво гоню Вас в Левико, но верьте, что в этом мною руководит искренняя привязанность к Вам и Вашей семье и желание видеть Вас здоровой.

Льва Давидовича видел вчера (3 мая). Он выглядит довольно хорошо, гораздо свежее и бодрее, чем до поездки. Температура изредка поднимается до 37,0 – 37,1, но уже не ослабляет его; дело идет к лету, к теплу, и я очень надеюсь, что он скоро совершенно оправится. Любопытно, что охота с ее физическим утомлением, с пребыванием на довольно свежем воздухе, с сидением в шалаше и пр. совершенно не отзывается вредно на нем.

Пока до свидания, дорогая Наталия Ивановна. Не сердитесь на меня. Буду ждать с нетерпением Вашего письма из Левико.

Преданный Вам

*Ф. Гетье**

4 мая 1927 г.

П. С. С Фед. Никол. Петровым переговорю сегодня. Будьте покойны – все устроим.

* ГЕТЬЕ Федор Александрович (1863–1938) – крупный специалист по внутренним болезням, руководитель московских больниц: главный врач Басманной, а затем основатель и первый главный врач Боткинской (быв. Солдатенковской) больниц. С первых дней организации Лечебно-санитарного управления Кремля был приглашен туда на работу. Был врачом семьи Ленина и семьи Троцкого. – *Прим. сост.*

ПОЛИТБЮРО
ПРЕЗИДИУМУ ЦКК

1. Политбюро постановило 12 мая не печатать мои статьи. Речь, очевидно, идет о двух статьях, – о статье "Китайская революция и тезисы тов. Сталина", которую я послал в "Большевик" и о статье "Верный путь", которую я послал в "Правду". При обсуждении этого вопроса в Политбюро, я не был вызван, хотя этого требовало соблюдение хотя бы внешней лояльности.

2. Причиной непомещения статей указывается то, что они критикуют ЦК, имеют дискуссионный характер. Другими словами, устанавливается правило, вследствие которого все члены партии и вся партийная печать могут только подпевать ЦК, что бы он ни сказал, что бы он ни сделал и каковы бы ни были обстоятельства.

3. Я считаю линию ЦК в китайском вопросе в корне ложной. Именно эта в корне ложная линия обеспечила успех апрельского переворота китайской контрреволюции. Вопреки широко пущенной лжи и клевете насчет того, что оппозиция "спекулирует на трудностях", мы с тов. Зиновьевым предложили обсудить вопрос и дальнейшей линии в Китае и все важнейшие вопросы нашей политики на закрытом Пленуме. Уже это одно свидетельствует о нашем намерении рассматривать и решать эти вопросы по существу, деловым образом, без стенограммы, следовательно, без стремления "использовать". Политбюро, вместе с Президиумом ЦКК,* отказало в созыве такого рода пленума. Таким образом, попытка исправить в корне ложную и гибельную по своим последствиям линию, путем серьезного обсуждения вопроса в ЦК, не удалась по вине Политбюро, автоматически поддержанного, как всегда, Президиумом ЦКК.

4. После этого, в порядке внезапности, появляются тезисы тов. Сталина, представляющие собою закрепление и усугубление наиболее ошибочных сторон в корне ошибочной политики. И наконец, в довершение всего, Политбюро, отказавшееся обсудить китайский вопрос вместе с нами на закрытом Пленуме (на "частных" совещаниях – без нас – он, конечно же, обсуждался), санкционировал тезисы Сталина, после чего запрещает кому бы то ни было поставить в печати вопрос о том, почему так легко победил Чан Кайши, почему китайский пролетариат оказался так неподготовлен, почему наша партия ужасающе завязла в сетях мартыновщины, почему тезисы Сталина толкают китайскую компартию и весь Интернационал в болото оппортунизма, почему "Социалистический Вестник" так решительно одобрял вчера статью Мартынова, сегодня – тезисы Сталина (9 мая 1927).

5. Неужели же китайская революция и вся линия Коминтерна есть такая мелочь, которую можно загнать в бутылку? Неужели так можно помочь воспитанию китайской компартии? Неужели так могут развиваться иностранные секции Коминтерна? Неужели наша партия может жить

---

* Президиум ЦКК ни в одном вопросе элементарного партийного права ни разу вообще не проявил ни малейшего оттенка самостоятельности по отношению к Политбюро, Оргбюро, не говоря уже о Секретариате.

таким путем? Мыслима ли такого рода бюрократическая утопия?

6. Резолюцня Политбюро говорит, что мы хотнм навязать партни днскуссню. Еслн под днскуссней поннмать аппаратный грохот, свнст и крнкн заранее заготовленных "отрядов", затопление ячеек специальными боевиками, подготовленнымн для расправы с оппозицией, оглушение рабочнх ячеек угрозамн н крнкамн о расколе, – то, разумеется, такой "днскусснн" мы не хотим. Но как раз такого рода дискусснями полна наша партийная жнзнь. Мы хотим партийного обсуждения вопроса о китайской революции, начиная, по крайней мере, с теоретнческого н с центрального органов партии.

7. Да, мы хотим обсуждеиия вопроса о судьбах китайской революцин н, стало быть, о иашнх собственных судьбах. Почему такие обсуждения счнталнсь нормальнымн прн Ленине в теченне всей нсторин нашей партнн? Неужелн же кто-ннбудь может думать, что тезнсы, декретнрованные Сталиным, Молотовым н Бухарнным представляют собою для партин, в каждый данный момент, последнее слово нсторического развитня? Да, мы хотим обсуждеиия этнх вопросов, чтобы доказать партнн, чтобы разъяснить, что тезнсы эти в корне ошнбочны и что проведенне нх угрожает свернуть шею кнтайской революцнн.

8. ЦК ие хочет днскусснн. Но ведь дело ндет о критнке самого ЦК. Можно сказать, что по общему правнлу, у каждого ЦК будет тем меньше вкуса к дискуссин, чем более ошибочна оказалась его линия, чем ярче и грознее она опровергнута событиями. Я не думаю, чтобы в нсторни нашей партнн были ошнбкн, сколько-ннбудь подобные тем, которые сделаны Сталиным н Бухариным в китайском вопросе и в вопросе об Англо-Русском комнтете. Но дело ие во вчерашнем дне. Каждый из иас готов был и сейчас готов поставнть на нем крест. Но эти ошнбкн, в порядке прнказа, переиосятся в удесятеренном виде на завтрашний день. Вот об этом я говорю. Что Полнтбюро "не хочет" дискусснн, это можно понять. Но вправе лн Политбюро запрещать обсужденне вопроса, где дело идет о коренных ошибках самого Политбюро в вопросах всемнрно-исторического значення?

9. Полнтбюро не хочет дискуссин. Почему? Очевидно, чтобы "не дергать" партню. Но ведь Политбюро открыло искусствениую, сверху сфабрикованиую днскуссию по поводу мнимоантнпартийного выступлеиия тов. Зиновьева на мнимоиепартийном собраинн. Партин ничего не говорят о том, что сказал тов. Зиновьев (что касается меня, то я подписываюсь под каждым сказанным нм словом). Речь тов. Зиновьева не публикуется. Дело нзображается так, будто собрание было беспартийным, тогда как иа самом деле, все собранне нмело партнйный характер, несмотря на то, что иа нем, может быть, н присутствовало иекоторое количество беспартийных. "Дискуссия" протнв тов. Зиновьева в полном ходу. ЦКК молчит. ЦКК ие вмешивается. Когда "дискуссню" проведут конвейерным способом, тогда ЦКК вынесет и свой "Прнговор".

10. Сейчас по всей стране, прн обсуждении китайского вопроса, специально введены открытые собрання партячеек для того, чтобы не дать ннкому высказаться по поводу ошнбок революционного руководства,

и чтобы иметь возможность каждого выступающего с критикой привлекать за выступление на беспартийном собрании против партии. Это система. Это система, организованная сверху. Это система, организованная сверху для удушения партийной мысли. Можно в самом деле подумать, что у членов большевистской партии нет острой необходимости обменяться мнениями по вопросу о китайской революции, особенно теперь, когда стало ясно, что Политбюро, вместо того, чтобы учиться на своих ошибках, в декретном порядке навязывает эти ошибки партии. Поставленный в необходимость выбора при таких условиях, каждый честный партиец должен сказать: "Неизмеримо больше опасности, если я скрою свою критику от партии, чем если мою критику, против моей воли, услышит некоторое число беспартийных".

11. Мы хотим партийного обсуждения условий и причин шанхайской катастрофы. Чтобы помешать этому, ЦК превращает архиспокойное, архиумеренное выступление тов. Зиновьева в партийную "катастрофу". Несмотря на острый момент, на трудности, на опасности и пр. и пр., партию сверху поднимают на дыбы, партию дергают, партию терроризируют, партии заведомо ложно кричат в уши, что Зиновьев мобилизует беспартийных против партии. При помощи односторонней, ожесточенной, отравленной дискуссии по искусственно раздутому поводу хотят помешать партии спокойно обсудить основные вопросы китайской революции. Под звон, шум и треск односторонней аппаратной дискуссии запрещается печатание наших статей. Почему запрещается? Потому что Сталину нечем на них ответить. Потому что жалкие, безыдейные, наспех слепленные фразы его тезисов, столь удовлетворившие Дана, разлетятся прахом при дуновении критики.

12. Запрещают обсуждение самых коренных вопросов со ссылкой на трудности положения, опасности извне, надвигающуюся угрозу войны. В отношении этих несомненных опасностей оппозиция отличается только тем, что она раньше их предвидела и глубже оценивала. Опасности налицо и притом гигантские. Но ведь каждая из этих опасностей становится во сто раз опаснее вследствие ошибок руководства. Главный источник опасностей – в поражении китайской революции, столь быстро поднявшейся вверх без необходимой революционной классовой базы. Ложной политикой мы помешали эту базу своевременно создать. Это на данном этапе подсекло революцию и ударило по нашему международному положению. Если пойдем дальше по пути тезисов Сталина, то положение китайской революции, а значит, и наше, станет еще хуже (см. речь Чен Дусю). Тогда можно будет ссылаться на вдвойне ухудшившееся положение и вдвойне запрещать всякий голос критики. Чем ошибочнее будет руководство, тем меньше – при этом курсе – его можно будет критиковать.

13. Весь вопрос здесь вывернут наизнанку. При благоприятных условиях можно еще продвинуться и по неправильной линии. Тяжелая же обстановка требует правильной линии тем более властно, чем она тяжелее. Если линия неправильна и если упорство руководства на неправильной линии грозит рабочему государству и международной революции новыми поражениями и потрясениями, то молчать по поводу ошибок – если их

видишь и сознаешь, — может только жалкий, обезличенный чиновник или подлый карьерист, которых, кстати сказать, немало вертится вокруг нас. Подавлять принципиально политическое обсуждение спорных вопросов треском, грохотом и улюлюкиванием искусственно сфабрикованной "дискуссии" против тов. Зиновьева — значит терроризировать и обезличивать рядового партийца, еще более возвышая над ним аппаратчика, и позволяя карьеристу плавать, как рыба в воде.

14. Я называю все вещи своими именами, ибо полуслова в такой обстановке помочь не могут. Механически можно временно все подавить: и критику, и сомнения, и вопросы, и возмущенный протест. Но такие методы Ленин и назвал грубыми и нелояльными. Не потому они грубы и нелояльны, что их форма неприятна, а потому, что они внутренне несовместимы с характером партии. Нельзя китайскую революцию загнать в бутылку. Это никому не удастся. Конспиративно подготовляемый разгром оппозиции может удаться только внешним, механическим образом. Линия, которую мы защищаем, проверена в огне величайших событий мировой истории, закреплена всем опытом большевизма и снова подтверждена, хоть и в обратном виде, трагическим опытом китайской революции и Англо-Русского комитета. Подавить эту линию не удастся. Но причинить непоправимый вред партии и Коминтерну вполне возможно.

Вот это я и хочу ясно и точно сказать ЦК и ЦКК.

Л. Троцкий

16 мая 1927 г.

БОРЬБА ЗА МИР И АНГЛО-РУССКИЙ КОМИТЕТ *

1. Война есть продолжение политики — другими средствами. Борьба против войны есть продолжение революционной политики против капиталистического режима. Понять эту мысль значит найти ключ ко всем ошибкам оппортунизма в вопросах войны. Империализм есть не внешний самодовлеющий фактор, но высшее выражение основных тенденций капитализма. Война является высшим орудием политики империализма. Борьба против империалистской войны может и должна быть высшим выражением всей политики международного пролетариата.

Оппортунизм или радикализм, линяющий в сторону оппортунизма, всегда имеет склонность рассматривать войны, как такое исключительное явление, которое требует изъятия из основных принципов революционной политики. Центризм мирится с революционными методами, но не верит в них. Поэтому в критическую минуту он всегда склонен — со ссылками на своеобразие момента, на исключительные обстоятельства и пр. — заме-

* Ко времени майского пленума ИККИ 1927 г. была выдвинута Бухариным новая теория: Англо-Русский комитет есть не выражение политики единого фронта в профессиональной области, а дипломатическое орудие в борьбе за СССР. Настоящий документ внесен был Троцким на пленум ИККИ. [Примечание Троцкого.]

нять революционные методы оппортунистическими. Особенно резко такой перелом в политике центризма или мнимого радикализма вызывается естественно опасностью войны. Тем с большей непримиримостью на этом оселке надо проверять основные направления коммунистического Интернационала.

2. Сейчас уже для всех ясно, что Англо-Русский комитет надлежит рассматривать не как профессиональную организацию, в которую коммунист входит для борьбы за влияние на массы, а как своеобразный политический блок, имеющий своей целью, в первую голову, противодействие военной опасности. На опыте и примере Англо-Русского комитета надо поэтому с удесятеренным вниманием проверить методы борьбы против войны, чтобы открыто и точно сказать революционному пролетариату, чего не делать, если мы не хотим погубить Коминтерн и облегчить кровавую работу империализма против международного пролетариата и СССР.

3. Тов. Бухарин выдвинул на Президиуме ИККИ 11 мая новое истолкование нашей берлинской капитуляции перед Генсоветом. Оказывается, эту капитуляцию надо рассматривать не в плоскости международной революционной борьбы пролетариата, а в плоскости "дипломатического" противодействия наступлению империализма на СССР. Мы располагаем различными орудиями международного действия: партия (Коминтерн), профсоюзы, дипломатия, пресса и пр. Наши действия по линии профсоюзов должны диктоваться задачами классовой борьбы. Но это лишь "по общему правилу". В некоторых случаях, в виде изъятия, нам приходится – по Бухарину – органы профессионального движения использовать, как орудия дипломатического действия. Так именно и произошло в данном случае с Англо-Русским комитетом. Мы капитулировали перед Генсоветом, не как перед Генсоветом, а как перед агентурой английского правительства. Мы обязались невмешательством не по партийно-политической линии, а по линии государственной. Такова сущность нового толкования берлинской капитуляции, которое, как мы сейчас покажем, делает ее еще более опасной.

4. Берлинская сделка ВЦСПС с Генсоветом обсуждалась на недавнем апрельском пленуме Центрального Комитета нашей партии. С защитой решений берлинского совещания выступали: тт. Томский, Андреев, Мельничанский, т. е. виднейшие наши профессионалисты, а не дипломаты. Все эти товарищи, защищая берлинскую капитуляцию, обвиняли оппозицию в том, что она не понимает задач и методов профессионального движения; что воздействовать на массу профессионалистов нельзя, разрывая с аппаратом; что воздействовать на аппарат нельзя, разрывая с его верхушкой; что именно этими соображениями продиктовано поведение наших профессионалистов в Берлине.

Теперь тов. Бухарин разъясняет, что решения берлинского совещания представляют собою, наоборот, изъятие, исключение из принципиальных большевистских методов воздействия на профдвижение – во имя временных, но острых дипломатических задач. Почему тов. Бухарин не разъяснил этого нам, а заодно и тов. Томскому на последнем пленуме нашего Центрального Комитета? Ведь стенограмма апрельского пленума, в каче-

стве инструктивного материала, пойдут – надо надеяться – по партии. Новая теория тов. Бухарина также, надо полагать, станет достоянием, по крайней мере, партийных кадров. Мы будем, следовательно, иметь два одинаково официальных, одинаково авторитетных объяснения: по одному из них – наша берлинская политика есть принципиальная большевистская политика в профдвижении. По другому, – наша берлинская политика есть временный отказ от принципиальной большевистской политики.

5. Откуда взялось на протяжении нескольких недель такое чудовищное противоречие? Оно выросло из невозможности держаться на апрельских позициях хотя бы в течение месяца. Когда наша делегация ехала в Берлин, она не имела бухаринского объяснения будущих своих действий. Вряд ли сам тов. Бухарин имел тогда это объяснение. Во всяком случае, оно нигде и ни в чем не обнаружилось. На апрельском пленуме тов. Бухарин молчал. Оппозиция, несмотря на краткость отрезанного ей времени, успела показать полную несовместимость нашей берлинской политики с элементарнейшими основами большевизма. Докладчик (тов. Томский) даже не пытался в заключительном слове ответить на наши аргументы. Стенограмма апрельского пленума еще не успела выйти из печати (надеемся, что она все-таки выйдет),* а мы имеем уже новое, с иголочки, объяснение нашей берлинской капитуляции. Совершенно ясно: это объяснение придумано задним числом.

6. Дело станет еще яснее, если мы отойдем назад, так сказать, к истокам вопроса. После подлейшего срыва генеральной стачки Генсоветом, где "левые" тред-юнионисты соперничали с правыми, оппозиция ВКП(б) потребовала немедленного разрыва с Генсоветом, чтобы тем облегчить и ускорить освобождение пролетарского авангарда из-под влияния предателей. Большинство ЦК противопоставило нам ту точку зрения, что, несмотря на контрреволюционную политику Генсовета во время стачки, сохранение Англо-Русского комитета требуется будто бы интересами нашего революционного воздействия на английский пролетариат. Именно в этот момент Сталин выдвинул теорию "ступеней", через которые "нельзя перепрыгивать". Под "ступенью" понимается в данном случае не политический уровень масс, – разный у разных слоев, – а консервативная верхушка, отражающая давление буржуазии на пролетариат и ведущая непримиримую борьбу с передовыми слоями пролетариата.

В противовес этому, оппозиция утверждала, что сохранение Англо-Русского комитета, после явной и открытой измены его, закончившей предшествующий период "полевения", будет иметь своим неизбежным последствием недопустимое смягчение нашей критики вождей Генсовета, по крайней мере его "левого" крыла. Нам возражали – прежде всего тот же Бухарин, – что это возмутительная клевета; что организационная связь ни в малейшей степени не ограничит нашей революционной критики; что ни на какие принципиальные уступки мы не пойдем; что Англо-Русский комитет будет для нас только организационным мостом к массам. Никому и в голову не приходило тогда оправдывать сохранение

* На самом деле протоколы не были напечатаны, чтоб не обнаруживать скандальных ошибок и противоречий.

Англо-Русского комитета ссылкой на соображения дипломатического порядка, требующие будто бы временного отказа от революционной линии. Более того: если бы кто-либо из оппозиции высказал такое предположение, он был бы немедленно подвергнут тем грубым отравленным приемам "критики", которые все больше прививаются за последний период, заменяя растерянный идейный багаж.

7. Оппозиция письменно предсказывала, что сохранение Англо-Русского комитета будет все более укреплять политическую позицию Генсовета, и что бы из обвиняемого неизбежно превратиться в обвинителя. Эти предсказания объявлялись плодом нашей "ультра-левизны". Была создана особая, совершенно, впрочем, смехотворная теория, будто требование разрыва Англо-Русского комитета равносильно требованию выхода рабочих из профсоюза. Этим самым политика бережения Англо-Русского комитета должна была получить характер исключительной принципиальной важности.

8. Уже очень скоро обнаружилось, однако, что приходится выбирать между сохранением организационной связи с Генсоветом и между правом называть изменников изменниками. Большинство Политбюро все больше склонялось в пользу сохранения организационных связей во что бы то ни стало. Для достижения этой цели не приходилось, разумеется, "перепрыгивать через ступеньки", но зато пришлось политически спускаться со ступеньки на ступеньку. Это ярче всего можно проследить по трем конференциям Англо-Русского комитета: в Париже (июль 1926 г.), в Берлине (август 1926 г.) и снова в Берлине (апрель 1927 г.). С каждым разом наша критика Генсовета становилась все более осторожной, совершенно обходя "левых", т. е. наиболее опасных изменников рабочего класса.

9. Генсовет, путем последовательных нажимов, почувствовал, что прочно держит представителей ВЦСПС в своих руках. Из обвиняемого он превратился в обвинителя. Он понял, что если большевики не порвали на генеральной стачке, имевшей исключительное международное значение, то они не порвут и дальше, какие бы требования им не предъявить. Мы видим, как Генсовет все решительнее наступал на ВЦСПС под давлением английской буржуазии на Генсовет. ВЦСПС отступал и уступал. Эти отступления объяснялись соображениями революционной стратегии в профессиональном движении, а никак не дипломатическими соображениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть доклады Томского, Андреева и других, и прения на пленумах нашего Центрального Комитета и в Политбюро. Мы не говорим уже о сотнях статей нашей и международной коммунистической печати по поводу нашей "ультралевизны" в англо-русском вопросе. Следовало бы, в виде хрестоматии, издать избранные места из этих речей и статей, расположив их в хронологическом порядке.

Линия Политбюро естественно и неизбежно закончилась берлинским совещанием Англо-Русского комитета в начале апреля. Капитуляция ВЦСПС по основным вопросам международного рабочего движения не была, таким образом, ни неожиданным скачком в сторону, ни крутым

маневром, – нет, она явилась неизбежным и заранее предсказанным нами завершением всей линии в этом вопросе. Из этого одного ясно, что ссылка на дипломатический маневр притянута за волосы задним числом.

10. Тов. Бухарин в начале июня 1926 года был, как сказано, создателем теории, в силу которой необходимость работать в реакционных профсоюзах, несомненная и для нас, ведет за собой будто бы необходимость сохранять при всяких условиях Англо-Русский комитет. Вопреки очевидности, Бухарин начисто отрицал тогда, что Англо-Русский комитет есть политический блок, а не "профсоюзная организация".

Теперь Бухарин создает новую теорию, в силу которой наше пребывание в Англо-Русском комитете, оплаченное ценою беспринципнейшей капитуляции, вызывается не потребностями "профсоюзной организации", а необходимостью сохранения именно политического блока с Генсоветом во имя дипломатических целей.

Сегодняшняя теория Бухарина представляет собою прямую противоположность его вчерашней теории. Общего у них только то, что обе они фальшивы на все сто процентов, и что обе они притянуты за волосы, чтобы задним числом оправдать, на двух разных этапах, сползание с большевистской линии на соглашательскую.

11. Что "правые" предадут в случае войны, это признается бесспорным даже Бухариным. Что касается "левых", то они "вероятно" предадут. Но если предадут, то – по словам Бухарина – "на свой лад", не поддерживая нас, но играя роль балласта по отношению к английскому правительству. Как ни жалки эти соображения, но надо разобрать и их.

Допустим на минуту, что все это так и есть. Но ведь если "левые" будут предавать нас "на свой лад", т. е. менее активно, более замаскированно, чем "правые", то не ради прекрасных глаз делегации ВЦСПС, а из-за английских рабочих. Таковая общая линия политики "левых" во всех вопросах – и внутренних и внешних: предавать, но "на свой лад". Эта политика выгодна для них самих. Почему же мы обязаны платить "левым" отказом от нашей политики – за ту их политику, которую они все равно вынуждены вести в собственных интересах?

12. В каком, однако, смысле "левые" явятся балластом для правительства? Очевидно, в том же смысле, в каком они были " балластом" во время империалистической войны или являются им теперь, во время войны Англии с революционным Китаем и во время похода консерваторов на тред-юнионы. "Левые" критикуют правительство в таких пределах, чтоб не мешать ему выполнять его роль эксплуататора и хищника. "Левые" дают выражение недовольству масс в таких пределах, чтобы удержать массы от революционных действий. В случаях, когда недовольство масс вырывается наружу, "левые" стараются овладеть им, чтобы свести его на нет. Если бы "левые" не критиковали, не обличали, не нападали на буржуазию, они не могли бы служить ей "на свой лад".

Надо признать, таким образом, что если "левые" и являются балластом, то полезным, целесообразным, необходимым, спасительным балластом, без которого корабль британского империализма давно пошел бы ко дну.

Правда, твердолобые рычат на "левых". Но это для того, чтобы держать их в страхе божием; чтобы не давать им переходить указанную черту; чтобы не нести лишних расходов на свой "балласт". Твердолобые составляют в механике империализма такую же необходимую составную часть, как и "левые".

13. Но ведь под давлением масс "левые" могут и перейти указанную им буржуазным режимом черту! Этот довод тоже пускается в ход. Что революционное давление масс может расстроить игру Чемберлена—Томаса—Перселя, – это бесспорно. Но ведь спор идет не о том, выгодно ли для рабочего государства международное революционное движение пролетариата, а о том, помогаем ли мы ему своей политикой или мешаем.

Давление масс – при прочих равных условиях – будет тем сильнее, чем больше массы будут встревожены перспективой войны, чем меньше они будут полагаться на Генсовет и доверять "левым" изменникам (изменникам "на свой лад"). "Единодушно" подписывая вместе с делегацией Генсовета жалкую, лживую, фальшивую декларацию насчет войны, мы этим успокаиваем массы, понижаем их тревогу, усыпляем их и, следовательно, понижаем их давление на "левых".

14. Берлинская капитуляция может быть оправдана "международными интересами СССР"! Здесь ошибка Бухарина становится наиболее вопиющей. Больше всего и непосредственнее всего от ложной политики Политбюро в отношении Генсовета пострадают именно интересы СССР. Ничто не способно причинить нам такой вред, как ложь и фальшь в революционном лагере пролетариата. Врагов наших, опытных и проницательных империалистов, мы не обманем. Колеблющимся пацифистам фальшь поможет и дальше колебаться. А настоящих наших друзей – революционных рабочих – политика иллюзий и фальши может только обмануть и ослабить.

Именно поэтому Ленин писал в наказе нашей делегации на пацифистский конгресс в Гааге, где приходилось иметь дело с теми же тред-юнионистами, кооператорами и пр.

> "Мне кажется, что если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь против войны, то всего важнее будет опровергнуть мнение о том, будто присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны" (том XX, дополнительный, ч. II, стр. 530).

Какие интересы преследовал Ленин в этих словах: международные интересы СССР или революционные интересы международного пролетариата? В таком основном вопросе Ленин не противопоставлял и не мог противопоставлять одно другому. Ленин считал, что малейшее наше попустительство по отношению к пацифистским иллюзиям тред-юнионистов затруднит действительную борьбу с опасностью войны и, стало быть,

принесет одинаковый вред и международному пролетариату и СССР. При этом Ленин имел в виду добросовестных пацифистов, а не клейменных штрейкбрехеров, всем своим положением обреченных после мая 1926 г. на дальнейшую цепь предательства.

15. На это Бухарин скажет: берлинские решения были бы недопустимыми, если бы мы действовали только через профсоюзы. Но ведь партийными средствами мы можем дополнить и исправить то, что сделали в Берлине. Глядите: мы же критикуем Генсовет в статьях "Правды", в речах английских коммунистов и пр.

Этот довод – подлинная отрава для революционного сознания. Слова Бухарина означают лишь, что мы поддерживаем Генсовет "на свой лад", в то время, как этот последний "на свой лад" поддерживает империалистское государство. То, что мы "критикуем" Генсовет, является в данных условиях необходимым прикрытием нашей поддержки Генсовета, нашего политического блока с ним.

Статей "Правды" (в высшей степени косноязычных в вопросе о Перселе и К°) английские рабочие не читают. Решения же берлинского совещания опубликованы прессой всего мира. О статьях английских коммунистов знает пока небольшое меньшинство английского пролетариата. А о том, что у Перселя с Томским "сердечные отношения", "взаимное понимание" и "единодушие" знает каждый английский рабочий. Поведение делегации ВЦСПС, представляющий победоносный пролетариат Советского Союза, гораздо тяжеловеснее речей английских коммунистов и потому дезавуируют их критику, крайне, впрочем, недостаточную, ибо и их свобода ограничена Англо-Русским комитетом.

Словом: капитуляция ВЦСПС во имя блока с Перселем есть основной факт международного рабочего движения в настоящий момент. "Критические" статьи "Правды", новые и новые "теории" Бухарина – только сервировка этого факта.

16. Каким образом насквозь гнилая лжепацифистская сделка с изменниками, которых мы заодно уже объявили "единственными представителями" английского пролетариата, может укрепить наше международное положение? Каким образом? Ведь берлинское совещание происходило в период открытия военных действий английского правительства против Китая и подготовки таких действий против нас. Интересы нашего международного положения требовали прежде всего открыто назвать эти факты по имени. Между тем мы их замолчали. Чемберлен эти факты знает и нуждается в том, чтобы их узнать. Честные рабочие-пацифисты могут пред лицом этих фактов перейти на революционную линию. Подлые торгаши пацифизма из Генсовета не могут говорить вслух о фактах, которые разоблачают их несомненный, в лучшем случае, молчаливый заговор с Чемберленом против английских рабочих, против Китая, против СССР, против мирового пролетариата.

Что же мы сделали в Берлине? Мы всем авторитетом рабочего государства помогли "пацифистским" лакеям империализма сохранить свои воровские секреты. Более того, мы взяли на себя ответственность за эти секреты. Мы провозгласили на весь мир, что в деле борьбы против

войны мы "единодушны" с агентами Чемберлена в Генсовете. Мы этим ослабили силу сопротивления английских рабочих против войны. Мы этим увеличили свободу действий Чемберлена. Мы этим нанесли вред международному положению СССР.

Надо сказать конкретнее: берлинская капитуляция ВЦСПС перед Генсоветом чрезвычайно облегчила Чемберлену налет на советские учреждения в Лондоне со всеми возможными последствиями этого акта.

17. Надо не забывать, что благодаря, в частности, островному положению Англии и отсутствию непосредственной опасности ее границам, английские реформисты и в прошлой войне позволяли себе несколько больше словесной "свободы", чем их континентальные собратья по измене. Но в общем они выполнили ту же роль. Сейчас, имея за спиной опыт империалистской войны, реформисты, особенно "левые", постараются, в случае новой войны, пустить еще больше пыли в глаза рабочим, чем в 1914–1916 годах. Весьма вероятно, что по поводу налета на советские учреждения в Лондоне, который они подготовили всей своей политикой, "левые" будут протестовать на две ноты выше либералов. Но если бы Англо-Русский комитет был в какой-нибудь мере способен помогать не Чемберлену, а нам, разве обе стороны не должны были бы сговориться уже в течение первых двадцати четырех часов, ударить в набат, и заговорить с массами тем языком, который отвечает серьезности обстановки. Но этого нет и этого не будет: Англо-Русский комитет не существовал во время общей стачки, когда Генсовет отказывался принимать "проклятые деньги" от ВЦСПС; Англо-Русский комитет не существовал во время стачки углекопов; Англо-Русский комитет не существовал во время разгрома Нанкина, – и Англо-Русский комитет не будет существовать в случае разрыва дипломатических отношений Англии с СССР, эту жесткую правду надо сказать рабочим. Надо честно предупредить их. Вот это усилит СССР!

18. Можно возразить: но ведь допустимы же с нашей стороны уступки буржуазии; и если рассматривать нынешний Генсовет, как агентуру буржуазии в рабочем движении, то почему нельзя делать уступки Генсовету по тем же соображениям, по которым мы делаем уступки капитализму? – Некоторые товарищи начинают вертеться вокруг этой формулы, которая представляет собою классический образец фальсификаторской перелицовки ленинизма в целях оппортунистической политики.

Когда мы вынуждены делать уступки классовому врагу, мы их делаем самому хозяину, а не его меньшевистскому приказчику. Мы никогда не замаскировываем и не прикрашиваем своих уступок. Когда мы уступали ультиматуму Керзона, мы разъясняли английским рабочим, что с ними вместе мы пока еще недостаточно сильны, чтобы непосредственно принять вызов Керзона. Откупаясь от ультиматума, т. е. от дипломатического разрыва, мы ясной постановкой вопроса обнажали реальные отношения классов, ослабляли реформистов, укрепляли свое международное положение, как и положение международного пролетариата.

В Берлине же мы решительно ничего от Чемберлена не получили.

Уступки, которые мы сделали в интересах английского капитализма (новое коренование Генсовета, принцип невмешательства и пр.), мы сделали не в обмен за какие-либо уступки с его стороны (не рвать отношений, не воевать), а односторонне, притом замаскированно, изобразив наши уступки капитализму, как торжество единства рабочего класса. Чемберлен получил бесплатно многое. Изменники Генсовета получили многое. Мы получили компрометацию. Международный пролетариат получил путаницу и смуту. Английский империализм вышел из берлинского совещания усиленным. Мы вышли – ослабленными.

19. Но, говорят, – разрыв с Генсоветом в такой острый момент означал бы, что мы не можем жить в мире даже с рабочими организациями Англии. Это дало бы козырь в руки империалистов и пр. и пр.

Довод этот ложный в самом своем основании. Разумеется, было бы неизмеримо выгоднее, как этого и требовала оппозиция, порвать с Генсоветом сейчас же после предательства им генеральной стачки. Этот год пошел бы тогда не на жалкое любезничание с изменниками, а на беспощадное их разоблачение. В поводах для этого за истекший год недостатка не было. Такая политика вынудила бы "левых" капитулянтов Генсовета, в борьбе за остатки своей репутации, отмежевываться от "правых", полуразоблачить Чемберлена, словом, доказывать рабочим, что они, "левые", совсем не так плохи, как их изображают москвичи. Это углубило бы раскол в Генсовете. А когда мошенники реформизма дерутся, многое тайное становится явным, и рабочие оказываются в выигрыше. Такого рода борьба с Генсоветом была бы наиболее яркой формой борьбы с политикой Чемберлена в рабочем движении. В этой борьбе революционные рабочие кадры Англии научились бы за год гораздо ловчее ловить мошенников Генсовета и разоблачать политику Чемберлена. Английский империализм встретил бы сегодня гораздо больше затруднений. Другими словами: **если бы в июне прошлого года была принята политика, предложенная оппозицией, международное положение СССР было бы теперь сильнее.**

С запозданием, этот разрыв должно было произвести, по крайней мере, во время стачки углекопов, что было бы вполне понятно и миллиону углекопов и нескольким миллионам обманутых участников генеральной стачки. Наши предложения на этот счет отклонялись, однако, как несовместимые с интересами международного профдвижения. Последствия известны: они закреплены в Берлине. Утверждать сегодня, что в корне ошибочная линия, уже принесшая такую уйму вреда, должна быть поддержана и впредь, ввиду трудностей международного положения, значило бы по существу жертвовать международным положением СССР в целях сокрытия ошибок руководства. Вся новая теория Бухарина не имеет иного смысла.

20. Исправление ошибки и сейчас, с запозданием на год, даст только плюс, а не минус. Конечно, Чемберлен скажет, что большевики не способны ужиться даже с его тред-юнионистами. Но честный и сколько-нибудь сознательный английский рабочий скажет: "многотерпеливые русские большевики, которые не рвали с Генсоветом даже во время

наших стачек, не смогли дольше вести с ними дружбу, когда он отказался бороться против разгрома китайской революции". Гнилые декорации Англо-Русского комитета будут отброшены. Рабочие увидят реальные факты, реальные отношения. Кто при этом потеряет? Империализм, который нуждается в гнилых декорациях. Выиграют – СССР и международный пролетариат.

21. Вернемся, однако, еще раз к новейшей теории Бухарина. В противовес Томскому, Бухарин, как мы знаем, говорит, что берлинские решения – не политика единого фронта, а изъятие из нее, вызванное исключительными обстоятельствами.

Что же это за обстоятельства? Опасность войны, т. е. самый важный вопрос политики империализма и политики мирового пролетариата. Уже один этот факт должен заставить насторожиться каждого революционера. Выходит так: революционная политика годится для более или менее "нормальных" условий; когда же перед нами встает вопрос жизни и смерти, – приходится революционную политику подменять соглашательской.

Когда Каутский оправдывал падение Второго Интернационала в 1914 г., он придумал задним числом теорию о том, что Интернационал есть инструмент мира, а не войны. Другими словами, Каутский провозгласил, что борьба с буржуазным государством нормальна для мирного времени, но в "исключительных обстоятельствах" войны приходится делать изъятия и заключить блок с буржуазным правительством, продолжая "критиковать" его в печати.

Сейчас для международного пролетариата дело идет не только о борьбе с буржуазным государством, как в 1914 году, но и непосредственной защите рабочего государства. Однако, именно интересы этой защиты требуют от международного пролетариата в условиях военной опасности не смягчения, а обострения борьбы против буржуазного государства. Предотвратить или отсрочить опасность войны для пролетариата может только реальная опасность для буржуазии превращения этой войны в гражданскую. Другими словами, военная опасность требует не перехода с революционной политики на соглашательскую, а наоборот, более твердого, более решительного, более непримиримого проведения революционной политики. Война ставит все вопросы ребром. Она в гораздо меньшей степени, чем мирная обстановка, допускает виляний и полуслова. Если в мирное время блок с Перселями, предавшими генеральную стачку, был помехой, то в обстоятельствах военной опасности – это жернов на шее рабочего класса.

Допускать мысль, будто отход от большевизма к оппортунизму оправдывается обстоятельствами, от которых зависит жизнь и смерть рабочего государства, значит принципиально капитулировать перед оппортунизмом: ибо чего же стоит та революционная политика, от которой приходится отказываться в наиболее критических обстоятельствах?

22. Можно ли вообще один раз пользоваться профсоюзами в интересах международной классовой политики, а в другой раз – в каких-то

особых будто бы дипломатических целях? Можно ли завести такой порядок, чтобы одни и те же представители ВКП, Коминтерна, ВЦСПС в одном случае говорили про Генсовет, что это изменники и мошенники, а в другом — что это единомышленники и друзья? Достаточно ли потом по секрету разъяснять, что первое надлежит понимать в революционно-классовом смысле, а второе — в дипломатическом? Можно ли всерьез говорить о такой политике? Можно ли всерьез говорить о людях, предлагающих и защищающих такую политику?

После берлинского совещания слово "предатель" по отношению к меньшевистскому агенту буржуазии страшно подешевело. Но столь же подешевели и такие слова, как "сердечные отношения", "взаимное понимание" и "единодушие" (слова тов. Томского). На кого рассчитана эта необыкновенно хитрая комбинация средств? Она ни на минуту не обманет врагов. Она лишь запутает друзей и уменьшит вес наших собственных слов и действий.

23. Новая теория Бухарина не стоит особняком. С одной стороны, нам говорят, что беспринципная сделка с заведомо изменническим Генсоветом укрепляет будто бы оборону СССР. С другой стороны, мы все чаще слышим, что создание рабочих и крестьянских Советов в Китае означало бы угрозу обороне СССР. Не значит ли это опрокинуть на голову самые основы большевистской политики? Советы рабочих и крестьян в Китае означали бы грандиозное удлинение советского фронта и укрепление наших мирных позиций. Сделка с Генсоветом означает, наоборот, смягчение внутренних противоречий в Англии и облегчение Чемберлену его разбойничьей работы против Китая и против нас.

Новый принцип оппортунистических исключений ("в особо важных случаях") из революционного правила, может найти широкое применение. Равнение по оппортунистическим верхам рабочего движения будет все шире мотивироваться необходимостью избегнуть интервенции. Возможность построения социализма в одной стране послужит оправданием принципа "невмешательства". Так с разных концов будет плестись петля, которая может насмерть захлестнуть революционные принципы большевизма. Необходимо с этим покончить раз и навсегда!

Необходимо наверстать упущенное. Необходима широко поставленная и политически отчетливая международная кампания против войны и империализма. Наш блок с Генсоветом является сейчас главной помехой на пути этой кампании, совершенно так же, как наш блок с Чан Кайши был главной помехой на пути развития рабоче-крестьянской революции в Китае, и именно поэтому был использован буржуазной контрреволюцией против нас. Чем острее будет становиться международная обстановка, тем в большей мере Англо-Русский комитет будет превращаться в орудие британского и международного империализма против нас. Не понять этого после всего, что произошло, может лишь тот, кто не хочет понять. Мы уже упустили слишком много времени. Было бы преступлением упускать хотя бы еще один лишний день.

16 мая 1927 г. *Л. Троцкий*

ПИСЬМО Н. К. КРУПСКОЙ К ВОПРОСУ О "САМОКРИТИКЕ"

Дорогая Н. К.,

Пишу Вам на машинке, чтобы не затруднять разбором почерка, который с годами не стал лучше.

Читал Ваше письмо. Хотя оно адресовано лично Г. Е. [Зиновьеву], но ведь дело совсем не личное, поэтому позволяю себе высказаться.

Более всего меня поразило слово "буза". Это слово употребил на последнем Пленуме Коснор по поводу наших речей о разгроме китайских рабочих и о нашей капитуляции перед английским меньшевизмом. Кто в этих вопросах прав: мы или Сталин? Или есть какая-то третья позиция? Разве можно говорить о "бузе", не ответив по-ленински на этот коренной вопрос?! "Буза" — это значит склока по ничтожному поводу или совсем без повода. Что же, разгром китайских рабочих нашим "союзником" Чан Кайши, которого мы питали, одевали, обували, рекламировали, приказывая китайским коммунистам подчиняться ему, — что же это, мелочь, пустяк, мимо которого можно пройти? А то, что мы пред лицом всего мира заявили о нашем единодушии с насквозь проституированными английскими меньшевиками в самый разгар их подлой работы по отношению к английскому пролетариату, Китаю и к нам? Что же это: шуточка, мелочь? И наша критика — это "буза"?!

Можно было еще сомневаться, в какой мере симптоматичны и тревожны такие факты, как избирательная инструкция, как "обогащайтесь" и пр. Но может ли быть, в свете последних событий, хоть малейшее сомнение насчет того, что Сталин и Бухарин изменяют большевизму в самой его сердцевине — в пролетарском революционном интернационализме. Ведь в вопросе об отношении к китайской "национальной" буржуазии вся история большевизма, начиная с 1904 года, когда впервые встал по-настоящему этот вопрос, идет насмарку.

Н. К., Вы ни слова не говорите о том, верна ли позиция Сталина или наша — в вопросе, от которого зависит весь ход китайской революции и весь курс Коминтерна. Вы только повторяете брошенное Косиором слово "буза".

Вы говорите, что самокритика — одно, а критика со стороны — другое. Но ведь Вы-же член ЦКК, почему же Вы не обеспечите членам партии возможности самокритики? Ведь мы же просили Политбюро и Президиум ЦКК собрать закрытое заседание Пленума без стенограмм, чтобы обсудить положение по существу. Конечно, мы собирались там драться до последней возможности за основные принципы большевизма в основных вопросах мировой революции. Но ведь нам в этом отказали. Почему же не выходит "самокритики"? Еще совсем недавно мы вместе с Вами говорили, что самокритики не выходит потому, что у нас нездоровый режим, грубый и нелояльный. Что же, режим стал лучше за последнее полугодие? Или вопросы, требующие самокритики сегодня, слишком мелки и ничтожны? "Буза"?

Мы, революционное крыло партии, терпим поражения. Да, бесспорно. Но мы терпим поражения того же типа, какие большевизм терпел в

1907–1912 годах. Поражение немецкой революции 1923 г., поражение в Болгарии, в Эстонии, поражение генеральной стачки в Англии, поражение китайской революции в апреле – чрезвычайно ослабили международный коммунизм. Процесс этот имеет двойное выражение: с одной стороны, чрезвычайно уменьшилось за эти годы число членов коммунистических партий и число получаемых ими голосов, а с другой стороны, внутри коммунистических партий чрезвычайно усилилось оппортунистическое крыло. Разве мы выключены из этого мирового процесса? Тягчайшие поражения мировой революции и медленность нашего роста бьют, разумеется, и по нашему пролетариату. Этого не понимают бюрократические тупицы, которые думают, что пролетариат настраивается по шпаргалкам агитпропа, а не по мировым социальным и политическим процессам. Понижение международно-революционных настроений нашего пролетариата есть факт, который усиливается партийным режимом и ложной воспитательной работой (социализм в одной стране и пр.). Мудрено ли, что в этих условиях левому, революционному, ленинскому крылу партии приходится плыть против течения? Нас громят тем более ожесточенно, чем более наш прогноз подтверждается фактами. Это совершенно закономерно и неизбежно для подлинно марксистского крыла в период временного, но глубокого снижения революционной кривой. Но мы, и только мы, сохраняем идейную преемственность революционного большевизма, учимся и учим – без Ленина – применять ленинский метод анализа того, что совершается и предвидения того, что готовится. Разве мы не предупреждали партию о неизбежном разгроме безоружного пролетариата вооруженным нами Чан Кайши? Разве мы не предсказывали почти год тому назад позорной берлинской капитуляции перед теми принципами, борьбе с которыми была посвящена почти вся жизнь Владимира Ильича? И разве неправильны наши указания на то, что ложный курс внутренней политики может обнаружиться в грозных для нас формах в случае войны? И разве не обязаны мы со стократной энергией кричать об этом сейчас, пока еще не поздно? И разве это "буза"? Неужели это "буза"?

"Борьбу на истощение" против оппозиции, ведшуюся за последнее полугодие, Сталин решил теперь заменить "борьбой на истребление". Почему? Потому что Сталин стал слабее; его банкротство в китайском и англо-русском вопросе очевидно, как и тяжкие последствия этого банкротства для нашего международного положения. На Сталина нажимает растущее правое крыло: зачем лез в генеральную стачку и в Китай? Зачем дразнить Чемберлена, вызывать опасности интервенции? – будем строить социализм в одной стране. Вот то основное, почвенное, коренное течение данного момента, которое "побеждает" нас сейчас. Именно потому, что Сталин стал неизмеримо слабее – под ударами глухой критики справа и нашей полузадушенной критики слева – он и вынужден свою борьбу на истощение заменять борьбой на истребление. Вопрос идет не о мелочах и не о поправочках, а об основной линии большевизма в основных вопросах. Кто говорит "буза", тот предлагает нам плыть по течению в таких условиях, когда течение направлено против большевизма.

Нет, Н. К., на это мы не пойдем. Мы будем плыть против течения, даже если Вы вслух повторите за Косиором слово "буза". И никогда мы не чувствовали так глубоко и безошибочно своей связи со всей традицией большевизма, как сейчас в эти тяжкие дни, когда мы и только мы подготовляем завтрашний день партии и Коминтерна.

От души желаю Вам доброго здоровья.

Л. Троцкий

17 мая 1927 г.

ТОВ. ПЯТНИЦКОМУ – Секретарю Советской делегации в Коминтерне

Ввиду того, что тезисы тов. Бухарина по китайскому вопросу были розданы в самый последний момент, я препровождаю при сем критику тезисов тов. Сталина, которая полностью и целиком распространяется на новые тезисы тов. Бухарина. Заключительную часть сообщаю только на русском языке. Прошу принять меры к переводу этой заключительной части на немецкий, французский и английский языки.

Л. Троцкий

18 мая 1927 г.

*ПРИЛОЖЕНИЕ:** 1) Немецкий текст "Китайская революция и тезисы тов. Сталина" (без заключительной части).

2) Заключительная часть (Послесловие – "Речь Чен Дусю о задачах киткомпартии" и "Необходимый заключительный аккорд"), не переведенная на иностранные языки.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК

1. Мое обращение от 11 мая с. г. в Секретариат ЦК с просьбой указать, где и когда я мог бы ознакомиться с решением Политбюро по китайскому вопросу за последние два месяца, осталось без ответа.

2. Моя просьба от 11 мая с. г. сообщить своевременно проект тезисов тов. Бухарина по китайскому вопросу для внесения поправок, осталась без ответа.

3. Ввиду того, что тезисы тов. Бухарина во всем основном повторяют все ошибки тезисов тов. Сталина, я препровождаю Исполкому Коминтерна свои тезисы об основных вопросах китайской революции в связи с критикой тезисов тов. Сталина.

Л. Троцкий

18 мая 1927 г.

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК
В ПРЕЗИДИУМ ЦКК

Прилагаемые при сем тезисы я буду защищать по вопросу о борьбе за мир.

Попытка моя получить стенограмму речи тов. Бухарина на Президиуме ИККИ 11 мая не дала результатов, как и попытка получить стенограмму речи тов. Сталина на Московском активе, как и многие другие попытки. Однако, существо аргументов тов. Бухарина установлено мною с достаточной точностью. Против этих аргументов, которые я считаю в корне ложными и гибельными, и направлены мои тезисы.

Л. Троцкий

18 мая 1927 г.

*ПРИЛОЖЕНИЕ:** Тезисы : "Борьба за мир и Англо-Русский комитет".

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП (б) **

Товарищи.

Серьезные ошибки, допущенные в деле руководства китайской революцией, способствовали тяжелому поражению, из которого можно выйти только вернувшись на путь Ленина. Крайне ненормальная обстановка, в которой происходит обсуждение вопросов, связанных с китайской революцией, создают чрезвычайно напряженное положение в партии. Односторонняя "дискуссия", ведущаяся на страницах "Правды" и "Большевика" и нарочитое искажение взглядов оппозиции (например, приписываемое ей требование выхода из Гоминдана) свидетельствуют о желании руководящей группы Центрального Комитета прикрыть свои ошибки травлей оппозиции. Все это направляет внимание партии по ложному пути.

В связи с этим, а также в связи с неправильной линией ЦК в основных вопросах партийной политики, мы считаем своим долгом большевиков-ленинцев обратиться к Центральному Комитету с настоящим заявлением.

* * *

1. Дело не только в том, что мы потерпели в Китае громадное поражение – дело в том, как и почему мы потерпели его.

* См. сс. 46–56.

** Так называемое "Заявление 83-х". Под документом стоит 84 подписи. – *Прим. сост.*

Несмотря на то, что мы имеем в Китае уже могучий рабочий класс, что шанхайские пролетарии в труднейшей обстановке сумели восстать и захватить город; несмотря на то, что китайский пролетариат имеет в Китае могучую поддержку в лице восстающего крестьянства; несмотря на то, одним словом, что были все предпосылки победы "китайского 1905 года" (Ленин), – на деле вышло так, что китайские рабочие таскали каштаны из огня для буржуазии, сыграв до сих пор на деле такую же роль, на какую рабочие были обречены в революциях 1848 года.

Все предпосылки для того, чтобы вооружить китайских рабочих (в первую голову шанхайских и ханькоусских) были налицо. И, тем не менее, героические пролетарии Шанхая оказались безоружными, а рабочие Ханькоу в массе своей не вооружены и сейчас, несмотря на то, что в Ханькоу господствуют "левые" гоминдановцы.

"Руководство" в Китае на деле сводилось к тому, что нельзя вооружать рабочих,. нельзя организовывать революционных стачек, нельзя поднимать до конца крестьян против помещиков, нельзя выпускать ежедневную коммунистическую газету, нельзя критиковать господ буржуа из правого Гоминдана и мелких буржуа из "левого" Гоминдана, нельзя организовывать коммунистические ячейки в армиях Чан Кайши, нельзя давать лозунг Советов, – чтобы "не оттолкнуть" буржуазию, чтобы "не запугать" мелкую буржуазию, чтобы не поколебать правительство "блока четырех классов". В ответ на это, в благодарность за это, как и следовало ожидать, китайская "национальная" буржуазия, выждав удобный момент, беспощадно расстреливает китайских рабочих, приглашая на помощь сегодня японских, завтра американских, а послезавтра английских империалистов.

В коммунистических партиях всего мира (в том числе и в широких кругах ВКП), в связи с китайским поражением, господствует величайшая растерянность. Еще вчера доказывали всем, что национальные армии в Китае суть красные, революционные армии, что Чан Кайши – их революционный вождь, что Китай не сегодня-завтра пойдет по "некапиталистическому" пути развития. А сегодня, в борьбе против подлинно ленинской линии большевизма, появляются беспомощные статьи и речи о том, что в Китае де совсем нет промышленности, нет железных дорог, что Китай переживает еще чуть ли не начало феодального периода, что китайцы неграмотны и т. д., что в Китае рано выдвигать программу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и создавать Советы. Вместо исправления ошибок, происходит их усугубление.

Китайское поражение может самым непосредственным образом отразиться и на судьбе СССР в ближайшее же время. Если империалистам удастся на длительное время "усмирить" Китай, – они двинутся затем на нас, на СССР. Поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР. Между тем партия лишена возможности обсудить китайский вопрос, который является сейчас для нее, как первой партии Коминтерна, важнейшим вопросом. Принципиальное обсуждение вопросов китайской революции запрещено. И в то же время

на деле неистовая дискуссия уже ведется только односторонняя, т. е. в виде травли оппозиции с целью прикрытия неправильной линии руководящего ядра ЦК.

2. Прошлогодняя всеобщая стачка в Англии, преданная и проданная Генсоветом, потерпела поражение. Поражением закончилась и стачка углекопов. Несмотря на гигантский сдвиг миллионных масс влево; несмотря на то, что вряд ли когда-либо вероломство и гнусность реформизма обнаруживались с такой полнотой, как во время великих английских стачек, организованное революционное крыло в английском рабочем движении выиграло крайне мало. Главная причина этого – в нерешительном, непоследовательном, половинчатом руководстве с нашей стороны. Денежная поддержка, оказанная рабочими СССР английским углекопам была превосходна. А вот тактика ЦК в вопросе об Англо-Русском комитете была совершенно неверна. Мы поддержали авторитет изменников Генсовета в самые критические для них недели и месяцы во время всеобщей стачки и забастовки горняков. Мы помогли им удержаться на ногах. Мы кончили тем, что капитулировали перед ними на последнем берлинском совещании, признав Генсовет единственным представителем английского пролетариата (и даже единственным представителем его взглядов) и подписавшись под "принципом" невмешательства во внутренние дела рабочего движения Англии.

На фоне китайских событий особенно зловещее значение приобретают решения последней конференции Англо-Русского комитета. Во всей международной прессе тов. Томский и др. представители ВЦСПС объявили, что совещание в Берлине носило "сердечный характер", что все решения приняты "единодушно", что эти решения являются, будто бы, победой международного пролетариата и т. п.

Эта фальшь и ложь могут привести мировое рабочее движение лишь к новым поражениям.

Берлинское совещание Англо-Русского комитета ни слова не сказало о разбойничьей роли английских империалистов в Китае, оно не выдвинуло даже требования отзыва империалистских войск из Китая. В момент, когда в Китае открывалась прямая война империалистов против китайской революции, Англо-Русский комитет преступно молчал, т. е. сделал как раз то, что нужно английской буржуазии.

Можно ли сомневаться, что те, кто сейчас, на глазах у всего мира, открыто предают интересы английского пролетариата даже в таком вопросе, как вопрос о свободе профсоюзов в Англии, завтра, в случае войны против СССР, будут играть такую же подло-предательскую роль, какую эти господа играли в 1914 году.

Между неправильной линией в китайском вопросе и неправильной линией в вопросе об Англо-Русском комитете есть теснейшая внутренняя связь. Та же линия проходит ныне по всей политике Коминтерна. В Германии исключаются из партии сотни левых пролетариев-передовиков только за то, что они солидарны с русской оппозицией. Правые элементы во всех партиях получают все больший перевес. Грубейшие правые ошибки (в Германии, Польше, Франции и пр.) остаются без-

наказанными. Малейший голос критики "слева" влечет к отсечению. Авторитет ВКП и Октябрьской революции используется, таким образом, для сдвига коммунистических партий вправо от ленинской линии. Все это вместе взятое лишает Коминтерн возможности по-ленински подготовить и провести борьбу против войны.

3. Для каждого марксиста неоспоримо, что неправильная линия в Китае и в вопросе об Англо-Русском комитете не случайна. Она продолжает и дополняет неправильную линию во внутренней политике.

Хозяйство Советского Союза закончило, в общем и целом, восстановительный период. В течение этого периода в хозяйственном строительстве достигнуты серьезные успехи. В промышленности, сельском хозяйстве и в других отраслях народного хозяйства Союза Советских Социалистических Республик мы либо подходим либо уже перешагнули за довоенный уровень. В области кооперации также достигнуты успехи. Эти успехи являются лучшим доказательством правильности новой экономической политики, провозглашенной Лениным и лучшим ответом врагам Октябрьской революции. Страна пролетарской диктатуры оказалась вполне способной к социалистическому строительству, показала в этой области первые успехи, подготовляя тем самым, вместе с пролетариатом других стран, окончательную победу социализма во всем мире.

Но одновременно с этими серьезными достижениями, в итоге восстановительного периода наметились большие трудности. Эти трудности, вырастающие из недостаточного развития производительных сил, из нашей хозяйственной отсталости, усугубляются скрыванием их от широких партийных масс. Вместо марксистского анализа действительного положения пролетарской диктатуры в СССР, партии преподносится неверная, мелкобуржуазная "теория социализма в одной стране", не имеющая ничего общего с марксизмом, с ленинизмом. Это грубое отступление от марксизма приводит к тому, что партии труднее видеть классовое содержание происходящих экономических процессов. Между тем, именно в неблагоприятных для пролетариата классовых сдвигах и в тяжелом положении широких народных масс заключаются отрицательные явления переживаемой нами полосы революции.

Вопросы заработной платы и безработицы принимают все более острый характер.

Неправильная политика ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа. Это ведет к невозможности использовать в должной мере и должным образом имеющиеся в стране материальные ресурсы для промышленности и всего государственного хозяйства. Отставание крупной промышленности от требований, предъявляемых к ней со стороны народного хозяйства (товарный голод, высокие цены, безработица) и со стороны советской системы в целом (оборона страны) приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза – особенно в деревне.

Рост заработной платы приостановился с тенденцией к снижению для отдельных групп рабочих. Взамен проводившегося до последнего вре-

менн повышения заработной платы по мере роста производительности труда, теперь устанавливается, как правило, что заработная плата может повышаться лишь за счет повышения интенсивиости труда (см. параграф 2 постановл. Съезда Советов по докладу тов. Куйбышева). Т. е. рабочий в СССР может отныне улучшить свое материальное положенне не в соответствии с ростом хозяйства н улучшеннем техники, а лишь в результате большей затраты труда, мускольной силы. Такая постановка вопроса дается впервые – между тем, как интенсивиость труда в настоящее время в общем н целом достигла довоенного уровня н местами даже выше его. Такая политнка нарушает интересы рабочего класса.

Безработица растет не только за счет выходцев нз деревни, но н за счет кадрового промышленного пролетариата. Фактическая безработица выше регистрируемой. Увеличенне армии безработных ухудшает экономическое положенне рабочего класса в целом.

Жилищные условия рабочих в ряде мест продолжают ухудшаться как в смысле жилищной площади, так н в смысле условий пользования квартирой.

Уменьшение бронн рабочих-подростков н введние бесплатного ученичества резко ухудшают положенне рабочей молодежи.

Вырастающие из всего этого опасности ясны, ибо отношения между рабочим классом н нашей партией являются решающими для судьбы рабочего государства.

Снижение цен на промтовары удается лишь в крайне небольшой степени. Несмотря на голосованне оппозиции на февральском Пленуме ЦК за резолюцию о снижении цен, вся официальиая агитация направлена на обвиненне оппозиции в том, будто она не хочет снижения цен. Такая агитация вводит партию в заблужденне н отвлекает ее вниманне от коренных вопросов нашей хозяйственной политики. Вопрос о снижении цен этим ни на шаг не продвигается вперед. Между тем недовольство н нетерпенис городского н деревенского потребителя растут.

Дифференциация крестьянства идет все возрастающим темпом. От лозунга "обогащайтесь", от призыва к кулаку "врастать" в социализм, руководящее ядро ЦК пришло к замалчиванию расслоения крестьянства, к преуменьшению этого расслоення, с одной стороны, и к практичсской ставке на крепкого крестьянина – с другой. Мы имеем к десятилстию Октябрьской революции такое положенне, когда три с лишним миллиона сельских батраков играют лишь крайне малую роль в Советах, в кооперации, в партячейках, когда бедноте все еще уделяется недостаточно внимания н помощи. Резолюция последнего съезда Советов о сельском хозяйстве совершенно не говорит о дифференциации деревии, т. е. об основном вопросе ее экономического н политического развития. Все это ослабляет нашу опору в деревне н затрудняет союз рабочего класса н крестьянской бедноты с середняком. Этот союз может развиваться и укрепляться только в систематической борьбе против эксплуататорских стремлений кулачества, рост н значение которого у нас преумсньшается. Такая политика представляет опасность, которая, накапливаясь постепенно, может неожиданно прорваться. Между тем, весь

официальный аппарат, и партийный и советский бьет налево, и тем открывает настежь двери подлинной, т. е. классовой опасности справа.

Предложение освободить от сельхозналога 50% крестьянских дворов, т. е. бедноту и маломощных, подвергается травле. Между тем, предложение это все больше оправдывается хозяйственной и политической обстановкой деревни. Несколько десятков миллионов рублей, с точки зрения 5-миллиардного бюджета, имеют очень скромное значение. Между тем, взимание этой суммы с маломощных дворов является одним из обстоятельств, ускоряющих процесс дифференциации и ослабляющих позиции пролетарской диктатуры в деревне. "Уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту" (Ленин) – вот какой должна быть основная линия нашей политики в деревне.

В сентябре прошлого года мы читали воззвание, подписанное тремя товарищами, занимающими ответственнейшие посты (тт. Рыков, Сталин, Куйбышев) о том, будто оппозиция, т. е. часть нашей собственно партии и часть ее Центрального Комитета, хочет "ограбить" крестьянство. Взамен этого, воззвание обещало путем режима экономии сократить непроизводительные расходы на 300–400 миллионов рублей в год. На деле бюрократически искаженная борьба за режим экономии привела к новому дерганию рабочих и не дала сколько-нибудь ощутимых положительных результатов.

Рационализация промышленности носит случайный, несогласованный, непродуманный характер, приводит к выталкиванию все новых и новых групп рабочих в ряды безработных, не давая в то же время снижения себестоимости.

Необходимо отменить все решения последних двух лет, ухудшающие положение рабочих и твердо установить, что без систематического и планомерного улучшения – хотя бы в начале и медленного – положения рабочего класса, этой "основной производительной силы" (Маркс), в нынешней обстановке невозможно ни поднятие хозяйства, ни социалистическое строительство.

Основным условием для разрешения вопросов, стоящих в настоящее время перед партией в области хозяйственного строительства, при сложнейшем классовом переплете внутри и нарастании враждебной атаки против СССР во вне, в обстановке затяжки международной пролетарской революции, являются вопросы оживления внутрипартийной демократии и усиления живой действенной связи партии с рабочим классом.

Нам необходима железная партийная дисциплина – как при Ленине. Но нам необходима и внутрипартийная демократия – как при Ленине.

Вся партия сверху донизу должна являться по-большевистски идейно и организованно крепко спаянным коллективом, принимающим во всей массе своей действительное, а не официально-показное участие в разрешении всех вопросов, стоящих перед партией, рабочим классом и всей страной.

Установившийся же за последнее время внутрипартийный режим приводит к громадному понижению активности партии, этой руково-

дящей силы пролетарской революции. Возможности для сознательного участия в решении важнейших вопросов пролетарской революции для широких низовых партийных масс до крайней степени сужены, умалены.

Это не могло не сказаться и сказывается самым отрицательным образом и на отношении рабочего класса к партии и на активности рабочего класса в целом.

Режим установившийся в партии переносится в полной мере на профсоюзы. Русский рабочий класс, имеющий за своей спиной опыт трех революций, проведенных им под руководством большевистской партии и Ленина, кровью лучших сынов своих спаявший фундамент советского государства, проявивший чудеса героизма и организованности, имеет все предпосылки широчайшим образом развернуть свои творческие, организующие силы. Но установившийся режим теперь мешает рабочим развернуть всю свою активность, мешает им в должной мере приложить свои руки к социалистическому строительству.

Пролетарская диктатура ослабляется в самой ее классовой основе.

На XI съезде Владимир Ильич говорил партии, что важнейшей задачей хозяйственной работы является правильный отбор людей между тем, нынешний курс является прямым отрицанием этих указаний. На деле происходит в ряде мест систематическое выталкивание с заводов наиболее самостоятельных квалифицированных партийных рабочих, инициативных хозяйственников и замена их сплошь да рядом такими элементами, которые не служат социализму, а прислуживаются ближайшему начальству. Вопиющие неправильности партийного режима отражаются, таким образом, на самых жизненных интересах многомиллионных масс.

4. **Международное положение становится все более напряженным. Опасность войны увеличивается. Центральная задача ВКП и всего авангарда международного пролетариата заключается сейчас в том, чтобы предотвратить (или хотя бы только оттянуть на возможно больший срок) войну, чтобы поддержать и отстоять во что бы то ни стало политику мира, которую провести до конца способна только наша партия и советская власть.**

Дело СССР есть дело международного пролетариата. Отвратить нависающую над головой СССР опасность новой войны – важнейшая задача международного пролетариата. Но это нельзя сделать на путях блока с предателями из Генсовета. Никакая серьезная борьба за предотвращение войны невозможна в союзе с Перселями и Ситринами. Подойти ближе к социал-демократическим и беспартийным рабочим, увлечь и их в борьбу против войны можно только через голову этих предательских вождей и в борьбе с ними.

Мы настаиваем на том, чтобы наш ЦК помог предстоящему пленарному заседанию ИККИ, подробно, серьезно и беспристрастно расследовать по документам последние события в Китае (с привлечением к этой работе товарищей, защищавших нашу точку зрения), чтобы ИККИ поставил китайский и англо-русский вопросы в полном объеме, чтобы в прессе нашей партии и в международной коммунистической печати

была дана возможность обсудить эти коренные вопросы всесторонне и подробно (разумеется, с соблюдением необходимой конспирации).

Международное укрепление СССР требует укрепления революционно-пролетарской линии внутри СССР. Нас ослабляют задержка роста зарплаты, ухудшающееся жилищное положение рабочих и растущая безработица. Нас ослабляет неправильная политика по отношению к крестьянской бедноте. Нас ослабляют ошибки в хозяйственной политике. Нас ослабляют поражения английских рабочих и китайской революции. Нас ослабляет неправильный внутрипартийный режим.

Вся наша партийная политика страдает от курса направо. Если подготовляемый теперь новый удар налево, по оппозиции, будет нанесен, это окончательно развяжет руки правым, непролетарским и антипролетарским элементам, отчасти в нашей собственной партии, а главным образом — за ее пределами. Удар по левым будет иметь своим неизбежным последствием торжество устряловщины. Такого удара по оппозиции давно требует Устрялов во имя нэпа. Устрялов является наиболее последовательным, наиболее принципиальным и непримиримым врагом большевизма. Самодовольные администраторы, равняющиеся по начальству чиновники, мелкие буржуа, дорвавшиеся до командных постов и высокомерно глядящие на массы, все тверже чувствуют почву под ногами и все выше поднимают голову. Это все элементы неонэпа. За ними стоит устряловец-спец, а в следующем ряду — нэпман и кулак под фирмой крепкого мужика. Вот откуда надвигается подлинная опасность.

Во внутренних вопросах сдвиги обнаруживаются не так заметно, как во внешних, потому что внутренние процессы развиваются гораздо медленнее, чем генеральная стачка в Англии или революция в Китае. Но основные тенденции политики одинаковы и там и здесь, и чем медленнее они нарастают внутри, тем более серьезно могут проявиться.

Ленин определял советское государство, как рабочее в стране с большинством крестьянского населения и с бюрократическим извращением. Это было сказано в начале 1921 года. Ленинское определение сейчас живо более, чем когда-либо. За годы нэпа новая буржуазия в городе и деревне выросла в серьезную силу. В такой обстановке нанесение удара по оппозиции означает не что иное, как попытку, под лицемерные крики о защите единства ("инициаторы всякого раскола кричат больше всего об объединении", — говорил Энгельс) дискредитировать и разгромить левое пролетарское, ленинское крыло нашей партии... Такой разгром означал бы неизбежное и быстрое усиление правого крыла ВКП и столь же неизбежную перспективу подчинения интересов пролетариата интересам других классов.

5. Единство партии нам нужно всегда, особенно в нынешних условиях. В школе Ленина все мы учились, что большевик должен добиваться единства на основе революционно-пролетарской политической линии. В самых трудных исторических условиях — в годы подполья, затем в 1917 году, когда мы в кольце войны боролись за власть, в 1918 году, когда в беспримерно тяжких условиях решался вопрос о брест-литовском мире и в последующие годы при Ленине партия открыто обсуждала

спорные вопросы и находила правильный путь к действительному, а не показному единству. Это спасало нас в условиях неизмеримо более трудных, чем нынешние.

Главная опасность заключается в том, что действительное содержание разногласий скрывается от партии и рабочего класса. Всякая попытка поставить спорные вопросы перед партией, объявляется покушением на единство партии. Неправильная линия закрепляется сверху механическим путем. Создается показное единство и официальное благополучие. На деле же это приводит к ослаблению позиций партии в рабочем классе и позиций рабочего класса в его борьбе с классовыми врагами. Такое положение, создавая огромные препятствия для политического роста партии и правильного ленинского руководства партией, должно неизбежно привести к серьезнейшим опасностям для нашей партии при первом крутом повороте, при первом серьезном ударе, внутреннем и международном.

Мы эту опасность ясно видим, и мы считаем своим долгом предупредить о ней Центральный Комитет – именно ради сплочения партийных рядов на основе ленинской политики, как международной, так и внутренней.

* * *

Как изжить разногласия, как выправить классовую линию и ни в малейшей мере не повредить при этом делу единства партии?

Так, как это делалось всегда при Ленине.

Мы предлагаем, чтобы ЦК решил следующее:

1) Не позже, чем за 3 месяца до XV съезда созывается специальный пленум ЦК – для предварительного обсуждения всех вопросов XV съезда.

2) Этот пленум должен поставить себе задачу сделать все возможное для выработки единодушных решений, что лучше всего обеспечило бы максимальное единство и действительную ликвидацию внутрипартийной борьбы.

3) Этот же пленум должен поручить правительству ВКП в Коминтерне взять на себя инициативу провести в ИККИ ряд мер для возвращения в партию тех из исключенных товарищей, которые просят об этом Коминтерн и стоят на почве Коминтерна, и для создания полного единства в братских партиях. (Речь идет, разумеется, не об элементах вроде Каца и Корша.)

4) Если все же внутри этого специального пленума ЦК обнаружатся принципиальные разногласия, – они должны быть заблаговременно сформулированы и опубликованы. Каждый товарищ должен получить возможность защищать свою точку зрения перед партией – в прессе и на собраниях, как это бывало всегда при Ленине.

5) Полемика должна вестись в строго товарищеских, деловых рамках, без обострения и преувеличения.

6) Проекты тезисов, как ЦК, местных организаций, отдельных членов партии и групп членов партии должны опубликовываться в "Правде"

(или приложении к "Правде"), а также в местных партгазетах, начиная, примерно, за 2–3 месяца до XV съезда.

7) Партиздательства должны также обеспечить своевременное издание брошюр, книг, сборников и т. д. и тем членам партии, которые пожелают изложить перед партией взгляды, до сих пор не имевшие большинства в партии.

8) Главным лозунгом всей подготовки XV съезда должен быть лозунг – единство, подлинного ленинского единства ВКП.

* * *

П. С. Наше заявление, естественно, задержавшееся из-за сбора подписей, нам приходится вручать в момент, когда сверху поднята кампания против тов. Зиновьева, под предлогом его выступления на беспартийном будто бы собрании, 9 мая. Те из нас, которые слышали речь тов. Зиновьева или имели возможность ознакомиться со стенограммой ее, ни минуты не колеблясь, дали бы свою подпись под этим выступлением, которое в сдержанной и безупречной партийной форме выражало тревогу широких кругов партии против засилья мартыновского курса в "Правде". Выступление тов. Зиновьева явилось, разумеется, лишь внешним поводом для поднятой против него травли. Как явствует из всего нашего заявления, непосредственная подготовка к кампании против оппозиции началась вместе с первыми известными поражениями китайской революции.

Насколько можно догадаться, непосредственной целью кампании против тов. Зиновьева является попытка устранить его до съезда и без съезда партии из ЦК – дабы освободиться от одного из критиков неправильной линии во время подготовки XV съезда и на самом съезде. То же завтра может быть проделано и с другими оппозиционными членами ЦК. Ничего, кроме вреда, для партии от таких приемов не получается.

Недопущение, по настоянию Политбюро, тов. Зиновьева – одного из основателей и первого председателя Коммунистического Интернационала, избранного по предложению Ленина – на Исполком Коминтерна, является фактом беспримерным в истории коммунистического движения. Недопущение тов. Зиновьева, оставшегося членом ИККИ при обсуждении важнейших вопросов мирового рабочего движения, мы можем объяснить только отсутствием политического мужества у тех, кто предпочитает заменять идейную борьбу административным распоряжением. Этот факт, помимо его политического значения, является грубым нарушением формальных прав тов. Зиновьева, являющегося членом Исполкома Коминтерна, единогласно избранным на V конгресс Коминтерна. Путь отстранений и шельмования ленинцев – не есть путь единства для Коммунистического Интернационала.

Вполне вероятно, что настоящее наше заявление даст повод обвинять и нас во фракционном выступлении. Особенно усердствовать будут на все готовые чиновники и "литераторы" из "новой" школы "молодых". Но и против них, между прочим, направлено наше письмо. Иные из них

первыми покинут дело пролетарната в минуту опасностн. Подавая это заявлеине, мы выполняем долг революционеров н партийцев, как он всегда поимался в рядах большевиков-леннниев.

* * *

Под настоящим заявленнем в краткнй срок собрано несколько десятков подпнсей старых большевнков. Мы не сомиеваемся, что н ряд другнх старых большевнков, находящихся сейчас в ряде мест СССР и за граннцей, прнсоединили бы свою подпись к заявлению, если бы оин успелн узиать о нем.

Мы не сомневаемся, что изложениая в этом документе точка зреиия разделяется большей частью нашей партни, в особениостн – ее рабочей частью. Кто знаком с подлнниыми настроениями рабочих, членов нашей партин, тот знает, что это так.

АЛЕКСАНДРОВ А. Н – чл. ВКП с 1917 г.
АВРАМСОН А. Б. – чл. ВКП (б) с 1914 г.
АЛЬСКИЙ А. С. – чл. ВКП (б) с 1917 г.
АРШАВСКИЙ З. – с 1915 г.
БЕЛОБОРОДОВ А. Г. – с 1907 г.
БЕЛЯИС Ян Янович – с 1912 г.
БУДЗИНСКАЯ Р. Л. – с 1914 г.
ВАБАХАН Н. – с 1917 г.
ВИСНЕВСКАЯ – с 1905 г.
ВОРОБЬЕВ В. – с 1914 г.
ВАЛЕНТИНОВ Г. – с 1915 г.
ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ) с 1903 г.
ВУЙОВИЧ – чл. Исполкома Комннтерна, чл. Югославской комп. с 1912 г.
ВРАЧЕВ И. Я. – чл. ВКП (б) с 1907 г.
ВАСИЛЬЕВ Ив. – с 1904 г.
ВАРДИН Ил. – с 1907 г.
ГЕРТИК Артем – с 1902 г.
ГЕРЦБЕРГ – март 1917 г.
ГЕССЕН С. М. – члеи Исполкма Комнитерна, избран пятым конгрессом, чл. ВКП с 1916 г.
ГУРАЛЬСКИЙ
ГОРДОН Ннк. – чл. ВКП (б) с 1903 г.
ЕМЕЛЬЯНОВ Н. А. – с 1899 г.
ЕЛЬКОВИЧ Н. А – с 1917 г.
ЕВДОКИМОВ Г. Ер. – с 1903 г. (чл. ЦК ВКП (б)
ЕЖОВ П. С. – март 1917 г.
ЖУК Алекс. Вас. – с 1904 г.
ЗИНОВЬЕВ Г. Е.
ЗОРИН С. – май 1917 г.

ЗАКС-ГЛАДНЕВ	–	май	1906 г.
ИВАНОВ В. И.	–	–	1915 г.
КОСПЕРСКИЙ И.	–	март	1917 г.
КАТТА М.	–		с 1917 г.
КУКЛИН	–		с 1903 г.
КАНАТЧИКОВА	–		с 1914 г.
КОСТРИЦКИЙ И.			
КОВАЛЕНКО П.	–		с 1911 г.
КОРОЛЕВ А.	– чл. ВКП (б)		с 1916 г.
КАВТАРАДЗЕ	– чл. ВКП (б)		с 1903 г.
КОЗЛОВА-ПАССЕК	–	сентябрь	1917 г.
ЛЕЛЕВИЧ А. Г.	–		с 1917 г.
ЛОБАШЕВ Г.	–		с 1917 г.
ЛИВШИЦ Б.	–		с 1915 г.
ЛАЗЬКО М.	–		с 1905 г.
ЛИЗДИН	– чл. ВКП (б)		с 1892 г.
МУРАЛОВ Н. И.	– чл. ВКП (б)		с 1903 г.
МИНИЧЕВ	–		с 1911 г.
МАЛЕТА В.	–		с 1916 г.
МАЛЬЦЕВ Б.	–		с 1917 г.
МАТЕН Г.	–	май	1917 г.
НАУМОВ И. К.	–		с 1913 г.
НАЗИМОВ А. Е.	–	июль	1917 г.
ОСТРОВСКАЯ Н.	–		с 1903 г.
ПЕТЕРСОН А.	– чл. ЦКК ВКП		с 1917 г.
ПОЗДЕЕВА	–		с 1917 г.
ПРИМАКОВ В.	–		с 1914 г.
ПЯТАКОВ Ю. Л.	– чл. ЦК ВКП (б)		с 1910 г.
ПСАЛМОПЕВНЕВ	–		с 1916 г.
РАВИЧ О. Н.	–		с 1903 г.
РАДЕК К.	–		с 1902 г.
РЕМ М. С.	–		
СЕРЕБРЯКОВ Л. П.	– чл. ВКП		с 1905 г.
СМИРНОВ Ив. Ник.	–		с 1899 г.
СЕРГЕЕВ А. Н.	–		с 1914 г.
СОКОЛОВ А. А.	–		с 1914 г.
САФАРОВ Г.	–		с 1908 г.
СМИЛГА И. Т.	– чл. ЦК ВКП (б)		с 1907 г.
САМСОНОВ М.	–		с 1903 г.
СОСНОВСКИЙ Л.	–		с 1903 г.
САРКИС	–		с 1917 г.
САДОВСКАЯ	–	сентябрь	1917 г.
ТЕР-ВАГАНЯН	–		с 1912 г.
ТУМАНОВ	–	апрель	1917 г.
ТРОЦКИЙ Л. Д.			
ФЕДОРОВ Гр.	– чл. ВКП (б)		с 1907 г.

ФОНБЕРШТЕЙН	–	с 1917 г.
ФОШКИН Ф. П.	– чл. ВКП (б)	с 1917 г.
ХАРИТОНОВ М. М.	–	с 1905 г.
ЦАТУРОВ А. А.	–	
ШАРОВ Я.	–	с 1904 г.
ШУРЫГИН А. С.	–	с 1914 г.
ШЕПШЕЛЕВА М. И.	–	
ШУСТЕР А.	–	с 1912 г.
ЦИБУЛЬСКИЙ З. С.	–	с 1904 г.
ЭЛЬЦИН В.	–	с 1898 г.

[25 мая 1927 г.]

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

Прилагаемое при сем коллективное письмо написано было, как видно из его текста, вскоре после того, как переворот Чан Кайши и берлинские решения Англо-Русского комитета обнаружили полную ошибочность политики, проводившейся большинством ЦК в основных вопросах международного значения. Именно эта неправильная политика, наряду с резкими сдвигами во внутренних вопросах, в чрезвычайной степени способствовала ослаблению международного положения СССР. Коллективное письмо передается нами Центральному Комитету в тот момент, когда английские консерваторы, использовавшие половинчатость нашей политики в китайской революции и в рабочем движении самой Англии, довели дело до разрыва дипломатических отношений. Создавшееся, таким образом, исключительно острое положение придает, по глубокому нашему убеждению, настоящему партийному документу удесятеренное значение.

Правильная линия нужна всегда. Но она тем нужнее, чем положение тяжелее. Правильная линия является для нас в нынешних условиях вопросом жизни и смерти. Замазывать сейчас ошибки – значило бы, закрывши глаза, идти над краем обрыва. Через крики насчет того, что мы расстраиваем ряды в момент разрыва дипломатических отношений с Англией, или еще хуже, что мы хотим "использовать трудности", через эти неизбежные крики мы переступаем с полным спокойствием и уверенностью в нашей правоте. В школе Ленина мы учились отбрасывать прочь все условное, фальшивое, декоративное, чуждое пролетарской политике. Чем серьезнее встающие перед нами задачи и трудности, тем скорее, тем решительнее они поставят перед партией ребром все основные вопросы внутренней и международной политики. В таких делах, как революция и война, мелкое маневрирование, выжидание или влияние никогда еще никому и ничему не помогало.

Незачем здесь повторять, что нам необходима политика мира. Но в случае, если на нас действительно надвинется война, каждый рабочий, каждый батрак, каждый бедняк – с одной стороны, каждый кулак, бюрократ, нэпман – с другой, поставят ребром вопрос: какая война, во имя чего война, какими способами и средствами война будет вестись. Война есть продолжение политики. Поэтому угроза войны и ставит ребром все основные вопросы политики. На эти вопросы надо дать ясные и точные ответы – и словом, и делом. Эти ответы сейчас более, чем когда-либо, нужны также и международному пролетариату, а помощь его – опять-таки, более, чем когда-либо – нужна нам в настоящее время. То, что нас может погубить – это двусмысленность, мелкие уловки, колебания между классами, половинчатость. То, что нас может спасти и спасет наверняка – это ясная, отчетливая, ленинская революционная линия.

Несчастие нашей партии в том, что она за последний период была искусственно лишена возможности правильно обсуждать и коллективно разрешать те вопросы, от которых зависит судьба рабочего класса и рабочего государства. Считалось, что кто-то за нее, за партию, бодрствует и решает. В период больших кризисов такая система становится абсолютно невыносимой и нетерпимой. Об этом заявляет Центральному Комитету группа большевиков – старых партийцев. Центральный Комитет может и должен облегчить партии выход из кризиса и тем дать ей возможность во всеоружии встретить надвигающиеся опасности. На этом единственно спасительном пути мы готовы помочь Центральному Комитету всеми силами и всеми средствами.

Г. Евдокимов
Г. Зиновьев
И. Смилга
Л. Троцкий

25 мая 1927 г.

ПОРА ПОНЯТЬ, ПОРА ПЕРЕСМОТРЕТЬ, ПОРА ИЗМЕНИТЬ

Каждый день и, можно сказать, каждый час приносит из Китая сведения, доказывающие полную ошибочность принятой Пленумом линии и столько же полную правоту наших предупреждений и предложений. Сведения эти скрываются от печати. После того, как национальная буржуазия, использовав Гоминдан и нашу политику в Гоминдане, разгромила рабочих, так называемый левый Гоминдан, которому по-прежнему подчинена компартия, обращается с воззваниями, в которых провозглашает, что "крестьяне, рабочие, предприниматели, купцы – все являются союзниками национальной революции... Гоминдан ставит перед собой задачу освободить не только рабочих и крестьян, но и промышленников и купцов от угнетения". (См. скрытую от печати телеграмму ТАСС от 25 мая из Ханькоу – "Бюллетень не для печати № 117".) Именно поэтому левый Гоминдан требует от рабочих соблюдения "революционной дисциплины" – по отношению к промышленникам и купцам. Левый Гоминдан запрещает профессиональным союзам арес-

товывать контрреволюционера, – как он запрещает крестьянам захватывать помещичью землю. Сбитая нами с толку китайская компартия помогает в этом Гоминдану. Шаг за шагом события разбивают политику, основанную на иллюзиях, на соглашательстве, на игнорировании классовой борьбы, на блоке четырех классов, который изобретен Мартыновым и одобрен Даном. Эта политика ложна, эта политика пагубна. В свете новых фактов и последних телеграмм, Пленум поступил бы правильно, поставив крест на резолюции Бухарина и заменив ее резолюцией из нескольких строк:

Крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами.

Советам вооружать рабочих и передовых крестьян.

Коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов.

Земли у помещиков отбирать немедленно.

Реакционную бюрократию искоренять немедленно.

С изменяющими генералами и вообще с контрреволюционерами расправляться на месте.

Общий курс держать на установление демократической диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Л. Троцкий

27 мая 1927 г.

ТЕРМИДОРИАНСКАЯ ОПАСНОСТЬ И ОППОЗИЦИЯ

1. Что такое термидорианская опасность?

Термидорианская опасность в СССР – это опасность победы капитализма не путем низвержения власти рабочих и крестьян вооруженной интервенцией мировой буржуазии, и не путем восстания капиталистических элементов, а через медленное сползание Соввласти с рельс пролетарской политики на путь мелкобуржуазной. Называя эту опасность перерождения термидорианской, никто не предполагает, что должны повториться те же самые события, которые разыгрались во время французской революции. Сравнение это подчеркивает, что, как во французской революции, силы, остановившие ее развитие вышли из партии якобинской, стоявшей во главе революции, точно также в партии большевистской, возглавившей октябрьский переворот, могут найтись силы, пытающиеся повернуть колесо истории назад к капитализму.

2. Допустимо ли указывать на термидорианскую опасность?..

Само собой понятно, что если она существует, то не только допустимо на нее указывать, но указывание на нее является прямой обязанностью всякого пролетарского революционера. Первый в наших рядах, кто начал указывать на нее, был Ленин. Использовав вылазку Устрялова весной 1922 г., Ленин, по вопросу "Что такое новая экономическая политика большевиков – эолюция или тактика?", поставил вопрос следующим образом:

"Так поставили вопрос сменовеховцы: советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это – тактика... Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение..." – "...Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны. История знает превращения всяких сортов. Полагаться на убежденность и преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем несерьезная..." (Н. Ленин, Собр. соч., Т. XVIII, ч. 2, сс. 41–42).

На факты и возможности, на которые указывал Ленин, указывали часто меньшевики, эсеры и буржуазная печать. Разница между ними и Лениным состояла в том, что они, указывая на подобные тенденции (стремления), делали это, чтоб почерпнуть из них силу для борьбы за возврат капитализма, Ленин же указывал на опасность перерождения, дабы предостеречь пролетариат и мобилизовать все революционные силы для борьбы с этой опасностью. Кто против коммунистов, указывающих на опасность перерождения, приводит цитаты из меньшевистской печати, дабы доказать сходство оппозиции с меньшевиками или эсерами, тот доказывает только, что он сам пособник термидорианских стремлений. Ибо в большей еще мере, чем французские термидорианцы, термидорианство в русской революции принуждено скрывать свой отход от пролетарской революции, дабы его тем легче совершить. Десять лет пролетарской революции, громадное распространение учения Ленина обострили внимание народных масс и делают необходимым прикрывать всякое отступление от ленинизма, от пролетарской революции цитатами из Ленина. Только под прикрытием революционных фраз термидорианские тенденции могут завершить свое дело.

3. В чем выражаются термидорианские тенденции в ВКП (б)?

а) Первым признаком термидорианских тенденций является стремление поощрять развитие производительных сил, независимо от их характера: социалистического или капиталистического. Страна обнищалая благодаря империалистской и гражданской войнам живет еще в величайшей бедности. Она – одна из самых отсталых стран в Европе. Многие думают потому, что если у нас не хватает сил для того, чтобы в короткий срок обогатить ее путем социалистического хозяйства, то надо поощрять всякое стремление к поднятию хозяйства. Ежели, например, у нас не хватает сил, чтобы в достаточно быстром темпе строить государственные фабрики, то надо сдать по возможности много концессий иностранным капиталистам на постройку фабрик. Правильно ли это? Если бы иностранные капиталисты построили больше фабрик, чем их находится в руках рабочего государства, то они стали бы экономически так сильны в СССР, что могли бы сбросить власть рабочих или, по крайней мере, могли бы принудить ее считаться полностью с их капиталистическими интересами. То же самое имело бы место, если бы СССР, взамен за крупные займы, пошел бы в кабалу к капиталистам. Ленин учил нас, что концессии могут принести нам известную пользу, но он допускал их только в таких размерах, чтобы они не угрожали рабочей власти. Таково же было его отношение к займам.

Опыт показал, что иностранные капиталисты не очень-то спешат

брать у нас концессии и давать нам взаймы. Но та же самая опасность, которая угрожала бы нам от чрезмерного развития концессий и от золотой веревки займов, угрожает нам от развития капиталистических элементов в СССР. Основой развития капиталистических элементов в СССР является кулак. Кулаков в СССР миллионы. Кулак не крупный капиталист, а мелкий. Но из мелких капиталистов могут вырасти крупные. Делая зависимыми от себя миллионы батраков, мелких крестьян, кулак может стать силой опасной для рабочей власти. Ему навстречу растет в городе нэпман, буржуазная интеллигенция, враждебная социализму. Если кулак не встретит решительного отпора со стороны пролетарского государства, то он создаст угрозу рабочему государству. Кто, поэтому, хочет поощрять развитие кулацкого хозяйства, тот подготовляет переход на капиталистические рельсы, независимо от того, допускает ли он развитие кулака во имя увеличения экспорта, или во имя надежды, что кулак будет помещать свои деньги в наших банках и таким образом "врастать в социализм". Все, кто недооценивает кулацкую опасность в партии, кто кричит о перебедиячнивании, кто требует поощрения "хозяйственного мужичка", "товарного мужика", все, кто называет бедноту лодырем, являются в партии нашей представителями, сознательно или несознательно, термидорианских тенденций.

б) Представителями термидорианских тенденций являются так же те, кто, стремясь к развитию госпромышленности, не заботится об участии пролетариата в руководстве промышленностью и о постоянном улучшении положения рабочих. Госпромышленность наша по типу социалистическая, ибо она принадлежит не частным элементам, а пролетарскому государству. Развитие нашей промышленности – главная база победы социализма. Ибо только при помощи средств, доставляемых промышленностью – тракторы, электричество и т. д. – мы можем социалистически организовать сельское хозяйство, т. е. перейти от частного хозяйства мелких собственников к коллективной обработке земли. Но действительное развитие социалистической промышленности возможно только тогда, когда вся рабочая масса будет принимать участие в этом строительстве, а не только горсть ее представителей, посланных в хозяйственные органы рабочего государства, выдвинутых на посты красных директоров и т. д. Кто не считается с производственными совещаниями и не развивает их, кто оттирает фабзавкомы, кто преследует на фабрике фабкора за его критику фабричного режима, тот убивает заинтересованность рабочего в социалистическом строительстве. Он этим не только замедляет темп социалистического строительства, но ослабляет силу обороны нашего социалистического строительства рабочим классом. Рабочий судит о характере нашей промышленности не на основе общих определений, а на основе того, чувствует ли он себя хозяином на фабрике, или безвольным орудием. Без рабочей демократии на фабрике нет социалистической фабрики.

То же самое значение имеет беззаботность насчет положения рабочих. Страна еще очень бедна, уровень ее жизни нищенский. Это наш рабочий великолепно понимает. Но он не понимает, когда экономничают расчет на охрану труда, когда режим экономии выражается не в экономии на

автомобилях, администрации, а в экономии на искусственном обрезывании зарплаты, при помощи снижения расценок, выжимания пота. Рабочий требует, чтобы рост промышленности сопровождался ростом его благополучия. Требуя это, он не защищает какие-то особые "цеховые" интересы, а защищает интересы социалистического развития. Ибо без здорового и культурного рабочего нет социалистической промышленности.

Хозяйственники, мнящие себя хозяевами на фабрике, не понимающие, что только совместно с рабочей массой можно поднять социалистическую промышленность, профессионалисты, забывающие, что они обязаны, во имя социалистического строительства, бороться за развитие рабочей демократии на фабриках, за здоровье и поднятие культурного уровня рабочих, профессионалисты погонялы и подпевалы фабричной администрации – являются представителями термидорианских тенденций, ибо они убивают живую связь рабочего класса с развитием госпромышленности, этого экономического стержня рабочей власти.

в) Кто допускает в органы нашей власти представителей кулака, нэпмана сменовеховской интеллигенции – тот представитель термидорианства. Кулак представляет незначительный процент нашего населения, но несмотря на это, нельзя впускать его в Советы, ибо будучи богатым и держа в зависимости от себя значительную часть бедноты, он может захватить самые низовые органы нашей власти. Сменовеховская интеллигенция говорит слащавые речи в честь Советов, но ее стремление – медленно захватить один кусок власти за другим для того, чтобы направить нашу политику по руслу капитализма. Впускать ее в советские органы означает давать ей возможность смычки с кулаком, возможность представлять его интересы.

Существуют ли тенденции к допущению в наши органы кулака, сменовеховца и т. д.? Да, они существуют. Достаточно указать на расширение выборных прав кулаков в сельсоветы и на крики против "перебеднячивания", когда, под влиянием критики оппозиции, это было отменено. Достаточно указать на то, что в то же самое время, когда из ВЦИКа были удалены старые рабочие коммунисты Евдокимов и Сапронов, туда был выбран кулацкий политик, кадет-кооператор Садырин.

г) Представителями термидорианских тенденций являются те, кто уничтожает внутрипартийную демократию внутри ВКП. ВКП является стражем и главным орудием диктатуры пролетариата. Без организации рабочих-передовиков и бедноты нет диктатуры пролетариата. Ибо народная масса нуждается для соцстроительства и защиты диктатуры в руководителях. Но ВКП это не совокупность комитетов, а думающая, разбирающаяся во всех делах рабочая масса, действующая не на ос[новании]* воодушевления. Миллион членов партии не может быть машиной, пускаемой в движение приказами сверху. ВКП живет и развивается, если ее члены думают, рассуждают, решают собственным мозгом. Кто хочет заменить эту постоянную работу мысли и чувств переработкой решений, принятых руководящими органами без участия массы, которой пола-

* В документе пропуск. – *Прим. сост.*

гается готовые решения изучить; кто запрещает критику в ВКП – тот создаст иа месте живой ВКП – стража диктатуры, борца за социализм – одну видимость. Такая ВКП ие причинит своему ЦК никаких забот. Она будет голосовать единодушно, но от нее уйдут лучшие рабочие, она станет скопищем карьеристов, подхалимов и людей, видящих в партбилете охрану от безработицы. Такая ВКП не будет в состоянии не только руководить строительством социализма, но не будет иметь сил защищать диктатуру пролетариата, ибо не будет иметь достаточно умелых, самоотверженных сил, способных повести за собой рабочие и крестьянские массы в случае опасности. Борьба за внутрипартийную диктатуру является поэтому борьбой против термидорианских тенденций.

д) Кто ставит партийные учреждения выше партии, тот очищает путь для термидорианства.

Партия есть боевая организация передовиков пролетариата. Только она может защитить диктатуру пролетариата. Руководящие органы партии, уездный, губернский, центральный комитет имеют столько революционной силы, сколько ее есть в партии. Даже если бы руководящие учреждения в партии состояли без исключения из лучших коммунистов, то одни они бессильны проводить дело революции. Если руководящие учреждения партии оторвались бы от партии, то это было бы уже признаком величайшей опасности. Для того, чтобы защищать революцию, незачем отрываться от партии, ставить себя над партией. Отрыв от партии означал бы их стремление заменить политику защиты рабочей диктатуры – политикой уступок другим классам, политикой соглашения с ними. Наша партия есть партия власти. Нет партий, оторванных от классов. Если власть отрывается от партии рабочего класса, то она сползает к другим классам.

Есть ли такие стремления в нашей партии? Да, они есть. Эти стремления выражаются в том, что секретари ячеек и местных организаций более зависят от ЦК, чем от массы членов партии в том, что они подавляют всякую критику членов партии, направленную против себя, что Съезды партии, вопреки статусу, не созываются ежегодно, что ЦК партии ставится политбюро партии перед завершенными фактами в самых основных политических вопросах, в том, что генеральный секретарь партии имеет власть, какой не требовал для себя никогда даже Ленин. Высшее выражение эти тенденции нашли в заявлении генсека партии Сталина: что руководящие кадры партии могут быть сняты только гражданской войной. Если принять это заявление всерьез, не как выражение бюрократического хвастовства, – то оно означало бы, что партия не сможет сменить своего ЦК, что он является не органом передовиков рабочих, что он диктует политику партии, что партия не существует. Если же не существует партия, то диктатура пролетариата находится без меча, без защиты, что характер власти зависит от доброй воли руководителей партии. Тогда путь к перерождению власти открыт, ибо Ленин сказал: "История знает превращения всяких сортов. Полагаться на убежденность и преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем несерьезная..." (Ленин, Собр. соч., т.XVIII, ч. 2, сс. 41–42.)

е) Кто стремится к сделке с международным капиталом за счет основ пролетарской диктатуры, тот пособник термидорианских стремлений. Ленин учил нас понимать, что пролетарская диктатура в капиталистическом окружении принуждена маневрировать, т. е. делать известные, временные, частичные уступки международному капитализму, но он знал и указывал на предел этих уступок. Этим пределом были экономические и политические основы диктатуры. СССР могла бы не только признать долги, но даже уплачивать известные проценты от долгов для того, чтобы откупиться от войны, или получить займы. Но кто бы предлагал от имени СССР уплачивать проценты от долгов в размерах, задерживающих рост нашей госпромышленности, тот был бы термидорианцем, ибо без развития нашей госпромышленности нельзя сохранить рабочую власть.

СССР может для борьбы с товарным голодом допускать в известном количестве иностранные товары, даже производимые нашей промышленностью, но кто предлагает отменить монополию внешней торговли, тот термидорианец. Ибо монополия внешней торговли есть страж развития нашей социалистической промышленности. Наша социалистическая промышленность производит еще в 2–3 раза дороже иностранной. Надо стремиться к понижению себестоимости путем рационализации, поднятия производительности труда, но кто бы лишил нашу промышленность защиты монополии внешней торговли, тот убил бы ее.

Кто для мира с иностранными капиталистами выступает против самозащиты пролетарского государства при помощи красного террора, или требует во имя сделки с иностранным капиталом расширения выборных прав нетрудовых элементов, тот работает над перерождением нашей власти.

Такие элементы у нас в партии есть.

ж) Кто ослабляет международный характер нашей революции, тот пособник термидорианских тенденций. СССР родился благодаря международному кризису капитализма, вызванного империализмом и империалистской войной. Построить социалистическое общество мы сможем только при помощи технических сил, которые даст нам в избытке победоносная революция на Западе. До момента ее победы отстоять пролетарскую диктатуру мы можем только при помощи революционных движений рабочих всего мира и колониальных народов Востока. Только поддерживая эти движения мы создаем защиту диктатуры пролетариата вне ее пределов. Кто советует нам отказаться от поддержки революции на Западе и Востоке, кто за счет этой поддержки пытается добиться мира с капитализмом, тот ослабляет пролетарскую диктатуру и открывает двери буржуазному перерождению. Национальное самоограничение пролетарской революции есть верный признак термидорианства, какими бы фразами он ни прикрывался.

4. Переродилась ли термидориански наша партия?

Мы указали на главные тенденции к термидорианскому перерождению, которые существуют в нашей партии и отражают стремление к перерождению нашей власти, существующие в нашей стране среди мелкой буржуазии города и деревни и поддерживаемые мировым капита-

лом. На которые звенья нашей партии действуют наиболее эти термидорианские влияния? Они наиболее сильны среди мещанских элементов, пришедших в нашу партию после захвата власти. Часть этого слоя сражалась искренне против власти помещиков, против интервенции, но не связаны достаточно с рабочим классом, чтоб бороться серьезно за социализм, чтоб рисковать своим благополучием во имя международной революции. Часть же принадлежит к партии, как партии господствующей – во имя карьеры и привилегий. Эти тенденции рождаются среди наших государственных бюрократов, даже пролетарского происхождения, не видящих дальше носа, принимающих временную передышку, предоставленную нам капитализмом, за мир и приспособляющихся к капиталистическому окружению. Они растут среди хозяйственников, соприкасающихся с нэпманами и увлекающихся развитием производительных сил, без учета их классового характера. Эти тенденции пробивают себе путь к части профессиональной бюрократии, которая, запуганная трудностями улучшения положения рабочего класса – отказывается от борьбы за эту цель и становится частью хозяйственного аппарата. Они находят приступ к части партийной бюрократии в земледельческих частях страны, где нет городского пролетариата и где, как в Сибири или Северном Кавказе, легче управлять, потворствуя кулаку, чем борясь против него. Они растут из мелкобуржуазной молодежи, которая не знала борьбы с капитализмом и поэтому сбивается на всякого рода доморощенные теории социализма, частью которого для них является и отечественный кулак, если он только не поднимает восстаний. Сказанного достаточно, чтобы было ясно, что опасность термидорианского перерождения идет от мелкобуржуазного сектора нашей партии, насчитывающего сотни тысяч членов и находит самое сильное выражение в нашей государственной, хозяйственной, профессиональной и отчасти партийной бюрократии.

Переродилась ли наша партия? Нет, она не переродилась. Основа нашей партии пролетарская и она еще не вступила в решительный бой с термидорианскими тенденциями. Она даже не видит их в полном размере, ибо они не смеют еще выступить с открытым забралом, с развернутой программой, они живут разрозненные, действуя тишком, неосознанные и неосознавшие. Если рабочий класс и его передовики поймут опасность, они справятся с ней. ЦК нашей партии должен руководить этой борьбой, он ею не руководит, ибо в рядах его правой части термидорианские тенденции находят своих защитников.

5. Борьбу с термидорианской опасностью надо вести с полной решительностью. Всякие попытки успокоить партию, что дело идет не об общем стремлении, а о ряде частичных ошибок, увеличивает только опасность, ибо усыпляет бдительность рабочих масс. Общая тенденция это есть сумма частичных ошибок, разных поползновений и стремлений. Опасность легче всего побороть, когда она в начале. Когда она вырастет, осознает себя, выработает программу, то при значении постов, мест, занимаемых представителями термидорианских тенденций во всех областях нашей политической и экономической жизни, может быть потом чересчур поздно. Внезапный нажим кулацких движений

или опасность войны может сразу привести к громадному усилению термидорианской опасности. Борьба, к которой призывает оппозиция, будет победоносной только тогда, когда ее поведет объединенными силами масса рабочих членов партии. На знамени этой борьбы должны быть начертаны следующие лозунги:

Союз пролетариата с беднотой и середняком против кулака.

За рабочую демократию на фабрике. За улучшение положения рабочего класса.

За внутрипартийную демократию.

За международный характер нашей революции.

За ленинизм.

К. Радек

[июнь 1927 г.]

ЗАЯВЛЕНИЕ 83-х И НАШИ ЗАДАЧИ*

Один из виднейших старых товарищей, подписавших заявление 83-х – с тем, чтобы не дать и повода, как он говорит, думать, будто он не согласен с заявлением, или считает возможным отмежеваться от подписавших его, – выражает, однако, опасения насчет того, не является ли подача заявления "поспешным непродуманным шагом, тактической ошибкой, не облегчающей, а затрудняющей борьбу партии против неправильной политики ЦК".

Вопрос этот настолько серьезен и важен, что его надо разобрать в полном объеме, т. е. в связи со всей обстановкой нынешнего периода нашего партийного развития.

1) Сперва могло быть опасение, что подача коллективного заявления может ускорить внутрипартийный кризис и толкнуть правящую фракционную группировку на какие-нибудь непоправимые шаги. Разумеется, такого рода результат подачи коллективного заявления был бы глубоко вреден. Оппозиция заинтересована в том, чтобы иметь возможность разъяснить партии свои взгляды, завоевать на свою сторону пролетарское ядро партии или значительную часть его и тем самым предотвратить раскол.

Обострило ли коллективное заявление внутрипартийную обстановку? Сейчас есть уже объективная проверка и говорить надо на основании фактов. Внутрипартийная обстановка чрезвычайно обострена большими событиями последнего времени: поражениями китайской революции, ролью Англо-Русского комитета, разрывом англо-советских отношений и прочее.

Курс сталинской группы вел на недопущение Зиновьева в Исполком, на исключение Троцкого из Исполкома, на объявление их дезорганизаторами тыла и помощниками Чемберлена, словом, на организационный разгром оппозиционной верхушки в самый короткий срок и самыми решительными средствами.

* Видимо, написано Зиновьевым [приписка Троцкого].

Подача коллективного заявления не только не ускорила развязки, но, наоборот, внесла в нее элементы "торможения". Вопрос об оппозиции встал непосредственно не как вопрос о группе цекистов, а как вопрос о сотнях старых большевиков, которых нельзя запугать. Сталинская группа вынуждена мириться с выполнением своего плана "в рассрочку". Создаются промежуточные "ступени". Партия выигрывает от этого, а значит и оппозиция. Теряют умышленные раскольники.

2) Необходимо правильно оценить тот небольшой, но симптоматически крайне важный факт, что ЦКК, предъявившая Зиновьеву и Троцкому формальные обвинения в нарушении партдисциплины, не включило в их число обвинения в подписании коллективного письма. Более того, на прямой запрос "обвиняемых", тт. Орджоникидзе и Янсон разъяснили, что, по их мнению, которое есть мнение Президиума ЦКК, каждый член партии и каждая группа членов имеет право обращаться в ЦКК с любым заявлением, индивидуальным или коллективным. Это "конституционное" толкование становится особенно выразительным, если вспомнить, что Троцкого ЦКК привлекла за его выступления на Исполкоме Коминтерна. Ясно, что дело здесь не в толковании устава, а в политической оценке фактов. Борьба с мнимым "троцкизмом" натолкнулась на барьер в виде компактной группы старых большевиков. Это резко изменило обстановку. Партия узнала, что дело идет не только о Зиновьеве, Троцком, Вуйовиче, но о сотнях партийцев с подпольным большевистским стажем. Коминтерн убедился, что кадры оппозиции представляют собою внушительную силу. В решительный момент борьбы сталинской группы против оппозиции, обнаружилось для всего мира, что оппозиция не верхушечная группка "пропагандистов международной революции" (выражение Макдональда), а широкое внутрипартийное течение с крепкими и авторитетными кадрами. Выигрыш целиком оказался на стороне партии, а значит и оппозиции. Потеряла группа Сталина.

3) Политическое наступление есть сейчас для оппозиции единственная действительная форма организационной обороны, т. е., прежде всего, защиты своего места в партии и расширения этого места. Прежде чем большинство партии сумеет понять, чего хочет оппозиция, оно должно почувствовать, что дело идет о крайне серьезных и глубоких разногласиях, способных определить судьбу партии на многие годы. Заявление 83-х в огромной степени способствует достижению этой ближайшей цели. Партия и Интернационал впервые узнают, что к оппозиции принадлежат десятки виднейших деятелей Октябрьской революции и советской власти, имена которых известны всему миру. Вопрос о разгроме оппозиции перестает быть вопросом об отколе "группы бывших вождей" (философия Сталина). Оппозиция окончательно обнаружилась, как широкое внутрипартийное течение с крепкими кадрами. Даже если бы Сталину удалось отсечение головы (до чего еще очень далеко), оппозиция останется и будет продолжать свое дело. Эта реальная перспектива не ускоряет, а, наоборот, тормозит развязку кризиса в сталинском смысле.

4) Было бы, однако, наивным думать, что заявление 83-х уже само по себе разрешает какие-либо основные вопросы, или ограждает нас хотя бы только от непосредственных опасностей. Нет, такой силы заявление 83-х, разумеется, не имеет. До настоящего момента заявление 83-х, ставшее заявлением трехсот с лишним, остается все же внутрипартийной манифестацией оппозиционных верхов. Разногласия же настолько глубоки, что они могут быть разрешены только низами. Уже отсюда вытекает необходимость от единовременной манифестации кадров перейти к систематическому, настойчивому, терпеливому разъяснению политического содержания нашего документа широким кругам низовых партийцев.

5) Сейчас в разных местах приступлено к собиранию подписей товарищей с послеоктябрьским стажем. Этот новый этап кампании так же, как и первый, наталкивается на известные сомнения и возражения.

Эти возражения в основном таковы: а) подписи старых партийцев действуют не числом, а весом, – не надо "разжижать" это действие; б) при нынешнем состоянии партии, при угрозе безработицы, висящей над каждым, и проч., нельзя рассчитывать на то, что мы в ближайший период соберем большое количество подписей; небольшое же количество будет истолковано, как доказательство слабости оппозиции, что, в свою очередь, послужит на пользу сталинской группе; в) низовые оппозиционеры могут за подписание заявления гораздо легче подвергнуться репрессиям, чем старые партийцы, притом так, что партия и не узнает об этих репрессиях. И пр. и пр.

Рассмотрим эти основные возражения, в связи с положением в партии и задачами оппозиции.

6) Совершенно верно, что подписи старых партийцев действуют не числом или не только числом, но, главным образом, – весом. Что это, однако, значит политически? Это значит, что каждый, ознакомившийся с этими подписями, должен сказать себе: ни в каком случае не может быть случайностью тот факт, что сотни старых большевиков в такой критический и ответственный момент становятся под знамя оппозиции; нет сомнения, что эти сотни большевиков выражают какое-то глубокое течение, оформленное или неоформленное, сознательное или несознательное, в самой партии и в рабочем классе. Верно ли такое рассуждение? Безусловно, верно. Но в политике решают не логические заключения, а факты. Оппозиционные кадры должны делом доказать, что они суть кадры, т. е., что они действительно выражают широкие настроения в партии и в пролетариате. Без этого "вес" подписей окажется фикцией. Ограничиваться одной манифестацией кадров значило бы рассматривать борьбу за исправление партийной линии, как какой-то единовременный и притом верхушечный акт. На самом же деле мы стоим перед длительной внутрипартийной борьбой. Решить может только рядовой партиец. Из борьбы за влияние на рядовую партийную массу, т. е. из основной нашей задачи и вытекает необходимость привлекать более молодых партийцев к подписанию заявления 83-х.

7) Тот довод, что немногие решатся ныне подписаться и что это

будет истолковано, как слабость оппозиции, политически совершеиио иеправилен. Оппозиция ие может – да и ие хочет – казаться сильнее, чем оиа есть иа деле. Сила оппозиции – в правильной идейной линии. Правильная линия будет подкрепляться фактами развития и потому завоюет массы. Но было бы иеправильным, иебольшевистским подходом к делу пытаться представить себя сильнее, чем это имеется сегодня в действительности. Политика мистификации есть бюрократически аппаратная политика, ио ие иаша. Мы иа ией иичего строить ие можем. Наша задача состоит в том, чтобы: а) обиаружить действительное число иаших сознательных и мужественных стороиииков; б) бороться за увеличение этого числа. Те оппозициоиеры, которые ие выступают, ие голосуют, ие подписывают политически ие существуют, как оппозициоиеры. Активиые же оппозициоиеры известны каждой ячейке. Учет им ведется. По этой части аппарат подкован полностью. Ввести его в заблуждение иасчет числа оппозициоиеров было бы иевозможио, даже если бы мы этого хотели. Но мы ие можем этого хотеть. Пытаясь ввести в заблуждеиие аппарат, мы ввели бы в заблуждеиие только самих себя. Нам иадо ие казаться сильными, а систематической, иастойчивой, терпеливой разъясиительной работой усилить себя иа деле.

8) "Миогие ие решаются подписать из страха репрессий". Это верно. Но кто сегодня ие решится еще подписать, тот сегодня и вообще бороться ие будет. Оппозициоииые кадры должиы воспитать партийиую массу, иачиная с лучших, более созиательных ее пролетарских элемеитов. Кампания по сбору подписей и должиа в первую голову служить этой цели. Дело ведь идет ие только о том, чтобы пассивио подсчитать иаличное число готовых стороиииков, а прежде всего о том, чтобы путем открытых выступлений в ячейках и индивидуальных бесед увеличить число созиательных и мужественных стороиииков оппозиции. Несколько сот подписей старых партийцев остались бы холостым выстрелом, если бы оии ие превратились в пример для более молодых партийцев и в призыв к иим.

9) Верио также, что с иизовыми партийцами могут во миогих случаях расправиться более решительно и менее заметно, чем с "верхами" оппозиции. Но это относится ие только к подписанию заявления, а и ко всей вообще оппозициоииой работе в партии. Все большее и большее число рабочих партийцев выступают оппозициоиио в своих ячейках, иесмотря иа то, что оии отделены от всех других ячеек и от оппозициоииых "верхов". Репрессии идут своим чередом. "Рядовые" оппозициоиеры в составе рабочих ячеек будут чувствовать себя гораздо тверже и выступать гораздо увереииее, когда присоедиият и свою подпись к подписям иескольких тысяч партийцев, и тем самым осозиают себя в качестве участников общепартийного течеиия.

10) Репрессии, и притом не только партийиого характера, составляют важиейшее орудие ныиешиего партийного режима. Борьба за измеиение партийиого режима требует систематической и упориой борьбы против репрессий. Тот факт, что Зиновьева и Троцкого ие привлекли за подписание заявления 83-х, и разъясиеиие Орджоиикидзе и Ясоиа, что

за подписание заявления вообще нельзя привлекать к ответственности, — оба эти факта должны быть самым широким образом использованы в кампании по сбору подписей.

Разумеется, нельзя делать себе никаких иллюзий насчет действительного выполнения того обязательства, которое взяла на себя ЦКК по отношению к подписавшим и подписывающим заявление: не учинять над ними никаких репрессий. Репрессии уже есть и будут, открытые или замаскированные. Надо тщательно их регистрировать и доводить о них до сведения Орджоникидзе.

11) Бюрократический режим, разумеется, не всесилен. Но он способен на довольно длительный период создавать внутренние сдвиги в партии чисто механическими средствами. Весь последний период партийного развития несомненно привел к величайшему несоответствию между идейным багажом оппозиции (ее теоретическая установка, ее политические прогнозы, ее тактические предложения) и ее явным, оформленным, организационно выраженным влиянием в партии. Партийная масса не знает, чего хочет оппозиция. Хуже того, аппарат внушил партийной массе совершенно чудовищные представления о взглядах оппозиции. Проверка пришла и еще придет. Объективный ход событий разрушает аппаратную мифологию, или, по крайней мере, подкапывает ее. Этим создается более благоприятная обстановка для пропаганды оппозиционных взглядов. Но вся работа целиком еще впереди. Надо систематически, терпеливо и настойчиво разъяснять каждой ячейке и каждому отдельному партийцу, чего хочет оппозиция.

12) Коллективное заявление старых партийцев получит политическую цену лишь постольку, поскольку оно станет орудием внедрения в партийную массу. От единовременной политической манифестации оппозиционных кадров внутри партии надо перейти к борьбе за рядового партийца при помощи заявления 83-х, как партийно-политического орудия. В корне неправильно было бы представить себе при этом дело так, что несколько тысяч подписей означали бы "поражение" оппозиции. Поражением это было бы только для тех, у кого есть наивные иллюзии насчет трудности и длительности предстоящего нам пути борьбы. По существу же дела, несколько тысяч подписей будут означать серьезный шаг вперед. Нелепо было бы противопоставлять этим нескольким тысячам — миллион членов партии. Партия наша страшно разрыхлена бюрократическим режимом, запугана репрессиями. Осмеливающиеся в настоящее время подписываться под оппозиционным заявлением показывают тем самым, что они настоящие революционеры — настоящий большевистский набор. Если верно, что старые большевики, подписавшие заявление, действуют не столько числом, сколько весом, то относительно более молодых партийцев можно сказать, что они будут действовать и числом и весом: каждый из них есть политическая фигура, а не безличный номер. Каждый из них, вооруженный коллективным заявлением, будет искать дальнейших путей к партийной массе. Это и есть сейчас правильный, серьезный, деловой метод подготовки к партийному съезду.

13) Оппозиция правильно выражает историческую линию развития нашей партии и рабочего класса. На этот счет события последнего года не оставили и тени сомнения. В толще партии и рабочего класса, в их опыте, в их чувствах, мыслях и настроениях уже имеются налицо все те элементы, которые обобщает оппозиция. Но от "элементов" до политического обобщения масса, даже партийная, не переходит одним скачком. Нужно помочь ей проделать этот путь. Нужны ли на это будут месяцы или годы — это зависит не только от нас, но и от нынешней обстановки. Во всяком случае, основное содержание нашей работы в ближайший период должно будет состоять именно в том, чтобы систематически, настойчиво и терпеливо связывать наши обобщения с повседневным опытом партии и прежде всего ее пролетарской части. Без этой работы оппозиция, несмотря на правильность ее теоретической установки, оказалась бы политическим пустоцветом. Не надо себя обольщать прошлым партии, ее традициями, популярностью имен оппозиционной верхушки и др. и пр. Все это имеет, конечно, свое значение, но не решает. Действовать нужно так, как если бы перед нами стояла задача заново завоевать миллионную партию. Оппозиционные белоручки не прочь были бы ограничиться одной эффектной демонстрацией кадров. Но этот номер не пройдет. Нужно засучивать рукава и браться за работу по-настоящему. Основным орудием такой работы на ближайший период является документ 83-х. Без внедрения этого документа в партийную массу пустыми фразами будут всякие разговоры насчет предсъездовской дискуссии и подготовки съезда вообще.

14) Под заявлением уже подписано свыше 300 старых партийцев. Подписи продолжают поступать. С точки зрения гигантских задач, стоящих перед нами, подписавшиеся стоили бы немногого, если бы всю свою борьбу за большевистские взгляды они ограничили подписанием документа. Все подписавшиеся должны стать неутомимыми пропагандистами оппозиции. Если можно подавать коллективное заявление, значит, можно и вербовать подписи, т. е. убеждать подписываться. Это право надо теперь завоевывать. Каждый из подписавшихся стариков должен привлечь десяток или хотя бы пяток молодых. Москва и Ленинград должны в кратчайший срок дать примерно по 500 подписей. Каждый подписавшийся обязан изучить документ, обязан оглашать его на всяком партийном собрании, где это возможно, обязан вербовать новые подписи.

Все это будет не верхушечная, а настоящая, серьезная, большевистская работа по завоеванию общественного мнения партии. За эту работу надо приняться со всех концов.

[*Зиновьев*]

[июнь 1927 г.]

ДВЕ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ ЦКК *

Первая речь

Троцкий: Прежде, чем приступить к своей защитительной или обвинительной речи – не знаю, как сказать, – я должен потребовать устранения из состава данного судилища тов. Янсона, как опороченного своей предшествующей деятельностью. Вы, конечно, все достаточно хорошо знаете, что с 1924 года существовала фракционная "семерка", состоявшая из всех членов Политбюро, кроме меня. Мое место занимал ваш бывший председатель Куйбышев, который должен был, по должности, быть главным блюстителем партийного устава и партийных нравов, а на деле был первым их нарушителем и развратителем. Эта семерка была нелегальным и антипартийным учреждением, распоряжавшимся судьбами партии за ее спиной. Тов. Зиновьев в одной из своих речей на заседании Центрального Комитета назвал Янсона, в качестве одного из участников в работах антипартийной семерки. Никто этого заявления не опроверг. Сам Янсон промолчал. Хотя в том же преступлении повинны и другие, но относительно Янсона имеются запротоколированные показания. Сейчас Янсон собирается меня судить за антипартийное поведение. Я требую отвода Янсона из состава судей.

Председатель Орджоникидзе: Это невозможно. Вы, вероятно, шутите, тов. Троцкий.

Троцкий: Я не имею привычки шутить в больших и серьезных вопросах. Я понимаю, что, может быть, Президиум поставлен моим предложением в несколько трудное положение, так как я опасаюсь, что в составе Президиума могут найтись и другие участники работы семерки. Но я ни в коем случае не собирался мое предложение превращать в шутку. Факт таков, что если это называлось "составлением повестки", то я, член Политбюро, в то время об этих собраниях ничего не знал. На этих собраниях вырабатывались меры борьбы со мной. В частности, там было выработано обязательство членов Политбюро не полемизировать друг с другом, а полемизировать всем против Троцкого. Об этом не знала партия, об этом не знал и я. Это длилось долгий период времени... Я не говорил, что тов. Орджоникидзе состоял членом семерки, но он принимал участие в работе этой фракционной семерки.

---

* В сокращении и с незначительными изменениями опубликованы в кн. Троцкого "Сталинская школа фальсификации", сс. 132–164. В русском примечании к варианту этой книги, предназначенному для перевода на иностранные языки, Троцкий о сделанных сокращениях написал следующее: "Ниже приводятся две речи, произнесенные автором этой книги на Президиуме ЦКК, игравшем роль судилища. В стенограмме обеих речей автором произведены значительные сокращения, относящиеся к таким вопросам, которые иностранному читателю были бы непонятны без подробных объяснений. В остальном речи печатаются так, как были произнесены, с небольшими стилистическими поправками" [1929]. – *Прим. сост.*

Орджоникидзе: Может быть, Янсон, а не Орджоникидзе, вы ошиблись?

Троцкий: Извиняюсь, хотя думаю, что эта ошибка чисто формальная. Я говорил действительно об Янсоне. Я не говорил, что тов. Янсон входил в состав самой семерки; нет, но он принимал участие в работах этой фракционной семерки, которая не предусмотрена уставом партии, действовала против устава и против воли партии, — иначе ей незачем было бы скрываться. Если здесь окажутся и другие товарищи, которые подобно Янсону, принимали участие в работе этой фракционной семерки, я покорнейше прошу и на них распространить мой отвод.

Смирнов: Я считаю...

Орджоникидзе: Слово имеет тов. Троцкий.

Троцкий: Так как тов. Янсон сделал попытку противопоставить объяснения тов. Зиновьева моим объяснениям по вопросу о методах и путях восстановления более нормальных отношений в партии и более согласованной работы, я начну с того, что целиком присоединяюсь к заключительным предложениям тов. Зиновьева.

Товарищи хотят сейчас дело представить так, что нас нужно вывести из Центрального Комитета из-за Ярославского вокзала, из-за речи Зиновьева по радио и из-за моего "поведения" на Исполкоме Коминтерна. Все это было бы убедительно, если бы не было нашей декларации, которую мы, оппозиция, подали в ЦК еще в начале июля прошлого года. По этому вопросу все пути вашей борьбы против нас подсказаны нами с полной ясностью и точностью; предсказано, как вы будете пользоваться придирками для того, чтобы осуществить ту программу перестройки партийного руководства, которую ваша фракционная головка задумала давно, еще до июльского пленума, до XIV съезда.

Предложение Президиума ЦКК о выводе тов. Зиновьева из Политбюро роздано было внезапно, перед соответствующим заседанием объединенного пленума, потому что на фракционной кухне не все еще было готово, кое-кого нужно было переубедить, или заставить от дела Лашевича протянуть "все нити" к Зиновьеву. Вот что мы писали в декларации "в деле Лашевича"... (читает).

Тогда еще Ярославского вокзала не было, но мы его предчувствовали, потому что тов. Ярославский был.

Янсон: Вокзал был еще до того времени, когда Ярославский был.

Троцкий: Ярославский был до того, как Ярославский вокзал стал политическим фактором в нашей жизни. А насчет Ярославского мы давно говорим: если хотите узнать, чего хочет Сталин достигнуть через полгода, пойдите на собрание и послушайте, что говорит Ярославский.

"Вопрос о т. н. "деле" Лашевича, — я читаю июльскую декларацию, — поставленный, согласно решению Политбюро от 24 июня, в порядок нынешнего пленума, неожиданно, в самый последний момент постановлением Президиума ЦКК от 20.VII превращен в "дело" тов. Зиновьева... Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является тов. Сталин".

А теперь вы хотите дать думать простакам, что мы будем выведены из ЦК в связи с Ярославским вокзалом.

"Мы имеем перед собою новый этап в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого плана. Уже вскоре после XIV съезда в широких, сравнительно, кадровых кругах партии шли настойчивые разговоры, источником которых является секретариат ЦК, о необходимости реорганизовать Политбюро в том смысле, чтобы отсечь ряд работников, принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми элементами, которые могли бы составить надлежащую опору для руководящей роли тов. Сталина. План этот встречал поддержку со стороны тесно спаянной группы ближайших сторонников тов. Сталина, наталкиваясь, однако, на сопротивление со стороны других элементов, отнюдь не примыкающим к какой-либо "оппозиции", – в том числе и с вашей стороны, тов. Янсон. "Именно этим" объясняется, без сомнения, решение руководящей группы проводить план по частям, пользуясь для этого каждым подходящим этапом. Расширение Политбюро, при одновременном переводе тов. Каменева из членов Политбюро в кандидаты, явилось первым шагом на пути заранее намеченной радикальной реорганизации партийного руководства. Оставление в составе расширенного Политбюро тт. Зиновьева и Троцкого, а в числе кандидатов – тов. Каменева, должно было давать партии видимость сохранения старого основного ядра, и тем самым успокаивать тревогу относительно подготовленности и компетентности центрального руководства. Уже через полтора-два месяца после съезда, наряду с продолжением борьбы против "новой оппозиции", была открыта одновременно в разных пунктах, прежде всего в Москве и Харькове, – точно по сигналу – новая глава в борьбе против тов. Троцкого. В этот период руководители московской организации открыто говорили на ряде активов, что ближайший удар надо нанести тов. Троцкому. Остальные члены Политбюро и ЦК, отнюдь не принадлежащие к "оппозиции", выражали неодобрение поведению руководителей московской организации, причем ни для кого не было тайной, что за спиной московских руководителей стоит секретариат ЦК. В этот период вопрос о предстоящем изъятии тов. Троцкого из Политбюро обсуждался в достаточно широких кругах партии, не только в Москве, но и в ряде других мест. Дело, возбужденное против тов. Лашевича, не внесло, по существу, ничего нового в основной план реорганизации партийного руководства, но побудило сталинскую группу внести некоторые изменения в способы проведения плана. Если до самого недавнего времени намечалось нанести первый удар тов. Троцкому, отложив вопрос о Зиновьеве до следующего этапа, чтобы постепенно приучить партию к новому руководству, ставя ее перед каждым новым частичным изменением, как перед совершившимся фактом, то "дело" тов. Лашевича, Беленького и др., ввиду их близких связей с тов. Зиновьевым, побудило руководящую группу изменить очередь и наметить нанесение ближайшего удара по тов. Зиновьеву... Выдвинутое в последний момент предложение – удалить тов. Зиновьева из Политбюро – продиктовано центральной сталинской группой, как

этап на пути замены старого ленинского руководства партии – новым, сталинским. План, по-прежнему, осуществляется по частям. Тов. Троцкий оставляется пока в составе Политбюро, чтобы, во-первых, дать возможность партии думать, будто тов. Зиновьев действительно устраняется в связи с делом Лашевича, и, во-вторых, чтобы слишком крутыми шагами не вызывать у партии чрезмерной тревоги. Не может, однако, составлять никакого сомнения, что вопрос о тов. Троцком, как и о тов. Каменеве, для сталинского ядра предрешен в смысле отсечения их от руководства, и что выполнение этой части плана остается только вопросом организационной техники и подходящих поводов, действительных или мнимых".

Вот эта организационная техника поручена сейчас вам, тов. Орджоникидзе. Организационная техника, т. е. подыскание подходящих поводов, действительных или мнимых. У вас нет действительных поводов, вы берете мнимые.

"Дело идет о радикальном изменении партийного руководства. Политический смысл этого изменения полностью оценен в нашем основном заявлении, составленном до того, как "дело" тов. Лашевича было превращено в "дело" тов. Зиновьева.

Здесь остается только добавить, что явно наметившийся сдвиг с ленинской линии получил бы несравненно более решительное оппортунистическое развитие, если бы намеченная сталинской группой перестройка руководства осуществилась на деле. Вместе с Лениным, который ясно и точно формулировал свою мысль в документе, известном под именем "завещание", мы, на основании опыта последних лет, глубочайшим образом убеждены в том, что организационная политика Сталина и его группы грозит партии дальнейшим дроблением основных кадров, как и дальнейшими сдвигами с классовой линии. Вопрос идет о руководстве партии, о судьбе партии. Ввиду изложенного, мы категорически отклоняем фракционное и глубоко вредное предложение Президиума ЦКК".

Как это, товарищи, звучит сейчас свежо и злободневно! Можно подумать, что это написано вчера, и что мы не предсказали, а задним числом обозрели то, что вы уже проделали. Я бы хотел пожелать, чтобы вы, просмотревши все ваши заявления и речи и, сопоставивши их с фактами, могли сказать со спокойной совестью, что вы предвидели весь тот путь, по которому идете... Вот это наше предсказание является для вас как бы шпаргалкой, по которой вы действовали и действуете еще сейчас.

Обвинения, предъявленные вами по моему адресу, это и есть же "подходящие поводы", которые вы отыскиваете в порядке данного вам технического поручения, в точном соответствии с нашим предсказанием, сделанным год тому назад. Это лишь один из этапов, не первый, но еще и не последний.

Вы предъявили мне два обвинения. Первое – мое выступление в ИККИ. Тов. Янсон изобразил только наполовину правильно то, что я сказал. У него выходило, будто я вообще отказывался дать объяснения по поводу своего поведения на ИККИ. Я перед каждым партийным со-

бранием, перед каждой ячейкой, тем более перед Президиумом ЦКК готов объяснить все мои заявления на Президиуме ИККИ. Я считал и считаю сейчас, что судить меня ЦКК ни в коем случае не может за мои выступления на пленуме ИККИ, как более высокого учреждения, и если тов. Янсону это непонятно до сих пор, он должен вдуматься в вопрос, перечитать устав Коминтерна и устав нашей партии. Он поймет тогда, что я прав, как был бы совершенно прав, отрицая право Губернской КК привлекать меня к ответственности за мое выступление в качестве члена ЦК партии.

Меня за мои выступления осудил Президиум ИККИ, который не передоверил своих прав ЦКК ВКП(б). Пленум ИККИ это есть Центральный Комитет нашей международной партии. На пленуме ИККИ я выступал, как член этого учреждения, там меня осудили в постановлении, которое вы знаете. А вы второй раз подвергаете меня суду за это мое выступление. Вы не имеете на это права. Когда я указал на это тов. Янсону, он сказал: "Но ведь пленум ИККИ поручил ЦК ВКП принять меры против дальнейшей фракционной работы оппозиции". Правильно. Но ведь здесь сказано ЦК, а не ЦКК, причем речь идет о дальнейшей фракционной работе, а никак не о выступлениях моих на Исполкоме Коминтерна. Тем не менее, повторяю, объяснения я с полной готовностью дал тогда, если бы было достаточно времени, изложил бы и сейчас. Вы имеете возможность познакомиться с документами, которые были представлены на пленуме ИККИ. Все, что произошло за эти немногие недели, придает десятикратную убедительность и правоту тому, что я излагал не только как свои взгляды, но, думаю, как взгляды всей так называемой оппозиции на этом пленуме Исполкома. (Шум в зале.) Повторяю: из всего мною сказанного мне ничего не приходится пересматривать, а речь тов. Сталина от 5 апреля, накануне переворота Чан Кайши, до сих пор скрыта от партии. Я на Исполкоме Коминтерна бросил тов. Сталину вызов: если ваша линия верна и если права резолюция Исполкома, которая говорит, что все предвидения Исполкома оправдались, покажите, что говорили вы за неделю до контрреволюционного – не личного, а классового переворота Чан Кайши. Я не говорю о тех простачках, которые говорят: а Муравьев разве не изменял? как будто в нашей собственной партии не было измен? и пр. Вздор! Там совсем другое дело, там произошел глубокий сдвиг классов, причем буржуазия, о которой говорилось, что мы ее используем и выбросим, как выжатый лимон, использовала на деле нас. Мы помогли ей сесть в стремя, она нас ногой отбросила, захватила всю власть, обескровила пролетариат. А за неделю до этого Сталин брал на себя ответственность за политическую линию Чан Кайши. Это худший обман партии, худший обман, – этого никогда не было в истории нашей партии, – говорят, что Центральный Комитет "все предвидел", а на деле было прямо противоположное. Ленин говорил, что честное отношение к партии – это выяснение дела, как было, вскрывание всех ошибок, совершенных руководством партии. Мы принесли все свои тезисы, все свои статьи на Коминтерн. А Сталин спрятал стенограмму. Я стучал во все двери, звонил во

все телефоны, чтобы получить эту стенограмму, Сталин ее не дал. А когда я бросил вызов Сталину на Коминтерне, когда я ему сказал, покажи свою стенограмму, он вышел и сказал: "Я не буду отвечать на личные выпады тов. Троцкого". Какие это личные выпады? Вы жертвуете головой китайского пролетариата во имя спасения престижа отдельных товарищей. Это есть величайшее преступление, которое вообще можно совершить в революционной партии.

Еще по вопросу об Исполкоме Коминтерна. Главное обвинение, которое мне бросили там, заключается в том, что Троцкий и оппозиция идут к блоку с ренегатом Масловым, который занимается травлей СССР. Я утверждаю, что и здесь обманывают нашу партию, и здесь обманывают рабочий класс. Группа Маслова не занимается травлей СССР. Я сам до некоторой степени верил осенью прошлого года в это на основании "Правды", когда не знал еще полной цены Марецким, и тем, кто там стоит за ними, под ними и над ними. Я верил этому и я подписал декларацию от 16 октября, в которой говорилось о том, что группа Маслова занимается травлей СССР. Но это неправда! У меня есть с собой последний номер журнала этой группы "Знамя Коммунизма" (2 июня 1927 г.). Напечатайте его для сведения всех членов партии, чтобы все увидели, как они занимаются травлей СССР. В подлейшей передовице "Правды" "Путь оппозиции" говорится и про них, что они чемберленовские агенты. А они в своей последней передовице, озаглавленной "Руки прочь от Советской России!", говорят: "Новый крестовый поход подготовляется против страны первой пролетарской революции. ...Только пролетариат может воспрепятствовать такой войне. Конечно, не посредством гнилых образований, вроде Англо-Русского комитета и проч. ...Если когда-либо было ясно, что только действительный, революционный, ленинский, коммунистический Интернационал способен отразить нападение на Советскую Россию, а стало быть, и на весь мировой пролетариат, так это в настоящий момент, когда все эти гнилые комитеты в полной беспомощности, в полном бессилии созерцают подготовку и нападение. ...Так как империалистической войне можно препятствовать только на революционном пути, и так как каждая надежда на всякую, хотя бы и самую левую разновидность реформизма, есть политика иллюзий, то нужно исправить совершенные преступления раскола, именно исключением всех левых элементов из Коминтерна".

Они требуют восстановления их в Коминтерне для того, чтобы защищать Советский Союз, который они объявляют страной первой пролетарской революции. "...Теперь не время прятаться за соображения престижа. На карте стоит кое-что побольше, чем репутация руководства, вся политика которого, если она не будет изменена, приведет к банкротству не меньшему, чем банкротство II Интернационала". Вы их обвиняете в ренегатстве, а я говорю, что в их среде есть лучшие революционеры, чем многие их обвинители.

"...Руки прочь от Советской России. Это легко сказать. Этот клич обязывает к тяжелой, лихорадочной, международной, пропагандистской и организационной работе, к которой даже и не приступлено, не-

смотря на то, что давно уже выясинлось все большее обострение конфликтов".

В числе других требований, статья выдвигает следующее: "Немедленное международное сплочение рабочих транспорта, военных и химических заводов под лозунгами "ни одного судна", "ни одного поезда с солдатами, оружием или амуницией против Советской России, ни одного солдата, ни пушки, ни газов, ни самолетов против Советской России; немедленная международная и революционная пропаганда против войны в наступательном ленинском духе против империализма при беспощадном скрывании того, что есть, т. е. без деятельности всех левых "реформистских друзей" Советской России и при организации революционного отпора".

"Руки прочь от Советской России! – мы бросаем всем рабочим этот клич, который обязывает к действию".

Я привел только часть статьи. Все номера этого издания по отношению к Советскому Союзу исполнены этого же духа. Марецкие обманывают партию и рабочий класс, отравляют сознание рабочего класса, отучают его отличать друзей от врагов, когда говорят, что можно питать надежду на Перселей и других и в то же время утверждают, что группа Урбанса, Маслова и других являются изменниками.

Второе обвинение – демонстративные проводы Смилги на Ярославском вокзале. Вы выслали Смилгу в Хабаровск. Я еще раз очень прошу условиться на каком-нибудь одном объяснении этой высылки. Шкирятов в комиссии воскликнул: "И в Хабаровске можно работать!" Если Смилга отправлен в нормальном порядке для работы в Хабаровск, то вы не смеете говорить, что коллективные проводы его были демонстрацией против Центрального Комитета. Если же это есть административная ссылка товарища, который в настоящее время нужен на ответственных, т. е. боевых советских постах, тогда вы обманываете партию, ведете двойную игру. Повторите ли вы снова, что отправка Смилги в Хабаровск является командировкой в обычном порядке на работу? И в то же время будете обвинять нас в демонстрации против ЦК? Такая политика является двурушничеством.

Передовица "Правды" от 22 июня. Мое время ограничено и я не могу сказать всего того, чего заслуживает эта передовица. Процитирую лишь несколько строк, сказанных по поводу того, что я на пленуме ИККИ заявил, что сейчас наиболее острой опасностью является партийный режим. На этом основании передовая статья под названием "Пути оппозиции", статья, которую не удосужился, к сожалению, прочитать председатель ЦКК, хотя эта статья написана накануне суда над нами, который здесь теперь происходит, и хотя сейчас все говорят: прочитайте статью Марецкого и вы узнаете, что будет говорить завтра Орджоникидзе, – эта статья говорит: "Политически эксплуатируя эти трудности, оппозиция тем самым поставила под знак вопроса верность ее пролетариату и большевистской партии в часы опасности. Ибо утверждать, что опаснейшей из опасностей является режим большевистской партии, значит на деле вторить классовым врагам СССР". Я не буду заниматься

ответами на возгласы тех сторонников и сторонниц Марецкого, которые и здесь присутствуют, и не буду заниматься моральной квалификацией этого субъекта. Я поставлю вопрос политически. В статье говорится, что оппозиция поставила под знак вопроса свою верность революции во время войны. Но у нас на дипломатических постах, т. е. самых боевых позициях, где сейчас, до войны, надо защищать Советский Союз, работают: Каменев, Раковский, Крестинский, Антонов-Овсеенко, Иоффе – сейчас не на дипломатическом посту, но старейший дипломат, который может понадобиться... Пятаков и Преображенский в Париже, недавно еще там был Рейнгольд; Копп в Стокгольме; Сафарова вы из Китая посылаете в Константинополь; Мдивани – в Персии; Аусем – в Константинополе; Уфимцев и Семашко – в Вене; Сокольников возвращается из Женевы; Канатчиков в Праге; Коллонтай в Мексике; Краевский приехал вчера из Аргентины. Ведь все это сплошь оппозиционеры, и это еще далеко не все. Я вас спрашиваю, товарищи, если оппозиция ставит под знак вопроса свою верность революционной стране и диктатуре пролетариата во время войны, то что сделать со штабом революционной армии, который на ответственные командные посты ставит "изменников" или кандидатов в изменники? Я был когда-то уполномочен нашей партией на руководство Красной армией, – я бы такой штаб расстрелял. Вы шутите с таким обвинением или нет?

Если вы имеете мужество поддерживать то, что говорят Марецкие и прочая чернильная дрянь сегодняшнего дня, то вы должны расстрелять или для начала хоть подвергнуть изоляции тех, кого вы подвергаете этому обвинению; но вы должны также разогнать Центральный Комитет, который осмеливается держать оппозиционеров на самых боевых постах в настоящее время, когда нам угрожает удавная петля империализма.

Почему же вы этого не делаете? Потому что знаете, что Марецкий лжет для обмана партии. Знаете и молчите. Знаете, что он прокладывает Сталину пути сознательной отравленной ложью. Вы молчите и покрываете. А вот из ТАССа "не для печати" есть телеграмма о том, как Раковский "защищает Советы", как, по выражению буржуазных газет, распинается в защиту деятельности советского правительства. Но это "не для печати". Для печати же – клевета о том, что оппозиция ставит свою преданность пролетариату под знак вопроса.

Ройзенман: Они не подписали заявления 83-х.

Троцкий: Не торопитесь, тов. Ройзенман. Крестинский уже прислал свою подпись. У вас уже была сегодня одна неудачная реплика в защиту Рафеса. Рафес был министром петлюровского правительства и требовал головы большевиков. Тов. Ройзенман, вы защищаете тех, кого не надо защищать. Я знаю, что вы прекрасный революционер-пролетарий, но вы обвиняете тех, кто прав, и защищаете тех, кто виноват. Вы и насчет Раковского подождите. А вот у меня заявление члена партии, которого я лично не знаю, Познанского. Это член партии с 1904 года, наборщик, который в дни Октябрьской революции, как мне рассказывали, принимал героическое участие в борьбе. (Голоса: Знаем. Уж и "героическое!".)

Зиновьев: (тов. Морозу) Мы вас тоже знаем. В 1918 году я вас арестовывал.

Мороз: В 1918 году я работал в ВЧК.

Зиновьев: Я говорю о члене МКК тов. Морозе. (смех.)

Троцкий: Так вот этот тов. Познанский прислал в Центральный Комитет 22 июня следующее письмо. (Реплики.) Повторяю, я его лично не знал, и никогда не слышал о нем, как об оппозиционере. Он особенно заинтересовал меня этим ярким письмом, после чего я навел справки и получил от абсолютно надежных партийцев те сведения, которые и привел. Вот это письмо. "В ЦК ВКП(б). Прочитав передовицу "Правды" от 22 июня с. г. "Путь оппозиции", я, в интересах единства партии и установления настоящей ленинской партдисциплины, присоединяю свою подпись к заявлению товарищей от 25 мая (т. н. заявление 83-х). Член ВКП(б) с 1904 г. № 0019773: Я. М. Познанский".

Я думаю, чем больше безнаказанной разнузданности будут проявлять Стецкие-Марецкие, тем больше подлинные старые большевики, сегодня колеблющиеся, не решившиеся или находящиеся под гипнозом формальной, а не революционной дисциплины, будут признавать правоту оппозиции.

Но от этих обвинительных кляуз я хочу сейчас же перейти к основным политическим вопросам.

Об опасностях войны. В заявлении, которое нами внесено в июле прошлого года, мы говорили: "Могущественным условием охранения Советского Союза, а значит, и поддержания мира, является неразрывная связь растущей и крепнущей Красной Армии с трудящимися массами нашей страны и всего мира. Все экономические, политические и культурные мероприятия, которые повышают роль рабочего класса в государстве, укрепляют его связь с батрачеством и беднотой и его союз с середняком – тем самым укрепляют Красную Армию, обеспечивают неприкосновенность страны Советов и укрепляют дело мира".

Этим самым показано, что мы год тому назад призывали вас заняться вопросом об опасности войны и об опасностях внутри СССР во время войны. Это не специальные вопросы. Это вопросы нашей классовой политики, всего нашего курса. Когда формальный глава государства, председатель ЦИК, Калинин, произносит в Твери речь о том, что нам нужны крепкие, сильные солдаты, а крепким и сильным солдатом может быть только середняк, беднота же таких солдат дать не может, потому что среди нее много хилых, – так ведь это же и есть открытый курс на крепкого "середняка", под именем которого проходит не кто другой, как кулак или кандидат в кулаки. Калинин забывает, что мы совершили Октябрьскую революцию, в которой худые и тощие победили рослых и крепких. Почему? Потому, что первых было и остается пока что гораздо больше. Вы скажете: Мало ли, что сказал почтенный Михаил Иванович! А вы его разве одернули? Нет, вы его не одернули, вы одернули нас, когда мы подвергли критике его линию, которая принижает бедняка и придает духу кулаку, – тому самому кулаку, которого скрывает присутствующий здесь Яковлев своими статисти-

ческими ухищрениями. Судить надо Яковлева, а он собирается нас судить.

Марецкие говорят, что мы, оппозиция, эксплуатируем опасность войны.

Опасность войны вы эксплуатируете сейчас для травли оппозиции и для подготовки ее разгрома. Смотрите: из всех работ Исполкома Коммунистического Интернационала, где мы обсуждали и вопрос об опасности войны, и вопрос о рабочем движении Англии, и особенно вопрос о Китайской революции, для сведения партии выпустили только одну красненькую тетрадку против оппозиции, причем даже и тут, как бы это выразиться, выкрали из стенограммы мою речь, сославшись на то, будто я ее еще "не исправил". Это и значит, что вы эксплуатируете военную опасность прежде всего против нас.

Что делают Стецкие-Марецкие сейчас? Что делается вообще в "Правде"? Разве она ставит, как следует быть, хоть один вопрос, связанный с международным положением, с нашей общей линией? Ведь за теоретический уровень "Правды" просто стыдно, ведь сейчас нечему учиться в ней! И весь вопрос о военной опасности эксплуатируется исключительно для того, чтобы наиболее отравленными средствами бороться против оппозиции.

Товарищи, не надо смешивать социалистическое отечество с начальством.

Мы заявляем: сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот. До тех пор, пока вы не вгоните нам в рот кляп, мы будем критиковать этот сталинский режим, который подорвет все завоевания Октябрьской революции, а они нам так же дороги, как и вам. Еще во времена царизма были патриоты, которые, по словам Щедрина, смешивали отечество с начальством. Мы не из их числа. У Щедрина сказано: "Такали, такали, да и протакали". У нас теперь в партии огромное количество "такальщиков", которые такают всему, чтобы им ни подсказали. Как бы не протакать Октябрьскую революцию! Мы будем критиковать сталинский режим, негодный, сползающий, идейно слабый, короткомысленный, недальнозоркий. Мы будет его с удвоенной силой критиковать именно потому, что видим опасность, именно потому, что ошибки Сталина в случае войны помножатся на 10 и на 100.

Тов. Янсон говорил, что мы смешиваем войну 1914 года с войной теперешней. Это пустяки! Разницу знаем не хуже вашего. Но в самом основном для нас, большевиков, эти войны одинаковы: это война буржуазии против пролетариата. В чем заключается гигантское различие? В том, что на одном фланге мы имеем пролетарскую диктатуру, что у мирового пролетариата есть Советский Союз. Советский Союз защищает в войне мировой пролетариат, а мировой пролетариат защищает Советский Союз. Но война ведется с мировым империализмом.

Каково же в этих условиях наше отношение к Перселю? Что такое Перселъ? Перселъ есть сейчас в гораздо большей степени агент империализма, чем в 1914 г. В этом вопросе наше отношение к Перселю должно

быть теперь такое же, как у Ленина в 1914 г., потому что мы ученики школы Ленина, потому что мы видели работу Перселя во время империалистической войны и после нее. Это наша позиция. А ваша? Вот чему учил Московский Комитет, послушайте:

"Англо-Русский комитет может и должен и несомненно сыграет (слушайте!) громадную роль в борьбе со всякими интервенциями, направленными против СССР. (Слушайте!) Он станет организующим центром международных сил пролетариата в борьбе со всякими попытками международной буржуазии затеять новую войну". (Слушайте!) (Материалы в проработке итогов июльского пленума ЦК ВКП. Агитпроп МК.)

Год мы стучались в ваше сознание по вопросу об Англо-Русском комитете. Мы вам говорили, что он губит развивающееся революционное движение английского пролетариата. Между тем, весь ваш авторитет, накопленный опыт большевизма, авторитет ленинизма, все это вы бросили на чашку весов на поддержку Перселя. Вы говорите: "но мы же его критикуем!" это и есть новая форма поддержки оппортунизма со стороны сползающих большевиков. Вы его "критикуете" – все мягче и реже – и остаетесь с ним в связи. А что он может сказать своим революционерам, когда они клеймят его, как агента Чемберлена? "Вот, смотрите, тот же самый Томский, член Политбюро, председатель ВЦСПС, который посылал деньги английским стачечникам, он меня критикует, но все же он идет со мной рука об руку: как же вы смеете меня называть агентом империализма?" Прав он будет или неправ? Прав. Вы сложным путем всю механику большевизма поставили на службу Перселю. В этом мы вас обвиняем. Это обвинение тягчайшее, – куда тяжелее, чем проводы Смилги на Ярославском вокзале.

Весь гигантский революционный авторитет нашей партии вы поставили на службу Перселю через Англо-Русский комитет. Агитпроп МК, громящий оппозицию за "социал-демократический" уклон, проповедует, что Англо-Русский комитет должен сыграть громаднейшую роль в борьбе со всякого рода интервенциями, направленными против СССР, что он станет организующим центром борьбы мирового пролетариата против империализма... Это все вы говорили, товарищи! Под суд надо отдать за такие вещи.

Что вы сделали из большевизма? Весь авторитет его, весь опыт, – теория Маркса и Ленина, – что вы из всего этого сделали за несколько лет? Вы говорили рабочим всего мира и нашим московским рабочим прежде всего, что в случае войны, Англо-Русский комитет будет центром, организующим борьбу против империализма. А мы говорили и говорим, что в случае войны Англо-Русский комитет будет готовым окопом для всех дезертиров из породы фальшивых полудрузей, для всех перебежчиков в стан врагов Советского Союза. Томас открыто поддерживает Чемберлена. Но ведь Перселъ поддерживает Томаса, и это самое главное. Томас держится рукой капитала. Перселъ держится обманом массы и поддерживает Томаса. А вы поддерживаете Перселя. Вы нас обвиняете в том, что мы поддерживаем Чемберлена. Нет, это у

вас получается на правом фланге цепь с Чемберленом. Это вы стоите в одном фронте с Перселем, который поддерживает Томаса, и вместе с ним – Чемберлена. Вот что говорит политический анализ, а не кляуза.

На собраниях, особенно на рабочих и крестьянских ячейках, говорят уже об оппозиции черт знает что, спрашивают, на какие де "средства" оппозиция ведет свою "работу"; рабочие, может быть, темные, несознательные, а, может быть, подосланные вами, задают такие вопросы, подают такие черносотенные записки... И есть подлецы-докладчики, которые смеют на эти записки уклончиво отвечать. Эту грязную, дрянную, гнусную, чисто сталинскую кампанию против оппозиции вы обязаны были бы прекратить, – если бы вы были ЦКК. Мы же не кляузами занимаемся, а делаем открытое политическое заявление: в одном фронте стоят Чемберлен и Томас, их поддерживает Персель, без его поддержки они – ничто, а вы поддерживаете Перселя, вы ослабляете этим СССР и укрепляете империализм. Вот это есть честное политическое заявление! И вес его вы сами сейчас чувствуете.

Теперь относительно китайской революции. Ярославский говорит, что Мартынов стал хорошим большевиком. Прекрасно! Но ведь за ним стоит Дан. В "Социалистическом вестнике" от 23 апреля и затем от 9 мая Дан целиком солидаризируется с Мартыновым и Сталиным насчет китайской революции. Дан называет нашу позицию "левым ребячеством", линию Радека называет "прикрытым ликвидаторством" совершенно так же, как и вы. Почему вы это скрываете, почему вы прячете от партии эти факты? Вы говорите, что Мартынов был меньшевиком, но ведь Дан и сейчас меньшевик. Почему же он солидаризируется с Мартыновым и Сталиным по основному вопросу о китайской революции? И почему вы это скрываете?

Я говорю, что курс на Англо-Русский комитет есть курс на раскол Коминтерна, ибо этот курс ведет к Амстердаму. Генсовет есть часть Амстердама, а Амстердам ведет ко II Интернационалу. Сейчас смешно по-ребячески (или плутовски) проводить принципиальную разницу между Амстердамом и II Интернационалом; в смысле характера рабочего движения, в смысле политической линии, в смысле руководства они едино суть, – там сидят одни люди, – один блок против большевиков. Линия на Амстердам есть линия на II Интернационал. Вы заявляете, что это "клевета". Нет, это есть политический вывод из ваших позиций. И вы к нему идете. В самое последнее время были, по-видимому, какие-то переговоры Удегеста с нашими делегатами в Женеве. Были они или нет? Я спрашиваю вас, я – член ЦК, – пока вы меня еще не "вывели", – я имею право знать все, что касается партии, я спрашиваю вас, были эти переговоры или нет? Удегест сначала заявлял, что были, и что большевики сейчас относятся к вхождению в Амстердам совсем иначе, чем год-два тому назад. В голландской печати это было напечатано. Во множестве газет перепечатано. Пролетариат всего мира читал это. Почему вы не скажете, что это неправда? Почему вы не опровергнете сообщение, которое читал весь международный рабочий класс? Почему вы все это скрываете от партии в бюллетенях ТАССа "не для печати"? Разве при

Ленине было возможно, чтобы социал-демократы заявляли на весь мир, что мы идем на объединение с ними, а мы бы не поиздевались над ними, не заявили, что это есть гнусная ложь? Почему это скрывается? Тут что-то есть. После своих первых заявлений Удегест стал дипломатично "опровергать" факт переговоров. Но вот что говорит об этом вчерашняя телеграмма ТАССа "не для печати": "Несмотря на это опровержение, "Де Стрид" печатает статью Стенгейса, руководителя голландских реформистских профсоюзов, в которой говорится: "Во время Международной Экономической Конференции в Женеве Удегест и Жуб вели переговоры с советской делегацией в Женеве. Эти переговоры имели для рабочего движения по меньшей мере, такое значение, как сама экономическая конференция. По-видимому, однако, было решено воздержаться от всяких сообщений по поводу этих переговоров. По нашему убеждению, это решение ошибочно. Международное единство имеет самое крупное значение для европейского рабочего движения. Союз между пролетариатом Европы и Азии настоятельно необходим. В первую очередь необходимо заключить союз с русскими профсоюзами. Мы не принадлежим к числу тех, которые собираются применять русскую тактику в Западной Европе и мы не пойдем на союз на любых условиях. Мы также против тех переговоров, которые предназначены "для галерки". Если Жуб и Удегест действительно вели переговоры с советской делегацией, вовсе не исключено, что переговоры вели к практическим результатам. Об этом рабочее движение должно быть поставлено в известность. Большинство организованных рабочих требует единства с русскими профсоюзами. Нам должны сообщить, содействовали ли переговоры с советской делегацией этому единству, а если нет, то почему они были безуспешными". (ТАСС.)

Орджоникидзе: Сокольников бы мог сказать все, он вел переговоры.

Троцкий: Я не знаю, вел ли переговоры Сокольников, или кто другой, но знаю, что если переговоры велись, то не иначе, как по поручению ЦК. Если же не велись, то надо открыто сказать, что это ложь.

Орджоникидзе: Никакого поручения нет.

Троцкий: Тогда я спрашиваю: почему же и первая, и вторая, и третья телеграммы ТАССа на этот счет – я одну оглашал в Комиссии, – почему эти телеграммы ТАССа по вопросу, где дело идет о жизни и смерти международного большевизма, скрываются от партии? Почему весь международный рабочий класс читает в газетах, что ВЦСПС идет к Амстердаму и не знает, правда это или неправда? Почему вы это скрываете? Ни у кого нет ясного представления о том, правда это или неправда.

Орджоникидзе: Я заявляю, что ничего подобного.

Троцкий: Тогда надо немедленно, завтра же напечатать в "Правде" статью, где должно быть разъяснено, что вся эта история – ложь. Ведь этими сообщениями совершается сейчас воспитание рабочих всего мира. Международный пролетариат считает, что ввиду приближения войны, большевики идут на сближение с Амстердамом. (Реплика.) А разве вы заслужили такого доверия, чтобы они заранее считали это ложью? Чем

Генсовет лучше Амстердама? Остальные части Амстердама отличаются только тем, что за последний год не имели случая так нагло и подло предавать своих рабочих, как Генсовет предал генеральную стачку и стачку горняков. Английский Генсовет есть сейчас самая гнусная часть Амстердама. А вы им пишете "дорогие товарищи". Почему же международный пролетариат должен всерьез думать, раз вы сами молчите об этом, что вы не идете в Амстердам? Разве вы сейчас такое доверие заслужили? И во времена Ленина никогда партия не рассчитывала на слепое доверие, а всегда опровергала ложь (если это была ложь). А сейчас вы, скрывая телеграмму, спекулируете на слепом доверии? Нет, тут что-то не так. И во всяком случае вы не укрепляете этим завоеванное Лениным доверие партии, а расходуете его и проматываете.

Если бы вы серьезно имели в виду опасность войны, как вы говорите, так разве возможны были бы те бешеные внутрипартийные репрессии, которые у нас сейчас разнуздываются все более и более? Разве можно сейчас швыряться первоклассными работниками, которые сбрасываются с военной работы, потому что, хотя они и готовы и умеют сражаться за социалистическое отечество, но считают ложной и гибельной теперешнюю политику ЦК. Смилга, Мрачковский, Лашевич, Бакаев – много у вас таких военных работников? Я слышал, что вы собираетесь снять Муралова с военной Инспекции за то, что им подписано заявление 83-х. С Перселем и с другими подобными "борцами против войны" вы вместе, а Муралова хотите снять с военной Инспекции. (Шум в зале.) (Реплика: кто вам докладывал?) Мне никто не "докладывал", но разговор идет широко.

Орджоникидзе: Вы спешите.

Троцкий: Вот это вы правильно сказали: я на 48 часов говорю раньше о том, что вы сделаете немного спустя, как и в июле прошлого года мы дали вам вперед весь маршрут вашей борьбы против нас. Теперь на очереди новый этап.

А слушатели Военной Академии и Академии воздушного флота? За оппозицию вы вышвыриваете лучших. Я успел собрать краткие биографии тех четырех слушателей, которых вы на днях выбросили накануне окончания ними военных академий. Одна биография Охотникова, вторая – Кузьмичева, третья – Бройдта, четвертая – Капеля. Вот первая. Охотников. Родился в 1897 г. Отец и мать – крестьяне (из Бессарабии); земли собственной не имели, работали на помещичьей земле. Образование – низшее. До 1915 г. работал у отца в хозяйстве и по найму извозничал. С 1915 года служил солдатом в царской армии. Во время февральского переворота был в г. Екатеринославе; от запасной батареи был избран в Совет солдатских депутатов, но в мае месяце за большевистское настроение был выслан на фронт в 4 армию, где был в дивизионном и корпусном комитете от 14 артиллерийской бригады. Во время Октябрьской революции, будучи контужен в бою, находился на излечении в госпитале. Выйдя из госпиталя в декабре 1917 г., организовал партизанский отряд и дрался против оккупантов-румын, действовал под руководством большевистской партии, а в 1918 году вступил в

подпольную организацию Бессарабии. Состоял председателем подпольного ревкома Телецкой волости и командиром партизанского отряда. за работу был дважды судим румынским Военно-полевым судом и приговорен к смертной казни, но скрылся. В 1919 году прибыл с партизанами на Украину, где вступил в 45 красную дивизию. Работал на различных командных должностях. Всю войну был на фронте, а по окончании неоднократно участвовал в борьбе против белых бандитов. В 1924 году прибыл в Военную Академию и, как не имеющий общего образования, был вначале определен на подготовительный курс. Перешел с 1 курса на 2-й курс с учебной оценкой "хорошо". Партийному взысканию подвергся в первый раз в феврале 1927 года за оппозиционные взгляды. Отчислен из Академии "за проводы Смилги".

Таких у меня пока четыре биографии, в основном друг от друга отличающиеся. Это – солдаты революции, солдаты партии, получившие ранения, награжденные грамотами ЦИКа, орденами Красного Знамени, закаленные революционеры, которые будут верны Октябрю, которые будут до конца бороться за Октябрь, – а вы их выгоняете из военных академий. Разве так готовятся к военной обороне революции?

Нас обвиняют, как известно, в пессимизме и маловерии. С чего началось обвинение в "пессимизме"? Это глупенькое, пошленькое словечко было выпущено, кажись, Сталиным. Между тем, для того, чтобы так плыть против течения, как мы плывем, нужно побольше веры в международную революцию, чем у многих из вас. С чего началось это обвинение в маловерии? С пресловутой теории о построении социализма в одной стране. Мы не поверили в эту теорию Сталина.

Зиновьев: Орджоникидзе в 1925 г. говорил мне: "пиши против Сталина".

Троцкий: Мы не поверили в это откровение, которое имеет своей тенденцией исказить в корне Маркса и Ленина. Мы не поверили в это откровение, и поэтому мы – пессимисты и маловеры.

А кто был предшественником "оптимиста" Сталина, знаете ли вы?

Я принес вам и врачу, если пожелаете, важный документ. Это статья Фольмара, известного впоследствии немецкого социалпатриота, написанная в 1879 году. Называется эта статья "Изолированное социалистическое государство". Ее следовало бы перевести и разослать всем членам ЦК и ЦКК, да и всем членам партии.

Орджоникидзе: Читали мы.

Троцкий: Ах, читали, – тем хуже, вы, значит, скрыли и это от партии.

Мы, марксисты, не привыкли так поступать. Как Маркс и Ленин подходили к делу, когда они находили у старых мыслителей, утопистов, анархистов какую-нибудь фразу, которая была намеком на позицию Маркса или Ленина в дальнейшем? Они с благодарностью открывали своих предшественников, писали о них, популяризировали их. У вас тоже есть предшественник. Почему же у вас нет благодарности по отношению к нему, почему вы не печатаете вашего первоучителя Фольмара, который, кстати сказать, гораздо серьезнее, умнее, экономически более прилично обосновал ту "идею", которой теперь так гордятся Сталин и

Бухарин? В чем же существо работы Фольмара? Эта работа была направлена против Маркса и Энгельса. Он не полемизировал с ними прямо – слишком большие авторитеты! – но для всякого марксиста абсолютно понятно, против кого направлены его речи. Он не называет фамилии, а говорит "некоторые". Сталин тоже сначала полемизировал против "некоторых" и "иных", когда выступал с самобытной мудростью. "Вопрос вот в чем, – пишет Фольмар, – должен ли социализм, для осуществления своих хозяйственных планов, восторжествовать одновременно во всем цивилизованном мире (у всех экономически передовых народов), или же возможно существование и отдельного социалистически организованного государства?"

Далее он приводит мнение тех "некоторых", которые говорят о невозможности построения социализма в одной стране. "Я придерживаюсь, – продолжает Фольмар, – противоположного взгляда. Я думаю – и в дальнейшем постараюсь доказать это, – что окончательная победа социализма в одном лишь (на первых порах) государстве не только исторически вероятна, но что для существования и процветания изолированного социалистического государства нет решительно никаких препятствий". ("Изолированное социалистическое государство" в "Ярбух фюр социальвиссеншафт унд социальполитик", 1879, сс. 54–74, Цюрих.)

Таким образом, немецкий социал-демократ Фольмар развивал теорию национального социализма еще в 1879 г., тогда как его эпигон, Сталин, стал создавать свою "самобытную" теорию только в 1924 году. Почему в 1879 году? Да потому, что это было время реакции, период большого сползания европейского рабочего движения вниз. Французская коммуна была разбита в 1871 году. До 1879 года не было во Франции революционного движения. В Англии либеральный тред-юнионизм, либеральная рабочая политика торжествовали по всей линии. Это было время самого глубокого упадка и английского, и континентального революционного движения. В Германии социал-демократия в это время развивалась довольно быстро. Вследствие этого противоречия Фольмар и прибег к самобытной теории социализма в одной стране. А знаете ли вы, чем кончил Фольмар? Он кончил архиправым баварским социал-демократом, шовинистом. Вы скажете, что сейчас обстановка не та? Конечно, общая обстановка сейчас не та. Но поражения пролетариата в европейских странах были за последние годы большие. Надежды на международную революцию, на ее непосредственную победу, как это было в 18–19 годах, – сейчас отодвинуты, и кое-кто из "оптимистов" большинства эту надежду вообще потерял, а потому и тянет к выводу, что можно обойтись без международной революции. Вот это и есть предпосылка для оппортунистического сползания к национально-ограниченной фольмаровщине, начиная с его теории социализма в одной стране.

Вы обвиняете нас, в связи с этой теорией и без связи с нею, в пессимизме и маловерии. Мы, оппозиция, – "небольшая кучка" пессимистов и маловеров. Партия – едина, и в ней все – оптимисты и многоверы.

Не слишком ли просто? Позвольте поставить вопрос таким образом: карьерист, т. е. человек, который домогается личных успехов, войдет ли сейчас в оппозицию? Разве лишь такой хитрец, который войдет, а потом сейчас же отойдет, чтобы тут же быть причисленным к "Лучшим представителям" нашей партии и страны. Но это, так сказать, исключительно гнусные фигуры. Если же взять карьериста, как среднюю фигуру, то я спрашиваю: пойдет ли такой карьерист при нынешних условиях искать свою карьеру через оппозицию? Вы знаете, – не пойдет. Шкурник пойдет ли в настоящих условиях в оппозицию, когда за оппозиционность выгоняют с фабрик и заводов в ряды безработных, таких пролетариев-большевиков, которые будут драться в случае нужды не хуже, чем все здесь присутствующие? Шкурник не пойдет. На примере рабочих-оппозиционеров мы видим, что, несмотря на репрессии, в рядах партии есть еще мужество бороться за свои взгляды. Первое качество всякого революционера – сметь плыть и против течения, уметь бороться и в самых худших условиях за свои взгляды. Я спрашиваю еще раз: обыватели, чиновники, шкурники пойдут в оппозицию? Нет, не пойдут. А многосемейные, уставшие рабочие, разочарованные в революции, по инерции остающиеся в партии, пойдут в оппозицию? Нет, не пойдут. Они скажут: режим, конечно, плохой, но пускай их делают, что хотят, я соваться не буду. А какие качества нужны для того, чтобы при нынешних условиях войти в оппозицию? Нужна очень крепкая вера в свое дело, т. е. в дело пролетарской революции, настоящая революционная вера. А вы требуете только веры защитного цвета, – голосовать по начальству, отождествлять социалистическое отечество с райкомом и равняться по секретарю. Если ты хозяйственник, если ты администратор, – страхуйся через райком, или через секретаря губкома.

Через что проверяется ваше многоверие? Через голосование на 100%. Кто в таком подневольном голосовании не хочет участвовать, тот старается иной раз ускользнуть через дверь. Секретарь не пускает, – ты должен голосовать, и именно так, как приказывают, – а уклоняющихся от голосования берет на учет. Что же, вы думаете, все это от самого пролетариата скрыть? с кем вы шутки шутите? Я спрашиваю вас: с кем шутки шутите? Вы шутите плохие шутки с собой, с революцией и с партией! Кто голосует всегда на 100% с вами, кто вчера по приказу "крыл" Троцкого, сегодня Зиновьева, завтра будет крыть Бухарина и Рыкова, тот никогда не будет стойким солдатом в трудный час революции. А оппозиция доказывает свою верность и свое мужество именно тем, что в труднейший период сползания и зажима не сдается, а собирает вокруг себя наиболее ценные боевые элементы, которых нельзя ни подкупить, ни запугать.

Янсон: Есть карьеристы и шкурники и среди оппозиционеров тоже.

Троцкий: Назовите. Тогда мы вместе с вами их выгоним, назовите только. Где они? Основное ядро оппозиции состоит из элементов, которых нельзя ни запугать, ни подкупить.

Партийный режим приглушает, удушает и сковывает партию и маскирует тот глубокий классовый процесс, который происходит в стране,

и с которым мы сталкиваемся при первых слухах о военной опасности, и столкнемся еще резче – при наступлении войны.

Ярославский: Прямо, как в 1910 году. Тогда вы то же самое говорили.

Троцкий: Вы на партийной ячейке несколько недель тому назад говорили, что Фын Юйсян – настоящий революционер.

Ярославский: Неправда.

Троцкий: Вы лжете, так же, как вы лгали насчет 1910 года. Я заявляю, раз вы поднимаете этот вопрос: я делал большие ошибки против Ленина и против партии, но никогда, и в самые острые минуты старой борьбы против Ленина я не был так далек от Ленина, как Ярославский сегодня.

Нынешний режим обезличивает авангард пролетариата, потому что не дает возможности сказать открыто и честно, откуда надвигается опасность, – а опасность угрожает пролетариату от непролетарских классов, весь последний период состоит в том, что пролетариат политически свертывается, а остальные классы развертываются, – кто этого не хочет понять, того, по-моему, скорее уж надо "выводить" в этот же момент из руководящих учреждений. И это свертывание и развертывание имеет свое выражение всюду. Каждый спец, каждый чиновник, каждая барыня, советская или полусоветская, знает, что рабочему теперь "не 18 год". Это вы услышите и в лавке, и на улице, и в трамвае. Это чувствует рабочий, чувствует работница. Устрялов является идеологом буржуазного наступления на пролетариат методом тихой сапы. У нас были съезды ученых, был съезд инженеров-химиков. Там веет новым духом. Один инженер сказал в речи: "Власть на местах, да не на месте". Ему аплодируют. Другой говорит о каких-то местных безобразиях. Коммунист ему успокоительно говорит: это-де головотяпство. На это инженер отвечает: "Да, но тяпают по головам нас, а не вас". Третий на этом же съезде химиков говорит с трибуны хозяйственнику-коммунисту: "Уберите красных директоров-коммунистов. Если вас за это выгонят, мы через два дня поставим вас снова на ваш пост". Вот черты, которые лучше характеризуют перемену обстановки, чем всякие рассуждения.

Я говорил прошлой осенью с одним партизаном-кавказцем. Он жаловался на недовольство партизан. "Чем недовольны, голодаете?" – "Нет, не голодаем, у нас край богатый, а оттерли нас от власти". – "Кто же у власти, кулаки, что ли?" – "Нет, кулаки еще не дошли до власти, а какая-то серединка, ни то ни се". Это буквально партизан говорит: "Кулак, – продолжает он, – тоже недоволен: "сила уже моя, а власть еще не моя". Если понадобится, я назову, когда, где и какой партизан мне это говорил. Это, товарищи, характеризует обстановку на Северном Кавказе. Но это же есть и в Москве.

С этим связан вопрос о рабочем государстве. Одна из многих постыдных лжей, которые через "Правду" систематически распространяются, состоит в том, будто бы я сказал, что наше государство не рабочее. Это сделано на основании фальсификаторского использования моей невыправленной стенограммы, где я просто излагал ленинское отношение к

советскому государству и противопоставлял его молотовской позиции. Ленин говорил, что мы взяли многое худшее из царского аппарата. А что вы говорите сейчас? Вы создаете фетиш рабочего государства и хотите освятить данное государство, как своего рода государство "божьей милостью". Кто является наиболее законченным теоретиком такого освящения? Молотов. Это его заслуга. Я вам еще раз прочитаю его слова. Мою критику Молотова вы скрыли, а "Правда" извратила. Но вот что говорил Молотов против Каменева на XIV Московской губпартконференции ("Правда", 13 декабря 1925 г.): "Наше государство – рабочее государство... Но вот нам преподносят формулу, что наиболее правильным было бы сказать так: приблизить рабочий класс к нашему государству еще ближе... как это так? Мы должны поставить перед собой задачу приближать рабочих к нашему государству, а государство-то наше какое, – чье оно? Не рабочих ли? Государство не пролетариата разве? Как же можно приблизить к государству, т. е. самих же рабочих приближать к рабочему классу, стоящему у власти и управляющему государством?" Вот слова Молотова. Это есть, товарищи, самая тупоумная критика ленинского понимания данного рабочего государства, которое может стать подлинно и до конца рабочим лишь при гигантской работе критики, исправления, улучшения. А у Молотова говорится, что данное государство есть некоторый рабочий абсолют, который нельзя уже приблизить к массам. И к этому бюрократическому фетишизму относится мое возражение, вернее, мое изложение ленинского анализа советского государства. А про меня партии говорили, что я отрицаю рабочий характер нашего государства. Неверно это. (Реплики.)

Здесь говорят: "Что нужно сделать?" Если вы впрямь считаете, что против указанных мною явлений ничего поделать нельзя, значит вы признаете революцию погибшей. Потому что на нынешнем пути она должна погибнуть. Значит, вы то и есть настоящие пессимисты, хотя и самодовольные. Между тем, поправить положение, изменив политику, вполне возможно. Но прежде, чем решать, что делать, надо сказать, что есть, в какую сторону идут процессы. Если вы возьмете такой больной вопрос, как жилищный, то окажется, что тут происходит два процесса, выражающиеся в цифрах, которые вы легко можете проверить: пролетариат суживается в жилищах, а другие классы расширяются. Я уже не говорю о деревне, которая широко строится. Конечно, строятся не бедняки, а верхушка, кулак и крепкий середняк. А в городах? Так называемые "кустари", т. е. мелкая буржуазия, хозяйчики, торговцы, спецы, – на каждого из них больше кубатуры в этом году. А на рабочего в этом году меньше кубатуры, чем в прошлом году. Прежде чем говорить о том, что сделать, надо честно констатировать факты. И точно так же, как в жилищном вопросе, так и в быту, в литературе, в театре, в политике: нерабочие классы расширяются, раздвигают локти, а пролетариат свертывается, сжимается.

Голос: А как же сделать, чтобы этого не было?

Троцкий: Если вы дадите мне час времени, я вам расскажу, как это сделать.

Орджоникидзе: Ваше время уже истекает.

Троцкий: Я прошу еще 15 минут. (Принято.) Повторяю: как в материальной области буржуазные классы расширяются, – это вы видите и на улице, и в лавке, и в трамвае, и в квартирах, – точно также и в политике: пролетариат в целом сейчас сжимается, а наш партийный режим усиливает классовое свертывание пролетариата. Это основный факт. Удар грозит справа – со стороны непролетарских классов. Наша критика должна быть направленной на то, чтобы пробудить в сознании пролетариата внимание к надвигающейся опасности, чтобы он не думал, будто власть завоевана раз навсегда, и при всяких условиях, будто советское государство есть некий абсолют, который является рабочим государством всегда и при всех условиях. Нужно, чтобы пролетариат понял, что в известный исторический период, особенно при ложной политике руководства, советское государство может стать аппаратом, через который власть будет сдвинута с пролетарской базы и приблизится к буржуазии, которая затем окончательно отбросит советскую оболочку и превратит свою власть в бонапартистскую. При ложной линии такая опасность вполне реальна.

Без международной революции не построишь социализма. Без правильной политики, рассчитанной на международную революцию, а не на поддержку Перселя, не только не построишь социализма, но погубишь и советскую власть. Надо, чтобы пролетариат понял это. Наша, оппозиции, вина, наше преступление в том, что мы не хотим усыпить себя и "оптимистически" закрывать глаза на опасности, стоящие перед нашей революцией.

Реальная опасность идет справа – не с правого крыла нашей партии, – правое крыло партии является лишь передаточным механизмом, – настоящая опасность, коренная опасность, идет со стороны поднимающих голову буржуазных классов, идеологом которых является Устрялов, этот умный, дальновидный буржуа, к которому прислушивался и от которого предостерегал Ленин. Вы знаете: Устрялов не нас поддерживает, он поддерживает Сталина. Осенью 1926 года Устрялов писал: "Теперь необходим новый маневр, новый импульс, выражаясь фигурально, необходим нэп. С этой точки зрения необходимо признать, что ряд фактических уступок оппозиции, на которые пошла недавно партия, не может не внушать серьезных опасений". Дальше: "Слава Политбюро, если покаянная декларация оппозиционных лидеров является результатом их односторонней и безусловной капитуляции. Но плохо, если она – плод компромисса с ними. В последнем случае борьба неизбежно возгорится... Победивший ЦК должен приобрести внутренний иммунитет против разлагающего яда оппозиции. Он должен сделать все выводы из ее поражения... Иначе это будет бедою для страны..." – "Так, – продолжает Устрялов, – должна подходить к делу внутрироссийская интеллигенция, деловая, спецовская среда, идеологи эволюции, а не революции".

Выводы Устрялова: "Вот почему мы сейчас не только против Зиновь-

ева, но и определенно за Сталина". Устрялов против того, чтобы вы исправляли "ошибки" инструкции об избирательных правах. Устрялов – за полный разгром оппозиции.

А что вы на это отвечаете? Вы хотите вывода оппозиции из ЦК, пока только из ЦК. Устрялов – буржуа, который знает историю великой французской буржуазии, он знает ее хорошо. И этот выразитель настроений новой буржуазии понимает, что только сползание самих большевиков может наименее болезненно подготовить власть для новой буржуазии. Устрялов пишет, поддерживая сталинский ЦК, что необходимо оградить (ч т о?) от разлагающего яда оппозиции. Он тоже, следовательно, согласен с вами, что оппозиция – это разлагающий яд, что нужно этот яд уничтожить, иначе будет "беда для страны". Это говорит Устрялов. Вот почему он не только против нас, но и поддерживает Сталина. Вдумайтесь в это. Тут перед вами не темные люди, несознательные или обманутые, которые думают, что оппозиция работает на английские деньги, – нет, Устрялов – человек очень сознательный, он знает, что говорит и куда идет. Почему же он вас поддерживает? Что он защищает вместе с вами?

Что говорит буржуазная английская экономическая газета "Стэтист" в своем номере от 11 июня? Послушайте: "...Наступил момент, когда правительство Сталина должно либо раздавить крайних и прекратить заграничную пропаганду полностью, либо само должно быть раздавлено группой Троцкого–Каменева–Зиновьева!!." Это говорит экономический орган английской буржуазии. Он пишет: наступил момент, в который нужно решиться выгонять. Этот самый вопрос вы сейчас и решайте.

Тов. Сольц, так мне передали недавно в беседе с одним из товарищей, подписавших заявление оппозиции 83-х, проводил аналогию с французской революцией. Что же, – я думаю, что это правильный метод, – я думаю, что это вполне правильно, и нужно бы сейчас переиздать для партии фактическое изложение и марксистское истолкование великой французской революции, особенно ее последнего периода. Это выйдет неплохое предостережение. (Тов. Орджоникидзе разговаривает.) Я подожду, пока перестанут мешать тов. Орджоникидзе, иначе я могу сказать что-либо антипартийное и некому будет меня остановить.

Янсон: Мы остановим.

Троцкий: Нет, анархические предупреждения для меня недействительны, мне нужны регулярные предупреждения председателя.

Тов. Сольц говорил с этим товарищем по поводу подписания им письма 83-х... Кстати, вот загадка: Сольц вызывает одного из подписавшихся и делает всяческие грозные предостережения, а официально вы не обвиняете нас почему-то в подписании письма 83-х. Как же так: Ярославский вокзал – преступление, преступлением является также мое выступление на Исполкоме Коминтерна, где я действовал, как избранный международным Конгрессом член Исполкома и в этом смысле вам не подсуден. А если бы не было Ярославского вокзала, чтобы делал тогда Ярославский без вокзала? (Реплики Ярославского не слышно...

Даже и без вас.) Я знаю, что вы и из ничего сварите обвинительный суп, вы превосходите того солдата, который варил суп из топора. Почему это заявление 83-х не упомянуто? Тов. Сольц вызывает товарища, мне его называли, это Воробьев. (Голос с места: информаторы?) Вы думаете, и впрямь намордник надеть на партию? Не информаторы, а товарищи, которые обличают безобразия в партии и правильно делают. Почему же в число обвинений вы не ввели заявление 83-х? Если вы считаете, что это заявление вполне лояльно и легально, т. е. что это такое заявление, которое в большевистской партии может быть сделано группой членов партии, – тогда великолепно, я это приветствую. Но по отношению к июльской декларации прошлого года вы действовали совсем не так. Я спрашиваю: вменяете ли вы мне в вину, считаете ли преступлением наше коллективное заявление? Или нет? Я опасаюсь, что ваш фракционный центр не разобрал еще этого вопроса. Я прошу, чтобы не было упущений в стенограмме, точно записать это: так как нас не обвиняют в подписании заявления 83-х, то я думаю, что происходит это не потому, что нынешний руководящий штаб готов создать в партии более здоровый режим, когда партийцы могут обращаться в ЦК с заявлениями, декларациями и указаниями (в этом случае не было бы и этого суда), а потому, что руководящий штаб еще не разобрался в этом вопросе.

Орджоникидзе: Вы все делаете для того, чтобы на самом деле прения и обсуждения вопроса приняли совершенно нежелательный характер...

Троцкий: Между неправотой и между незаконностью (не мне вам это разъяснять, потому что вы ведь стоите на страже именно законности), между неправотой и незаконностью есть большая разница. Я считаю, например, ваше поведение здесь неправильным, но я не могу считать его незаконным. Вы ведете неправильную линию, судите не того, кого нужно судить, но судите на основании партийных законов. Я хочу выяснить: считаете ли вы, что заявление 83-х неправильно по существу, т. е. политически, но законно с точки зрения партийного устава? Я так вас понял.

Насчет того, что я выражаюсь резко и проч., недостаточно по-товарищески что ли, я еще раз напоминаю тов. Орджоникидзе и прошу его прочитать статью "Путь оппозиции", где сперва говорится против оппозиции, что она выходит "за рамки товарищеской (!) критики", а потому, в порядке "товарищеского" внушения, говорится о том, что оппозиция ставит себя на роль помощников Чемберлена в войне. Пока вы этого не исправили, вам трудно будет внушить нам, оппозиционерам, правильный товарищеский тон, хотя мы вполне готовы всякое внушение по этому поводу принять. Тов. Сольц в разговоре с этим товарищем проводил, как сказано, аналогию с Великой французской революцией.

Тов. Сольц здесь присутствует, он лучше знает, что он говорил, и если я передам неправильно, он меня поправит. "Что означает заявление 83-х? – говорил Сольц. К чему это ведет? Вы знаете историю Великой французской революции, – до чего это доводило. До арестов и гильотинирования". Тов. Воробьев, с которым тов. Сольц говорил, спросил его:

"Что же, вы собираетесь нас гильотинировать?" На что Сольц очень пространно ему объяснил: "А как вы думаете, Робеспьеру не было жалко Дантона, когда он отправлял его на гильотину? А потом пришлось идти и Робеспьеру... Вы думаете, не жалко было? жалко, а пришлось..." Такова схема беседы. Я и говорю, что нам нужно сейчас во что бы то ни стало подновить наши знания о Великой французской революции, — это абсолютно необходимо. Можно начать хотя бы с Кропоткина, который не был марксистом, но народную, классовую подоплеку революции понял лучше Жореса. Во время Великой французской революции гильотинировали многих. И мы расстреляли многих. Но в Великой французской революции было две больших главы, одна шла так (показывает вверх), а другая шла этак (вниз). Вот это надо понять. Когда глава шла так — вверх, — французские якобинцы, тогдашние большевики, гильотинировали роялистов и жирондистов. И у нас такая большая глава была, когда и мы, оппозиционеры, вместе с вами, были расстрельщиками, — это когда расстреливали белогвардейцев и жирондистов, — мы были с вами расстрельщиками. А потом началась во Франции другая глава, когда французские устряловцы и полуустряловцы — термидорианцы и бонапартисты — из правых якобинцев — стали ссылать и расстреливать левых якобинцев — тогдашних большевиков. Я бы хотел, чтобы тов. Сольц продумал свою аналогию до конца и, прежде всего, себе самому сказал: по какой главе Сольц собирается нас расстреливать? (шум в зале.) Тут не надо шутить, революция дело серьезное. Расстрелов никто из нас не пугается. Мы все — старые революционеры. Но надо знать, кого и по какой "главе" расстреливать. Когда мы расстреливали, то твердо знали, по какой главе. А вот сейчас, — ясно ли вы понимаете, тов. Сольц, по какой главе собираетесь расстреливать? Я опасаюсь, тов. Сольц, что вы собираетесь нас расстреливать по устряловской, т. е. термидорианской главе.

Когда у нас говорят "термидорианцы", — то думают, что это ругательство. Думают, что это были заядлые контрреволюционеры, сознательные сторонники королевской власти, и прочее. Ничего подобного! Термидорианцы были якобинцами, только поправевшими. Якобинская организация, — тогдашние большевики, — под давлением классовых противоречий в короткий срок дошла до убеждения в необходимости низвергнуть группу Робеспьера. И вы думаете, что на другой день после 9 термидора они сказали себе: теперь мы передали власть в руки буржуазии? Ничего подобного! Возьмите все газеты того времени. Они говорили: мы уничтожили кучку людей, которые нарушали в партии покой, а теперь, после гибели их, революция восторжествует окончательно. Если тов. Сольц сомневается в этом...

Сольц: Вы повторяете мои слова почти что.

Троцкий: Тем лучше. Если мы с вами сошлись в этом, тов. Сольц, то это нам весьма поможет разрешить вопрос о том, какую главу вы собираетесь открывать разгромом оппозиции. Одно надо понять твердо: если не взяться за то, чтобы выправить классовую линию партии, как следует быть, тогда внутри партии неизбежно придется идти по линии, указанной

Устряловым, т. е. по линии беспощадной борьбы против оппозиции. Если вы будете упорствовать на линии Сталина, то должны будете идти по ней до конца.

Я вам прочитаю, что говорил Бриваль, один из правых якобинцев, термидорианцев, когда он докладывал о том заседании Конвента, где Робеспьера и других якобинцев предали революционному трибуналу: "Интриганы-контрреволюционеры, прикрывшись тогой патриотизма, хотели погубить свободу; Конвент декретировал, что они подлежат аресту этн представители – Робеспьер, Кутон, Сен Жюст, Леба, Робеспьер младший. Каково же было ваше мнение? – спросил меня председатель. Я ответил: – Кто всегда голосовал в духе принципов Горы как в Законодательном Собрании, так и в Конвенте, тот голосовал за арест; я сделал даже более, так как я являюсь одним из людей, предложивших эту меру; кроме того, в качестве секретаря, я поспешил подписать и разослать этот декрет Конвента".

Вот как докладывал тогдашний Сольц или Яисон. Контрреволюционеры – это Робеспьер и его единомышленники. "Кто всегда голосовал в духе принципов Горы", на языке того времени значило: "кто всегда был большевиком". Бриваль считал себя старым большевиком. "В качестве секретаря я поспешил подписать и разослать этот декрет Конвента". И теперь есть секретари, которые спешат "подписывать и рассылать". И теперь есть такие секретари...

Послушайте далее воззвание Конвента к Франции, к стране, к народу, после того, как были изничтожены Робеспьер, Сен-Жюст и другие: "Граждане, среди блестящих побед над внешними врагами, Республике угрожает новая опасность... Работа Конвента окажется бесплодной и храбрость армий утратит всякое значение, если французские граждане будут колебаться в выборе между родиной и несколькими отдельными лицами... Повинуясь голосу родины, не становитесь в ряды злонамеренных аристократов и врагов народа, и тогда вновь спасете родину".

Они считали, что на пути к торжеству революции стояли интересы "нескольких отдельных лиц"; они не понимали, что эти "отдельные лица" отражали низовую революционную стихию тогдашнего времени. Эти "несколько лиц" отражали ту стихию, которая шла против "неонэпа" и против бонапартизма. Термидорианцы думали, что дело идет о смене лиц, а не о классовом сдвиге. "Повинуйтесь голосу родины, не становитесь в ряды злонамеренных аристократов". Аристократы – это друзья Робеспьера. И разве не слышали мы сегодня той же клички "аристократ" по моему адресу из уст Янсона?

Я мог бы вам привести статьи, где говорится о революционных якобинцах, как об агентах тогдашнего Чемберлена – Пита. Поистине поразительная аналогия! Теперешний Пит карманного масштаба – это Чемберлен. Возьмите историю Олара. "Враги не ограничились тем, что убили Робеспьера и его друзей: они оклеветали их, выставив в глазах Франции роялистами и людьми, продавшимися чужеземцам". Такова дословная цитата. А разве сейчас статья "Правды", "Путь оппозиции", не сбивается на подобный путь? Кто знает последнюю передовицу "Правды", тот

должен почувствовать ее запах. Этот запах "второй главы" бьет в нос. Запах второй главы есть устряловщина, которая пробивается уже через официальное учреждение нашей партии, и которая разоружает революционный авангард пролетариата, в то время, как партийный режим душит всякого, который борется против Термидора. В партии задушен массовик. Рядовой рабочий молчит.

Вы хотите новой "чистки" во имя молчания. Таков режим в партии. Вспомните историю якобинских клубов. Там были две главы чисток. Когда волна шла такая (вверх), тогда выбрасывали умеренных; когда линия стала загибаться вниз, тогда стали выбрасывать революционных якобинцев. До чего довели эти якобинские клубы? В них установился режим запуганности и безличия, ибо заставляли молчать, требовали стопроцентных голосований, воздержания от всякой критики, заставляли думать так, как приказано сверху, отучали понимать, что партия, – это живой, самостоятельный организм, а не самодовлеющий аппарат власти. Тогдашняя ЦКК, – тогда тоже были учреждения, которые выполняли ваши функции – вместе со всей революцией проделала две главы. Во второй главе она отучала членов партии мыслить, заставляя принимать все идущее сверху на веру. И якобинские клубы, очаги революции, стали рассадниками будущих наполеоновских чиновников. У Французской революции должно учиться. Но неужели же ее нужно повторять? (Реплики.)

Не для фракционной шуточки мы говорим это. Никто не рискует из-за мелочей, из-за пустяков, такими большими вещами, какими мы с вами рискуем. Я не знаю, есть ли это последнее мое объяснение по этим вопросам в этом составе. Не знаю, как быстро вы будете выполнять дальше тот маршрут, о котором я говорил в начале речи. Но эти отведенные мне час двадцать минут я хотел использовать не для того, чтобы опровергать жалкие мелочные обвинения, которые вами мне предъявлены, а для того, чтобы поставить основные вопросы разногласий.

Перечитайте речи Ленина, посвященные разногласиям, – вы увидите, что в критические моменты он двумя-тремя словами отметал все мелкое и несущественное, что всегда сопровождает внутреннюю борьбу, и ставил ребром важнейшие вопросы. В настоящее время мы также ставим перед вами основной вопрос:

Что делать, чтобы избежать раскола? И возможно ли это? Если бы мы жили в условиях доимпериалистической войны, до революции, в условиях сравнительно медленного накопления противоречий, я думаю, что раскол был бы несравненно более вероятен, чем сохранение единства. Было бы преступно обманывать себя насчет глубины разногласий.

Я определенно сказал в тройке, что раскол был бы более вероятен, чем сохранение единства, если бы мы жили в прежних, дореволюционных условиях, когда противоречия накапливались медленно.

Но сейчас положение другое. Наши разногласия страшно обострились, противоречия стали очень большими. За самый последний период ходом китайской революции разногласия снова чрезвычайно выросли. Но в

то же время у нас есть, во-первых, гигантский революционный заряд в партии, есть гигантское идейное богатство накопленного опыта в работах Ленина, в программе партии, в традициях партии. Вы многое из этого капитала промотали, многое подменили дешевкой "новой школы", которая сейчас в партийной печати господствует. Но осталось еще много чистого золота. Второе, – это нынешний исторический период крутых поворотов, гигантских событий, колоссальных уроков, на которых надо и можно учиться.

Если бы не было событий китайской революции, наши отношения так не обострились бы. Мы спорили, например, относительно заработной платы рабочих. Это, конечно, очень важный вопрос. Помимо непосредственно практического значения, он имеет для нас и значение симптоматическое, показывая, куда устремляется внимание, заставляя проверять, достаточно ли внимательное отношение руководящего большинства к элементарнейшим и насущнейшим запросам рабочего класса, на котором мы держимся. Все это, конечно, имело и имеет большое значение, но для оценки линии – значение скорее симптоматическое. А теперь совсем другое дело. Если бы не было последних событий китайской революции, наши отношения не дошли бы сегодня до такой остроты. Но китайская революция и ее события налицо, – и наши отношения страшно обострились: налицо – две линии. Но, товарищи, здесь как раз можно сказать – чем ушибся, тем и лечись.

Имеются грандиозные факты, дающие проверку двум линиям. Но не смейте эти факты скрывать. Рано или поздно они все же станут известны. Нельзя скрыть победы и поражения пролетариата. Партии можно облегчить или затруднить ознакомление с этими уроками, и усвоение их. Вы затрудняете. Вот почему мы, именно мы, являемся оптимистами. Мы говорим, что мы выравняем политику партии без раскола. Мы боремся и будет бороться за линию Октябрьской революции. Мы настолько глубоко убеждены сейчас в правоте нашей линии, что не сомневаемся, что эта линия пробьется в сознание пролетарского большинства нашей партии.

Те, кто ведут борьбу против этой линии путем репрессий; те, которые так пишут, как "Правда", ведут к расколу в короткий срок, – это бешеные пессимисты, фракционные кляузники, загнанные историей в тупой угол. Они уже не надеются на идейную победу, им остается только один путь – отсечения...

Какова же обязанность в таких условиях ЦКК? Мне кажется, в таких условиях обязанность ЦКК должна бы заключаться в том, чтобы создать на этот крутой, переломный период более здоровый и гибкий режим в партии, дабы дать возможность гигантским событиям проверить борющиеся линии без потрясений. Каждый из нас пригодится партии. Но надо дать возможность и оппозиции проверить себя, разумеется, в пределах устава партии, сохраняя все те рамки его, которые для этого установлены. Раскольников надо отстранить, лишить их возможности раскалывать партию. Надо обеспечить партии возможность идейной самокритики на основе больших событий. Если это будет сделано, утверждаю, прой-

дет год-два – и курс партии выправится. Конечно, не все здесь присутствующие будут заседать в тех же учреждениях, что и теперь. Но партия свое единство сохранит. И я повторяю, что сказал в тройке, и что сейчас направляю против философии тов. Сольца: не надо спешить, не надо принимать таких решений, которых потом не исправить. Смотрите, чтоб вам не пришлось сказать: мы расстались с теми, кого нужно было сохранить, а сохранили тех, с кем нужно было расстаться.

Орджоникидзе: Переходим к прениям. Слово имеет тов. Сахарова.

Вторая речь

Троцкий: Это была "обвинительная" речь ответственного партийного товарища, члена президиума ЦКК. Не на митинге, не на массовке, не по шпаргалке Ярославского, где говорят все, что угодно, только бы против оппозиции, а на высшем партийном органе... И это говорит "обвинитель"... А факты все-таки сильнее вас. Высшие органы партии, разумеется, имеют огромное значение. Но факты сильнее вас. Вот я пришел сегодня с утреннего заседания и застал у себя две телеграммы "не для печати", которые снова опровергают то, что вы говорите. Одна, как нарочно, об Англо-Русском комитете, а другая – о китайской революции. Они скрыты от партии. Первая телеграмма: "ЛОНДОН, 22 июня (ТАСС). Генеральный совет профессиональных союзов рассматривал сегодня сообщение Хикса и Ситрина из Берлина от 18 июня о свидании их с представителями ВЦСПС и постановил передать его, а также резюме переписки с ВЦСПС в комиссию по международным сношениям для доклада".

Наши представители, оказывается, уже виделись с представителями Генсовета. В Англии об этом свидании буржуазная печать уже говорит, а мы пока ничего не знаем.

Петерс: Как не знаем, везде напечатано.

Троцкий: Напечатано было, что будет свидание. Но уже во всей Европе говорят о самом свидании, доклады есть. А телеграммы ТАССа – "не для печати". Слушайте далее: "Кроме того, Генеральный совет обсуждал текст заявления, которое будет принято им на следующем заседании. Очередное заседание совета нормально должно состояться лишь в июле и профсоюзные круги усматривают в этом признак того, что Генеральный совет не согласен на созыв Англо-Русского комитета. В беседе с представителем ТАСС, корреспонденты газет по вопросам рабочего движения, близкие к правому крылу совета, охарактеризовали создавшееся положение, как объявление войны русским".

Итак, решили передать предложение о созыве Англо-Русского комитета в комиссию по международным делам для доклада. Этот саботаж совершенно правильно оценивается, как "объявление войны русским". Такова телеграмма, которая сегодня пришла из Лондона, но объявлена "не для печати". Что, мы – не имеем права знать это? И какие это такие "аристократы" скрывают от миллионной партии такую телеграмму?

Центральный Комитет должен ответить партии, кто скрывает такие телеграммы? Почему скрывает? А главное, кто оказался прав в отношении всей оценки Англо-Русского комитета? Год тому назад Московский Комитет говорил, что Англо-Русский комитет сыграет большую роль в случае военной опасности. Военная опасность давно налицо. Томский был в Берлине, имел там совещание. И что же? Предложение о том, чтобы собрать Англо-Русский комитет передается в комиссию по международным делам для доклада: Генсовет объявляет войну нам, а не Чемберлену. Это один факт.

Вот второй. Телеграмма из Наузна: "НАУЭН, 22 июня (Радио). Генерал Фын Юйсян со штабом посетил Чан Кайши в главной квартире нанкинской армии и обсуждал вопрос о военном сотрудничестве. Шанхайская печать предвидит разрыв Фын Юйсяна в Ханькоу, тогда как коммунистические круги утверждают, что Фын Юйсян ведет переговоры от имени Ханькоу". Что верно? И то, и другое может быть верно. Может быть, Фын Юйсян действительно уполномочен на это ханькоускими предателями, а может быть, и то, что Фын Юйсян вступил в блок с Чан Кайши против Ханькоу. И когда тов. Орджоникидзе в объяснение таких явлений говорит, что у них нет Ворошиловых и Буденных, то он опрокидывает на голову весь вопрос. У нас в 1917 г. тоже не было Буденных и Ворошиловых. Но основная задача состояла тогда в том, чтобы разложить вражескую армию. В Китае есть только вражеские армии. Задача большевика заключается прежде всего в том, чтобы разложить вражеские элементы армии. Ибо смешно, с точки зрения большой революционной перспективы, видеть сейчас задачу в северном походе. Чей это поход? Не в северном походе заключается сейчас наша задача, а в организации похода рабочих и крестьян против господствующих классов, связанных с империализмом. Вот наша задача! Только из революционного похода рабочих и крестьян против господствующих классов – против помещика, милитариста, реакционного гоминдановского генерала, ростовщика – только и вырастет китайская красная армия. А никак не в сталинской погоне за генералами! Вы слышали, как эта новая школа говорит (тов. Зиновьев здесь цитировал статью одного из красных профессоров новоменьшевизма): "Оппозиция провоцирует на конфликты с генералами". Мы не только "провоцируем" на конфликт с генералами, мы прямо и открыто призываем каждого китайского солдата, каждого китайского рабочего, каждого революционного крестьянина объединяться против генералов, строить солдатские Советы, травить, изгонять и истреблять помещиков-офицеров, создавать для этого солдатские революционные трибуналы, создавать свои крестьянские Советы в революционных провинциях. В этом состоит основная задача. Нельзя ссылаться на то, что у них нет своих "Ворошиловых" и "Буденных". Откуда же им взяться? Если поведем революционную линию, то создадим и красную армию. Или, как Ворошилов поучал на окружной конференции: там в Китае, нет-де революционных кадров, чего же с них и требовать?.. Чудовищно! Разве ленинская линия не была предпосылкой

создания революционных партийных кадров? Разве на мартыновской линии в Китае можно создать революционные кадры? Разве молодость партии оправдывает меньшевистскую линию? Разве допустима та линия, которую проводит сейчас, под нашим руководством, коммунистическая партия в Китае? За большевизм против меньшевизма идет сейчас у нас с вами борьба, за судьбу китайской революции.

Некоторые из выступавших здесь как бы щеголяли тем, что не отличают Чен Дусю от Тан Шенчжи или Тан Пинсяна.Это, товарищи, в большевистском высшем органе! Конечно, нельзя запомнить все имена, но ведь это основные имена. Как же так? Я говорю вам: это направление, это курс. Как же можно на ЦКК говорить: "какие-то там Тан Пинсяны, черт их знает". Разве можно их теперь не знать? А если не знаешь, – нужно молчать, не говорить по такому вопросу. Ведь мы отличали Керенского от Корнилова, отличали коммуниста от эсера, от меньшевика? Если вы хотите руководить китайской революцией, вы, ЦКК, – а вы на объединенном пленуме вместе с ЦК будете обсуждать и решать этот вопрос, – то как же не знать этих имен да еще похваляться? Это недопустимый нигилизм по отношению к китайской революции, от которой наша судьба зависит не меньше, чем от нашей промышленности, или от нашей армии.

Я принимаю с удовлетворением заявление тов. Янсона о том, что мы можем в любое время прийти в рабочую ячейку и говорить там в защиту наших взглядов и можем при этом пострадать только в том отношении, что рабочие нас отвергнут, а не в том, что ЦКК нас будет преследовать.

Я с удовлетворением принимаю к сведению, что заявление 83-х (теперь их гораздо больше) не есть нарушение партийной дисциплины, откуда я делаю вывод, что всякая репрессия по отношению к подписавшим заявление будет нарушением партийного устава. Я приму все меры к тому, чтобы о каждом случае таких репрессий доводить, по мере силы и возможности, до сведения тов. Орджоникидзе. Но я должен сказать, что это не есть позиция Ярославского. Я должен еще прибавить, – может быть, я пессимист и маловер, – но я считаю, что позиция тов. Ярославского сильнее, чем позиция тов. Орджоникидзе, потому что Ярославский гораздо тверже, решительнее и последовательнее проводит нынешний курс.

Я с удовлетворением принимаю к сведению заявление тов. Сольца о том, что я могу подвергнуть принципиальной критике его статью по вопросу о браке. Я с удовлетворением констатирую, что большинство здесь поддерживает это предложение тов. Сольца. Я с удовлетворением констатирую, что присутствующий здесь секретарь редакции "Правды" тов. Ульянова, не протестует против этого.

Я принимаю к сведению заявление тов. Ройзенмана относительно возбуждения им расследования о злосчастных пробках, с которыми продают водку, с новыми советскими лозунгами: "Без водки еда рот дерет", "Пьяный проспится".. и пр. и пр. Я получил по этому поводу записку от нашего председателя с очень кратким и выразительным словом – "гадость". Я должен, однако, сказать, что пробка не живет

сама по себе, она дополняет лишь тот факт, что рабочее государство продает водку.

Орджоникидзе: Зиновьев сам был за это, а я был против этого.

Троцкий: Если он был за, то он ошибался. Если вы были против, – вы были правы. Надо, наконец, понять, что при царском режиме водка означала плюс для государственного бюджета и минус для частного хозяйства. Это было при царской системе. А что она означает при социалистической системе? Она означает плюс для государственного бюджета и минус для государственного хозяйства. Я утверждаю, что, помимо всех прочих последствий, вроде этих лозунгов, минус для государственного хозяйство гораздо больше, чем плюс для бюджета, и что мы таким образом ведем работу против самих себя.

Я с удовлетворением констатирую, что председатель оборвал тов. Ярославского, когда тот осмелился говорить об аресте мною Мясникова и о расстреле коммунистов. Я должен сказать, что подлые слушки о том, что я расстреливал коммунистов пущены в оборот довольно давно. И я должен вам рассказать, как реагировал Владимир Ильич на гнусные сплетни о том, что я расстреливал коммунистов. Товарищи, у меня здесь есть копия бланка, который в подлиннике написан и подписан Ильичем. Оригинал я сдал несколько лет тому назад в Институт Ленина. У меня остался фотографический снимок, а это вот копия, написанная на машинке.

Сверху написано "председатель Совнаркома". Эти вот строки написаны рукою Ленина в самом низу страницы. Здесь сказано: "Товарищи. Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)".

Написано это рукой тов. Ленина. Когда он мне это вручил, и внизу чистой страницы были написаны эти вот строки, я недоумевал. Он мне сказал: "До меня дошли сведения, что против вас пускают слухи, что вы расстреливаете коммунистов. Я вам даю такой бланк и могу дать вам их сколько угодно, что я ваши решения одобряю, а наверху страницы вы можете написать любое решение и на нем будет готовая моя подпись". Это было в июле 1919 года. Так как много распространяется теперь сплетен про мое отношение к Владимиру Ильичу и, что гораздо важнее, про отношение Владимира Ильича ко мне, то я хотел бы, чтобы ктонибудь другой показал бы мне вот такую карт-бланш, вот такой незаполненный бланк за подписью Владимира Ильича, где Ленин говорит, что он заранее подписывает всякое мое решение, – а тогда от этого решения часто зависела не только судьба отдельных коммунистов, но и нечто большее. Так обстояло дело. Но я думаю, что и в этом вопросе Ярославский окажется сильнее Орджоникидзе, и по ячейкам пойдет версия Ярославского, а не то, что его тов. Орджоникидзе здесь осадил. Потом и сам Орджоникидзе скажет: "Ничего не поделаешь, массы требуют, а впрочем, я и сам убедился из речи Троцкого..."

Орджоникидзе: Какое предвидение!

Троцкий: Я с удовлетворением принимаю к сведению, что тов. Орджоникидзе осуждает передовицу "Правды". Но 500 тысяч экземпляров, отравленных клеветой, – политический факт, а осуждение тов. Орджоникидзе останется в четырех стенах. Ярославские имеются и в губерниях и в уездах. Статья Марецкого, или как там его звать, это сталинский камертон для уездных, губернских и иных Ярославских. Кампания пойдет по этому камертону. Это грязная спекуляция на черносотенных инстинктах наименее сознательных слоев.

Ярославский: Я протестую против клеветнических выпадов. Вы сами черносотенец. (Орджоникидзе звонит.)

Троцкий: Я с удовлетворением принимаю к сведению заявление тов. Орджоникидзе, что по его мнению, как и по моему, бюрократизм за последний год вырос.

Ярославский: Я протестую.

Розит: Тогда надо призвать к порядку клеветника.

Орджоникидзе: Никто вас не уполномачивал делать заявление.

Троцкий: Вопрос не просто в числе чиновников, вопрос в режиме, в курсе, в подходе управляющих к управляемым. На секретном узком активе в районе, где фракционный доклад против оппозиции делал секретарь райкома Яковлев, выступила одна работница и сказала примерно так: "Все это правильно, с оппозицией надо расправиться, но вот беда в чем: когда человек почище приходит в райком, его сразу направят, куда надо, а когда приходит работница, посерее, погрязнее, она стоит в передней". Это говорила работница, член райкома. Такие голоса раздаются все чаще. Они означают не только то, что увеличилось число бюрократов, а что правящие круги все более и более врастают в верхние слои советско-нэповского общества, что создаются два слоя, два образа жизни, два рода привычек, два рода отношений или, если резкими словами сказать, создаются элементы бытового двоевластия, которое, при дальнейшем развитии, может превратиться в двоеввластие политическое, а политическое двоевластие будет уже непосредственной угрозой диктатуре пролетариата. Огромный слой городского партийно-советского люда до 3-х часов живет, как чиновник, после 3-х часов живет, как обыватель, либеральничает против ЦК, а по средам, после 6 часов, осуждает оппозицию за маловерие. Это тип партийца, который весьма подобен тому царскому чиновнику, который исповедовал в частном порядке теорию Дарвина, а когда нужно – представлял свидетельство о святом причастии.

Тов. Орджоникидзе предлагает нам помогать ему в борьбе с бюрократизмом. Почему же вы снимаете оппозиционеров с работы? Разве они отказываются "помогать"? Есть, правда, попытки людей милютинского типа, были они и раньше (мне кажется, что тов. Орджоникидзе им не покровительствует), доказать, что оппозиционеры плохо работают, попытаться скомпрометировать их так сказать с заднего крыльца. Но я утверждаю, что подавляющее большинство оппозиционеров сняты не потому, что они свою работу исполняют плохо, или не в соответствии с директивами ЦК, а сняты они в наказание за свои убеждения, как оппозиционеры. Они сняты в наказание за так называемый "троцкизм".

Предложение тов. Орджоникидзе помочь ему в борьбе с бюрократизмом напоминает мне другое, более авторитетное предложение, — мой последний разговор с Владимиром Ильичом, после его писем о монополии внешней торговли и до его писем по национальному вопросу. Это было, думаю, за две-три недели до его второго заболевания. Он вызвал меня к себе, в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу. Он предлагал создать специальную комиссию при ЦК и приглашал меня к активному участию в работе. Я ему ответил: "Владимир Ильич, по убеждению моему, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что и на местах, и в центре создается особый подбор чиновников и спецов, партийных, беспартийных и полупартийных вокруг известных партийных руководящих групп и лиц, в губернии, в уезде, в районе, в центре, т. н. ЦК и т. д. Нажимая на чиновника, наткнешься на руководящего партийца, в свите которого спец стоит и, при нынешнем положении, я на себя такой работы не мог бы взять". Владимир Ильич подумал минуту и — тут я приведу почти-что дословно, — сказал так: "Я говорю, стало быть, о том, что надо бороться с советским бюрократизмом, а вы предлагаете к этому прибавить и Оргбюро ЦК?" От неожиданности я рассмеялся, потому что такой законченной формулировки у меня в голове не было. Я ответил: "пожалуй, что так". Тогда Владимир Ильич говорит: "Ну, что же, — предлагаю блок". Я сказал: "С хорошим человеком блок очень приятно заключать". Под конец Владимир Ильич сказал, что он предлагает создать при ЦК комиссию по борьбе с бюрократизмом "вообще", а через нее подойдем и к Оргбюро ЦК. Организационную сторону он обещал еще "обдумать". На этом мы расстались. Затем я ждал недели две призывного звонка, но здоровье Ильича становилось все хуже, вскоре он слег. А потом Владимир Ильич прислал мне свои письма по национальному вопросу через своих секретарей, так что дальнейшего продолжения это дело не имело. (Шум в зале.)

Я об этом тогда же рассказывал ближайшим товарищам цекистам, и они, надеюсь, повторят дословно. Да это, товарищи, вытекает из всей тогдашней обстановки, — это было примерно тогда, когда Владимир Ильич писал или обдумывал свои письма по национальному вопросу, т. е. после того, когда он писал мне свои письма по вопросу о монополии внешней торговли и до того, как прислал записку по национальному вопросу.

Тов. Ярославский здесь пытался со свойственной ему в таких делах решительностью опровергнуть мою ссылку на то, что он недавно, на днях, рекомендовал Фын Юйсяна, как надежного революционера. Я предлагаю ЦК назначить комиссию для расследования этого дела, т. е. для расследования того, что тов. Ярославский говорил в действительности совсем недавно, на большой партийной ячейке, а именно: что Фын Юйсян — надежный революционер, "настоящий крестьянин" или "настоящий пролетарий", а когда ему сказали, что он благочестивый христианин, Ярославский ответил: "ничего подобного, после прибытия из

Москвы он разогнал всех попов" и вызвал этим большие аплодисменты собрания в честь Фын Юйсяна, который из Москвы вернулся единомышленником Ярославского, – активным безбожником.

Я возобновляю ходатайство о предоставлении мне стенограммы речи тов. Сталина от 5 апреля. Прошу председателя ЦКК предоставить мне эту стенограмму. Пока я являюсь членом ЦК, я имею право ее получить. Как член ЦК, я за свое право привык бороться. Итак, прошу дать мне, наконец, эту стенограмму.

Тов. Ярославский сказал, что Дан с удовольствием напечатает мою речь. Я не сомневаюсь, что Дан с удовольствием напечатает все, что узнает, о нашей внутренней критике, перепечатает все наши прения, чтоб усилить наши распри. Я повторяю то, что я однажды уже говорил на этот счет: если просмотреть буржуазную и социал-демократическую печать, то она очень часто хвалит оппозицию за критику, но беспощадно осуждает ее за политику. А вас она хвалит именно за политику. Со Сталиным она солидаризируется в политике, во внутренних делах и в Китайской революции, а нас она хвалит только за критику. Я напомню, что когда Ленин говорил о бюрократизме нашего советского аппарата, о комчванстве, о том, что мы унаследовали от царского режима худшие стороны бюрократизма, то вся белогвардейская сволочь ржала от радости и, однако, это нисколько не умалило значения той критики, которую Ленин направлял против нашей собственной государственной организации.

Я хотел бы хоть один раз, хоть кратко сказать здесь по поводу троцкизма, т. е. той лжи, которая фигурирует под видом моей политической биографии, в особенности в устах и под пером присутствующего здесь, в качестве судьи, Ярославского и ему подобных. Я говорил не раз, и это известно всем старым членам партии, что я по многим важнейшим вопросам некогда боролся против Ленина и большевистской партии, но меньшевиком я не был. Если понимать меньшевизм, как политическую классовую линию, – а только так его и надо понимать, – то меньшевиком я не был никогда. Я порвал организационно и политически с будущим меньшевизмом с середины 1904 года. т. е. с того момента, когда он становился меньшевизмом, начиная складываться в политическое направление. Я порвал на вопросе об отношении к либеральной буржуазии, начиная со статей Веры Засулич, статей Аксельрода с его планом поддержки земских либералов, и т. д. Никогда я в вопросе о роли классов в революции не сходился с меньшевизмом. А это был основный вопрос. Ярославские обманывают партию и Интернационал не только о последнем десятилетии, но и более давнем прошлом, когда я стоял вне обоих основных фракций тогдашней социал-демократии.

На большевистском съезде в мае 1905 г. принята резолюция по вопросу о вооруженном восстании и о временном правительстве. На съезде была внесена тов. Красиным большая поправка, в сущности, особая резолюция, по поводу которой Ленин на съезде отзывался с чрезвычайной похвалой. Эта резолюция написана целиком мной в Петербурге, издана Красиным, – на этот счет у меня есть доказательство, именно,

записка Красина, написанная им мне на одном из заседаний. В важнейшей резолюции первого съезда большевистской партии по вопросу о вооруженном восстании и временном правительстве, центральная часть, — посмотрите протоколы — написана мной, и я горжусь этим. Может быть, у моих критиков есть что-либо подобное в активе?

В 1905 году ряд прокламаций, которые издавались в Баку, в подпольной большевистской типографии, писались мной: к крестьянам по поводу 9 января, по поводу царского земельного законодательства и пр. В 1906 году, в ноябре, руководимая Лениным "Новая жизнь", солидаризировалась с моими статьями в "Начале" о характере нашей революции. А я излагал так называемую теорию перманентной революции.

Орджоникидзе: Тем не менее, вы были в "Начале", а не в "Новой жизни".

Троцкий: Но вы как будто забываете, что большевистский ЦК, во главе с Лениным, единогласно принял тогда резолюцию об объединении большевиков с меньшевиками. Через несколько недель "Начало" слилось с "Новой жизнью", а "Новая жизнь" не раз писала горячие похвалы по адресу моих статей. Это был период объединительных тенденций. Через два месяца существования газеты слились, потом опять порвали. Я был уже в тюрьме... Конечно, я не был большевиком, это неоспоримо, но я говорю, что вы изображаете ложно мое прошлое. Вы умалчиваете, что в Совете 1905 г. я работал рука об руку с большевиками (Кнунианцем, Немцовым, Красиковым и др.). Разногласий не было. Ленин был абсолютно прав, когда малейшие разногласия с революционером, который стоял вне большевистской партии, брал под обстрел, нещадно бил за всякую половинчатость и недоговоренность. Но когда вы задним числом предъявляете мне мои ошибки, вырвав их из реального развития, исказив, преувеличив, это нечестно. Вы умалчиваете, что в Совете 1905 г. я работал рука об руку с большевиками. Вы замалчиваете, что Ленин в 1906 г. издал в "Новой волне" мою брошюру "Наша тактика", в которой определялось наше отношение к крестьянству в революции. Вы замалчиваете, что на Лондонском съезде 1907 года, Ленин одобрительно отозвался о моем отношении к буржуазии и крестьянству. Я утверждаю, что никогда не расходился с большевизмом больше, чем Роза Люксембург и Карл Либкнехт — в тех вопросах, в которых и они расходились с большевизмом. Пускай кто-нибудь посмеет сказать, что они расходились с большевизмом. Пускай кто-нибудь посмеет сказать, что они были меньшевиками.

Я не был тогда большевиком. Но я никогда не позволял себе таких чудовищных ошибок в организационном вопросе, из которых вытекают величайшие политические ошибки, как например, сохранение Англо-Русского комитета или подчинение китайской коммунистической партии Гоминдану. Это оппортунизм не только в организационном вопросе, но и во всей политике, до которого я никогда не опускался, которого у меня не было даже в моменты самых правых отступлений моих от Ленина.

Кривов: А платформа в Вене?

Троцкий: Вы говорите об августовском блоке 1912 года?

Кривов: Да.

Троцкий: Это был плод примиренчества. Я еще не покинул тогда надежды на возможность объединения большевиков с меньшевиками. Но не забывайте, что вы сами, Орджоникидзе, Ярославский и другие, входили в 1917 году – не в 1912, а в 1917 г. – в общие организации с меньшевиками. Венская конференция – одна из попыток примиренчества. Я вовсе не думал блокироваться с меньшевиками против большевиков. Я еще надеялся на примирение большевиков с меньшевиками, стремился объединить их. Как всегда, Ленин не пошел на такое искусственное объединение. В результате примиренческой политики, я оказался формально в блоке с меньшевиками. Но я начал с ними немедленно же, на второй же день, бороться, и наступление войны встретило нас непримиримыми противниками. Между тем, Сталин бывал в то время довольно вульгарным примиренцем, притом в самые острые моменты. В 1911 году Сталин писал про борьбу Ленина и Мартова, что это "буря в стакане воды". Это писал член большевистской партии. В марте 1917 г., Сталин был за объединение с Церетели. В 1926 году Сталин – за блок с Перселем, Чан Кайши, Ван Тинвеем. Мои ошибки – ничто перед этими ошибками. Мою деятельность с 1914 года по 1917, т. е. во время войны, с легкой руки Куусинена, этого чистейшей воды социал-демократа, искажают нещадно, особенно те господа, которые тогда были патриотами или каутскианцами. Напомню, что я написал в начале войны брошюру "Война и Интернационал", о которой Зиновьев, который не был и не мог быть тогда благожелательно ко мне настроен, писал, что она во всем основном правильно ставит вопрос.

Шкловский: Это было в 1914 году!

Троцкий: Совершенно верно, это было в 1914 году. Эта брошюра стала орудием крайних левых в Германии, Австрии, Швейцарии. Я был в то время революционным интернационалистом, хотя не был большевиком. Я работал во Франции с группой товарищей, социалистов и синдикалистов, которые вошли потом в Коминтерн, которые были в числе его учредителей. Я был выслан из Франции, как революционный интернационалист. Я был выслан из Испании, как революционный интернационалист. В Нью-Йорке я работал в "Новом мире" вместе с Володарским и Бухариным. Задним числом меня ложно в чем-то обвиняли, фальсифицируя факты, такие "большевики", как Мельничанский, который был тогда заурядным меньшевиком...

В канадском концентрационном лагере в Амгерсте я организовал немецких матросов-либкнехтианцев, которые позже дрались на стороне спартаковцев. В феврале-марте 1917 г. я в "Новом мире" писал статьи, которые, конечно, не могут идти в сравнение по глубине со статьями Ленина – этого вы не можете от меня требовать, – но которые были написаны в том же духе, что и статьи Ленина, в то время, как Сталин выступал в "Правде", как полуменьшевик и полуоборонец.

Орджоникидзе: У вас осталось четыре минуты, тов. Троцкий.

Троцкий: А я еще не подошел к ответу на поставленный вами основной вопрос о "закате" нашей революции.

Орджоникидзе: Зачем же вы так задержались на биографии?

Троцкий: Я думаю, что подсудимый имеет право говорить о своей биографии, и не председателю в таких случаях его ограничивать. И не я первый поставил вопрос о моей биографии. Мне это и в голову не приходило. Достаточно и без того вопросов. Но ведь именно сталинская фракция все политические вопросы подменила вопросом о моей биографии. И я отвечая неопровержимыми фактами на вымыслы. Я ходатайствую перед Президиумом, чтобы мне было дано 15 минут для ответа по вопросу о судьбе нашей революции.

Орджоникидзе: Вы будете говорить оставшиеся четыре минуты, а потом мы поставим вопрос о продлении для вас времени.

Троцкий: Орджоникидзе упрекал меня за аналогию с Великой французской революцией: не надо, мол, было говорить о тюрьме и гильотине, о перспективе заката и пр. Это суеверие: от слова не станется. Станется от факта, от действия, от ложной политики. Должен, однако, сказать, что самый вопрос этот был поднят отнюдь не по моей инициативе. Я утверждаю это категорически. Сольц не опроверг моей основной ссылки на его слова. Поэтому я считаю эту ссылку подтвержденной. По словам Воробьева, Сольц сказал: "Вы думаете, Робеспьеру не было жалко Дантона, когда он отправлял его на гильотину? Вы думаете, Робеспьер не был искренний революционер, не думал только о благе революции, а кончил гильотиной, ибо такова логика революционной борьбы". Я на эти слова Сольца ссылался. Они дали мне повод поставить вопрос о разных этапах революции, о волнах ее подъема и спуска, временного или окончательного. Временного или окончательного, – в этом вопросе, я должен сказать, что по всем ячейкам идет в настоящее время подготовка дальнейших и дальнейших "выводов", подготовка по той именно линии, которую вы, тов. Орджоникидзе, так легко и бюрократически отводите: т. е. по линии отсечений и репрессий. Я утверждаю, да, так легко и бюрократически, закрывая глаза на то, что делается в партии и над партией. Уже здесь один товарищ говорил: "Как бы не вышло так, как не нужно, чтобы вышло". Это отголосок настоящей, реальной подготовки... На всех ячейках докладчики, специально дрессированные Углановыми и Мандельштамами, ставят каждый вопрос об оппозиции так, что поднимается рабочий, чаще всего по наряду, и говорит: "Чего же вы возитесь с ними, не пора ли их расстрелять?" Тогда докладчик со скромно-лицемерной миной возражает: "Товарищи, не нужно спешить". Это уже вошло в обиход партии. Вопрос ставится всегда за спиной оппозиционеров, с инсинуациями, с грязными намеками, с грубыми, бесчестными, чисто сталинскими искажениями оппозиционной платформы и революционной биографии оппозиционеров, с изображением их, как врагов революции, как врагов партии, – все это для того, чтобы вызвать у обманутых слушателей, у сырых молодых партийцев, которыми вы искусственно заполняете партийные ряды, бешеную реакцию, и чтобы потом иметь возможность сказать: "Смотрите, мы готовы бы терпеть, но массы требуют". Это определенная сталинская стратегия, вы сами являетесь в большей или меньшей мере организаторами этой кампании,

а потом получаете волю ее на себя и говорите: "Партия требует, ничего не могу сделать"...

Второй упрек, который делает мне тов. Орджоникидзе, – упрек политический, более общего характера. Он говорит, что в моем сравнении с Великой французской революцией и выражается мой "пессимизм". Троцкий, мол, думает, что революция погибла. Если бы я думал, что революция погибла, к чему бы я стал бороться с вами? Вы никогда в этом деле не сводите концы с концами? Если я не верю в строительство социализма, как вы утверждаете, зачем я стал бы предлагать "грабить мужика", как вы также утверждаете, – может быть, из-за личной вражды к мужику? Если я не верю в революцию, то зачем я стал бы бороться? – тогда лучше плыть по течению. Поймите это, пожалуйста. Если кто думает, что революция все равно уж погибла, то он не станет бороться. Вы, товарищи, снова концов с концами не свели.

Октябрьская революция не погибла, я этого не думаю. Но я говорил, что Октябрьскую революцию можно погубить, если взяться за это как следует быть, – и кое-что в этом направлении вами уже сделано. Все ваше мышление, тов. Орджоникидзе, в этом вопросе не диалектично, а формально: оно игнорирует вопрос о борьбе живых сил, о партии, оно проникнуто насквозь фатализмом; вы различаете оптимизм и пессимизм, как какие-то две неподвижные категории, независимые от условий и от политики: по-вашему можно быть или только "оптимистом", или только "пессимистом", т. е. можно думать, либо, что революция совершенно погибла, либо, что она не погибнет ни при каких условиях, что бы мы ни делали. Неверно и то и другое. Разве революция не проходила уже через ряд подъемов и спусков? Разве не было величайшего подъема в период октябрьского переворота, и разве не висели мы на волоске во время Брестского мира? – Вспомните, как в борьбе против левых коммунистов Ленин говорил, что управлять автомобилем власти в эпоху революции чрезвычайно трудно, потому что все время приходится круто поворачивать. Брест был отступлением. Нэп, после Кронштадтского восстания, был отступлением. И разве каждая волна отступления не порождала, в свою очередь, оппортунистических настроений? Ясно, что когда эти отступательные движения и снижения революции затягиваются на год, на два, на три, они вызывают более глубокое снижение настроений массы, так же и партии. Тов. Орджоникидзе, вы – кавказец, вы знаете, что дорога, когда она ведет в гору, идет не прямо, а идет изгибами и зигзагами, причем нередко приходится после крутого подъема, спускаться две-три версты вниз, потом опять вверх, а в целом дорога все-таки идет в гору. Проделывая частичный спуск вниз, я должен знать, что дорога повернет и снова пойдет вверх. Если же я ради "оптимизма", не буду вообще отмечать эти зигзаги вверх и вниз, то телега моя полетит на одном из поворотов в пропасть. Я говорю: в данное время ваша дорога идет вправо и вниз. Опасность в том, что вы этого не видите, т. е. закрываете на это глаза. А с закрытыми глазами опасно ехать под гору.

Мы поднимаемся десять лет. За это время у нас был Брест, было

Кронштадтское восстание, введен был нэп. А разве нэп, введение которого было безусловно необходимо, не породил таких явлений, как устряловщина, которая захлестывает правый фланг нашей собственной партии?

Осенью 1923 года у нас был грандиозный подъем, параллельно с подъемом Германской революции. А после поражения ее и у нас наступил отлив. Из этого отлива выросла сталинская теория социализма в одной стране, упадочная теория, которая в корне противоречит основам марксизма. В 1926 году, во время Китайской революции, был сильный подъем вверх, одновременно с улучшением нашего международного положения. Затем – отлив – после шанхайского поражения Китайской революции. Надо брать кривую исторического движения во всей ее конкретности. С 1923 года мы имеем ряд больших поражений. Жалкий трус тот, кто пришел бы в уныние. Но слепец, тупица и бюрократ тот, кто не отличает правой ноги от левой, – лица революции от ее задней части. Когда я в январе 1924 г., после поражения, беседовал с Брандлером, он мне сказал: "Осенью 1923 года я не был с вами согласен, потому что вы были слишком оптимистичны; теперь вы слишком пессимистичны, я опять-таки с вами несогласен". Я ему ответил: "Тов. Брандлер, боюсь, что из вас революционера не будет, потому что вы не отличаете лица революции от ее противоположной части".

Тов. Орджоникидзе берет вопрос о победе или поражении революции вне всякой зависимости от диалектики процесса, т. е. от взаимодействия нашей политики и объективных условий. Он ставит вопрос так: либо неизбежная победа революции, либо ее неизбежное поражение. А я говорю: если возьмемся вплотную, как следует, ошибаться, мы можем революцию погубить. Если же все силы приложим к выправлению ложной линии, тогда победим. Но утверждать, что все, что бы мы ни делали, – и в отношении кулака, и в отношении Англо-Русского комитета, и в отношении Китайской революции, – повредить революции не может, что она "всё равно" победит, – так могут рассуждать только безразличные бюрократы. А они-то и способны погубить революцию.

В чем отличия нашей революции от Французской?

Во-первых, в экономическом и классовом фундаменте эпохи. Во Франции руководящую роль играли городские мелкобуржуазные низы; у нас – пролетариат. Только благодаря этому буржуазная революция могла у нас перерасти в социалистическую и развиваться как таковая, – пока еще с большими препятствиями и опасностями. Это – первое отличие.

Второе отличие: Франция была окружена феодальными странами, более отсталыми в экономическом и культурном смысле, чем сама Франция. Мы же окружены капиталистическими странами, в технико-производственном отношении более передовыми, чем мы, с более сильным и культурным пролетариатом. В этих странах революции можно ждать в сравнительно близком будущем. Значит, международная обстановка нашей революции, несмотря на то, что империализм нам смертельно враждебен, в широком историческом смысле несравненно

более благоприятна, чем это было во Франции, в конце XVIII века.

И, наконец, третье отличие. Мы живем в эпоху империализма, в эпоху величайших международных и внутренних потрясений – и это создает ту большую подъемную революционную кривую, на которую наша политика опирается. Но нельзя думать, что эта "кривая" нас при всяких условиях вывезет. Неправильно это! Кто думает, что мы можем построить социализм, даже в том случае, если капитализму удастся разбить пролетариат на несколько десятков лет, тот ничего не понимает. Это не оптимизм, а национально-реформистская глупость. Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет. Направление нашей политики имеет в этом отношении решающее значение. Правильным революционным курсом мы укрепим себя на ряд лет, укрепим Коминтерн, продвинемся по социалистическому пути вперед и достигнем того, что нас возьмет на большой исторический буксир международная революция.

Политикой сползания, курсом на устряловщину, – затормозим мировую революцию, ослабим себя и наверняка погубим. Что же у нас сейчас имеется? Погибла ли революция? Я этого не считаю ни в каком случае. Иначе не было бы смысла бороться. Но я считаю, что у нас сейчас наметилось за последние три года глубокое революционное снижение, и вследствие объективных причин и вследствие ложной политики. Объективные причины общеизвестны. Разбила буржуазия немецких рабочих в 1923 году? Разбила. Здесь упоминалось уже о поражениях в Болгарии и Эстонии. Китайскую революцию на данном этапе разбила китайская буржуазия, совместно с империализмом? Разбила. Это все факты крупного исторического значения. Отражаются они на нас? Отражаются. Наше развитие к социализму задерживают? Задерживают. Кризисы в нашем хозяйстве, которые выражаются в различных ножницах, создают почву для недовольства и снижения революционного настроения крестьянских и рабочих масс? Создают. Вы говорите о нашей "панике". Какая чепуха! А я говорю вам: ваша бюрократическая слепота может нас погубить. Об этом я сказал и на Исполкоме Коминтерна: бюрократическая слепота есть самая опасная из всех опасностей. Бюрократическая слепота, выдающая себя за "оптимизм", может нас погубить. Тут вот товарищ возмущался тем, что я говорил насчет партийного режима, как насчет величайшей опасности. Да, так оно и есть. Если в партийном режиме есть несоответствие между целью и средством, между задачами и методами – внутренние ножницы, то они могут нас разрезать и зарезать. Как проверить партийную линию? Мы ее проверили ярче и безошибочнее всего на Китае. Я читал вам сегодняшнюю телеграмму, которую вы вынуждены были скрывать от партии, потому что она обнаруживает неправильность вашей линии.

Орджоникидзе: То, что вы читали, тов. Троцкий, это опубликовано в газетах.

Троцкий: Конечно, по частям приходится сообщать. Но преступление заключается в том, что основные факты скрываются по нескольку не-

дель от партии. Но есть другое обстоятельство, более важное, которое заключается в самом содержании телеграммы. Оно свидетельствует, что мы сейчас в основных вопросах бредем, как слепые. Мы "вооружали" международный пролетариат надеждой на Перселя, китайских рабочих – надеждой на Чан Кайши. Разве это революционная политика? Я уже говорил на ИККИ, что при такой линии грош цена всем разговорам насчет всеобщей забастовки и вооруженного восстания на случай войны. Кто надеется на Перселя, кто способен на него надеяться, не может идти и никогда не пойдет по этому пути. Как может английский рабочий снова подняться на генеральную стачку? Для этого ему нужно восстать не только против капитала и его государства, но и против всего аппарата тред-юнионов и рабочей партии, против общественного мнения своей собственной бюрократии. Он должен возненавидеть эту подлую подкупную бюрократию для того, чтобы развернуть всеобщую стачку. А что вы делаете? Вы, с одной стороны, говорите, что мы поможем международной революции, а с другой стороны, – братаетесь с Перселем, говорите, что он у нас – запасной друг на случай войны, помогаете ему обманывать и усыплять рабочих. Можно ли такой политикой поднимать рабочих на всеобщую стачку и восстание? Неужели вы забыли все, чему учил нас Ленин по этим основным вопросам?

Я говорю, что партийный курс представляет собой главную опасность. Он душит революционный отпор и укрепляет правый курс. В чем правый курс? Я утверждаю, что вы делаете ставку на крупного крестьянина, а не на батрака, не на бедняка. Я утверждаю, что вы держите курс на бюрократа, на чиновника, а не на массу. Слишком много веры в аппарат. В аппарате – огромная внутренняя поддержка друг друга, взаимная страховка, – вот почему не удается даже сокращать штаты. Независимость от массы создает систему взаимного укрывательства. И все это считается главной опорой власти. В партии у нас сейчас ставка на секретаря, а не на рядового партийца. Таков весь режим партии: ставка верхушечная, на аппарат, а не на рядового коммуниста, не на массовика. У вас ставка на Перселя, а не на возмущенного Перселем рабочего, не на революционного углекопа, а на Перселя, который предал углекопов. Вы держите в Китае курс на Чан Кайши, на Ван Тинвея, а не на шанхайского пролетария, не на кули, который на плечах тащит пушки, не на восстающего крестьянина. У нас сейчас ставка на Мартынова, ставка на Рафеса, на Петровского, на Стецкого, на Марецкого, на Шмераля, на Пеппера, на Куусинена. Это люди – гнилые и полугнилые в политическом смысле, в трудную минуту они нам не помогут.

Вы ставите вопрос об исключении нас из ЦК. Конечно, каждый из нас будет работать на любом месте, как рядовой партиец. Но ведь это не решает вопроса. Вам придется делать дальнейшие выводы. Жизнь вас заставит делать эти выводы. Может быть, вам лучше остановиться раньше и изменить курс. Отсекая нас, вы усилите поправение партии, усилите поправение Коминтерна. Вы отсекаете нас во имя "поддержки" Перселя, который предаст вас. Если вы, ЦКК, не хотите этого понять, то вы не только не облегчите партийного кризиса, но, наоборот, до послед-

ней крайности затрудните исправление партийной линии.

Орджоникидзе: Ко мне поступило заявление Емельяна Ярославского относительно выражения тов. Троцкого, что он, Емельян Ярославский, играет на черносотенных чувствах толпы. Я, к сожалению, не расслышал этого выражения тов. Троцкого, иначе я призвал бы его к порядку. "Я решительно протестую против заявления тов. Троцкого... (читает) Я считаю это заявление тов. Троцкого бесчестной клеветой".

Слово имеет тов. Зиновьев.

[июнь 1927 г.]

В СЕКРЕТАРИАТ ИККИ

Копия: в Секретариат ЦК ВКП (б)

Вчера, 3 июня я получил стенографический отчет последнего заседания Пленума Исполкома Коминтерна. На стр. 4-й этого отчета сказано, что моя речь не отпечатана вследствие того, что она мною не выправлена. Между тем, отсутствующая в стенограмме речь была получена моим Секретариатом накануне праздника, в среду 1-го июня, в 16 час., т. е. уже после окончания занятий.

Промежуток времени между присылкой мне моей речи и присылкой уже отпечатанного стенографического отчета последнего заседания ИККИ пал на нерабочее время, когда, очевидно, нельзя было перепечатать исправленную речь и когда, по-видимлму, стенограмма отчета уже была набрана.

Таким образом, является неправильным указание в стенограмме отчета на то, что моя речь не напечатана из-за задержки мною исправления стенограммы речи.

С ком. приветом

Л. Троцкий

4 июня 1927 г.

В ПРЕЗИДИУМ ИККИ

Копия: Политбюро ЦК ВКП (б)

Уважаемые товарищи!

Во время заседаний Исполкома ИККИ, членам Исполкома роздано было нижеследующее постановление:

Выдержка
из протокола № 2 Редакционной Комиссии
Пленума ИККИ от 21 мая 1927 года

По пункту второму

О стенограмме — 2. Стенограммы не подлежат временно опубликованию. Ни один оратор не имеет права использовать свою

речь без специального на то разрешения Редакционной комиссии.

По поручению Комисии – Курелла.

Хотя в постановлении говорится только об использовании "своей" речи, но, очевидно, что это же правило относится и к чужим речам. В связи с этим, я считаю необходимым обратить внимание Президиума ИККИ на нижеследующее обстоятельство.

В "Ленинградской правде" от 4 июня (№ 125) напечатан отчет о докладе тов. Мануильского на активе ленинградской организации об итогах VIII Пленума ИККИ. В этом докладе содержится ряд цитат из моих речей и документов, вносившихся мною на Пленум ИККИ. Сделано ли это с разрешения Президиума, в лице тех или других его органов, или же тов. Мануильский действовал по собственному произволу?

Вопрос этот имеет не только формальное основание (в приведенном выше постановлении Редакционной Комиссии), но и основание по существу. Произвольно вырванные из текста и произвольно перетасованные цитаты подвергнуты тов. Мануильским истолкованию, находящемуся нередко в прямом противоречии с их действительным смыслом. Само собою разумеется, что ни Президиум ИККИ, ни его органы не могут отвечать за применяемый тов. Мануильским метод цитирования и истолкования. Если бы речь моя была напечатана, то каждый читатель мог бы сопоставить цитаты с основным текстом и сделать необходимые выводы. Но приведенным выше постановлением от 21 мая, членам Исполкома запрещено использовать свои речи. Разрешено ли было тов. Мануильскому использовать мои речи? На каких условиях? Возможная ссылка на предстоящий выход стенограмм, разумеется, не решает вопроса, т. к. тов. Мануильский цитировал стенограммы до официального их опубликования, которое, к тому же, неизвестно, когда последует.

Прошу вас, ввиду этого, разрешить мне опубликовать произнесенные мною речи и внесенные мною документы отдельной брошюрой. К этой брошюре, если Президиум сочтет нужным, можно приложить соответственные решения ИККИ. Это даст возможность читателю сопоставить те взгляды, которые мне приписывают, с теми, которые я действительно выражал. Думаю, что взгляды, хотя бы и обсужденные, должны доводиться до сведения партии в том именно виде, в каком они были формулированы в действительности.

Само собою разумеется, что я считаю своим неотъемлемым правом разъяснять каждому интересующемуся пленумом ИККИ товарищу все те искажения, какие позволил себе тов. Мануильский, пользуясь произвольно выдернутыми цитатами из неопубликованного текста.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

9 июня 1927 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЦЕНТРАЛИЗМА *

1. Заявление 16 октября определяет наше отношение к партии и линию нашей работы в партии. Кто не согласен с заявлением 16 октября, тот ничего не понял во всей обстановке и не имеет права ссылаться на какую бы то ни было солидарность с нами.

2. Предложение создавать подобие "августовского блока" есть неуместное подражание инсинуациям Сталина.

3. Наше отношение к больным вопросам партии мы излагали на пленумах ЦК, на партконференциях, на ИККИ и будем излагать и впредь перед партией, отстаивая и развивая наши взгляды.

4. Упорство товарищей из д. ц. на явно неправильном пути может, по глубокому нашему убеждению, иметь гибельные последствия для д. ц. и причинить вред делу пролетариата.

[июнь 1927 г.] *Л. Троцкий*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Тов. Ворошилов повторил вслед за тов. Ярославским (на Президиуме ЦКК), что Троцкий расстреливал коммунистов. На деле коммунистов расстреливали белогвардейцы, когда коммунисты попадались к ним в плен. В Красной армии расстреливали, наоборот, белогвардейцев, изменников, наиболее злостных дезертиров. Если в число изменников и злостных дезертиров попадали отдельные коммунисты, то революционные трибуналы расстреливали и их. Если Троцкий расстреливал коммунистов как коммунистов, то почему партия не расстреляла Троцкого? Я знаю один случай расстрела Трибуналом двух коммунистов – с полного моего согласия – командира и комиссара полка, которые под Казанью, вопреки приказанию командования, снялись с фронта, захватили пароход, чтобы подняться по Волге. Если бы сегодня повторилась обстановка под Казанью, я точно так же одобрил бы приговор Военно-Революционного Трибунала о расстреле. Ворошилов заявил, что я не явился на VIII съезд партии из "страха" тогдашней военной оппозиции, которую за кулисами – не только против меня, но и против Ленина – организовывал Сталин. Не всякую выдумываемую ныне ложь можно опровергнуть с документами. Но ложь о VIII съезде, к счастью, можно. Вопрос об отъезде Троцкого на фронт, ввиду трудного положения под Уфой, решался Центральным Комитетом 18 марта 1919 г. в составе: Ленина, Зиновьева, Крестинского, Владимирского, Сталина, Шмидта, Смилги, Дзержинского, Лашевича, Бухарина, Сокольникова, Троцкого, Стасовой. Решение гласит: "Тов Троцкому немедленно ехать на фронт". Что касается остальных фронтовиков, то, чтобы не нарушать прав оппозиции, решено было: "Немедленно едут те, которые считают, что при-

* Написано мною. – *Л. Тр.*

сутствие их на фронте является необходимым". Лидеру военной оппозиции, В. М. Смирнову, специально разрешено было остаться в Москве. Таков был тогда режим в ЦК.

Создание регулярной армии, преодоление партизанщины давалось нелегко. Трений было немало. Были недовольные, было немало и справедливых протестов и критики. Свобода обсуждения и в гражданских организациях, и в политотделах была полная, прекрасно уживаясь с железной дисциплиной. Но были шкурники, сплетники, склочники, были негодяи, пускавшие слухи о расстреле мною или по моим директивам коммунистов. В июле 1919 г., когда остался позади наиболее суровый период создания Красной армии, Владимир Ильич, по собственной инициативе, на заседании Политбюро написал внизу страницы красными чернилами следующие слова: "Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. *В. Ульянов (Ленин)*". Владимир Ильич сказал: "Я дам вам сколько угодно таких чистых бланков с подписью о моем согласии внизу, а вы напишете сверху то решение, какое понадобится". Я бы предложил, чтобы кто-либо из моих нынешних обличителей принес сюда и показал документ такого неограниченного доверия со стороны Владимира Ильича. Чтобы подписывать такой документ, Ленин должен был быть глубоко убежден, что мои действия диктовались только интересами революции и партии. Людям грубым и нелояльным он такой доверенности не дал бы никогда.

Когда Ярославский, лицо близкое к Сталину, как и Ворошилов, поднял гнусность о расстреле коммунистов на Президиуме ЦКК, тов. Орджоникидзе решительно остановил его. Очень жалею, что этого не сделал тов. Рыков в отношении Ворошилова, что и вынудило меня к протесту в самой резкой форме.

Л. Троцкий

июнь 1927 г.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ТРЕБОВАЛИ ДО СИХ ПОР ВЫХОДА ИЗ ГОМИНДАНА?

Единственно правильная, т. е. отвечающая тому, что было, и тому, что есть, формулировка причин, вследствие которых мы до сих пор не требовали выхода из Гоминдана (что было крупнейшей ошибкой), могла бы быть приблизительно такой:

> Мы исходили из того, что компартия слишком долго задержалась в Гоминдане; что наша партия и Коминтерн слишком ангажировались в этом вопросе; что прямое требование немедленного выхода из Гоминдана еще более

обострило бы противоречия в нашей собственной партии. Мы формулировали такие условия пребывания компартии в Гоминдане, которые, по существу, на деле, а не на бумаге, исключали возможность дальнейшего пребывания китком-партии в составе Гоминдана. Мы пытались создать таким путем переходную формулу, которая могла бы стать мостом отступления для нашего ЦК с ложного пути на правильный. Мы ставили вопрос педагогически, а не политически. Как всегда в таких случаях, это оказалось ошибкой. Мы занимались педагогией по отношению к заблудившимся верхам, жертвуя политической ясностью по отношению к низам. Это перекосило всю постановку вопроса. ЦК нашего моста не приял и кричал, – что оппозиция на самом деле за выход из Гоминдана. Мы вынуждены были "оправдываться", доказывая, что мы не за выход. Это явное противоречие между педагогикой и политикой отразилось на первых же строках заявления 83-х. Основная наша установка в этом вопросе была правильной, так как все мы держали курс на выход из Гоминдана. Ошибкой было педагогическое раздвоение, разжижение, смягчение, притупление нашей позиции в основном вопросе. Оно ничего не дало нам, кроме минусов: неясность позиции, оборонительные заверения, отставание от событий. Эту ошибку мы устраняем и выдвигаем открыто требование немедленного выхода из Гоминдана!

Л. Троцкий

23 июня 1927 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б). В ПРЕЗИДИУМ ЦКК. В ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА*

Товарищи,

Новые события в Китае, по нашему мнению, требуют немедленного выдвижения следующих лозунгов:

1) Немедленный выход компартии из Гоминдана и предложение честного союза рабочим, крестьянам, труженикам ("низам") Гоминдана против предательских и колеблющихся верхов.

2) Да здравствует самостоятельная компартия – единственная партия, способная поднять весь рабочий класс и большинство крестьянства против империалистов, помещиков, буржуазии, ростовщиков и джентри и довести до конца китайскую революцию!

---

* Думаю, что написано Зиновьевым. – *Л. Тр.* [приписка Троцкого].

3) Ни один коммунист не может заседать в национальном правительстве рядом с покровителями реакционных громил, рядом с союзниками и лакеями Чан Кайши!

4) Да здравствуют Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!

5) Долой милитаристов всех мастей, которые борются против рабочих и крестьянских организаций! Против союзов и сделок Ван Тинвея, Тан Шенчжи, Фын Юйсяна, Чан Кайши – союз рабочих, крестьян и городской бедноты!

6) Долой громил рабочих и крестьянских организаций. Долой офицеров-погромщиков! Немедленный расстрел офицеров-предателей!

7) Долой шарлатанские обещания аграрной "реформы". Да здравствует аграрная революция!

"Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом" (Ленин).

8) Долой империалистов! Борьба против империалистов – под лозунгом: "смерть или победа"! Только союз рабочих и крестьян под пролетарским руководством способен освободить и объединить Китай! Только Советы депутатов способны организовать этот союз, укрепить его и привести к власти!

9) Да здравствует революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства!

10) Да здравствует независимый, свободный, единый рабоче-крестьянский Китай!

11) Да здравствует союз независимого, свободного, единого рабоче-крестьянского Китая с СССР!

12) Пролетарии всех стран и угнетенные народы мира, соединяйтесь!

Г. Зиновьев,
25 июня 1927 г. *Л. Троцкий*
К. Радек
Г. Евдокимов

ЗАМЕТКИ ТРОЦКОГО

Ленинское учение о революционном значении борьбы отсталых и угнетенных народов за свое национальное освобождение не дает общего или автоматического решения политических вопросов для всех угнетенных народностей. Пути и способы национальной борьбы зависят от классового строения угнетенной нации, – и, прежде всего, от роли и значения в ней пролетариата. По общему правилу, роль буржуазно-революционных, точнее, мелкобуржуазно-революционных элементов будет тем более, чем менее многочислен и самостоятелен пролетариат. Наоборот, наличность быстро поднимающегося в гору пролетариата заранее предрешает контрреволюционную роль буржуазии.

В этом смысле надо строго отличать два крайних типа, между которыми располагаются все промежуточные, именно, с одной стороны,

патриархальные колонии, без собственной промышленности, без капиталистической буржуазии, без пролетариата, и колонии и полуколонии, наиболее законченным образом которых является именно Китай, заключающий в своих рамках все ступени экономического развития, будет с явным все возрастающим преобладанием новейших капиталистических отношений. Империализм — особенно во время мировой войны — дал гигантский толчок развитию капитализма в Китае. В то же время империализм — своей таможенной, финансово-фискальной и прочей политикой — всемерно задерживает развитие производительных сил Китая. Но то развитие, какое совершается, принимает сразу форму новейших капиталистических предприятий высокого типа. Сообразно с этим классовая борьба пролетариата и буржуазии сразу принимает чрезвычайно концентрированные формы. Многое нам станет понятнее в Китае, если мы правильно используем опыт России и прежде всего напомним себе, как и почему ход классовой борьбы в отсталой России передал власть в руки пролетариата раньше, чем в передовых капиталистических странах. По типу своего развития Россия является полуколониальной страной — между Англией и Индией или Китаем. Многими важными сторонами — ближе к Китаю, чем к Англии. Непризнание царских долгов, и сейчас еще играющее такую крупную роль в нашей политике, явилось результатом нашей борьбы против зависимости от иностранного финансового капитала. Разумеется, об отождествлении развития России и Китая не может быть и речи. Но правильное сопоставление одной страны с другой выясняет многое. Если правильно понять политические взаимоотношения пролетариата и буржуазии в борьбе с самодержавием, опиравшимся на поддержку иностранного финансового капитала, то гораздо яснее станет роль китайской буржуазии и китайского пролетариата в борьбе с империализмом. Если мы скажем, что эта последняя борьба занимает не меньшее место, чем в жизни старой России занимала борьба с царизмом [...]*
период, более быстро, чем русский пролетариат. Разрыв старых традиций был еще более катастрофический. Отсюда революционность, отвага и самоотвержение китайского пролетариата, который, по всем данным, не уступает русскому. С другой стороны, крупная буржуазия связана с иностранным капиталом и от него зависит. Во время каждой серьезной атаки пролетариата, китайская буржуазия чувствует за своей спиной иностранного генерала или адмирала, который предлагает деньги, оружие на истребление рабочих масс во имя порядка. Ленин учил тому, чтобы под войной Китая с империализмом уметь увидеть национальную революцию, а не бороться против войны общими пацифистскими или лжекоммунистическими фразами. Но в национальной революции Ленин учил идти не за национальной буржуазией, которая эксплуатирует идею национального освобождения для двойного и тройного закабаления рабочих масс, Ленин учил противопоставлять с первых же шагов пролетарский авангард или авангард этого авангарда подлому и растленному обману о национальной революции в устах буржуазии. Постыден самый факт, что

* В документе пропуск. — *Прим. сост.*

приходится разъяснять, что революционная партия не есть регистратор измен буржуазии, а есть воспитатель революционного меньшинства, предупреждающий о будущих изменах буржуазии, подготовляющий к ним массы, строющий опорную революционную базу пролетариата, прежде всего – его самостоятельную партию.

Все те чудотворные свойства, которые Сталин приписывает национальному гнету, Мартынов приписывал целиком царизму. Весь ход рассуждений оставался тот же – буква в букву. Из ленинской теории национальной революции угнетенного народа сделана теория, прикрывающая сугубо эксплуататорскую и сугубо контрреволюционную роль национальной буржуазии угнетенной страны.

Л. Троцкий

25 июня 1927 г.

ПИСЬМО В ЦК ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦК ВКП(б)

Уважаемые товарищи.

Уже более трех лет партия переживает кризис. Разногласия, вокруг которых развернулась дискуссия в 1923 г., ни в малейшей степени не изживаются, наоборот, они все более расширяются и углубляются. В 1925 г. окончательно распадается даже та группа, которая до тех пор играла руководящую роль в Политбюро. Из этой группы выделяется ленинградская оппозиция, против которой остальная часть прежней группы ведет борьбу столь же ожесточенную, как и против оппозиции 1923 г. В 1926 г. происходит слияние оппозиции 1923 и 1925 гг. В то же время внутри новой руководящей группы опять намечаются разногласия и подготовляется новый "раскол". Партия находится в состоянии глубокого кризиса, суть которого состояла в том, что бюрократия вытесняла авангард пролетариата, а внутри бюрократии выскочки вытесняли старых революционеров. Все это с очевидностью показывает, что партия находится в состоянии такого глубокого кризиса, какого она со времени революции еще не переживала. А разрешать его необходимо сейчас, более, чем когда бы то ни было.

В прямой связи с последними неудачами в Китае, которые в значительной степени обусловлены неправильным руководством китайской революцией, международная обстановка резко обострилась. Опасность войны и интервенции несомненна. Война против СССР, как государства диктатуры пролетариата, не может быть обычной войной одного государства против другого: она может быть только борьбой буржуазии против международного пролетариата. Борьба с международным империализмом, поскольку она примет военный характер, неизбежно вызовет крайнее обострение классовой борьбы в тылу каждой из борющихся сторон, создавая внутренний фронт наряду с внешним. Решающую роль в этом столкновении будет играть связь с революционным движением мирового пролетариата. Излишне говорить о том, что в такой борьбе, как и в исторических битвах гражданской войны, та часть партии, которая находится сейчас в оппозиции, займет не последнее место. Но успех

классовой борьбы пролетариата, в каких бы формах она не происходила, возможен только, если во главе стоит сплоченная, активная, тесно связанная с рабочим классом партия. Этой сплоченности, этой активности сейчас нет, – это нужно сказать открыто – для того, чтобы ее добиться. Кризис партии должен быть разрешсн.

ЦК пытается разрешить его механическим подавленнем оппозиции. "Проработки" следуют за "проработками", одна кампания "против вылазки оппозиции" сменяется другой. Товарнщей, стоящих на точкс зрения оппозицин, удаляют из состава Политбюро, теперь идет подготовка к исключению их из ИККИ и из состава ЦК – всего за несколько месяцев до созыва партийного съезда, гдс должен быть нормальным порядком определен новый состав ЦК. По отношению к рядовым членам партии, разделяющим взгляды оппозиции, преследование носит еще более ожесточенный характер, вплоть до исключения из партии, не считаясь ни с их революционными заслугами, ни с тем, что они рабочие от станка. Начинаются преследования против подписавших заявленне 84, направленное в ЦК в самом легальном партийном порядке. Оппозиционеров привлекают к партийному суду только за то, что онн на партийных собраниях высказывают взгляды несогласные с точкой зрения ЦК. Члены партни лншаются, таким образом, самых элементарных партийных прав. Идет открытая подготовка общественного мнения партии к исключению оппозиции из партии.

Этого мало: в борьбе против оппозиции ЦК открыто применяст все партийные меры воздействия, создавая наряду с этим "дело" против тов. Зиновьева за его якобы "апелляцию к беспартийным". "На бирже смеяться будете" – еще недавно грозил оппознцин на одном из партийных собраний Харькова член Политбюро ЦК КПУ тов. Постышев. "Будем снимать с работы" – запугивает ее в Москве секретарь МК тов. Котов. Оппозицию хотят заставить молчать угрозой голода. ЦК открыто приступает к помощи государственного аппарата против членов партии.

Нужно быть слепым, чтоб не видеть, что борьба с оппозицией такими методами есть борьба против партин. ЦК не дает низовой партийной массе возможности разобратся в разногласиях. О взглядах оппозиции партия знает только по искаженной передаче сторонников ЦК. Статьи н речи товарищей, стоящих на точке зрения оппозиции, не печатаются, а иногда (как это было на апрельском пленуме ЦК по китайскому вопросу) даже не стенографируются. Даже отчеты пленума ИККИ, вопрски всем прежним традициям, не публиковались в партнйной прессе, а в выпущенной недавно для членов партии части этих прений, речь тов. Троцкого не налечатана под тем предлогом, что он якобы не успел выправить стенограмму. Если оппозицнонерам не позволяют говорить, то партийным массам не позволяют знать, о чем идет спор, хотят заставить их верить на слово официальным докладчикам.

Члены партии на партийных собраниях голосуют за ЦК (если только не уклоняются от голосования) под угрозой репрессий. Создается знаменитое "единогласие", видимость единства, ничего общего с единством партии не имеющая. Эта видимость единства достигается подавлснисм

активности партии. Тот путь, которым идет ЦК, есть не путь единства, а путь разрушения партии. Он есть вместе с тем чудовищное извращение ленинских методов руководства партией.

"Что нужно сделать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения? Нужно, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать: во-первых, сущность разногласий, а во-вторых, ход партийной борьбы. Надо изучать и то, и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке с обеих сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого машут рукой. Если нет документов, нужен допрос свидетелей обеих или нескольких сторон и обязательно "допрос с пристрастием" и "допрос при свидетелях".

Так ставил вопрос Ленин в 1921 г., так только можно ставить его и сейчас. Партийная масса и в первую голову рабочая партийная масса является единственным судьей, который вправе разрешить и один только может разрешить затянувшийся партийный кризис. Отсечение за спиной партийной массы оппозиционной части партии, которая включает в себя сотни и тысячи товарищей, прошедших огонь трех революций, сражавшихся на фронтах гражданской войны, руководивших борьбой пролетариата и возглавлявших пролетарскую диктатуру в самые трудные моменты, не есть выход из положения. Только на ленинском пути можно вернуть партии то подлинное единство, которое означает, прежде всего, величайшую активность всей партийной массы, готовность ее пойти на все жертвы во имя победы пролетарской революции и социализма.

Партийная масса имеет право, а каждая из сторон обязана представить ей точное и подробное изложение своих взглядов по всем вопросам разногласий. Этот наш долг мы и выполняем в прилагаемом документе. А ЦК должен выполнить и свой долг перед партией.

Он должен довести до сведения партийной массы все те документы, в том числе и наш, по которым масса партии могла бы разобраться в теперешней сложной обстановке, он должен отпечатать эти документы и разослать их по всем партийным организациям, как материал к XV партсъезду, до созыва которого осталось всего около 4 м-цев. Ближайший пленум ЦК должен быть посвящен обсуждению порядка дня съезда предсъездовской кампании и тех материалов, которые представлены к съезду. Мы уверены, что нам будет предоставлена возможность отстаивать на пленуме изложенные нами взгляды.

XV партийный съезд созывается после двухгодичного перерыва, в момент острейшего партийного кризиса. Тем более он должен быть подготовлен в условиях, исключающих всякую возможность терроризирования партии, всякие попытки нажима. Выборы на съезд должны быть произведены в полном соответствии с партийным уставом и большевистскими традициями на основе широкого обсуждения всей партией, всех важнейших вопросов, стоящих перед ней. Только тогда эти решения могут быть правильны и авторитетны.

Написано мною

27 июня 1927 г. *Л. Троцкий*

"Под знамя Ленина" *
по причинам, которых объ-
яснять незачем, предназначается
для распространения в ограниченном ко-
личестве только среди тех товарищей, которые
твердо стоят на точке зрения последовательной оппо-
зиции. Поэтому мы просим товарищей ни в коем случае не раз-
множать ни всего издания, ни отдельных частей его.

ПОД ЗНАМЯ ЛЕНИНА **

Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для "утешения" угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой "обработке" марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения.

(Ленин, "Государство и революция").

На исходе первого десятилетия октябрьской революции пролетарская диктатура в СССР вступает в критический период своего существования.

В стране быстро вырастают классы, господство которых было ликвидировано или подорвано в дни Октября: растет и множится нэпман, кулак, бюрократ. Вместе с ними растут капитализм, паразитизм, бюрократизм – своеобразное сочетание старых и новых форм эксплуатации рабочих и деревенской бедноты. Накопление и потребление в частном хозяйстве опережают в своем росте темп накопления государственного хозяйства.

Пролетариат и деревенская беднота постепенно оттесняются с завоеванных позиций. Заработная плата, не дойдя до довоенного уровня, ползет вниз. Неслыханно быстро растет безработица как за счет выталкиваемой на городские мостовые деревенской бедноты, так и в результате рационализации, которая в условиях недостаточного расширения промышленности ведет к сокращению занятых на предприятиях рабочих.

* Издание ДЦ ("Демократический централизм"), написано, вероятно, главным образом В. М. Смирновым.

Л. Троцкий

** Сводный текст двух черновых документов, Т–963 и Т–964. Курсивом даны варианты черновика. – *Прим. сост.*

Государственный и хозяйственный аппарат прочно захватывается несменяемой кастой чиновников. Эти чиновники уже противостоят трудящимся массам как новое господствующее сословие, воплощая в своем лице неслыханный рост бюрократических извращений рабочего государства.

Социальные противоречия обостряются, развивается классовая борьба, которую никакими фразами не замазать и никаким трезвоном казенных речей о благополучии не затушить.

В то же время мы вступаем в полосу нового обострения международных отношений: подавление английской забастовки в прошлом году, контрреволюционный переворот Чан Кайши в Китае в этом вновь усиливают опасность интервенции империалистов против СССР, которую можно предотвратить лишь проведением выдержанной классовой линии внутри страны и развитием революционной классовой борьбы в международном масштабе.

Но безответственная группа, стоящая сейчас во главе партии и Советского государства способна вести лишь линию нажима на пролетариат внутри и линию соглашательства с оппортунистами в международном масштабе. Она не в состоянии ни мобилизовать рабочих внутри, ни способствовать организации сопротивления международного пролетариата планам империалистов.

Ухудшая экономическое положение рабочих СССР, якобы во имя социалистического строительства, она в то же время ослабляет его участие в политической жизни страны. "Демократизация" нашей конституции, "оживление" Советов фактически сводится только к усилению политической роли мелкобуржуазных классов населения. В области же рабочей демократии мы не только не идем вперед, но пятимся назад.

Авангард рабочего класса – коммунистическая партия – вот уже четыре года как приведена к молчанию. Все более быстро идет ликвидация партии, превращение ее в безответственное орудие партийного аппарата, который в то же время все более сливается с бюрократическим государственным аппаратом.

Этот партийный аппарат, превращающийся из слуг партии в ее господина, все более заполняется вместе с тем чуждыми большевизму элементами из бывших меньшевиков и эсеров и просто обывателями. Этот мещанский слой все более начинает не только влиять на политику партии, но и определять ее. Перерождение аппарата и руководящей верхушки партии зашло уже так далеко, что рассчитывать на его исправление, хотя бы и под "давлением" низов партии было бы смешной иллюзией: на такое "давление", если оно не приведет к полному устранению этого аппарата, он ответит только усиленными репрессиями против партийной массы.

Мелкобуржуазная политика внутри страны теперь дополняется явно меньшевистской международной политикой. Тактика "блока четырех классов" в Китае, приведшая к контрреволюционному перевороту Чан Кайши и кровавым расправам с китайским пролетариатом, тактика соглашения с предавшим английскую стачку Генсоветом, который в резолюции Берлинского совещания Англо-Русского комитета признан "единст-

венным выразителем воли" профессионально организованных рабочих Великобритании, не оставляет никаких сомнений, что сталинский ЦК уже во всех областях фактически ведет теперь мелкобуржуазную политику.

Превратив Ленина в "икону", канонизировав его, олигархическая верхушка прикрывает его именем врастание кулака в социализм, эксплуатацию рабочего класса государственными чиновниками, предательство мировой революции. Ленинская теория, политика и тактика на деле сдаются в архив: на них остается только ярлычок "ленинизма".

Революция переживает критический момент. В этот момент мы зовем под знамя Ленина, под знамя старой большевистской партии всех тех, кому по-прежнему дороги интересы революции, пролетариата, всех тех – и прежде всего рабочую часть партии – кто не развращен своим привилегированным положением. Под этим знаменем должен быть разбит теперешний партаппарат, возрождена партия, отстранена от руководства олигархическая верхушка, изменяющая делу пролетариата. Раскрепощение авангарда пролетариата, раскрепощение каждого члена партии, проведение рабочей, а не мелкобуржуазной демократии, борьба с выхолащиванием революционного учения Ленина – таковы наши лозунги.

Мы отчетливо видим все трудности предстоящей борьбы. Против нас все могущество бюрократической, государственной и партийной машины, против нас все мещанские обывательские элементы партии, против нас напор мелкобуржуазной стихии. Но мы видим все эти огромные трудности только для того, чтобы преодолеть их. Мы должны и можем сплотить для отпора этой мелкобуржуазной стихии рабочую часть партии, суметь связать ее борьбу против оппортунистов с интересами широких рабочих масс, которые своей спиной должны расплачиваться за мелкобуржуазную политику нынешнего ЦК. Не только критика этой политики, не только разоблачение ее мелкобуржуазной сущности, но и сплочение всех тех сил, которые могут дать отпор мелкобуржуазной стихии – такова наша задача.

Под знамя старой большевистской партии, под знамя Ленина – таков наш клич.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ И НАШИ ЗАДАЧИ

Перспективы мировой революции

Революция 1917 года в России, переворот 1918 года в Германии и Австрии, ряд революционных движений в период 19–21 годов в других европейских странах (Венгрия, Италия, Англия) были первым натиском революционного пролетариата, первой вспышкой мировой революции после того, как "мир вступил в эпоху войн и революций". Эта первая вспышка социалистической революции была ближайшим образом связана с военным и послевоенным кризисом мирового хозяйства. Она победоносно закончилась лишь в России установлением диктатуры пролетариата. В остальных европейских странах верх одержала буржуазия. Эту победу буржуазия одержала при активном участии социал-демократии путем

разделения власти. Коалиционные правительства явились небольшим этапом к нынешней диктатуре буржуазии. Вторая, более слабая вспышка – революционное движение 1923 года в Германии, возникшая на почве грабежа Германии державами-победительницами (оккупация Рура и т. д.) – также было разбито. Наступил второй перерыв, который получил название "стабилизации капитализма".

Означает ли этот перерыв, что капитализм вступил в какую-то новую, более или менее длительную эпоху мирного развития? Разумеется, нет. Это означало бы, что противоречия, приведшие его к империалистической войне и последующей волне революционных движений в какой-нибудь степени разрешились или ослабились. Между тем, все специфические особенности империалистического периода не только не ослабляются, но усиливаются. Картели растут, потребность во внешних рынках усиливается, обнищание рабочего класса и безработица растет более чем когда-либо и классовые противоречия обостряются до крайней степени. Какие бы неудачи ни терпело до сих пор, и какие бы неудачи ни грозили в будущем возникшему после войны революционному движению колониальных народов, оно по меньшей мере ослабляет степень эксплуатации их империалистическими державами, на каждой своей стадии создает новые противоречия между ними, и усиливает классовые противоречия внутри их. Капиталистический мир еще до мировой войны вошел в эпоху войн и революций, которая может окончиться лишь с гибелью капитализма, с торжеством пролетарской революции.

Мы не можем заниматься предсказаниями о том, через сколько лет произойдет эта победа. Возможную продолжительность эпохи войн и революций Маркс и Ленин определяли десятилетиями, с переменными успехами рабочего класса (победы, поражения). Было бы утопией полагать, что пролетариат, раз победивший в одной стране, остается при всех условиях у власти до победы мировой революции. Во весь длинный период войн и революций победы рабочего класса в отдельных странах могут сменяться поражениями (напр., победы и поражения социалистической революции в Венгрии и Баварии). Наивно также полагать, что весь период войн и революций, т. е. многие десятилетия, будут сплошной войной и революцией, сплошной вооруженной схваткой между рабочим классом и буржуазией. Перерывы, в течение которых происходит более или менее "мирное" развитие, вполне возможны и вероятны. Но эти "мирные" периоды ничуть не похожи на мирные периоды доимпериалистической эпохи. И во время их классовые противоречия остаются крайне напряженными и могут в любой момент вновь превратиться в вооруженную схватку.

Поэтому всякие споры о стабилизации, т. е. о каком-то, хотя бы и временном, но определенном периоде мирного существования, являются пустой схоластикой. Всякие предсказания, всякая ориентация на то, что революция не вспыхнет в течение такого-то промежутка времени (как из этого исходит в своей теории "победы социализма в одной стране" сталинская группа) являются знахарством в теории и оппортунизмом на практике. Отдельные вспышки революционного движения и отдельные войны

(всеобщая забастовка в Англии, революция и война в Китае) происходят почти непрерывно и могут всегда перейти в решительный бой между буржуазией и пролетариатом Европы и всего мира. Предсказания и прогнозы можно здесь делать только на месяцы, но не на годы. То, что мы имеем сейчас, есть только перерыв в вооруженной борьбе.

Особенно нужно отметить изменение положения после войны в Европе. В результате войны она потеряла не только свое господствующее, но и самостоятельное в мировом хозяйстве положение. Господствующей капиталистической страной стала Америка. Приток американского капитала в Европу означает, что часть прибавочной ценности, выкачиваемой из своих рабочих и из своих колоний, европейская буржуазия должна будет отдавать Америке. Отсюда неизбежно опять-таки вытекает еще большая эксплуатация рабочего класса в Европе, с одной стороны, еще более острая борьба за передел колоний между европейскими империалистическими державами, с другой. Если противоречия капитализма после войны усилились во всем мире, то еще больше они обострились в Европе.

Истощенная войной Европа только спустя 8–9 лет после окончания мировой войны подошла к довоенному уровню производства. Но это достижение довоенного уровня сопровождается несравненно большим обострением противоречий между различными группами империалистических государств и между различными классами, чем это было до войны. Это явно показывает, что капитализм себя исчерпал, что он потерял способность двигать вперед производительные силы, по крайней мере, на своей старой родине, Европе. Не следует, разумеется, изображать дело так, будто за известной чертой развитие производительных сил автоматически останавливается. На отдельных участках экономического фронта капитализм и в настоящее время имеет и может иметь некоторые успехи: развивается техника, рационализируется промышленность. Но в общем и целом объем производительных сил увеличивается крайне медленно, а столкновение между классами и империалистическими кликами вновь разрушают их.

Все это ставит капиталистическую Европу под удар пролетарской революции в первую очередь. А революция в Европе неизбежно даст мощный толчок социалистической революции в Соединенных Штатах, теперешнее "благополучие" которых основано на временном торжестве буржуазии в Европе и на подчинении этой буржуазии американскому капиталу.

Под углом зрения этой оценки должна строиться тактика Коминтерна. Это, разумеется, не означает, что коммунисты должны всегда выдвигать только те методы, которые приемлемы в момент непосредственно революционной ситуации. В момент перерыва они должны отстаивать и выдвигать и частичные требования, умело применяя, в частности, тактику единого фронта. Но не следует ни на минуту упускать из виду, что основной задачей, которой должно быть подчинено все остальное, и в момент теперешнего перерыва является подготовка открытой борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как ближайшего этапа мировой истории.

Общая эволюция классовых отношений и классовой борьбы в СССР

Задержка мировой революции поставила СССР в необходимость развивать хозяйство, опираясь почти исключительно на внутренние ресурсы страны. При огромной роли мелкого крестьянского хозяйства и огромном численном перевесе мелкобуржуазных слоев населения советская власть не могла не испытывать на себе давления. "Пока существуют классы, неизбежна классовая борьба" (XI съезд партии "О роли и задачах профсоюзов"). Поэтому, с одной стороны, результаты нашей политики должны оцениваться не только с точки зрения развития производительных сил, но и с точки зрения роста или изживания классовых противоречий. С другой, – мы должны самым тщательным образом учитывать, какое влияние на нашу политику оказывали непролетарские классы населения. Оценка этого влияния непролетарских классов на политику партии и оценка классовых результатов этой политики является обязательной.

Общие итоги изменения классовых соотношений за годы нэпа сводятся к следующему:

1. Появилась и окрепла новая буржуазия, преимущественно паразитического типа, захватившая себе прочные позиции в сфере торговли, спекуляции и ростовщичества, но захватывающая уже частично и сферу производства.

2. Расслоение крестьянства быстро растет. Бедняцкая часть деревни уже в конце 1925 года, по подсчетам крестьянской комиссии ЦК, составляла 40–45% всего числа крестьян. Отход из деревни в город все усиливается и число батраков быстро увеличивается. Мощь кулацких элементов быстро возрастает. Кулак добился крупных экономических уступок в виде допущения найма рабочей силы и аренды земли. Эти уступки становятся все большими: наемный труд, разрешенный сначала только для трудовых хозяйств, теперь допущен и для применения на арендованной земле. Предельный срок аренды, ограниченный первоначально тремя годами, III съездом Советов в мае 1926 года увеличен до 12 лет. Кулак получил доступ в кооперацию и его значение в ней настолько сильно, что он начинает уже частично овладевать ею. Он получил доступ и в Советы. Политическое и экономическое значение кулака в деревне все увеличивается, влияние его на деревенские Советы и в самих Советах растет (см. речь тов. Каменева на XIV съезде партии, раздел "Проверка разногласий на практике").

3. Рост реальной заработной платы резко отстает от роста интенсивности труда. При этом, с октября 1925 года заработная плата остановилась в своем росте и обнаруживает даже тенденцию к понижению, между тем как выработка на рабочего за этот период поднялась не менее, чем на 15%. В то же время административный нажим хозяйственных органов на рабочего резко усилился, права администрации значительно расширились. Все это ведет к росту недовольства рабочего класса, к обострению противоречий между советским государством и рабочими, выразившемуся

и в крупном стачечном движении весной 1925 года и в значительном росте числа конфликтов, "волынок", сговоров между рабочими о предельной выработке и т. п. в настоящее время.

4. За время нэпа численность рабочего класса значительно возрастала, однако, с начала текущего года происходит резкий перелом и рост этот почти приостанавливается. Наряду с этим, безработица растет все более быстрым темпом: уже в 1926 году рост безработных обгоняет рост числа рабочих. В настоящем году рост безработицы еще усиливается, и количество безработных за первое полугодие 1926–27 года увеличилось на 385 тысяч человек, т. е. на 36%.

Таким образом, довольно быстрое до сих пор расширение продукции нашего хозяйства вообще и государственного в частности (при очень слабом, однако, изменении его технической базы), сопровождалось усилением социального неравенства, прямым ростом классовых противоречий и классового расслоения (усиление городской и деревенской буржуазии) за пределами государственного хозяйства, а внутри его значительные "противоположности интересам по вопросам условий труда" между рабочими и органами советского государства.

Октябрьская революция создала огромной важности предпосылки для социалистического строительства, главной из которых является национализация промышленности. Но политика ЦК за последние годы все менее использует эти завоевания октябрьской революции. Говорить при таких условиях, что у нас и сейчас происходит вытеснение капиталистических элементов социалистическими, что мы вступили в какую-то "высшую фазу" нэпа, – значит скрывать от партии и рабочего класса то, что происходит на деле. Действительный успех социалистического строительства означает: 1) что производительные силы на базе национализированной промышленности растут быстрее, чем росли при капитализме, 2) что положение рабочих, если только не происходит каких-либо событий (война, интервенция и т. п.), непрерывно улучшается, 3) что разделение общества на классы постепенно изживается и социальное неравенство уменьшается. Ни одного из этих условий налицо нет: мы можем констатировать только довольно быстрый рост продукции хозяйства, но не его производительных сил. Мы, несомненно, продолжаем ухудшать состояние основного оборудования на транспорте и состояние жилищного фонда. В области промышленного оборудования мы, в лучшем случае, имеем лишь крайне слабый прирост. Разрушение производительных сил во время войны и революции, транспорта и промышленности, было значительно больше, чем в сельском хозяйстве. Поэтому соотношение уровня производительных сил в государственном хозяйстве, с одной стороны, и в частном крестьянском хозяйстве, с другой, ухудшилось даже по сравнению с началом революции. Доля рабочего класса в национальном доходе, увеличивавшаяся с начала нэпа до 1925–26 гг., в лучшем случае, остается на уровне предыдущего года. Социальное неравенство растет, как в результате расслоения деревни, так и в результате образования новой буржуазии. Абсолютный рост накопления частного капитала признается всеми. Если при этом темп этого накопления и отстает несколько от

темпа накопления в государственном хозяйстве, то грубейшей ошибкой было бы рассматривать это как успех социалистического строительства.

Особенностью нашей экономики является совершенно исключительная **роль непроизводительного потребления,** паразитических форм присвоения прибавочной ценности, которые являются самой отсталой и самой отвратительной формой эксплуатации труда. Ростовщичество, спекуляция, торговые барыши (наряду с огромными расходами советской и хозяйственной бюрократии) поглощают громадную долю национального дохода, и только небольшая часть идет на производительное накопление, хотя бы и в капиталистической форме. Остальное проедается, проматывается, идет на увеличение фонда паразитической эксплуатации. Таким образом, безвозвратно теряются те народнохозяйственные средства, которые могли бы пойти частью на улучшение положения трудящихся, частью на развитие производительных сил.

Так называемый "восстановительный процесс", процесс развертывания производства без сколько-нибудь значительного усиления основного оборудования, замаскировывал эти отрицательные явления и создавал видимость быстрого развития производительных сил. Совершенно не случайно поэтому, что эти отрицательные явления все ярче и ярче обнаруживаются по мере перехода к концу этого "восстановительного" процесса.

Медленный рост производительных сил в государственном хозяйстве, рост буржуазии, рост классового расслоения деревни, замедляющийся рост численности рабочих в промышленности и приостановка с середины 1925 года подъема материального положения рабочего класса, усиление в связи со всем этим капиталистических элементов в самом государственном хозяйстве, рост классовых противоречий и социального неравенства – все это означает, что **в общем итоге за последние годы капиталистические элементы растут у нас быстрее социалистических.**

Техническая отсталость нашей страны и вытекающий из нее низкий уровень производительности труда, разумеется, является огромным препятствием на пути социалистического строительства. Благодаря этой отсталости, переход к действительно социалистической организации производства (при которой рабочий из рабочей силы превращается в хозяина производства, а товарный характер производства уничтожается) без помощи технически передовых стран, без мировой социальной революции для нас невозможен. Именно поэтому мировая революция является для нас не только гарантией от интервенции, как это утверждает сталинско-бухаринская "теория победы социализма в одной стране", но теснейшим образом связана с самыми жизненными интересами нашего внутреннего социалистического строительства, в частности, с положением рабочего класса и беднейшего крестьянства. Лишь при условии мировой революции, которая даст нам возможность использовать для нашего строительства несомненно более высокий уровень производительных сил и производительности труда технически передовых стран, мы сможем создать не только "фундамент социалистической экономики" (Ленин), но и действительно социалистические отношения между людьми. Но было бы полной нелепостью отсюда сделать вывод, что происшедшая задержка

мировой революции осуждает на гибель диктатуру пролетариата в СССР; нет никакого сомнения, что и при нашей технической отсталости, в рамках нэпа мы можем, опираясь на национализацию промышленности, развивать свое хозяйство в направлении к социализму. И если в последние годы происходит более быстрый рост капиталистических элементов по сравнению с социалистическими, то причиной этого является не объективная невозможность строительства социализма, а политика ЦК с ее постоянными уступками давлению мелкой буржуазии.

Индустриализация

Кризис 1923 года, вызванный главным образом почти полным отсутствием всякого руководства хозяйством, создал в руководящей группе ЦК панический испуг перед якобы слишком быстрым развитием промышленности. "Ошибочно, с точки зрения социалистического строительства, – гласит резолюция XIII конференции, – когда в цены товаров, сверх себестоимости и минимальной прибыли, включаются расходы на такое быстрое развертывание промышленности, которое явно не под силу основной массе населения страны. Необходимо в дальнейшем в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка". Практически это означало курс на умеренный рост промышленности, на пассивное приспособление ее к развитию сельского хозяйства. Вплоть до XIV съезда, когда в борьбе с "новой оппозицией" был выдвинут на словах лозунг "индустриализации" (сопровождающийся, однако, бешеной травлей против так называемых "сверхиндустриалистов"), ЦК все время сдерживал рост промышленности. Производственные программы все время устанавливались в таком минимальном размере, что вплоть до 1925–26 года они систематически оказывались при выполнении превзойденными. Стихия рынка выправляла таким образом политику ЦК ВКП. Уже отсюда ясно, что такая политика вызвана испугом перед мелкой буржуазией, была уступкой ее требованиям и шла в ущерб не только развитию промышленности, но и развитию производительных сил нашего хозяйства вообще. Такой же уступкой утопическим требованиям мелкой буржуазии является и политика так называемого снижения цен, установленная XIII конференцией и сохраняющая силу незыблемого догмата и до сих пор.

Основная ошибка этой политики заключается в том, что ЦК стремится снизить во что бы то ни стало промышленные цены до уровня себестоимости плюс "минимальная прибыль" (на практике эта минимальная прибыль оказывается подчас и ниже нуля, цены оказываются ниже себестоимости), независимо от насыщения рынка товарами и независимо от технических улучшений производства, дающих возможность снизить себестоимость и тем добиться действительного систематического снижения цен. В угоду "потребителя" вообще (т. е. в том числе и буржуазии), ЦК решил действовать наперекор законам рынка, в тот период, когда этот рынок

развертывался вместе с развертыванием нэпа. На деле от этой политики "в пользу всех классов" выиграла только буржуазия и при том главным образом паразитическая буржуазия.

Результаты этой политики ЦК к настоящему времени свелись к следующему:

1. Так называемое "снижение цен".

Понижение отпускных цен, начавшееся с октября 1923 года, продолжалось только до ноября 1924 года. За это время они снизились на 36%. С этого времени, т. е. на протяжении более 2-х лет, никакого снижения даже отпускных цен не происходит, – формально они стоят на одном и том же уровне. На деле же они повышаются, так как при сохранении прежних цен качество товара (в частности мануфактуры), начиная с 1926 года резко понижается. Оптовые цены, которые включают в себя и торговые накидки государственных торговых оптовых органов, после такого же резкого снижения в конце 1923 года и в начале 1924 года, начиная с июля 1925 года, медленно, но непрерывно растут: с указанного момента до января 1927 г. они увеличились на 7% (см. движение оптовых промышленных цен по оптовому индексу Госплана) – опять-таки при ухудшении качества товара, делающем на самом деле повышение значительно большим. Розничные же цены до июля 1925 года снижались гораздо медленнее отпускных и оптовых – максимальное снижение составляло только 20%, с этого же времени они вновь быстро растут, на целых 25% и, таким образом, к январю 1926 года возвращаются к уровню октября 1923 года. Принимая же во внимание понижение качества товара, они превысили этот уровень. Последняя кампания по снижению цен, несмотря на весь административный нажим, дала всего несколько процентов (3–5) снижения при дальнейшем ухудшении качества. Таким образом, потребитель получает в настоящее время товар ухудшенного качества по ценам почти что 1923 года. Политика "снижения цен" привела на деле к повышению цен и фальсификации продуктов.

2. Нажива буржуазии и рост паразитических слоев населения.

Расхождение между розничными и отпускными ценами в результате этого все время растет. Накидки частной торговли, которые по исчислениям ВСНХ в октябре 1923 года составляли 8% на отпускную цену, в октябре 1924 г. по тем же исчислениям составляли уже 40%, в октябре 1925 г. – 51%, в октябре 1926 г. – 63% и в январе 1927 г. – 66,5%. В течение последней кампании по снижению цен, эта разница еще усилилась: понижение отпускных цен было больше незначительного понижения розничных. Это, несомненно, повело к значительному накоплению частного капитала. Но наряду с этим, в область торговли устремилось огромное количество паразитических элементов. Часть их бросается на самостоятельную мелкую торговлю, увеличивая количество мелких торговцев до таких размеров, которые совершенно излишни с точки зрения правильного развития торговой сети, часть обслуживает торговцев покрупнее, стоя в очередях государственных и кооперативных магазинов по найму этих торговцев. Огромное количество народных средств затрачивается на этот обход "низких" цен, на прокормление за счет трудящихся этой армии

паразитов, торгующих несколькими метрами ситца в день, стоящих в очередях, на подкупы и взяточничество агентов трестов, государственной и кооперативной торговли и т. п. Растет не только частный, и притом опять-таки больше всего спекулянтски-торговый и ростовщический капитал, но и непроизводительно паразитическое потребление.

Накидки кооперации по официальным данным несколько ниже частной торговли, около 40–30%. Однако, эти более низкие накидки в значительной степени вытекают из того, что кооперация торгует менее ходким товаром в то время, как те сорта товаров, на которые существует максимальный спрос, уплывают к частному торговцу. И здесь, помимо чрезмерных прибылей кооперации, высокие накидки ведут к огромному разбуханию ее торгового аппарата, т. е. опять-таки на прокормление непроизводительных слоев населения. В общем, на этой разнице между отпускными и розничными ценами мы потеряли в пользу частного торговца и в пользу паразитических слоев населения за один 1925–26 г. не менее миллиарда рублей, а в текущем году потеряем, по-видимому, еще больше. В общем же итоге с 1923 года до начала текущего года эти потери выражались в сумме свыше 2-х миллиардов рублей. Если бы эта огромная сумма была использована для социалистического строительства, в частности, для переоборудования промышленности, то мы на деле имели бы и снижение цен, и снижение себестоимости промышленной продукции.

3. **Развитие промышленности и капитальные затраты, себестоимость.**

Развитие промышленности с точки зрения увеличения продукции недостаточно, ибо явно не может даже ослабить в течение уже 3-х лет товарного голода. Промышленный план на 1926–27 г. ниже крайне скромных предположений 5-летнего плана, составленного ВСНХ, по подсчетам которого, даже к 1930 г. мы сможем предоставить крестьянину промышленных товаров только в размерах 90% его довоенного потребления этих товаров (считая в том числе и водку). Даже ВСНХ признает, что "товарный голод еще не будет изжит". Подсчеты же контрольных цифр госплана дают даже обострение товарного голода.

Еще хуже обстоит дело с улучшением техники промышленности, ее переоборудованием и капитальным ремонтом. Теперь же можно считать установленным, что в ряде важнейших отраслей промышленности (напр., в металлической), наряду с расширением продукции, происходило ухудшение состояния оборудования. (При этом хуже всего обстоит дело с техникой безопасности, благодаря чему число несчастных случаев на предприятиях непрерывно растет.) Совершенно недостаточен с этой точки зрения и тот размах капитальных затрат, который предположен на будущий год. Это открыто было признано почти всеми выступающими на февральском пленуме ЦК, а частью отмечено нашей печатью. Такая недостаточность капитальных затрат является одной из важных причин роста в 1925–26 г. себестоимости промышленной продукции, который продолжается и в настоящем году. Этот рост себестоимости с полной ясностью показывает, что та политика, которую ведет ЦК, не имеет ничего общего с политикой действительного снижения цен. При росте себестоимости никакая политика снижения цен, разумеется, невозможна.

4. **Покупательная сила червонца, рост цен на продукты сельского хозяйства, рост стоимости жизни рабочего.**

Однако, даже при этом недостаточном увеличении продукции, при фальсификации товаров, при ухудшении состояния оборудования, промышленность, у которой, благодаря нашей политике цен, были отняты средства в пользу частного торговца и армии паразитов, должна была прибегать к усиленной помощи бюджета и к использованию банковского кредита на капитальные затраты. План промышленности на 1926–27 год составлен с таким финансовым напряжением, что и в этом году придется прибегнуть к тем же средствам, если только не идти на сокращение капитальных затрат.* В результате этого покупательная способность нашего рубля понижается. Благодаря этому, с осени 1926 г. пришлось пойти на повышение цен всех продуктов интенсивного сельского хозяйства (лен, подсолнух, яйца, масло и т. п.). Поскольку же это повышение цен было произведено слишком поздно или в недостаточной степени, рост продукции интенсивного сельского хозяйства приостановился (лен) или даже заменился сокращением (подсолнух). В отношении интенсификации сельского хозяйства мы за последний год движемся не вперед, а назад.

Это понижение покупательной силы червонца больно бьет, с другой стороны, и по рабочему. ЦК все время сдерживает рост номинальной зарплаты рабочего, ссылаясь на то, что реальное повышение ее должно быть достигнуто путем снижения цен на продукты потребления рабочего. А так как, вместо понижения цен, происходит почти всеобщее их повышение, то зарплата все больше начинает проявлять тенденцию к понижению. Политика "снижения цен" на деле оказывается обманом рабочих, которые, таким образом, должны расплачиваться за ошибки ЦК ухудшением своего материального положения.

5. **Рост безработицы.**

Наконец, темп расширения нашей промышленности совершенно недостаточен с точки зрения поглощения прироста рабочей силы. Уже в прошлом году, при увеличении количества рабочих подчиненной ВСНХ промышленности на 380 тыс. чел., мы получили рост безработицы на 150 тыс. чел. В этом году, при предположенном увеличении количества рабочих только на 136 тыс. чел., безработица сделала огромный скачок вверх, увеличившись за одно первое полугодие в 2 с половиной раза больше, чем за весь прошлый год. При таком положении так называемая "рационализация" производства (которая является суррогатом технического прогресса, ибо сводится преимущественно к увеличению интенсивности труда, при отсутствии сколько-нибудь серьезных технических улучшений) имеет своим последствием расчет рабочих. **Недостаточность темпа индустриализации враждебно сталкивает интересы улучшения производства с интересами рабочих.**

Политика ЦК в области промышленности настолько проникнута мелкобуржуазными уклонами, что не в состоянии разрешить не только

---

* Особенно после понижения сверх плана отпускных цен на 5%, согласно решению февральского пленума ЦК и при дальнейшем непредусмотренном планом росте себестоимости.

задач строительства социализма, но даже и задачу необходимого для страны развития производительных сил.

Правильная политика индустриализации, в противоположность этому, должна заключаться в следующем:

1) Промышленность не может и не должна пассивно приспособляться к нуждам сельского хозяйства. Она должна стать определяющим фактором во всем народном хозяйстве, революционизирующим его технику, как в целом, так, в частности, и в сельском хозяйстве. Открывая рынок сбыта сельскохозяйственному сырью, она должна способствовать развитию технических культур и интенсификации и индустриализации сельского хозяйства (постройка заводов по первичной обработке сырья и пр.). Она должна, таким образом, с одной стороны, ослабить уход рабочих из деревни, а с другой, — обеспечить поглощение прироста рабочей силы развитием промышленного производства.

2) Дальнейшее развитие промышленности должно базироваться не на использовании старого оборудования и повышения интенсивности труда, а на технической реконструкции.

3) Средства для такого развития могут и должны быть получены путем гибкой политики цен, использующей благоприятную конъюнктуру рынка, которую иначе использует не потребитель, а паразитическая буржуазия. Исходя из этого, понижение цен промышленных товаров должно являться следствием понижения их ценности (а не искусственного снижения необходимой для развития промышленности прибыли и зарплаты) и достаточного насыщения ими рынка. Политика снижения отпускных цен и "минимальных прибылей" при бестоварье и росте себестоимости есть на самом деле политика высоких и повышающихся цен, ведет к огромной наживе паразитического частного капитала и должна быть решительно отброшена. Задача регулирования рынка и цен состоит не в том, чтобы фиктивно снижать отпускные цены за счет прибыли, а в том, чтобы, использовав прибыли для реконструкции нашей промышленности, провести на деле политику снижения сети промышленных цен и добиться действительно дешевых товаров в достаточном для насыщения рынка количестве.

Наряду с этим, необходимо произвести сокращение в бюджете расходов нашего административного аппарата, усилить обложение кулачества при понижении налогов для бедняцкой части населения деревни, провести на деле, при активном участии рабочих масс, режим экономии на фабриках и заводах не за счет рабочего, а за счет сокращения непроизводительных расходов, превратить производственные совещания в органы, на деле осуществляющие участие рабочих в управлении предприятиями. Ясно, однако, что все эти меры могут быть проведены лишь при условии проведения рабочей демократии.

Вопросы труда

1. Производительность труда и заработная плата.

В период дискуссии 1923 г., под впечатлением разразившихся тогда стачек, в целях привлечения на свою сторону симпатий рабочих, ЦК вы-

двинул и закрепил в резолюциях XIII конференции и XIII съезда "курс на подъем заработной платы в соответствии с подъемом промышленности и производительности труда". Однако, это решение, находившееся в явном противоречии с основной линией экономической политики – с умеренным ростом промышленности и проводимой ЦК политикой цен – осталось на бумаге.

Вынужденная этой политикой к снижению себестоимости, промышленность пошла по линии наименьшего сопротивления – давления на рабочего: с осени 1924 г., параллельно с развертыванием кампании о повороте "лицом к деревне", с величайшей энергией и нажимом на рабочий класс проводится кампания по поднятию производительности (на деле интенсивности) труда, не только без соответствующего повышения зарплаты, но даже с некоторым ее понижением. Политика "низких" цен, приведшая главным образом к наживе спекулянтов, ударила не только по темпу расширения промышленности, но и по положению рабочего. Курс на повышение заработной платы "в соответствии с подъемом промышленности и производительности труда" был выброшен за борт тотчас же, как оппозиция была подавлена.

Основным методом повышения "производительности" труда было введение неограниченной сдельщины и систематическое повышение норм выработки и понижение сдельных расценок по мере того, как производительность труда повышалась. Сплошь и рядом эти изменения норм выработки и расценок производились так, что размер заработной платы после них резко снижался. Это неизбежно должно было приводить к конфликтам между рабочими и советским государством и подрыву авторитета последнего.

Первая кампания "по поднятию производительности труда" закончилась массовыми стачками. Они начались с января 1925 года и весной приняли уже массовый характер. Под давлением их был объявлен весной 1925 года "новый курс". Заработная плата к августу месяцу выросла, примерно, на 25%, не дойдя, однако, до довоенного уровня. Но с этого времени рост реальной заработной платы прекращается и в настоящее время она даже ниже уровня осени 1925 года.

Несмотря на остановку роста зарплаты, нажим на интенсивность труда продолжается. Работа по нормированию сводится к тому, чтобы установить максимально возможную для наиболее сильных рабочих выработку и сделать ее обязательной для всех остальных. Браковка при сдельных работах увеличивается – без повышения или даже при понижении расценок. В результате, при заработной плате, которая даже при самых оптимистических подсчетах не выше довоенной, при оборудовании, которое хуже довоенного, выработка на рабочего значительно больше довоенной и превышает ее часто вдвое и больше. Это ведет к прямому истощению и росту инвалидности рабочих.

В общем итоге с октября 1924 г. по октябрь 1926 г., в полном противоречии с решениями XIII конференции, выработка на одного рабочего поднялась на 47,5%, в то время, как дневная зарплата поднялась только на 26%, а месячная – на 15%. Теперь же последнее постановление ЦК ВКП

о рационализации производства официально отменяет эту резолюцию. "В тех предприятиях, – говорит это постановление, – где проведены и проводятся организационные и технические улучшения производства, необходимо производить пересмотр норм выработки и сдельных расценок в соответствии с результатом организационных и технических улучшений с тем, однако, чтобы этот пересмотр не приводил к снижению существовавшей до введения технических и организационных улучшений дневной заработной платы рабочих, а наоборот, давал бы возможность, при повышении интенсивности труда, дальнейшего роста заработной платы рабочих".

Здесь открыто устанавливается, что рабочий может получить большую зарплату лишь за большое количество труда. Увеличение же общественного богатства, получающееся благодаря развитию техники, по мнению ЦК ВКП, никакого отношения к нему не имеет, и ни на какую часть этого увеличения он рассчитывать не может. На словах ЦК устами теоретиков бухаринской школы утверждает, что рабочая сила уже перестала быть товаром, а на деле устанавливает чисто капиталистический принцип оплаты рабочего.

Выпуск 40° водки больше всего ударил по рабочему. Низкая заработная плата и высокий уровень производительности труда создают особо благоприятные условия для развития алкоголизма. Прогулы резко увеличились. Рабочий не только платит "пьяный налог" в ущерб остальным своим потребностям, не только отравляет себя алкоголем, но и теряет благодаря прогулам часть своего заработка. Особенно губительно отозвалось введение водки на рабочей молодежи. Усиление бюджета идет за счет здоровья и заработка рабочего.

Низкий уровень заработной платы не дает возможности рабочему оплачивать свое жилое помещение в таком размере, который позволял бы содержать его в более или менее сносном виде. В этом одна из главных причин растущего жилищного кризиса, систематического сокращения из года в год даже жилой площади на душу рабочего населения. Постройка и содержание домов (особенно для рабочих) убыточны. Выход из этого положения пытаются найти путем ничтожных, сравнительно с потребностью, ассигнований на жилстроительство за счет бюджета, с одной стороны, повышения квартирной платы без повышения зарплаты, с другой. (Здесь же нужно отметить, что наш индекс предметов потребления рабочего не включает в себя квартплаты, непрерывно повышающейся.) Квартплата поэтому слишком высока, по сравнению с зарплатой рабочего, и ложится на него тяжелым бременем, слишком низка, сравнительно с необходимыми расходами на жилое помещение, и обрекает рабочего на житье в конурах. Как и по отношению к другим товарам, рабочий получает здесь за "дешевую" цену негодный продукт.

2. Режим экономии и внутренний распорядок на фабрике,

"Режим экономии" также превратился в нажим на рабочего: рабочих лишают трамвайных денег, сокращают расходы на ясли и другие культурные нужды. Борьба с прогулами, которые являются в значительной

степени последствием введения водки, превращается в систему карательных мер с увольнением рабочих за малейшее опоздание. Страховые кассы сокращают число оплаченных по болезни дней, отказываясь от оплаты под предлогом того, что больной якобы не выполняет предписаний врача, и предлагая перевести на "легкую" работу больных и потерявших трудоспособность. "Этот вид режима экономии принял в Москве эпидемический характер. Нетрудно себе представить, как "режимили" над застрахованными провинциальные кассы" ("Труд", 15 марта 27 г. "Экономия на застрахованных").

Другой вид режима экономии – это сокращение расходов на технику безопасности. При недостаточности средств на капитальные работы, расходы на технику безопасности сокращаются в первую очередь. "Число несчастных случаев на предприятиях растет. На московских заводах и фабриках, например, в 1925 году зарегистрировано 2.775 случаев, а в 1926 г. уже 6.111. По данным ЦСУ, в первом квартале 1925 года на 100 тыс. проработанных человеко-дней было 22 несчастных случая с потерей работоспособности, во втором квартале – 24, в третьем – 29, в четвертом – 33 и т.д."("Труд", 8 марта 27 г. "Число несчастных случаев растет").

Широко применяется, несмотря на безработицу, практика сверхурочных работ – НКтруд весьма редко отказывает в разрешении их – а также практика найма "временных" рабочих: эти временные рабочие, поставленные в худшие условия труда сравнительно с постоянными в отношении условий увольнения и выплаты выходного пособия (предупреждение о расчете за 1 или 3 дня, или выдача выходного пособия за столько же дней, вместо двух недель для постоянных рабочих), на деле отличаются от них сплошь и рядом только тем, что по истечении предельного срока – рассчитываются на несколько дней, а затем вновь принимаются, как временные. Это злоупотребление в значительной степени влечет за собой так называемую "текучесть" рабочей силы* (по данным Наркомтруда, полный средний оборот рабочей силы происходит у нас в течение 10 месяцев, т.е. число вновь нанятых рабочих в течение года превышает численность рабочих), вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными и понижение заработной платы. Вместо борьбы с этими злоупотреблениями, СНК и ЦИК СССР увеличивают предельный срок найма временных рабочих с одного до двух месяцев, что создает еще более благоприятную почву для злоупотреблений.

В области внутреннего распорядка на фабриках все более устанавливается неограниченная власть администрации. Администрации предоставлено безапелляционное право увольнения рабочих за проступки. Прием рабочих также производится самой администрацией, а роль фабзавкома сводится только к регистрации принятых. На этой почве развивается мелкое взяточничество мастеров с рабочих. Между мастером и рабочим устанавливаются отношения дореволюционного типа. Выдвигаются

* По Украине, из 448 тысяч занятых на предприятиях рабочих вновь принятых было 396 (см. речь Чубаря на февральском 1927 г. пленуме ЦК ВКП).

требования создания, рядом с кодексом труда, обязательного промышленного кодекса, определяющего права администрации и придающего ее решениям безапелляционную силу ("Торгово-промышл. газета" № 147).

Вместо постепенного вовлечения рабочих в управление предприятием — усиление власти администрации. На указания производственных совещаний и рабочих на безобразные подчас дефекты в постановке производства не обращается никакого внимания или больше того, их объявляют "бузотерством". Напротив того, хорошим мастером считается только тот, который не в ладах с профсоюзом (речь Калинина в Гомеле). Установление сдельных расценок находится всецело в руках мастеров. Весь внутренний распорядок на фабрике все больше приближается к "довоенному", а в некоторых отношениях и превосходит его.

3. Профсоюзы и рабочая демократия.

Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики с исчерпывающей ясностью и полнотой были сформулированы на X и XI съездах партии. "Главным методом работы профсоюзов является не метод принуждения, а метод убеждения", — говорит пункт 6 резолюции X съезда "О роли и задачах профсоюзов". — "Методы рабочей демократии, сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войны, должны быть в первую очередь и шире всего восстановлены в профессиональном движении. В профессиональных союзах прежде всего необходимо восстановить широкую выборность всех органов профессионального движения и устранить методы назначенства.

Профессиональная организация должна быть построена на принципе демократического централизма. Но вместе с тем, в сфере профессионального движения особенно необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма, милитаризма и милитаризованных форм работы в бюрократизм и казенщину". В дополнение к этому, XI съезд партии, отметив, что перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет "неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат", установил, что "по отношению к специализированным государственным предприятиям" (не говоря уже о частных и комиссионных) "на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся" (роль и задачи профсоюзов, п. 3). Тот же съезд признал допустимым применение стачки на государственных предприятиях с тем ограничением, что "применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях". (Там же, п. 4). Эти постановления, с полной отчетливостью определяющие место профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, уже давно стали забытой грамотой.

Партийные и профессиональные организации, вместо борьбы против бюрократических извращений хозяйственных органов беря на себя

огульную защиту всех мероприятий хозяйственников, превращаются фактически в их агентуру. В ряде случаев мероприятия, приводившие к стачке, объявлялись за подписью не директора фабрики, а партийного комитета и завкома. Такое полное извращение партийных и профессиональных функций, оставляя рабочих без защиты, дискредитировало эти органы в их глазах.* Как массовое явление следует отметить безразличное, а в иных случаях враждебное отношение рабочих к своим профсоюзным организациям. Рабочие собрания собираются вяло, иногда с помощью административного принуждения (закрытие ворот и пр.). Интерес к производственным совещаниям падает. Среди рабочих, помимо профсоюзных организаций, происходят сговоры о том, чтобы не вырабатывать свыше установленной нормы.

В области разрешения конфликтов между хозяйственниками и рабочими союзы по-прежнему лишены возможности применять стачку на государственных предприятиях, хотя бы все другие способы были исчерпаны. Более того, в резолюции XIV съезда о работе профсоюзов признано необходимым "распространять право перенесения конфликтов на рассмотрение государственного арбитражного суда, которое имеют профсоюзы, и на другую сторону – хозорганы". Таким образом, если раньше профсоюз мог по любому конфликту заставить хозяина подчиниться решению арбитражного суда, то теперь хозорган, независимо от согласия профсоюза, может перенести дело в арбитражный суд. В результате такого положения при забастовках обычно избираются нелегальные стачечные комитеты, имеются зачатки нелегальных профсоюзов (напр., кассы взаимопощи).

Борьба рабочих за улучшение своего положения в обстановке развивающихся противоречий совершенно неизбежно идет помимо и против партии и профсоюзов и загоняется, таким образом, в русло контрреволюционных организаций, хорошо учитывающих важность этой позиции.

Отношения между профсоюзами и партией также приняли совершенно извращенный характер. Ликвидация последних остатков внутрипартийной демократии после дискуссии 1923–24 г. лишила профсоюзные органы, несмотря на бесконечное число постановлений "о недопустимости мелочной опеки", всякой самодеятельности и сосредоточила непосредственное управление профсоюзной работой в руках партийных органов. Подбор работников профсоюзов производится по тому же принципу, как и подбор советских организаций – по принципу послушания. В результате, вместо общего руководства деятельностью профсоюзов через их фракции, партийные органы стали фактически заменять профсоюзы. Создалась последовательная цепь: бюрократизация партии – бюрократизация профсоюзов – превращение и тех и других в подсобные органы хозяйственных организаций – создание единого фронта партийных, профессиональных и хозяйственных организаций против беспартийных рабочих – попытки среди беспартийных рабочих создавать, в свою очередь, единый фронт против всех этих организаций. Профсоюзы перестают

* См. речь Томского на XIV съезде партии.

быть организацией "для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства" (Ленин), перестают быть школой коммунизма.

В связи с этим и организация профсоюзов все более бюрократизируется. Членство в профсоюзах становится формальным и является прежде всего приобретением возможности получения работы и некоторой гарантией от увольнения в случае сокращения. Выборность профсоюзных органов также является формальной – при сложившихся отношениях внутри партии – между партией и профсоюзами и между профсоюзами и рабочей массой руководящие члены каждой профсоюзной ячейки фактически просто назначаются. Профсоюзы страдают всеми пороками бюрократической организации, начиная от отсутствия собственного мнения у своих работников и кончая растратами.

Полная ликвидация всякой внутрипартийной демократии не дает никакой возможности правильно поставить профсоюзную работу, и "оживление" профсоюзов, провозглашенное под влиянием стачек весны 1925 г., осталось на бумаге и в настоящее время почти забыто. В области разрешения конфликтов между хозяйственниками и рабочими, союзы попрежнему лишены возможности применять стачку на государственных предприятиях, хотя бы все другие способы были исчерпаны. Более того, в резолюции XIV съезда о работе профсоюзов, во избежание "подрыва доверия к своим союзам в массе беспартийных рабочих" и "преувеличенной централизации в деле разрешения конфликтов со стороны профсоюзных и хозяйственных органов", признано необходимым "распространить право перенесения конфликтов на рассмотрение государственного арбитражного суда, которое имеют лишь профсоюзы, и на другую сторону – хозорганы" Таким образом, если раньше профсоюз мог по любому конфликту заставить хозорган подчиниться решению арбитражного суда, то теперь хозорган, независимо от согласия профсоюза, может перенести дело в арбитражный суд. Почему это окончательное лишение профсоюза права на стачку в государственных предприятиях должно поднять доверие рабочих к профсоюзам – остается загадкой.

В общем итоге в области рабочей демократии мы пятимся назад, в то время, как активность непролетарских классов растет.

Безработица

Как уже указано выше, недостаточность темпа индустриализации приводит все к большему росту безработицы. Общее движение ее таково:

Число зарегистрированных безработных

Дата	Всего тыс.	Всего %%	Индустриальн. квал. и полукв. тыс.	%%	Неквалифиц. и чернорабоч. без интел. труда тыс.	%%	Итого индустр. неквал. и чернор. тыс.	%%	Численность рабоч., занят. в промышлен тыс.	%%
1.X.25 г.	920	100	142,8	100	485,1	100	698,3	100	2034,5	100
1.X.26 г.	1070	116	182,77	128,5	589,6	121,2	777,3	123,9	2279,2	112
1.XII.26 г.	1254	136	206,1	144,9	668,5	137,5	874,8	138,6	2285,5	112,3
1.IV 27 г.	1455	158								

Таким образом, число безработных растет быстрее числа рабочих. При этом быстрее всего растет число индустриальных безработных. Это показывает, что дело здесь совсем не только в том, что деревня выбрасывает много безработных. Суть в том, что наши предприятия, пользуясь этим притоком рабочих из деревни, всякими путями (в частности, путем найма "временных" рабочих или найма помимо биржи), начинают заменять квалифицированную рабочую силу более дешевыми рабочими, прибывающими из деревни. Только этим можно объяснить, каким образом при росте, хотя и медленном, рабочих, число квалифицированных безработных растет быстрее неквалифицированных.

Вопрос о безработице до последнего времени не привлекал никакого внимания ЦК. Единственно, что было сделано до сих пор, – это изменение системы регистрации безработных осенью 1925 года, уменьшившее число зарегистрированных безработных. Однако, в течение первого квартала 1926–27 года рост безработицы принял такой угрожающий характер, что даже хозяйственники пришли в смятение.

Промышленный план предполагал увеличение количества рабочих в промышленности на 1926–27 год только на 125 тысяч против 380 в 1925–26 году. Однако и это увеличение получалось без учета "рационализации производства". Эта "рационализация" поставила хозяйственников перед необходимостью расчета уже занятых рабочих. На это они не решились, а профсоюзы оказывали некоторое сопротивление. Все прения по вопросу о промышленном плане на февральском пленуме ЦК сводились к этому вопросу о "выплевывании" рабочих в связи с рационализацией. ЦК, в конце концов, разрешил эти колебания хозяйственников в своем постановлении. "Вопросы рационализации, – гласит это постановление, – в тех случаях, когда улучшение техники и рационализации производства не может сопровождаться расширением данного предприятия или когда наличное количество рабочих превышает потребность предприятия, необходимо освобождать предприятие от излишка рабочей силы".

Далее дается предписание: "НКТ и НКВД срочно разработать закон, регулирующий пользование квартирами (коммунальными, кооперативными и при предприятиях) в направлении установления права свободного обмена квартир, введения договорных начал в пользовании заводскими квартирами на срок, после истечения которого рабочие должны освобождать занимаемые ими квартиры, установление права свободного перехода из одного жилищного кооператива в другой и полного освобождения фабрично-заводских помещений от лиц, не работающих на данном предприятии. Вместе с тем, признается необходимым "ограничить число неявки без уважительных причин тремя днями в месяц".

Вопрос об "освобождении предприятия от лишних рабочих" этим, конечно, вполне разрешается. Администрация теперь обязана увольнять рабочих, не заботясь о том, что с ними будет дальше, она имеет право выселять их из квартир, ей дается, наконец, удобный повод для увольнения в виде трех неявок на работу без "уважительных причин". Казалось бы, что при этих условиях со стороны государства должны быть приняты меры для того, чтобы обеспечить этим увольняемым поступление на

работу или, по крайней мере, усилить помощь безработным.

С начала текущего хозяйственного года рост безработицы резко усилился. Этот рост прямым путем связан с тем, что рост числа занятых в промышленности рабочих в этом году резко уменьшается. Уже промышленный план ВСНХ предполагал увеличение количества рабочих только на 136 тыс. чел. При этом, однако, не учитывалась "рационализация". На самом деле, в течение первого полугодия число рабочих промышленности увеличилось только на 61 тыс. чел., в апреле же произошло сокращение на 38 тысяч.

При такой обстановке перед хозяйственниками стал вопрос: либо отказаться от "рационализации", либо рассчитывать рабочих. На последнее они не решались. Вопрос стал настолько острым, что все прения о промплане на февральском пленуме свелись к этому вопросу о "выплевывании" рабочих. ЦК, вместо того, чтобы признать промплан недостаточным и предложить пересмотреть его, прямо предписал хозяйственникам рассчитывать рабочих. "В тех случаях, – говорит постановление ЦК о рационализации производства, – когда улучшение техники и организации производства не может сопровождаться расширением данного предприятия или когда наличное количество рабочих превышает потребность предприятия, необходимо освобождать предприятие от излишка рабочей силы".

Вместе с тем дается предписание НКТ и НКВД разработать закон, который предусматривал бы: "введение договорных начал и пользование заводскими квартирами на срок, после истечения которого рабочие должны освобождать занимаемые ими квартиры", и "полное освобождение фабрично-заводских помещений от лиц, не работающих на данном предприятии". Наряду с этим ЦК признал необходимым "ограничить число неявок на работу без уважительных причин тремя днями в месяц".

Таким образом, перед лицом растущей безработицы ЦК думает только о том, как освободить предприятие от лишних рабочих: администрации вменяется в обязанность увольнять рабочих, не заботясь о том, что с ними будет дальше. Она имеет право выселять их из квартиры, ей дается, наконец, и удобный повод для увольнения в виде трех неявок на работу без "уважительных причин". А что делать с этими "освобожденными" рабочими, на этот вопрос ЦК ответа не дает. Он ограничивается только общей фразой о том, чтобы "в плане развертывания промышленности предусматривалось такое расширение производства, чтобы общее количество рабочих не уменьшалось, а увеличивалось". Но ведь дело не только в том, чтобы число рабочих не уменьшалось, – до этого мы еще пока не дошли. Дело в том, что рост свободных рабочих рук резко обгоняет рост рабочих в промышленности. И если ЦК требует только, чтобы число рабочих увеличивалось, умалчивая о том, каким темпом должно идти это увеличение, то он тем самым признает, что разрешить вопрос о безработице он при своей политике не в состоянии.

В качестве паллиативной меры ЦК выдвигает только увеличение пособия увольняемым по случаю рационализации безработным до 1¾ – 3 месячного оклада. Ни одного слова нет о сокращении широко применяющихся у нас сверхурочных работ, которое действительно могло бы ослабить

безработицу. Ни одного слова не сказано об усилении помощи безработным, хотя безработица принимает сейчас прямо характер стихийного бедствия. Наоборот, СНК СССР опубликовывает новые правила учета безработных, разрешающие "снимать безработных с пособия и учета на бирже за отказ без уважительных причин от предлагаемой работы; за отказ от предлагаемой подходящей работы, хотя и не по специальности; за отказ от предлагаемой работы в коллективах безработных или на общественных работах и за отказ одиноких безработных от работы в отъезд, а также за отказ от работы в отъезд малосемейных в тех случаях, когда на месте работы им предоставляется жилище"("Труд", 4 марта 1927 года, № 52).

Таким образом, создав своей политикой колоссальную безработицу, сталинская группа старается не о том, как усилить помощь этим безработным, а только о том, как освободить от них нужные квартиры, как освободить заводы от "лишних" рабочих, сократить регистрацию безработных на бирже и уменьшить расходы на новых безработных и безработных вообще, т. е. действует так, как действует в этих случаях каждое буржуазное государство.

Такое положение вещей грозит величайшими опасностями – разрывом между рабочими и советским государством. Рост антисоветских настроений среди рабочих не подлежит никакому сомнению. Изжить его мы не сможем ни агитацией, ни репрессиями. Рабочая масса только тогда может чувствовать себя не в теории, а на практике господствующим классом, если ее материальное положение улучшается, если участие ее в управлении производством и государством усиливается. Поэтому, при диктатуре пролетариата вообще совершенно недопустимо отодвигание на второй план вопроса об улучшении положения рабочих, пренебрежительно трактуемое подчас, как удовлетворение "цеховых интересов" рабочего класса. Культурный, живущий в человеческих условиях рабочий является столь же необходимым условием пролетарской диктатуры, как и развитие государственной промышленности. Забвение этого влечет за собой противопоставление им себя государству, усиление влияния на него мелкобуржуазного окружения и пассивное отношение к строительству социализма. Тем более недопустимо оно в теперешних условиях, когда, благодаря политике ЦК, у рабочих возникает чувство разочарования и недоверия к советской власти. Верхом бюрократического самодовольства является заявление тов. Сталина на V конференции ВЛКСМ по поводу "рационализации", что "ни один крупный шаг не обходился у нас без некоторых жертв со стороны отдельных групп рабочего класса в интересах всего класса рабочих нашей страны. Вот почему, я думаю, что мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса". Так говорить может только ошалевший от власти человек, который потерял уже способность понимать рабочих. Это – прямая дорога к тому, чтобы, под видом борьбы против "отдельных групп рабочего класса", не желающих нести "некоторые незначительные жертвы в интересах рабочего класса в целом", повести борьбу против всего рабочего класса, опираясь на непролетарские классы. Слова Сталина

— слова человека, оторвавшегося от рабочих и стоящего у порога прямой измены рабочему классу.

Объявлять незначительной жертвой увеличение безработных на 380 тысяч чел. в полугодие, считать, что такие вещи являются нормальными для страны пролетарской диктатуры, это значит оторваться от рабочих, значит требовать, чтобы рабочий нес жертвы за ошибки политики ЦК, а не во имя социалистического строительства, значит дискредитировать в глазах рабочих диктатуру пролетариата и подрывать ее основы.

Коммунистическая партия перестала бы быть коммунистической, если бы она позволила Сталину на деле провести эту точку зрения мелкобуржуазного диктатора.

Коммунистическая партия должна решительно отбросить эту гибельную политику. В противоположность ей, она должна взять твердый курс на укрепление своей связи с рабочим классом и на усиление его активности, как путем улучшения его положения, так и путем действительного проведения рабочей демократии. В частности:

1) Поскольку интенсивность труда рабочего превысила уже довоенный уровень, ближайшей задачей является повышение заработной платы до таких размеров, которые превышали бы довоенную заработную плату по меньшей мере на столько же, на сколько интенсивность труда рабочего превышает довоенную интенсивность. В дальнейшем, рост заработной платы должен идти по меньшей мере пропорционально росту производительности (а не только интенсивности) труда, т. е. увеличение роста общественного богатства должно сопровождаться постоянным, абсолютным и относительным улучшением положения рабочего. При этом нужно отбросить совершенно реакционные рассуждения о том, что повышение заработной платы может производиться лишь в результате повышения производительности труда. Повышение уровня жизни рабочего само является одним из важных факторов роста производительности труда и потому должно не следовать за производительностью труда, а постоянно предшествовать ей. *

2) Дальнейший рост производительности труда должен идти не за счет увеличения интенсивности труда, а за счет технических и организационных улучшений процесса производства при росте зарплаты. Должны быть установлены предельные нормы интенсивности труда, и расценки должны

* По официальным исчислениям, зарплата уже сейчас составляет в среднем около 100% (причем, однако, в таких важнейших отраслях, как металлическая и горная, в довоенное время стоявших по высоте зарплаты на первом месте, она составляет всего 83% и 72%). Однако в этих исчислениях уровень довоенной зарплаты, исчисляемый на основании данных прежней фабричной инспекции, учитывающей зарплату только тех рабочих, которые подвергались штрафам, является преуменьшенным. Кроме того, при исчислении стоимости жизни рабочего не принимается во внимание ухудшение качества продуктов потребления рабочего, вызывающее больший расход на них. Если принять это во внимание, то заработная плата в действительности составит в среднем не 100%, а 80—85% довоенной.

устанавливаться так, чтобы для получения нормальной зарплаты рабочий не был принужден истощать себя.

3) Необходимо немедленно начать сокращать выпуск водки, особенно в городе, с таким расчетом, чтобы в течение 2 лет прекратить ее выпуск совершенно.

4) Столь же очередной задачей является улучшение жилищных условий рабочего. Рабочему должен быть обеспечен такой уровень заработной платы, чтобы он, без ущерба для остальных потребностей, был в состоянии оплачивать содержание в удовлетворительном состоянии своей квартиры. Без такого повышения зарплаты, повышение квартирной платы не может иметь места. Наряду с этим, необходимо обязать предприятие усилить затраты на жилищное строительство и усилить бюджетные ассигнования и кредит на жилстроительство с таким расчетом, чтобы в течение ближайших 5 лет жилищный кризис был ликвидирован.

5) Внутренний распорядок на фабрике должен быть изменен в сторону его демократизации. Должен быть твердо проведен курс на сознательную дисциплину, основанную на товарищеской спайке рабочих и администрации — высшей и низшей — на усиление участия рабочей массы в управлении производством. В этих целях:

а) при назначении директоров заводов и их помощников предполагаемыми высшими хозяйственными органами кандидатуры должны ставиться на обсуждение общих или цеховых собраний рабочих, которые могут выдвигать и собственные кандидатуры.

Окончательное назначение может быть сделано лишь после такого обсуждения, на основании учета отношения рабочих к выдвигаемой кандидатуре и предложений общих собраний;

б) при директоре завода должно быть создано постоянное совещание из высшей администрации, представителя производственного совещания и представителей рабочих, выбираемых на общих собраниях рабочих. Решения этого совещания не являются обязательными для директора, но все основные вопросы деятельности предприятий должны обсуждаться на нем так, чтобы выборные от рабочих были вполне в курсе дел предприятия, а администрация знала отношение рабочих к проводимым мероприятиям. Та же система должна быть проведена и в крупных цехах;

в) вместо теперешней пестроты в организации производственных совещаний, должна быть всюду проведена выборность этих совещаний и подотчетность их рабочим. Работа их должна быть теснейшим образом связана с работой упомянутых выше постоянных совещаний при директоре завода.

6) Профсоюзные органы, начиная от завкома, должны быть поставлены вне зависимости от администрации и действительно защищать интересы рабочих, а не служить орудием проведения мероприятий администрации. В частности, прием и увольнение рабочих, а также перевод рабочих с одной работы на другую на срок свыше двух недель, должен производиться через завком. Администрации должно быть предоставлено лишь право обжалования решений завкома в высших профсоюзных инстанциях без приостановки принятых завкомом решений. Изменение внутреннего

распорядка должно производиться только с согласия рабочих, так же, как и изменение расценок;

г) прием и увольнение рабочих должны производиться через завкомы. Администрации должно быть предоставлено только право обжалования решений завкомов в высших инстанциях;

д) роль производственных совещаний должна быть поставлена на должную высоту. Их решения должны быть обязательны для завкомов и они должны быть ответственными перед производственными совещаниями за их проведение;

е) организация профсоюзов в целом должна строиться на основе подлинной рабочей демократии. Намечаемые мероприятия в области рабочей политики должны предварительно прорабатываться и обсуждаться на общих и делегатских собраниях рабочих, с тем, чтобы окончательное решение принималось на основе и с учетом результатов обсуждения их в низах. На этой основе должна быть проведена действительная выборность профсоюзных организаций и подотчетность их массе членов профсоюзов;

ж) ввиду неизбежно усиливающихся в обстановке роста классовых противоречий бюрократических извращений хозорганов и в целях превращения профсоюзов в действительные органы защиты интересов рабочего класса, профсоюзам должна быть на деле обеспечена возможность применения стачки на концессионных предприятиях, наравне с остальными частными, и, в качестве крайней меры борьбы, и на государственных предприятиях. При конфликтах между профсоюзами и хозяйственниками дело может быть перенесено в арбитражный суд лишь с согласия или по требованию профсоюзных организаций;

з) партийные организации, руководя работой профсоюзов, в целях согласования ее с общеклассовыми интересами пролетариата и контролируя с этой точки зрения их работу, должны действовать на основе предоставления коммунистическим фракциям профсоюзов достаточной степени автономности. Мелочное вмешательство в их работу, приводящее на деле к замене профсоюзных организаций партийными, должно быть решительно отброшено.

В свою очередь, профсоюзные организации свою работу должны строить на основе действительного участия в ней беспартийных рабочих, завоевывая их доверие и доводя до минимума методы организационного принуждения.

7) Необходимо провести решительную борьбу против нарушения со стороны хозорганов кодекса законов о труде, вести энергичную борьбу против обхода закона о нормальном рабочем дне, не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев крайней необходимости, не допускать злоупотреблений наймом временной рабочей силы, в частности, ограничить предельный срок найма временных рабочих двумя неделями. Отменить изменения, внесенные в последние годы в кодекс законов о труде, ухудшающие положение рабочего, как-то: сокращение продолжительности отпусков на вредных работах, расширение сферы применения женского труда, сокращение брони подростков и т. п. Признать недопустимым введение бесплатного ученичества. Усилить ответственность пред-

приятий за несчастные случаи и установить строжайшие меры взыскания за непринятие мер по обеспечению безопасности работы.

8) Признать недопустимым ухудшающие положение рабочих изменения коллективных договоров настоящего года, по сравнению с колдоговорами прошлого года. Колдоговоры должны составляться так, чтобы не давать возможности администрации отдельных заводов и фабрик обходить их, и улучшать условия труда рабочих, сравнительно с установленными в договоре.

9) Не допускать дальнейшего снижения взносов на социальное страхование и вести решительную борьбу с фактической невыплатой их, к которой прибегают некоторые хозяйственные органы. Повести энергичную борьбу против "экономии на застрахованных". Отменить широко практикующееся расходование средств страхкасс на нужды общегражданского здравоохранения ("фонд Г"). Усилить курортно-санаторную помощь рабочим. Ликвидировать институт так называемых "доверенных врачей" при страхкассах: врачи, определяющие право рабочего на освобождение от работы по болезни, должны быть независимы как от фабрично-заводской администрации, так и от страховых касс. Создать через профсоюзы низовой местный контроль рабочих и служащих над деятельностью страховых касс.

10) Увеличить размер пенсии для рабочих. Исчисление пенсии рабочему должно производиться не по последнему заработку перед переходом на социальное обеспечение, а по зарплате, соответствующей его нормальной квалификации. Уравнять средний размер пенсионного пособия рабочих и служащих.

11) Вопрос о безработице, в основном, может быть разрешен только усилением темпа индустриализации, т. е. изменением общей экономической политики. Однако, советское государство не может не нести ответственности за рост безработицы. Ввиду того, что она в последнее время принимает характер общественного бедствия, необходимо:

1. Отменить постановление СНК СССР от 4 марта, дающее возможность под разными предлогами снимать безработных с пособия и учета на биржах труда (за отказ без уважительных причин от предлагаемой работы, за отказ от работы не по специальности, за отказ от работы в коллективах безработных или на общественных работах и т. п.). Установить, что условия для учета безработных на бирже впредь не должны ухудшаться.

2. Увеличить размер пособия безработным.

3. Установить увеличенный, сравнительно с общими нормами, размер пособия безработным, уволенным с предприятий за сокращением рабочих, и установить для них увеличенный размер выходного пособия.

4. В случае недостаточности для проведения этих мер установленных взносов по социальному страхованию, соответственно увеличить процент этих взносов.

Только при этом твердом курсе на улучшение положения рабочего класса и усиление его активности, партия и советское государство сможет установить, через посредство профсоюзов, живую связь с рабочей массой и противостоять давлению мелкобуржуазной стихии. Однако, проведение

этой линии возможно лишь при условии действительной внутрипартийной демократии, без которой рабочее движение неизбежно принимает уродливые формы, ведущие или к отрыву профсоюзов от партии, или рабочей массы от профсоюзов.

Политика партии в деревне

Основная линия политики в деревне в условиях диктатуры пролетариата есть "линия на уничтожение классов, а не на мелкого производителя".

"Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсеров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата" (Ленин. Заключительное слово на майской конференции 1921 года – РКП по вопросу о продналоге). Это значит, что наша борьба против кулака отнюдь не означает и не может означать поддержку мелкого хозяйства против крупного, укрепление бедняцких и середняцких хозяйств как индивидуальных хозяйств: **она означает борьбу против капиталистических форм крупного хозяйства за социалистическую форму крупного хозяйства**, борьбу, которую мы ведем, опираясь на враждебную кулакам бедняцкую часть деревни и устанавливая через нее смычку с середняцким крестьянством.

Разрешение этой задачи – переход к крупному социалистическому земледелию – представляет собой огромные трудности. Политический союз с крестьянской беднотой является условием, без которого она не может быть разрешена. Но это не значит, что это условие является достаточным.

Мелкое крестьянское хозяйство в условиях развития товарности (а мы, разумеется, не можем не ставить себе задачей развитие товарности сельского хозяйства), стихийно стремится развиваться по капиталистическому пути. Для того, чтобы преодолеть эту стихийную тенденцию, чтобы направить развитие сельского хозяйства по линии перехода (разумеется, очень медленного и постепенного) к социалистическим формам крупного хозяйства, необходимо не только наличие политического сочувствия низов крестьянства, но и активная экономическая политика, активная материальная помощь со стороны государственного хозяйства. Вне этого условия развитие производительных сил в деревне может идти только по линии капитализма. Более того, попытки борьбы против капиталистических элементов в деревне без материального содействия со стороны государства, или при недостаточном содействии, повели бы только к задержке или деградации производительных сил и к обнищанию деревни. Поэтому "курсу на кулака" нельзя противопоставлять "курс на бедняка": **успешной борьба с кулаком может быть лишь при установлении курса на крупное социалистическое сельское хозяйство в политическом союзе с бедняком и смычке через него с середняком.**

Политика ЦК, взявшая, как мы видели выше, курс на минимальное накопление в государственном хозяйстве из страха перед деревенской

мелкой буржуазией, курс на пассивное приспособление промышленности к сельскому хозяйству, разумеется, не могла даже подойти к решению этой задачи. В области деревенской политики, он должен был занять пассивную позицию и идти по линии уступок мелкой буржуазии, на деле превращающихся в уступки кулаку. В те короткие периоды, когда ЦК, под давлением оппозиции, должен был отступить от кулацкой линии, его мероприятия сводились только к подачкам бедняку (бедняцкие фонды и т. п.), которые имеют так же мало общего с социалистической линией, как подача милостыни нищему.

Совершенно не случайно, что мелкобуржуазная линия политики по отношению к промышленности, принятая на XIII съезде партии, уже через год, после знаменитой кампании о повороте "лицом к деревне", привела к открыто кулацкой ориентации, которая лучше всего была выражена Бухариным. "Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались, отчасти, и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство, не беспокойтесь, что вас прижмут" ("Правда", 21 апреля 1925 года). **Эта откровенно кулацкая формулировка**, которая, сколько бы ни открещивался от нее ЦК и сам Бухарин, является классической формулировкой политики ЦК в деревне, – **была необходимым выводом из решений XIII съезда: раз государственное хозяйство может иметь только минимальное накопление, то производительные силы сельского хозяйства могут развиваться лишь на основе кулацкого накопления.**

Неспособность Центрального Комитета к проведению подлинно социалистической политики в деревне, ведет к тому, что производительные силы земледелия стихийно направляются по капиталистическому руслу. Уже теперь число наемных рабочих, занятых в частнокапиталистических хозяйствах (кулацких и т. н. производственно-мощных, зажиточных и пр.), значительно превышает число работников колхозов, совхозов и пр., а рост этих капиталистических предприятий в земледелии быстро обгоняет рост общественных форм земледелия. В то же время, значительная часть этих коллективных по форме хозяйств на деле представляет собой замаскированные кулацкие хозяйства и их объединения. Рост капиталистических элементов стихийно рвет формальные ограничения аграрного законодательства (аренда, наем рабочей силы и т. д.), это законодательство все больше и больше превращается в простую регистрацию фактов, в голое юридическое оформление совершающегося капиталистического процесса (см. дискуссию вокруг проекта декрета об основных началах землепользования и землеустройства). Все больше и больше пробивает себе дорогу в аграрной политике партии тенденция снимать, ликвидировать перегородки, мешающие развитию производительных сил деревни на капиталистической основе, вместо того, чтобы активно способствовать социалистическому пути развития.

Вместо того, чтобы проводить социалистическую политику в деревне, ЦК стремится только замазывать рост капиталистического ее развития. Излюбленным приемом такого замазывания является ссылка на нацио-

нализацию земли и на рост кооперации, которые якобы сами по себе являются незыблемыми оплотами социализма в деревне. Ни в чем другом не сказывается так ярко мелкобуржуазный фетишизм, как в этом стремлении заслониться от реальных сил голыми формами государственной собственности на землю или кооперативного объединения мелких производителей, независимо от содержания, которыми эти формы наполняются.

Национализация земли в советском государстве, даже на бумаге проведена далеко не в полной мере, ибо ни один закон не формулировал до сих пор с достаточной точностью принадлежность земли государству, а новейшие проекты основных начал землепользования идут по линии сокращения и суживания понятия государственной собственности на землю. Но независимо от той или иной словесной формулировки, национализация земли у нас фактически не осуществлена, поскольку государство не отчуждает в свою пользу земельную ренту. Не только мелкие хозяйства, где взимание аренды крайне затруднительно и нецелесообразно, но даже явно предпринимательские хозяйства в деревне не платят государству арендной платы.

Наконец, и самое главное: национализация земли, даже в условиях полного своего осуществления, сама по себе никакой гарантии от капитализма не представляет, поскольку орудия земледельческого производства сосредоточены в частных руках. Наоборот, как показал в свое время Ленин, уничтожение частной собственности на землю может, при определенных условиях, способствовать ускорению капиталистического развития деревни. Повернуть земледелие на социалистический путь, использовать в этом направлении национализацию земли пролетарское государство сможет лишь в том случае, если оно сосредоточит достаточно мощные фонды для создания обобществленного производства на обобществленной земле. Но это предполагает совершенно иную политику государственного накопления, чем та, которую фактически ведет ЦК.

То же относится и к кооперации. Для того, чтобы она сделалась формой социалистического строительства, нужно участие в ней государственного капитала, нужна теснейшая связь ее с государственным хозяйством. В противном случае, как это и происходит сейчас, сельскохозяйственная кооперация должна или влачить жалкое существование, или опираться на кулака. Совершенно поэтому не случайно, что руководители сельскохозяйственной кооперации (напр., Каминский) являются наиболее откровенными защитниками кулацкой линии: в тех условиях, в которых приходится сейчас работать кооперации, ничего другого сделать нельзя, – не получая средств от государства, она может работать только за счет кулацких вкладов и только при условии вовлечения в кооперацию.

Помощь, которую государство оказывает кооперации, частью имеет характер благотворительности, главным же образом ссуд мелкому производителю под известную гарантию со стороны кооперативного объединения этих мелких производителей. Кооперативное объединение при таких условиях является не зачатком объединенного коллективно-государственного крупного хозяйства, а аппаратом распределения ссуд и обществом поручителей перед государством за выполнение принятых по ссуде

обязательств. При таких условиях эти кооперативные объединения идут по пути кредитования, по преимуществу, наиболее "крепких" своих членов, гарантирующих возврат ссуд, бедняков же кредитуют только под давлением сверху или за счет средств так наз. "бедняцкого фонда". Линия на мелкого производителя, при всех добрых намерениях, неизбежно превращается в линию на кулака.

В связи с этим, совершенно неправильно было бы считать, что сталинская группа в вопросах деревенской политики занимает какую-то принципиально иную, "левую" позицию, в противоположность откровенно правой позиции Смирнова, Калинина, Каминского. Сталин лишь прикрывает правую позицию некоторыми компромиссами, благодаря которым эта правая позиция на деле проводится, в то время, как без этих компромиссов она была бы обречена на провал. Но даже, независимо от этого, компромиссы Сталина ни на шаг не приближают его к правильной линии в этой области: все "левые" уступки сводятся или к несколько большему ущемлению кулака, или к подачкам бедняку. Но такие уступки "налево", не помогая ни в какой степени социалистическому развитию производительных сил сельского хозяйства, лишь задерживают всякое развитие их.

Нет никакого сомнения, что в последний год мы имеем ряд признаков, которые указывают на регрессивные явления в сельском хозяйстве: 1) Останавливается в росте, или даже сокращается площадь посева технических культур. 2) Резко увеличивается выбрасывание из деревни рабочих рук в город, явление, которое неоспоримо показывает, что пролетаризирующиеся слои деревни все меньше могут находить себе работу в сельском хозяйстве, хотя бы и в кулацком. 3) По всем видимостям, рост деревенской буржуазии идет, главным образом, не по линии образования сравнительно крупных хозяйств, а по линии усиления эксплуатации мелкого хозяйства при посредстве ростовщичества и торговли. Получается явление, совершенно аналогичное тому, которое мы имеем в городе: растущая деревенская буржуазия, так же, как городская, является паразитической буржуазией, вредной не только с точки зрения успехов социалистического строительства, но и с точки зрения развития производительных сил вообще.

Политика ЦК в отношении промышленности привела к тому, что кулак стал необходимым для развития производительных сил в сельском хозяйстве. При этих условиях, вслед за экономическими уступками кулаку, ЦК не мог не пойти и по линии уступок политических.

Несмотря на то, что главным обвинением, которое ЦК выставлял против оппозиции в дискуссии 1923 года, было то, что своими требованиями внутрипартийной демократии она будто бы развязывает руки требованиям демократии политической, ЦК уже через полгода после XIII съезда пошел по линии развертывания крестьянской демократии. Испуганный грузинским восстанием, пленум ЦК осенью 1924 года провозглашает курс на "оживление" деревенских Советов. Вслед за тем, кампания против "Уроков Октября" Троцкого и т. н. "недооценки крестьянства" заканчивается поворотом "лицом к деревне", происходящим одновременно с кампанией по поднятию "производительности" труда в городе. На

совещании по оживлению Советов в начале 1925 года Калинин произносит в честь свободных выборов (деревенских) хвалебные речи, достойные любого мелкобуржуазного демократа. Даже после того, как первые же свободные выборы дали в целом ряде случаев перевес кулаку, Сталин, в своих "Вопросах и ответах", считает нужным особо подчеркнуть, что рамки крестьянской демократии, очерченные XIV конференцией, не являются незыблемыми и, по мере нашего "укрепления", могут быть раздвинуты и дальше, а в своей беседе с селькорами (см. "Беднота", 5 апреля 1925 г., № 2078) говорит о необходимости выровнять выборные права крестьянства с правами рабочих. Вступив на путь так называемого "оживления" Советов, органы советского законодательства в своих инструкциях настолько расширили избирательные права кулаков и "зажиточных", что даже сторонник ЦК, тов. Карпинский, не мог характеризовать их иначе, как "безудержную эволюцию в сторону буржуазной демократии, начавшуюся предоставлением прав отдельным слоям, согласно земельному кодексу, и кончающуюся правами для всей прогрессивной буржуазии" ("Большевик", № 13, 1926 г., стр. 39). Скандальные результаты перевыборов 1925–26 г. и резкая критика их со стороны оппозиции заставили ЦК отменить эти инструкции. Но уже на февральском пленуме ЦК, когда стали известны только первые предварительные итоги новых перевыборов, проведенных после отмены расширительных избирательных инструкций, все цекисты выступали с заявлениями, что мы слишком взяли налево, что "ограничение" прав кулака (которое заключалось только в том, что было отменено, да и то не полностью, их расширение) бьет по "середняку" и отнимает у крестьянина стимул к улучшению своего хозяйства. Это ясно показывает, что линия осталась прежней.

Таким образом, ликвидация в 1923 году внутрипартийной, а вместе с ней и рабочей демократии, оказалась лишь прологом развертывания крестьянско-кулацкой демократии. Политика ЦК не только связывает активность пролетариата, но и развязывает активность непролетарских классов.

Вместе с тем, ЦК всячески замазывает действительный смысл своей политики. Для кулака изобретаются всякого рода псевдонимы, вроде: "зажиточного крестьянина", "производственно-мощного середняка" и т. п. Разрешение аренды и найма рабочей силы в деревне рассматривается не как уступка кулаку, а как уступка середняку и бедняку (Бухарин). С одной стороны, рекламируются образцовые хозяйства, на деле являющиеся хозяйствами кулацкими, с другой, – предлагается ввести различие бедняка по несчастию и "лодыря", который должен рассматриваться, как враг советской власти. Всячески замазывается роль кулака в деревне, даются явно фальсифицированные подсчеты с преуменьшением числа кулаков и увеличением за их счет числа "середняков". Это замазывание процесса классового расслоения деревни и действительного смысла таких мероприятий, как разрешение найма рабочей силы и аренды, а также удлинение срока последней, ослабляет, а частью и сводит на нет работу по организации классовой борьбы бедняка и батрака против кулацко-зажиточной части деревни. **Вместо линии на уничтожение классов, ЦК на**

на деле берет линию на "примирение" классов, которая связывает активность бедноты в ее борьбе против кулака.

В противоположность этой, по сути дела кулацкой, линии и замазыванию классовых противоречий, пролетарская политика в деревне должна поставить своей основной задачей организацию базы крупного социалистического хозяйства, с одной стороны, организацию классовой борьбы батрака и бедняка против эксплуатации их кулаком, с другой. В этих целях:

1) Необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств, с усовершенствованной техникой производства, с наиболее благоприятной, в зависимости от района, комбинацией в них различных отраслей сельского хозяйства, с заводами по переработке сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья (сыроварни, сахарные заводы, заводы по первичной обработке льна и пр.). Такие хозяйства должны быть теснейшим образом связаны с бедняцкой частью деревни, как в отношении преимущественного приобретения у нее нужных ему продуктов ее хозяйства, найма среди нее необходимой рабочей силы, так и в отношении оказания ей прямой помощи в виде авансов, задатков, кредита и т. п. Эти мероприятия, подрывая экономическое значение кулака, должны экономически связать бедняцкое хозяйство с государственным. Как ни трудна эта задача, она должна быть поставлена и упорно и систематически проводиться в жизнь, т. к. без разрешения ее успех социалистической политики в деревне невозможен.

2) Усилить организацию коллективных хозяйств, обязательно с участием государственного капитала и обеспечением за последним достаточного влияния. Такие хозяйства опять-таки должны вводить по возможности усовершенствованные способы ведения хозяйства, комбинируемого с промышленными предприятиями подсобного типа.

2а) Поставить организацию государственных и государственно-кооперативных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, обработке земли, связанных преимущественно с бедняцкими и середняцкими индивидуальными хозяйствами.

3) На тех же государственно-кооперативных началах должен быть построен и сельскохозяйственный кредит. Государство не может и не должно ограничиваться ролью кредитора низовых кредитных товариществ. Оно должно стать участником этих обществ так, чтобы работы их проходили под постоянным контролем и руководством государства. Задачей таких товариществ, в которых могут участвовать только бедняки и середняки, должна являться организация кредита с целью освобождения этих слоев деревни от кабалы кулаку. Особое внимание должно быть обращено на организацию кредита натурой (хлебом в неурожайные годы, семенами и т. п.), который, разумеется, не должен вырождаться в простую благотворительность. Объединяя бедноту и середняцкие слои деревни на почве борьбы с кулацкой кабалой, эти организации должны, вместе с тем, путем ряда внимательно продуманных мер подготовлять своих членов к переходу на государственно-коллективную организацию хозяйства, в частности, содействовать путем кредита организации пред-

приятий (мельниц, крупорушки и т. п.), принадлежащих уже не отдельным хозяйствам, а кооперативным объединениям в целом.

4) Провести соответственную организацию и в сельскохозяйственных кооперативах, также с участием только бедняков и середняков, и также с участием и под контролем государственного капитала. Сельскохозяйственная кооперация, организуя своих членов на почве сбытовых и закупочных операций, должна также вести свою работу под углом зрения постепенного перехода их на коллективное ведение хозяйства, указанного выше типа.

5) Создать на деле государственный хлебный фонд, который должен иметь своим назначением не только регулирование потребительского рынка, но и служить страховым фондом для бедняцких и середняцких слоев на случай стихийных бедствий.

6) Решительно отказаться от вовлечения в кооперацию кулацких элементов. Поскольку дело идет о привлечении имеющихся у кулацкой верхушки средств в порядке кредита, это должно производиться путем развития сети сберегательных касс, государственных займов, приспособленных для мелкого держателя, но ни в коем случае не путем окулачивания кооперации.

7) Постепенно, по мере улучшения системы и техники взимания налогов в деревне, провести усиление налогового обложения кулацкой верхушки. Немедленно освободить от сельскохозяйственного налога деревенские низы – не менее 50% всех хозяйств. Воспретить продажу за недоимки необходимого сельскохозяйственного инвентаря и необходимых предметов домашнего обихода.

8) Поскольку классовое расслоение деревни является фактом и поскольку такое расслоение будет продолжаться и дальше, пока не окрепнут на основе вышеизложенных мероприятий социалистические элементы в сельском хозяйстве, партия не может и не должна замазывать степень этого расслоения. Напротив, ее прямой задачей является организация экономической и политической борьбы батраков и бедняков против деревенской буржуазии при содействии государства. В этих целях должна быть разработана система законодательства по охране труда в деревне и против кабальных форм эксплуатации ("аренда" кулаком земли у бедняка, "наем" бедняком для обработки своей земли кулака с лошадью и инвентарем и т. п.), на почве которой партия и профсоюзы должны развернуть возможно шире свою работу по организации бедняков и батраков. В частности, необходимо восстановить фактически отмененное обязательное заключение и регистрацию в сельсоветах труддоговоров с сельскохозяйственными рабочими при участии профсоюзов и установить контроль местных Советов над выполнением условий этих договоров хозяевами.

Само собой разумеется, что указанные мероприятия, требующие значительного усиления средств, отпускаемых государством на сельское хозяйство, возможно провести только при условии отказа от линии минимального накопления в государственном хозяйстве и только при условии перехода на линию действительной индустриализации страны.

Советское государство

Задача пролетарната в социалнстнческой революции по отношению к государству формулнрована Марксом так: "Все перевороты усовершенствовалн эту машнну вместо того, чтобы сломать ее"." Этот вывод, – подчеркивает Ленин в своем "Государство и Революция", – есть главное, основное в ученин марксизма о государстве".

"Коммуна должна была с самого начала прнзнать, что рабочий класс, достигнув властн, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной: что, еслн этот класс не хочет потерять только что завоеванное господство, – он должен устранить весь старый, направлявшийся до тех пор протнв него самого, механизм угнетення" (Преднсловне Энгельса к "Гражданской войне").

С этого н начал пролетарнат в Октябрьскую революцию. Он разрушил старые миннстерства н аппараты земств н городов, заменив нх Советамн, царскую армию – рабоче-крестьянской гвардней, а затем Красной армней трудящихся, создав для охраны революцин ВЧК. Только благодаря этой ломке старых учреждений, победившнй пролетарнат мог устоять против натнсков контрреволюции.

Государство есть буржуазное учреждение н таким, по учению Маркса и Леннна, оно остается даже в первой фазе коммуннзма. "Выходит, что не только при коммуннзме остается в теченне известного времени буржуазное право, но даже н буржуазное государство – без буржуазии"* (Ленин. "Государство н революция", гл. 5, раздел 4). Поэтому, во-первых, "освобождение угнетенного класса невозможно без уничтожения того аппарата государственной властн, который господствующнм классом создан" (Ленин. "Государство н революция", гл. 1, раздел 1); а во-вторых, вместо этого старого аппарата, "пролетарнату нужно лишь отмнрающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмнрать н не могло не отмнрать" (там же, гл. 2).

"Пролетариату неизбежно придется (так же, как н Парнжской коммуне немедленно урезать на сколько возможно худшие стороны этого зла, пока новое поколенне, выросшее в новом, свободном общественном строе, окажется в снлах отделаться от всего хлама каких бы то нн было государственных учреждений" (предисловне Энгельса к "Гражданской войне"). Государство должно быть организовано так, чтобы, будучи орудием подавления эксплуататоров, его органы не моглн превратнться, как это свойственно органам обычного государства, "нз слуг общества в господ над ннмн". Таким государством может быть "не государство чиновннков, а государство вооруженных рабочнх" (Леннн. "Государство н революция", гл. 5, раздел 4). Гарантней против превращения рабочих н служащих, работающих в государственном аппарате, в бюрократов, явля-

* Не в бровь, а в глаз некоторым современным теоретнкам Леннн добавляет: "Это может показаться парадоксом или диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм людн, не потрудившнеся нн капелькн над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержанне.

ется: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочему; 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились "бюрократами" и чтобы никто поэтому не мог стать бюрократом (там же, гл. 6, раздел 2).

Таков основной подход коммунистов к вопросу о государстве. Программа партии, принятая на VIII съезде, отвечая, "что недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечения самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя", – тут же выдвигает "для полного преодоления этого зла следующие меры:

1. Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2. Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3. Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством".

На деле, не только в период гражданской войны, отвлекший лучшие силы пролетариата на военную работу, но и после ее окончания эта программа постепенного приближения к типу государства-коммуны, не выполняется. Наоборот, как раз после окончания гражданской войны бюрократизация советского государства чудовищно растет.

Вместо выборности и сменяемости во всякое время всех служащих государственного аппарата, в которых Энгельс видел способ "обезопасить себя со стороны своих собственных служащих и уполномоченных", теперь ставится ставка на грамотного чиновника. Предвыборные и выборные собрания из политически действенных превращаются в избирательные процедуры, лишенные какого бы то ни было политического содержания, где рабочие, под угрозой "оргвыводов", голосуют за кандидатов, выставленных сверху. Оппозиционных членов партии в Советы не допускают, хотя бы они и пользовались популярностью среди рабочих. На деле получается не выборность, а подбор Советов по признаку послушания. При таких условиях право отзыва своих депутатов для избирателей не существует. Наоборот, это право отзыва становится орудием, пользуясь которым партаппарат устраняет "непокорных". Депутаты перед избирателями ответственности не несут, не отвечают также и исполкомы перед Советами. Самые сроки созыва съездов Советов все более удлиняются. Отчеты депутатов и исполкомов перед избирателями принимают форму проповеди, не подлежащей критике. Революционное содержание советской конституции этим все более выхолащивается. Широкие массы рабочего класса не только оказались оттертыми бюрократией от непосредственного управления советским государством, но и лишились возможности на деле пользоваться завоеванной в Октябрьскую революцию рабочей демократией. При таких условиях рабочий избиратель к выборам отно-

сится формально, как к отбытию трудовой повинности. Авторитет Советов в глазах рабочих масс уменьшается. Рабочая масса от выборов уклоняется. Ее приходится на выборных собраниях задерживать искусственно (запирать ворота и т. п.). Привлечение масс к управлению государством сводится только к так называемому "выдвиженству". Эти выдвиженства чаще всего являются либо подкупом высокими ставками и привилегиями, либо способом "задвинуть" неугодных партаппарату на предприятии рабочих подальше от масс. Благодаря такой практике органы диктатуры пролетариата превращаются в своего рода парламентские голосующие механизмы, а их аппараты – в огромные бюрократические машины, разбухшие в значительной мере за счет чиновников "старого аппарата" (Ленин). Эти аппараты ложатся тяжелым бременем на плечи рабочего класса, в противоположность Парижской коммуне, разрешившей "загадку дешевого правительства" (Маркс).

Значение огромной армии бюрократического чиновничества все растет. Несменяемая, не ответственная перед рабочим классом, имея в своих руках распоряжение обобществленными средствами производства и аппараты принуждения, эта армия становится экономически и политически сильной и заинтересованной в сохранении бюрократизма и его усиления. Она все более превращается в своеобразную самостоятельную социальную прослойку.

Даже деятельность ГПУ, преемницы ВЧК, на которую в борьбе с контрреволюцией выпала одна из решающих задач и которая эту задачу блестяще выполнила, теперь, в обстановке общей бюрократизации, также все более сбивается с пути обороны пролетарской революции. Вместо борьбы против политической и экономической контрреволюции, ее деятельность все более начинает направляться на борьбу с законным недовольством рабочих, вызываемым бюрократическими и мелкобуржуазными извращениями и даже с внутрипартийной оппозицией.

Особенно опасное положение создается в Красной армии. Командный состав ее, вопреки требованиям партийной программы о необходимости "классового сплочения" и "возможно тесной связи военных формирований с фабриками и заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты" и комплектования "командного состава, на первых порах хотя бы низшего, из среды сознательных рабочих и крестьян", – в значительной степени сформирован из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства.

Ограничения участия в армии нетрудовых элементов все более отменяются. В терчастях, особенно конных, преобладает зажиточное крестьянство, на низших командных должностях, главным образом, – кулачество. Что касается партийцев-краскомов, то на них не может не отражаться бюрократизация партии и ослабление ее связей с рабочими. Влияние пролетариата в армии ослабевает. При таких условиях Красная армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба.

В 1920 году Ленин определил советское государство так: "Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а

крестьянское население, а, во-вторых, рабочее государство с бюрократическими извращениями" (Ленин. "Кризис партии"). А в 1923 году он писал: "Наш госаппарат, за исключением НКПрода, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого аппарата" (Ленин. "Как нам реорганизовать Рабкрин").

За последние три года неправильной политики ЦК отрицательные стороны в аппарате во много раз усилились, влияние мелкой буржуазии увеличилось, кулак получил политические права (доступ в Советы). Теперь "бюрократические извращения" зашли настолько далеко, что в них уже явно ощущаются элементы мелкобуржуазного перерождения.

"В чем состояла до сих пор характерная особенность государства? Простым разделением труда общество создало себе особые органы для защиты интересов. Но со временем эти органы и первый среди них — государственная власть — служа своим частным интересам, стали из слуг общества его повелителями. Такое явление происходит не только в наследственных монархиях, но и в демократических республиках" (Предисловие Энгельса к "Гражданской войне во Франции" К. Маркса).

Политика ЦК толкает в этом направлении и советское государство. Продолжение этой политики грозит тем, что власть диктатуры пролетариата, все больше и больше отрываясь от породившего ее класса, и в то же время не выражая полностью интересов какого-либо другого класса, превратится в надклассовую, лавирующую между классами, в зависимости от того, какой класс сильнее напирает в данное время, грозит превратить ее, говоря словами Энгельса, в такую власть, которая "на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними".

Большая армия бюрократического чиновничества, вследствие своей несменяемости, безответственности перед рабочим классом, в руках которой находится безраздельное распоряжение обобществленными средствами производства, превращается в самостоятельную социальную прослойку. Находящиеся в их бесконтрольном распоряжении, все аппараты присуждения, монопольная печать и госпромышленность делают этот слой организованным, экономически сильным, вооруженным и, следовательно, заинтересованным в сохранении своей власти. Для них власть становится самоцелью.

Для предотвращения этого необходимо:

1) Вместо казенного лозунга "оживление Советов", являющегося на деле лозунгом развертывания мелкобуржуазной демократии, должен быть выдвинут лозунг восстановления Советов, как подлинных органов пролетарской диктатуры, где рабочим и деревенской бедноте должно быть обеспечено безусловное преобладание. Нетрудовые, кулацкие элементы и буржуазные элементы ни в коем случае не могут допускаться к выборам в Советы.

2) Восстановить самостоятельность городских Советов как важнейших органов пролетарской диктатуры, особенно в промышленных центрах.

3) Право отзыва избирателями своих депутатов должно быть восстановлено и возможность такого отзыва на деле обеспечена. Должна быть гарантирована свобода критики всех советских органов и их руководителей в рабочей и партийной печати и на собраниях.

4) Советы должны быть превращены в действительно рабочие учреждения, где каждому члену предоставляется определенная работа, согласно распределению, устанавливаемому Советом. Должна быть проведена периодическая смена этих рабочих, согласно программе партии. Необходимо провести решительную борьбу против выборов в Советы советских сановников, получающих звание членов Совета, как почетный титул.

5) Провести решительное сокращение советского административного аппарата в плановом порядке, примерно на 50% в два года. Установить уголовную ответственность за нарушение плана сокращения.

6) Взять курс на уравнение материального положения государственных служащих с рабочими, проводя на деле лозунг: зарплата ответственным работникам не должна превышать зарплаты рабочего. Уничтожить все особые материальные привилегии служащих и ответственных работников. Упразднить "резервные" специальные фонды, идущие на привилегии бюрократии.

7) Оставаясь на точке зрения необходимости использования в Красной армии военспецов старой армии, новое комплектование комсостава необходимо производить исключительно из трудовых элементов и преимущественно из рабочих. Ни в коем случае не допускать на командные должности, хотя бы и высшие, нетрудовые элементы. Не допускать в терчасти кулачество и усилить их беднотой.

Само собой разумеется, что намеченная в этих мероприятиях линия оживления рабочей демократии может иметь успех лишь под руководством коммунистической партии, которая должна восстановить свой авторитет в рабочей массе. Это невозможно без установления режима внутрипартийной демократии и выправления классовой линии партии. Только одновременное проведение внутрипартийной и рабочей демократии может вновь укрепить диктатуру пролетариата.

Партия

В области внутрипартийного строительства политика ЦК после смерти Ленина сводилась к непрерывной бюрократизации партии, превращающейся теперь в прямую ликвидацию партии.

Временное отступление от демократических методов руководства партией и переход к методам милитарным, связанный сначала с гражданской войной, а затем с крайне напряженным положением, создавшимся в момент перехода от военного коммунизма к новой экономической политике, не только превратилось в нормальный партийный режим, но и было доведено до таких чудовищных размеров, до каких оно никогда не доходило даже в наиболее опасные для диктатуры пролетариата моменты.

X съезд, собравшийся в прямой связи с окончанием гражданской войны и переходом на мирное строительство, постановил, что "курс на

рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью и так же энергично проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на милитаризацию партии"; что рабочая демократия "должна обеспечить всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, и в разрешении этих вопросов"; что "форма рабочей демократии исключает всякое назначенство как систему и находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений сверху донизу"; что "методами работы являются, прежде всего, методы широкого обсуждения всех вопросов, дискуссии по ним с полной свободой внутрипартийной критики"; что необходимо "установить постоянный контроль со стороны общественного мнения партии над работой руководящих органов". Вопреки этому, группа членов ЦК, в руки которой перешло руководство партией после смерти Ленина, воспользовавшись резолюцией X съезда о запрещении фракций и группировок, установила в партии режим неслыханного террора, преследование всякой критики действий ЦК, не только коллективной, но и индивидуальной, и всякой инициативы, поскольку она не исходит от руководящей группы ЦК.

Еще в своей речи на XI съезде партии Ленин отметил опасность растущего внутри партии бюрократизма. В том же 1922 г., после съезда, он предложил создать при Политбюро специальную комиссию по борьбе с бюрократизмом, перерождением и извращениями с тем, чтобы комиссия начала свою работу с высших органов партии, в частности, – с Оргбюро, где, по его мнению, создался верх бюрократизма.

Болезнь Ленина помогла верхушке партии положить это предложение под сукно. Вместо борьбы с бюрократизмом, в партии была введена практика приказной системы, выборность была заменена прямым или замаскированным назначением. В партии воцарился "штиль" и "заговор молчания" и, как неизбежное последствие этого, – начали возникать нелегальные группировки.

Процессу перерождения верхушки партии и бюрократизации партийного аппарата способствовали те трудные условия, в которые была поставлена русская революция задержкой мировой революции. Тяжелая гражданская война и интервенция истощали силы пролетариата. Лучшие его элементы отвлекались на фронт. Пролетарский тыл слабел. В то же время, в тяжелой обстановке гражданской войны, происходила "милитаризация партии", резкое усиление методов командования и назначенства. Всё это к концу гражданской войны привело к значительному накоплению внутри партии элементов бюрократизма.

Окончание гражданской войны и переход на мирное строительство сделали возможным и настоятельно требовали от партии ликвидации этого бюрократизма. Одновременно с этим с очевидностью выяснилось, что прямой путь к социализму, которым мы пытались идти во время гражданской войны, при задержке мировой революции для нас невозможен. Крестьянство, которое мирилось с политикой военного коммунизма в период гражданской войны, заявило против него решительный протест немедленно после ее окончания в форме крестьянских восстаний и Крон-

штадтского восстания. Объективная обстановка требовала, под угрозой потери власти пролетариатом, перейти с прямого пути к социализму на путь обхода, на путь нэпа.

Переход на путь нэпа неизбежно означал легальное развитие капиталистических тенденций и усиление повседневного давления на советскую власть непролетарских классов: "Когда мы изменили свою экономическую политику, – писал Ленин, – опасность стала еще большей, потому что, состоя из громадного количества хозяйственных, обыденных мелочей, к которым обычно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам ее преодоления. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли – это и есть та опасность, которая свойственна нашему теперешнему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно" (Ленин. Речь на московской губпартконференции 1921 г.). Новая экономическая политика ставила вопрос "кто кого?" не в прямой вооруженной схватке, а в повседневной борьбе за социалистическое строительство. Опасность контрреволюционного насильственного переворота сменилась опасностью перерождения диктатуры пролетариата. Вопрос шел о том, окажется ли нэп обходным путем к социализму или превратится в прямой путь к капитализму, как на это рассчитывает с момента перехода к нему сменовеховская интеллигенция во главе с Устряловым.

Разрешение этого вопроса в пользу победы социализма требовало величайшей активности рабочего класса под руководством партии. Партия должна была теснейшим образом спаять себя с ним, организовать его постоянную, повседневную борьбу против капитализма и против бюрократических извращений советского государственного аппарата, под давлением капиталистических элементов. Именно поэтому X съезд, признавший необходимым переход к нэпу, основную задачу партийного строительства сформулировал так: "Нужно вновь собрать партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. Нужно сблизить верха и низы, военных работников и гражданских, профессионалистов и советских, старых и новых членов партии, "молодых" и "стариков". Без решений этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда".

"Эта задача, – продолжает резолюция, – не может быть решена при сохранении старой организационной формы. Очередные потребности момента требуют новой организационной оболочки: такой формой является форма рабочей демократии. Курс на рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью и так же энергично проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на "милитаризацию партии" (Резолюция X съезда по отчету ЦК, пп. 15 и 16).

"Под рабочей внутрипартийной демократией, – говорится далее, – разумеется такая организационная форма при проведении партийной

коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех этих вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве; рабочая демократия исключает всякое назначенство как систему и находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т. д. Методами работы являются, прежде всего, методы широкого обсуждения всех вопросов, дискуссии по ним с полной свободой внутрипартийной критики, методы коллективной выработки общепартийных решений".

Этой правильно намеченной линии не суждено было осуществиться. Пролетариат тогда еще недостаточно окреп, а во время болезни и после смерти Ленина группа членов ЦК, в руки которой попало руководство партией, смотрела на это руководство, как на свою монополию. Стремясь во что бы то ни стало удержать эту монополию и в то же время не обладая для этого достаточным авторитетом, это, так называемое "ленинское ядро" (впоследствии расколовшееся), вместо курса на сплочение партии с пролетариатом на основе рабочей демократии, которая одна могла создать отпор враждебным классовым влияниям и решить вопрос "кто кого?" в нашу пользу, взяло курс на командование партией.

Временное отступление от демократических методов руководства партией она не только превратила в нормальный партийный режим, но и довела его до таких чудовищных пределов, до каких оно никогда не доходило даже в наиболее опасные для диктатуры пролетариата моменты. В прямом противоречии с постановлениями X съезда, в партии был установлен режим неслыханного до тех пор зажима, преследования всякой критики действий ЦК, не только коллективной, но и индивидуальной, и всякой инициативы, поскольку она не исходит от руководителей группы ЦК.

Благодаря этому, к концу 1923 года партия дошла до такого состояния, что рабочие стачки, вспыхнувшие в это время, оказались для нее полной неожиданностью. В результате этих стачек и экономического кризиса недовольство партийных масс вылилось в дискуссию. Давление широких масс партии было настолько сильно, что верхушка партии была вынуждена пойти на уступки. Но, провозгласив на словах внутрипартийную демократию (резолюция 5 декабря), она немедленно же начала ожесточеннейшую борьбу за сохранение во что бы то ни стало своего руководящего положения в партии, пустив в ход все средства, вплоть до подтасовки резолюций партийных организаций. Несмотря на то, что большинство партии было против нее, партийной верхушке удалось, опираясь против партии на партийный аппарат, одержать победу, подавить пролетарскую часть партии и объявить ее "мелкобуржуазным уклоном".

Стремясь закрепить одержанную на XIII конференции против большинства партии победу и "подготовить" соответствующий партийный съезд, верхушка партии чуть ли не накануне съезда объявила чистку. Под лозунгом сохранения классовой чистоты партии, из нее выбрасывались действительно пролетарские элементы, бывшие в оппозиции. Для

прикрытия этих расправ, из партии удаляли, правда, частью и действительных шкурников; зато оставались неприкосновенными оппортунисты, "ленинцы вчерашнего дня", обывательские элементы, которые, из боязни за свои места, всегда готовы поддерживать господствующую группу. Чистка производилась не публично, не на собраниях ячеек, а с глазу на глаз: у чистящихся выпытывали доносы, требовали покаяния и предательства, оправдывая все это целями и задачами "ленинизма".

В рабочих ячейках чистку устроить не посмели, зато развилась, с одной стороны, широкая система скрытого подкупа путем перевода, под видом выдвижения, на места с повышенным окладом и с другой, – система репрессий в виде перевода на пониженный оклад или просто увольнений. Создался кадр безработных оппозиционеров. В этой атмосфере бесправия и репрессий, провокаций и доносов наступил "штиль" и "заговор молчания", в десятки раз худший, чем до дискуссии 1923 г. В такой обстановке немногие остались верными своим прежним позициям; они были устранены от участия в легальной партийной жизни и обречены на бездействие. Политически бесхарактерные поддавались подкупам, клялись, доносили, разлагались в полном смысле этого слова. Многие кончали даже самоубийством (тт. Лутовинов, Бош, Зайдлер и др. – небывалое явление в партии). Недовольство было загнано вовнутрь. Созванный в такой обстановке съезд партии принял единогласно все резолюции, предложенные руководящей группой, которая объявила это победой ленинизма и укреплением "единства партии".

Эта победа была закреплена во время так называемой "литературной дискуссии" по поводу "Уроков Октября" Троцкого (1924 г.). Угроза репрессий со стороны ЦК, молчание самого Троцкого и оппозиции привели к тому, что впервые в истории партии "голосовали пятками" – уходили с собрания. Немногие воздерживались, лишь единицы голосовали против, и никто не осмеливался выступать. Члены партии впервые приучались не говорить того, что они думают, и даже голосовать не за то, в чем они убеждены. Развращающее влияние на партию этой "дискуссии" было огромно. Оппозиция была фактически переведена на нелегальное положение. Диктатура правого оппортунистического крыла была окончательно закреплена. Партийная масса была приведена в состояние деморализации и пассивности. Установилось самодержавие партийного аппарата.

Элементы перерождения партии в связи с этим резко усилились. По мере подавления активности пролетарских масс партии, верха, не чувствуя над собой их контроля, сами начинают разлагаться. В партию все более начинают проникать колеблющиеся, половинчатые, а то и просто шкурные элементы, которые до революции держались в стороне от партии и для которых она после захвата власти сделалась притягательной силой. Привычки и наклонности, присущие буржуазии, начали проникать и в среду коммунистических верхов. Карьеризм, протекционизм, чинопочитание, прислужничество, интриганство и даже уголовные преступления развиваются с угрожающей быстротой.

В такой обстановке появилась "новая оппозиция", возникшая первоначально из борьбы за власть двух клик внутри руководящих групп ЦК.

Одна из этих клик (группа Зиновьева-Каменева), побежденная внутри ЦК, вынуждена была апеллировать к партии и попыталась опереться на ленинградский пролетариат, выдвинув левую позицию. Эта попытка не удалась: группа Зиновьева-Каменева не проявила достаточной решительности, она не произвела подготовки в партийной массе и опиралась только на аппарат ленинградской организации. Среди рабочих и низовых партийцев было еще сильно недоверие к Зиновьеву за его каторжный режим в прошлом; оппозиция 1923 г., наиболее яростным противником которой была верхушка ленинградской организации, естественно, заняла нейтральную позицию, не будучи в состоянии уяснить себе физиономию новой оппозиции. Наконец, сталинская группа ловко использовала тот режим в партии, который был создан совместно с Зиновьевым и Каменевым. Перед съездом не было допущено никакой дискуссии, за новой оппозицией оказалась только ленинградская организация. Эта организация, отражающая, хотя и в очень преломленном виде, настроение питерских рабочих, была раздавлена силой аппарата и провинциальных крестьянских организаций, отражавших интересы мелкой буржуазии и кулачества.

Разгром "новой оппозиции" на XIV съезде повлек за собой дальнейшее оформление и развитие ее левой платформы, быстро сблизившее ее с оппозицией 23 г. Неизбежным последствием этого и политически правильным шагом был оппозиционный блок 1926 г.

Однако, этот блок имел и большие политические минусы: 1) Для большинства рядовых членов обеих групп и сочувствующих им партийцев был непонятен блок после того, как именно зиновьевско-каменевская группа вела наиболее отчаянную травлю против оппозиции 1923 г. под флагом "борьбы перед лицом всей партийной массы с троцкизмом". Между тем, Зиновьев и Каменев не решились заявить открыто, что в 1923 г. они ошибались. 2) Блок не имел точно сформулированной платформы, и по ряду очень важных вопросов оставались разногласия, чем и воспользовалась сталинская группа, объявив его "беспринципным". 3) Блок не имел ясной перспективы борьбы, ясной ориентации на рабочую часть партии, и не выдвинул соответствующих лозунгов. Отсюда его нерешительность, растерянность при первых неудачах, а затем и капитуляция вождей.

Господствующая сталинская группа, использовав созданную режимом последних лет внутрипартийную обстановку, исключающую для партийной массы быструю ее активизацию, решилась пойти на применение явно фашистских методов борьбы с оппозиционным блоком. Она прибегла к явно фашистским методам борьбы, к формальному запрещению дискуссии, исключениям из партии, угрозам увольнения с работы и применению прямой обструкции. Одержав этими методами победу, она закрепила ее на XV конференции фактическим запрещением дискуссии навсегда. Это запрещение основного метода разрешения разногласий внутрипартийным путем и открытое вмешательство во внутрипартийную борьбу государственного аппарата кладет начало ликвидации партии. В полном соответствии с этим сталинским курсом на ликвидацию партии находятся все более усиливающиеся явления перерождения партии.

Крестьянские н красноармейские ячейкн, которые при правильном пролетарском партнйном руководстве должны былн бы быть проводинками влияния на распыленную крестьянскую массу, все более превращаются в полную свою противоположность – в протнвников, в партню мелкобуржуазного влияния н тенденций, захватнвших уже целый ряд провинцнальных органнзаций (на Сев. Кавказе, в Снбири, на Украине и в других местах).

Через советскне ячейки, поскольку онн целнком и полностью оторваны от рабочнх масс, поскольку в составе нх большое количество выходцев нз мещанскн-интеллигентскнх слоев города, поскольку в ннх громадный процент выходцев нз мелкобуржуазных партий (меньшевики, эсеры, бундовцы н др.), в партию все более вливаются не менее чуждые пролетариату тенденцин, вплоть до устряловщины.

Пронзводственные ячейки в условиях сталинского режима, в условиях наступлсния на рабочий класс по линии хозяйственных органов государства, как некогда, основные ячейки партни, все более теряют свой удельный вес в партин.

Выход нз партнн во время партпереписн 1926 г. более сотнн тысяч рабочих, имевший несомненно в известной мере своей ближайшей причиной поражение оппозицни в октябре 1926 г., явился прямым показателем внутрипартнйного крнзнса.

Перерождению партин особо содействует практикуемое после смерти Леннна партвоспитание. Вся снстема сталинского воспитания партии подчннена не задаче создания подлнннных пролетарскнх революционеров, а задаче вынуть, выхолостить боевое содержание пролетарской партни, начинить ее фальснфицированным ленинизмом, нзвращая смысл классового учения Маркса н Энгельса, привнвая партин привычкн к послушанию н раболепству.

Тем же задачам подчинено н воспитание комсомола, калечащее пролетарскую молодежь.

Партийные комнтеты окончательно перестали быть воспнтателями воли партийных масс. Наоборот, партийные массы сталн оруднем в руках комитетов. Ярче всего это сказалось накануне партийного съезда, когда конференцин двух крупнейших пролетарских органнзаций – московской н ленинградской – единогласно высказалнсь – ленинградская за позицию тов. Зиновьева, а московская за позицию тов. Сталнна.

Одновременно с этнм н в самих парткомитетах власть переходит в руки фактически назначаемых сверху секретарей. Партийные комитеты на деле оказалнсь подчиненнымн секретарям так же, как партийная масса подчннена комитетам.

Эта участь постигла н высший партнйный нсполнительный орган – ЦК. Начнная с 1923 года, фактическое руководство партией постепенно переходит из рук Политбюро в руки Секретарната во главе с генсеком тов. Сталиным. На этой почве начинаются трения внутри "ленинского ядра" Полнбюро, которые перед XIV съездом привелн к полному разрыву н образованию "новой оппозицнн".

Большинство Полнтбюро, в руках которого находились все организа-

ционные ннти, тщательно подготовилось к этому разрыву н успело поставить во главе всех партийных организаций, за исключеинем Ленинграда, своих сторонников. Партнйная масса была совершенно устранена от всякого участия в проносходнвшнх наверху спорах, более того, почтн совершеино не знала о самом нх существованин. Ннкакой дискуссни не было. Только накануне самого съезда вопрос об этнх разногласнях был внезапно, вие предполагавшегося порядка дня, вынесен на московскую н леннградскую конфереицнн, после того, как выборы былн уже пронзведены.

Ленинградская оппозиция прн такнх условиях не могла не быть разгромлена. Хотя руководнтелн ее н осталнсь еще на некоторое время в составе Политбюро н ЦК, но потеряли в нем всякое реальное значение. Единодержавие в ЦК и Полнтбюро генерального секретаря было окончательио закреплено.

Новая, неслыханиая еще в нсторнн партии, структура ее получила вполие закончеиный вид. Ячейка подчинена секретарю. Секретарн ячейкн подчинены секретарю местного партийиого комнтета, в руках которого иаходится н комитет. Секретарн местных комитетов подчинеиы геиеральному секретарю, которому на деле подчнннен и Центральный Комитет, — такова теперь чисто бюрократическая организация партнн пролетарната.

Эта "оргаинзация" иа деле является законченной формой бесконтрольного н безответственного господства оппортуннстической сталинской фракции, которая при помощн совершенио нсключительных методов органнзациоиного н материального насилия иад партней, опираясь на моиополию устиого н печатиого слова, присвоила себе право говорить н действовать от нмени партин н за партию.

В такой обстановке объедннеиной оппознцией была сделана попытка начать дискуссию осенью 1926 года. ЦК, нспользовав все те органнзационные преимущества, которые он нмел благодаря этой новой органнзацин партин, исключавшей возможность быстрого развязывания актнвиости партнйной массы, не постеснялся прнбегнуть к грубо насильственным методам борьбы, к формальному запрещению дискуссин, нсключениям из партии, угрозам увольнения с работы н прнмеиению прямой обструкцин. Одержав этимн методами победу, он отложил партийный съезд на год н закрепил свою победу иа XV конференцнн фактически запрещением дискуссии навсегда. Постановленнем коиференцин был, таким образом, запрещеи тот метод партийиой работы, который X съезд, под руководством Лениина, призиал основным.

Задача собираиия "разбитой на отдельные отряды" во время гражданской войны партин осталась, таким образом, неосуществлеииой. Партия сейчас более, чем когда бы то нн было разбита на отдельные отряды н резче, чем когда-лнбо раньше делнтся на "верха", тесно связанные с государствеиным аппаратом, и "ннзы", не обладающие ннкакнми партнйнымн правами. Более того, прн обостренин противоречий внутрн государственного хозяйства, этн "инзы" не только подчинены верхам по партнйной линии, но н иаходятся от ннх в прямой экономической завнснмостн (партиец-рабочий и партнец-администратор).

Наряду с этнм, разнница в материальиом положеннн "верхов" н "низов"

все усиливается. В партии создаются группы, различные не только по своим взглядам, но и по своему материальному положению и интересам.

По мере подавления активности пролетарских масс партии, "верха", не чувствуя над собой их контроля, начинают разлагаться. Привычки и наклонности, присущие буржуазии, начинают все более проникать в их среду. Карьеризм, протекционизм, интриганство и даже уголовные преступления развиваются с угрожающей быстротой.

С другой стороны, в среду этих верхов быстро вливаются колеблющиеся, половинчатые, а то и просто шкурные элементы, привлекаемые в партию высокими постами и привилегированным положением. При недостатке работников, созданном устранением от ответственной работы всех тех, кто не согласен слепо слушаться приказаний сверху, ЦК эти половинчатые и шкурные элементы все более начинает выдвигать на руководящие посты: Рафес, бывший член петлюровского правительства и печатно одобрявший покушение на Ленина в 1918 году, и Мартынов, примирившийся с советской властью только после нэпа, играют крупнейшую роль в Коминтерне. Лядов, который летом 1917 года клялся меньшевикам, что он уже давно порвал всякие связи с большевиками, и просил Чхеидзе принять его в меньшевистскую организацию на платную работу, воспитывает коммунистическое студенчество в Свердловском университете. Петровский (Линей), бывший бундовец, представляет Коминтерн в английском рабочем движении. Бройдо, бывший меньшевик, заведует Госиздатом, и даже ЦКК, несмотря на его грязные дела, граничащие с преступлением, бессильна перед ним. Список подобных "выдвиженцев" может быть без труда продолжен. "В ряды единственной легальной партии устремились, ища приложения своих сил, такие группы и слои, которые при иных условиях находились бы не в рядах коммунистической партии, а в рядах социал-демократии или другой разновидности мелкобуржуазного социализма. Эти элементы, иногда сами искренно считающие себя коммунистическими, на деле не совлекли с себя "ветхого Адама" мелкобуржуазности и приносят в РКП свою мелкобуржуазную психологию и навыки мысли" (резолюция XI съезда партии). Теперь именно из рядов этих выходцев из мелкобуржуазных партий, ЦК вербует своих наиболее верных "стопроцентных" сторонников. Это мелкобуржуазное окружение разлагающим образом действует и на старые большевистские кадры, незначительные по количеству, так как огромная часть их погибла на фронтах гражданской войны.

Воспитание партийной молодежи приспособлено не к задаче создания подлинно пролетарских революционеров, а к задаче создания послушных чиновников государственного и партийного аппарата. Схоластическое воспитание ее по учебникам политграмоты выхолащивает боевое содержание марксизма и ленинизма, извращает его классовый смысл, уничтожает у молодых чувство живой связи с пролетариатом.

Система механического подчинения рабочих масс партии и зависимость их от верхов влечет за собой ослабление их активности, благодаря чему партия отрывается от рабочего класса. Выход из партии во время переписи 1926 года более ста тысяч рабочих является наиболее ярким

показателем этого и грозным предупреждением для всей партии.

Бюрократизация партии, перерождение ее правящих верхов, слияние руководящего партией аппарата с бюрократическим государственным аппаратом, уменьшение удельного веса в жизни партии рабочей ее части, применение во внутрипартийной борьбе воздействия государственного аппарата – все это показывает, что ЦК в своей политике зажима партии перешел уже ту границу, за которой начинается **ликвидация партии и превращение ее в подсобный аппарат государства.** Превращение партии в подсобный аппарат советского государства, слияние руководящего партией аппарата с обюрократизировавшимся государственным аппаратом – прямые шаги к ликвидации партии – таковы этапы того пути, по которому ЦК ведет партию к ее ликвидации.

Вся эта внутрипартийная политика совершенно соответствует общей оппортунистической политике ЦК и способствует проведению ее на деле. Для того, чтобы вернуть партию на пролетарско-классовые позиции, т. е. воссоздать подлинно пролетарскую ленинскую партию и обеспечить в дальнейшем сохранение выдержанной классовой линии.

Если бы эта ликвидация партии была доведена до конца, то это означало бы конец диктатуры пролетариата в СССР. Партия есть авангард и главное орудие классовой борьбы пролетариата. Без нее невозможна ни его победа, ни сохранение его диктатуры. Какая бы группа искренно преданных пролетариату людей ни стояла во главе государства, какую бы правильную линию политики она ни намечала, без партии эта группа обречена на перерождение, а ее линия – на полное извращение. Поэтому центральным вопросом в данный момент является не вопрос об изменении руководящего состава партии, а вопрос о возрождении партии, о восстановлении ее самодеятельности, о восстановлении живой связи ее с рабочим классом. В этих целях необходимо:

1) Восстановить полностью режим внутрипартийной рабочей демократии, как это было намечено X съездом партии.

Лозунгом дня должно быть не запрещение "фракций" и "группировок", что привело к ликвидации всякой критической мысли внутри партии, а требовать легализации партии, так как она вся загнана партаппаратом в подполье. Даже руководящие группировки работают друг от друга нелегально.

Партия, загнанная в подполье настолько, что даже сторонники ЦК собираются и обсуждают свои дела вне обычных партийных собраний, тайно от массы членов партии, нелегально – должна быть легализована.

2) Подчинить должностных лиц партии партийной организации. В этих целях уничтожить материальную зависимость их как от вышестоящих парторганов, так и от советских и хозяйственных органов. Оплата должностных лиц должна производиться за счет членских взносов. Практика каких-либо привилегий, в частности, выдача негласных пособий, должна быть уничтожена.

3) В интересах борьбы с бюрократизмом, шкурничеством и карьеризмом, в интересах уничтожения теплых местечек партаппарата, отпускаемые из государственных и местных бюджетов средства на содержание

партаппарата на первое время сократить примерно наполовину, а затем прекратить их отпуск совсем, употребив эти средства на борьбу с безработицей.

4) Обеспечить всем партийным организациям и членам партии права постановки и обсуждения внутри партии устно и печатно, как в одиночку, так и коллективно всех вопросов партийного, советского, профессионального, хозяйственного и кооперативного, деятельности Коминтерна, положения в отдельных его секциях и т. п. Всякие репрессии, применяемые против выступающих членов партии, должны караться, как преступления против партии.

5) Предоставить членам партии право распространять свои рукописи среди членов партии, если они почему-либо сочтут невозможным помещать их в партийной прессе.

6) Пересмотреть устав партии и отменить все принятые за последние годы постановления, которые искажают принципы внутрипартийной демократии и ведут к уничтожению выборности парторганов, к обезличиванию их и всей партии, в частности:

а/ восстановить полностью и безоговорочно выборность всех парторганов снизу доверху;

б/ отменить утверждение секретарей и бюро ячеек и других парторганов и лиц вышестоящими комитетами (в том числе и Центр. Комитетом);

в/ по примеру выборов в ЦК, установить тайное голосование при выборах секретарей и бюро ячеек и комитетов всех парторганизаций;

г/ ввиду того, что в целом ряде случаев выбранного на съезды или конференции устраняли от участия в них под предлогом срочных командировок, назначений и т. п., установить, что делегата, выбранного на местные и всероссийские конференции и съезды, никто не может лишить возможности участвовать в них на основании данных ему полномочий;

д/ восстановить старую большевистскую традицию, что каждый член партии имеет право присутствовать на любом общем собрании членов партии: ячейковых, групповых и пр., хотя он и не состоит членом данной организации, и пользоваться там правом совещательного голоса.

7) Отменить так называемые "чистки партии", превратившиеся на деле в орудие фракционной борьбы, распрей и личной склоки. Очищение партии от чуждых элементов лучше всякой чистки может быть обеспечено в порядке установления на деле режима внутрипартийной демократии и свободного обсуждения поведения членов партии, независимо от занимаемых ими постов.

8) Вся деятельность ЦКК является чудовищным извращением того, что предлагал Ленин в своих последних статьях: вместо того, чтобы "внимательно следить за всеми обстоятельствами, из которых может вытечь раскол", вместо того, чтобы "составить сплоченную группу, которая, невзирая на лица, должна следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел" (Ленин. "Как нам реорганизовать Рабкрин"), она стала на деле орудием Политбюро для расправы с оппозицией, подсобным органом фракционной

борьбы. Нужно в корне изменить деятельность контрольных комиссий, сделать их на деле орудием контроля рабочих-партийцев над деятельностью партийного и государственного аппарата. Состав их должен быть в корне обновлен. Основное ядро их должны составлять рабочие от станка, периодически сменяемые, во избежание отрыва от масс. ЦКК должна сделаться на деле органом, охраняющим единство партии от опасностей "влияний чисто личных и случайных обстоятельств" (Ленин, – там же).

[Черновой вариант:]

8) Вся деятельность контрольных комиссий, включая и ЦКК, показала, что они являются не орудием борьбы против раскола и против несовместимых с пребыванием в партии поступков и поведения отдельных ее членов, а подсобными органами фракционной борьбы и склоки, установившими систему внутрипартийного сыска, слежки, перлюстрации писем членов партии, доносительства и провокации. Ввиду этого, контрольные комиссии должны быть упразднены с тем, чтобы разбор различных проступков членов партии производился в порядке, соответствующем старой дооктябрьской традиции партии, путем создания временных комиссий.

9) Наряду с этим, необходимо ликвидировать институт так называемых партинформаторов, посылаемых парткомитетами на различные собрания не в целях участия в их работах, а в целях слежки за выступлениями членов партии и сообщения райкому о "неблагонадежных".

10) Отменить все репрессии, наложенные на членов партии по обвинениям в оппозиционности, и прекратить в дальнейшем практику подобных репрессий в явном или скрытом виде: "переброски", увольнение с работы, запрещение работать в той или иной отрасли партийной работы и т. д.

11) Установить, что окончательной инстанцией для разрешения дел об исключении из партии за внутрипартийные разногласия и так называемую "фракционную работу" является только съезд. Решения об исключении по этим делам всех остальных инстанций являются лишь предварительными. Члены партии, обжаловавшие эти решения, сохраняют все свои партийные права, вплоть до решения съезда.

12) Восстановить в правах членов партии всех товарищей, исключенных из нее за оппозиционную деятельность.

Политика Коминтерна

ВКП (б) сыграла всемирно-историческую роль в революционном движении пролетариата, прежде всего, как партия, подготовившая и совершившая октябрьский переворот, во-вторых, как партия, по инициативе которой создался и организовался Коминтерн, и в-третьих, как партия, накопившая громадный и исключительный опыт, как в периоды скрытой революционной борьбы 1905 и 1917 гг., так и в периоды реакции в тяжелых условиях подпольной работы. Все это, естественно, обеспечило ВКП (б) руководящую роль в Коминтерне. Но эта же руководящая роль, которая была огромнейшим положительным фактором в организации

мирового пролетарского движения и мировой революции до тех пор, пока ВКП твердо сохраняла свои классово-пролетарские позиции, превращается в огромную опасность с того момента, как партия начала все более и более сползать на мелкобуржуазные рельсы.

Сползание с пролетарских позиций в вопросах внутренней политики не могло не сопровождаться оппортунистическими извращениями руководства Коминтерном, а эти извращения отзывались самым тяжким образом на росте коммунистических секций III Интернационала и на мировом рабочем движении.

Политика Коминтерна без Ленина в первое время характеризуется, прежде всего, распространением на секции Коминтерна того режима, который установился в ВКП. Вместо того, чтобы умело подбирать в молодые еще коммунистические партии Запада все те элементы, которые являются подлинно революционными, и воспитывать в духе пролетарского коммунизма, как это делал Ленин, от коммунистов Запада стали требовать, прежде всего, безусловного послушания. Целый ряд действительно революционных элементов был этим насильственно отброшен от коммунистического движения и, наоборот, в нем были выдвинуты на руководящие роли люди, которые, кроме послушания, ничего за собой не имели.

Руководство коммунистическими партиями с этого времени вырождается в командование верхушки ВКП (при очень малой осведомленности и культивируемой ЦК пассивности широких партийных масс в вопросах мирового движения пролетариата) над заграничными секциями Коминтерна. Заграничные делегации все больше отстранялись от руководства Коминтерном. Тем самым политика ВКП внутри страны освободилась от контроля Коминтерна, и пролетарские партии Запада не могли уже оказывать на нее влияния в смысле выправления мелкобуржуазных шатаний внутри нее, которые, естественно, усилились с развертыванием нэпа. Наоборот, ВКП получила неограниченное право вмешательства в каждую, самую пустяковую склоку внутри той или другой заграничной секции. Таким образом, мелкобуржуазные извращения не только не получили отпора в Коминтерне, но, по мере своего усиления, все более извращали революционную тактику заграничных секций.

Первое время это вырождение руководства в командование имело лишь то отрицательное значение, что оно ослабляло революционное воспитание молодых коммунистических партий Запада и прикрывало неумение тогдашних руководителей Коминтерна руководить мировым движением пролетариата.

Авантюризм в Болгарии и Эстонии, с одной стороны, упущение революционной ситуации в Германии в 1923 году, с другой, в результате которой германское революционное движение 1923 года развертывалось самотеком, без всякого руководства. Вся вина за неудачи этой неумелой политики сваливалась на заграничные секции: немедленно происходила "смена кабинета", которая должна была всем показать, что руководство хорошо, только исполнение плохо.

Новый этап начался с дискуссии 1923 года. При трудностях борьбы с оппозицией внутри СССР, ЦК понадобилось продемонстрировать под-

держку ему со стороны Коминтерна. Начинается смена руководителей коммунистических партий под углом зрения их готовности поддержать ЦК против оппозиции. Подбор руководства секциями Коминтерна производится с этого времени не с точки зрения интересов международного движения, а с точки зрения внутренней борьбы в РКП. Такие методы, с тех пор еще усилившиеся, привели к целому ряду расколов и отколов, к потере членов (в главнейших секциях 60–70% и больше) к уменьшению авторитета коммунистических секций в глазах широких масс рабочих и к потере миллионов избирателей. Но теперь, при сталинском руководстве, они осложняются новыми извращениями, теснейшим образом связанными с дальнейшим отходом от пролетарской линии, с национальной ограниченностью политики ЦК. Если раньше ЦК стремился сделать Коминтерн своим орудием во внутрипартийной политике, то теперь политика Коминтерна начинает строиться преимущественно под углом зрения интересов СССР, как государственного целого.

Само собой разумеется, что интересы Советской республики, до тех пор, пока она остается государством диктатуры пролетариата, имеют огромное значение с точки зрения мировой революции и обязательно должны учитываться при руководстве мировым движением пролетариата. Но это вовсе не значит, что политика Коминтерна должна строиться прежде всего под углом зрения этих интересов. Главной нашей задачей является развитие мировой революции, и если на том или ином этапе задачи развития этой революции сопряжены с известной опасностью для СССР, то ограждение себя от этих опасностей, в ущерб развитию мировой революции, является предательством мировой революции. Между тем, в двух крупнейших вопросах мы уже пошли по этому пути ограждения безопасности СССР (и притом мнимого ограждения) за счет ослабления борьбы пролетариата против буржуазии в мировом масштабе.

Впервые это проявилось на политике в отношении Англо-Русского комитета. Сторонники сохранения этого учреждения оправдывали в этом вопросе тем свою позицию, что она, якобы, вытекает из "тактики единого фронта". Нетрудно показать, что "тактика единого фронта" тут притянута за волосы. Ведь смысл этой тактики состоял в том, что, до тех пор, пока оппортунистические вожди рабочего движения еще замаскировывали свою измену рабочему классу отстаиванием частичных требований рабочих, поддерживать и бороться вместе с ними за эти требования, указывая одновременно на их недостаточность и на необходимость перехода к революционным методам борьбы. Зато в тот момент, когда во время крупных событий оппортунисты явно изменят пролетариату, решительно рвать с ними, решительно разоблачать их непригодность как вождей, и отвоевывать от них массу.

С этой точки зрения образование Англо-Русского комитета и участие в нем вплоть до измены Генсовета в мае, было правильно и необходимо. Но никакими ухищрениями нельзя обосновать, почему после прямого предательства Генсовета, после прямого сговора его с буржуазией в момент всеобщей стачки, мы должны сидеть рядом с этими предателями, обсуждать с ними практические вопросы рабочего движения, демонстри-

руя этим перед массами, что от этих предателей и теперь можно ожидать какого-то добра. Нелепость этой тактики ярче всего выразилась в том, что когда ВЦСПС, сохраняя Англо-Русский комитет, попытался провести разоблачительную кампанию против вождей Генсовета, то эта кампания скандальнейшим образом провалилась: поставленная сохранением Англо-Русского комитета в самое двусмысленное положение, английская коммунистическая партия не решилась даже опубликовать воззвание ВЦСПС, разоблачающее Генсовет, английские рабочие узнали об этом воззвании только от самого правого вождя тред-юнионов – Томаса, который опубликовал его с соответствующими комментариями, как доказательство того, что русские профсоюзы не хотят единства профессионального движения и что поэтому нужно разорвать Англо-Русский комитет.

Сохранение Англо-Русского комитета было, таким образом, вопиющим оппортунистическим извращением тактики единого фронта, переходом на соглашательские позиции с социал-предателями. Став на эту позицию, наша делегация, поведение которой было целиком одобрено апрельским пленумом ЦК ВКП, на берлинском совещании Англо-Русского комитета пошла по пути прямого оправдания предательства Генсовета и соглашения с верхушкой английских профсоюзов, в ущерб единству рабочих масс снизу.

Это совещание констатировало, что Англо-Русская профсоюзная конференция в апреле 1925 года "предупредила рабочих всего мира о том, что близится наступление на их заработную плату и на условия труда... Наступление на британских горняков, усиление эксплуатации, снижение заработной платы и удлинение рабочего дня для рабочих Европы показывают, что это предупреждение было своевременным и правильным". С согласия делегации коммунистических союзов, таким образом, объявлено, что социал-предатели будто бы "правильно и своевременно предупреждали" рабочих об опасности наступления капиталистов. А о том, что в момент этого наступления Генсовет вступил в прямую сделку с буржуазией, сорвал всеобщую стачку и дезорганизовывал всеми способами стачку горняков – не упомянуто ни одним словом. Своим авторитетом делегация ВЦСПС здесь прямо прикрывает преступления предателей английской стачки.

"Единственными представителями международного и национального единства профессионального движения Великобритании являются Конгресс британских тред-юнионов и его Генеральный Совет" провозглашает эта же резолюция. ВЦСПС, таким образом, признает, что единственными представителями профессионально организованных рабочих Англии являются предатели пролетариата, при содействии которых даже экономические требования горняков были отвергнуты буржуазией. Это значит, далее, что все сношения русских профсоюзов с английскими могут происходить только через Генсовет и что всякая помощь английским рабочим с нашей стороны может быть произведена только с согласия этого Генсовета, который во время всеобщей стачки отказался принять "проклятые русские деньги".

"Братский союз между профдвижениями обеих стран", – поясняет

далее резолюция, – "ни в какой степени не может и не должен стеснять их (Генсовет или ВЦСПС) деятельность во внутренней работе... или допустить вмешательство одной стороны во внутренние дела другой..." Этим открыто декларируется, что предательство по отношению английских рабочих есть внутреннее дело вождей английских профсоюзов" и что русские профсоюзы этому предательству "ни в коей мере не могут и не должны" мешать. Этой позорной сдачи всех большевистских позиций в международном профессиональном движении, этого перехода на позицию амстердамского объединения профсоюзов, никаким, даже самым казуистическим толкованием тактики единого фронта оправдать нельзя. И Томский не апрельском пленуме мог ссылаться только на то, что эти "уступки" были необходимы для сохранения Англо-Русского комитета, при решении же вопроса об Англо-Русском комитете **нельзя забывать об ограждении от опасностей войны СССР как оплота мировой революции.** Здесь он, таким образом, целиком повторил то, что говорил Калинин в прошлом году на Политбюро, когда решался вопрос о сохранении Англо-Русского комитета непосредственно после срыва всеобщей стачки Генсоветом. Разрыв Англо-Русского комитета, аргументировал тогда Калинин, есть разрыв с английской рабочей партией, которая, по его мнению, является в Англии главной силой, которая противодействует интервенции. Англо-Русский комитет нужно сохранить, чтобы ослабить опасность интервенции, таков решающий довод за сохранение Англо-Русского комитета. Ради этого предатели рабочего класса объявлены "единственными представителями и выразителями" профессионально организованных рабочих Англии. Интересы международного профдвижения здесь принесены в жертву дипломатическим махинациям, в жертву иллюзии, будто бы оппортунисты английского рабочего движения могут и будут бороться против войны.

Действительно, здесь делегация ВЦСПС одержала "победу". "Англо-Русское профединство, – говорит резолюция совещания, – особенно необходимо, как показано с наибольшей ясностью последними событиями (какими?), для предотвращения угрозы нападения на Советский Союз – очаг первых рабочих республик". За эту, ничего не значащую и ни к чему не обязывающую фразу, были проданы интересы действительного международного профессионального единства. Большей измены большевистской тактике нельзя себе представить.

Ленин всегда подчеркивал, что мирным заявлениям оппортунистов грош цена, что всякие пацифистские фразы – пошлейший вздор, что единственный способ борьбы против войны есть борьба за свержение капитализма. Теперь оплотом против войны объявляется Генсовет, тот самый, который "своевременно предупреждал" английских рабочих об опасности наступления капитала и предал их во время этого наступления. Его теперешнее "своевременное" предупреждение об угрозе нападения на Советский Союз означает только, что в момент нападения он предаст Советский Союз так же, как предал своих рабочих.

Поведение во время парламентских дебатов о разрыве торговых отношений с СССР английской "рабочей" партии, которая поклялась перед

буржуазным парламентом в своей ненависти к коммунизму и голосовала против разрыва только потому, что "преступность" СССР, по ее мнению, недостаточно доказана – не оставляет в этом никаких сомнений.

Еще более вопиющим отступлением от основ революционной тактики является политика ЦК в отношении китайской революции. Более 75 лет тому назад, в марте 1850 года, основы этой тактики были с полной четкостью намечены Марксом в письме ЦК к союзу коммунистов, посвященном тактике коммунистов перед и во время революции. "Вместо того, чтобы опуститься до роли хора, одобрительно рукоплескающего буржуазным демократам, – писал он, – рабочие, и прежде всего союз, должны работать в том направлении, чтобы, наряду с официальными демократами, создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний... На случай борьбы против общего врага, не нужно никаких особых объединений... Опьянение победой и радость по поводу нового положения вещей... они (рабочие) вообще должны, насколько это возможно, сдерживать спокойным и хладнокровным пониманием событий и нескрываемым недоверием к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами, они должны учреждать собственные революционные правительства, в виде ли правлений общин, общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно потеряли опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя". "Для своей конечной победы, – заканчивается это письмо, – они (рабочие) должны сделать самое большее тем, что они будут выяснять себе свои классовые интересы, что они займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевым лозунгом должно быть "непрерывная революция"."

Эта тактика была проведена и на деле проверена большевистской партией под руководством Ленина в 1917 году. В китайской революции те, которые в октябрьской революции были с Лениным (а частью и те, которые боролись против нее – Мартынов, Рафес), поступили как раз наоборот. Они не организовали самостоятельной рабочей партии, удерживая все время китайскую компартию внутри мелкобуржуазной партии Гоминдана. После победы Гоминдана не было никакой попытки организовать среди рабочих "недоверие к новому правительству" – наоборот, всячески демонстрировалась полная солидарность коммунистов с гоминдановским правительством, в которое входили, притом, не только левые, но и правые гоминдановцы и командование армией которого находилось

в руках более чем правых генералов (Чан Кайши и др.). Не было, наконец, сделано никакой попытки организовать, наряду с буржуазным правительством, собственное рабочее правительство в виде Советов, которые, с одной стороны, являлись бы зачатками нового, действительно революционного правительства, а с другой, – держали бы буржуазное правительство под бдительным контролем и угрозой, не давая ему возможности предать революцию путем сговора с ее врагами. Вместо всего этого, была поставлена ставка на генералов под контролем гоминдановских и коммунистических комиссаров и инструкторов. Китайскую революцию хотели сделать не "народной революцией" в том смысле, как понимали ее Маркс и Ленин, т. е. такой, которая всколыхнула бы до дна все низы китайского народа, **а превратить ее в военный переворот.** Поэтому, чтобы не ссориться с правыми гоминдановцами, со стороны китайской компартии не было выдвинуто даже лозунга захвата земли крестьянами и, вместо аграрной революции, получились только жалкие реформы не уничтожившие даже кабальной зависимости крестьян от землевладельцев. Этим самым китайское крестьянство не вовлекалось в революционное движение, а отталкивалось от него.

"Сначала закончить буржуазную революцию, а затем только переводить ее на социалистические рельсы" – эта архименьшевистская теория стадий лежала в основе всей тактики, которую ЦК рекомендовал китайской компартии. Но даже и меньшевики, при своей постановке вопроса, никогда не считали возможным отказаться от организации собственной партии, открыто выступающей со своей программой и имеющей собственную обособленную организацию. Самую задачу китайской революции сталинский ЦК пытается свести к борьбе против империалистов, как будто бы борьбу против империалистов можно отделить от борьбы против собственной буржуазии. "Китайская революция, – говорит резолюция московского партактива, – является буржуазно-демократической, национально-освободительной революцией, **направленной главным своим острием против империализма**, против феодальных отношений и феодально-капиталистических клик Китая, на которые опирается иностранный **империализм"**. Таким образом, даже борьба против феодальных классов ведется лишь потому, что они поддерживают империалистов. Китайскую **революцию сталинский ЦК явно стремится превратить в войну Китая против империалистов, а не в отряд мировой революции.**

Только с этой точки зрения можно понять тактику ЦК в Китае, которая просто поддерживает всех тех, кто хочет воевать с империалистами. Только с этой точки зрения можно объяснить, почему он не хочет осложнять эту войну рабочим движением, почему он не хочет затруднять ее требованием передачи всей земли крестьянам, почему свою ставку он ставит не на движение крестьян и рабочих, а на армию, под руководством буржуазных генералов, хотя и с коммунистическими инструкторами. **Китайскую революцию** ЦК рассматривает только как способ нанесения максимального ущерба империалистам, как врагам СССР. Это политика не Коминтерна, а НКИД.

[Вариант]

Только с этой точки зрения можно понять ту политику, которую ЦК, под флагом Коминтерна, ведет в Китае: она на деле сводится к поддержке всех тех, кто в данное время хочет воевать против империалистов. Отсюда тактика "блока четырех классов"; отсюда нежелание "осложнять" войну рабочим движением, отсюда удерживание рабочих от стачек, отсюда разоружение шанхайских пролетариев для вооружения войск Чан Кайши перед шанхайским переворотом. Отсюда противодействие лозунгу захвата земли крестьянами. Отсюда, наконец, отказ от лозунгов Советов. Все это мешает войне, пугает буржуазию, пугает генералов с их наемными армиями.

И притом, неудачная политика. Расчет на гоминдановское правительство как на правительство войны против империалистов так же неверен, как и расчет на английскую рабочую партию как на орудие мира в Европе. Буквально через несколько дней после того, как Сталин говорил на московском партактиве, что Чан Кайши не может, даже если бы захотел, произвести контрреволюционный переворот, ибо его армия находится под влиянием инструкторов-коммунистов, – этот переворот сделался совершившимся фактом. При этом совершенно несомненно, что события в Пекине (арест советского посольства) и события в Шанхае совпали не случайно, что здесь был прямой сговор Чан Кайши с Чжан Цзолинем – с прямым агентом империалистов. Тактика ЦК, продиктованная боязнью испугать китайскую буржуазию и бросить ее в объятия империалистов, привела пока к тому, что эта буржуазия, не чувствуя на себе давления пролетариата, сама заключает сделку с империалистами. В этом состоял урок контрреволюционного переворота Чан Кайши, который ясно показывал, что та же история может повториться и с "революционным" уханским правительством, где в качестве министра финансов сидит архиправый Сун Фо и которое располагает только наемными армиями (под командой правых генералов). Теперь переворот в Чанша и примирительная позиция, занятая по отношению к нему "левым" Гоминданом, не может оставлять никаких сомнений в том, что и уханское правительство способно на сделку с империалистами не менее, чем Чан Кайши.

Контрреволюционный переворот в Шанхае и сделка гоминдановской буржуазии с империалистами – таков результат меньшевистской тактики ЦК ВКП.

Политика сталинского ЦК, таким образом, все время сбивается с линии руководства классовой борьбой международного пролетариата на линию охранения интересов СССР от покушений со стороны империалистских держав. Эта линия неизбежно ведет к меньшевистским извращениям тактики иностранных секций Коминтерна. Но и на этом пути она также терпит неудачи: обеспечение СССР от покушений иностранных империалистов, пока СССР остается революционной страной, может быть достигнуто лишь революционной борьбой рабочих против капиталистов. Как и в других случаях, политика ЦК, как типично мелкобуржуазная, не в состоянии разрешить даже тех задач, которые она сама себе ставит.

При таких условиях, для выправления линии Коминтерна настоятельно необходимо, и притом независимо от того или иного соотношения сил внутри ВКП, – усиление роли в нем иностранных партий, в первую голову наиболее испытанных из них (Германия, Франция, Италия). Коминтерн должен стать боевым штабом мировой революции не только формально, но по содержанию своей политики и по составу своих исполнительных органов. Руководству этого штаба должны быть одинаково подчинены все входящие в него секции, в том числе и ВКП, "внутренние дела" которой более, чем когда-либо, становятся делом международного пролетариата.

Борьба против сталинского ЦК есть дело не только русской оппозиции, но и всех подлинно революционных элементов Коминтерна.

Но этот штаб может стать действительным штабом мировой революции лишь в том случае, если он сумеет организовать массовые коммунистические партии, ведущие за собой рабочий класс. А это возможно лишь при условии ликвидации установившегося в Коминтерне режима, восстановления в нем внутрипартийной демократии и правильной классовой линии.

Борьба против сталинского ЦК есть дело не только русской оппозиции, но и всех подлинно революционных элементов Коминтерна. Чем больше под влиянием сталинского ЦК извращается линия Коминтерна, тем больше будет оформляться внутри последнего пролетарская оппозиция. Эта оппозиция, только недавно начавшая оформляться, засоряемая иногда, благодаря сталинской политике, чужеродными элементами, дает подчас неверные формулировки, перегибает в своей борьбе палку то в одну, то в другую сторону. Но было бы преступной ошибкой на этом основании открещиваться от нее. Наоборот, революционно-пролетарская часть ВКП должна взять на себя инициативу оформления и сплочения революционных элементов Коминтерна, создания внутри Коминтерна прочного пролетарского ядра, которое на деле могло бы добиться и взять на себя руководство Коминтерном. Нужно твердо помнить, что, как бы ни кончилась борьба внутри ВКП, международная оппозиция, при наличии по-прежнему революционной ситуации в Европе, имеет все шансы на победу в Коминтерне и успех ее борьбы зависит только от ее выдержанности, организованности и сплоченности.

Отказ от этой оппортунистической линии является необходимым условием для того, чтобы сохранить Коминтерн как боевой штаб мировой революции. Поэтому:

1) По отношению к западноевропейскому движению должен быть положен конец извращениям тактики единого фронта, которая является тактикой единства снизу, а не тактикой верхушечных соглашений в социал-демократии. Англо-Русский комитет должен быть разорван.

2) В китайской революции Коминтерн должен взять линию не на генералов, не на мелкобуржуазных демократов, а на развертывание революционного движения масс рабочих и крестьян. Исходя из того, что революция, несмотря на измену генералов, развивается, должен быть немедленно провозглашен лозунг организации Советов. Коммунистическая партия

должна немедленно выставить неурезанные лозунги (захват земли крестьянами, т. е. уничтожение арендной платы частным собственникам, 8-часовой рабочий день, свобода стачек, отмена обязательного арбитража, вооружение рабочих) не стесняясь тем, что выставление таких лозунгов повлечет за собой исключение из Гоминдана.

3) Роль иностранных партий, в первую голову наиболее испытанных (Германии, Франции, Италии), в руководстве Коминтерном должна быть усилена. Коминтерн должен стать боевым штабом мировой революции не только формально, но и по содержанию своей политики и по составу своих исполнительных органов. Руководству этого штаба должны быть одинаково подчинены все входящие в него секции, в том числе и ВКП, "внутренние дела" которой более, чем когда-либо, становятся делом международного пролетариата.

4) Но этот штаб может стать действительным штабом мировой революции лишь в том случае, если он сумеет организовать массовые коммунистические партии, ведущие за собой рабочий класс. А это возможно лишь при условии ликвидации теперешнего режима в Коминтерне и установления режима внутрипартийной демократии.

5) Восстановить в правах членов Коминтерна все те группы, которые были исключены из него за оппозицию против оппортунистических извращений линии Коминтерна и которые и вне Коминтерна остаются на большевистских ленинских позициях.

Ревизия марксизма и ленинизма

"Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для "утешения" угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя революционное острие, опошляя его. На такой "обработке" марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения" (Ленин. "Государство и революция", гл. 1).

История повторяется. Наиболее умные буржуа и оппортунисты сталинско-бухаринского толка проделывают сейчас с учением Ленина то же самое, что буржуазия и социал-демократы проделывали с учением Маркса. Устрялов уже объявил себя ленинистом и выступает в защиту Сталина против оппозиции, утверждая, что Сталин якобы, верен "духу" Ленина, в то время как оппозиция держится "за букву" его учения. Буквально следуя примеру своих немецких собратьев, пытавшихся объявить революционера Маркса "национально-немецким" Марксом (см. ту же главу Ленина), он объявляет Ленина "национально-русским" Лениным, героем "возрождения России", направившим ее по пути, ведущему в "национальный Пантеон, уготованный ей историей" (см. его статью "Собор XX века"). С другой стороны, сталинско-бухаринская группа, разумеется, в

гораздо более прикрытой, замаскированной форме, отдавая на словах дань учению Ленина, воздвигнув Ленину мавзолей с его "нетленным" трупом, шаг за шагом начинает искажать учение Ленина, выдавая за "ленинизм" то, против чего усиленно боролся Ленин при жизни. Бухарин, для того, чтобы протащить контрабандой свои воззрения на переходный период, изобретает теорию о "двух планах" Ленина – государственно-капиталистическом и кооперативном. "Смычка" с крестьянством, которую Ленин считал "допустимой, правильной и принципиально возможной только тогда, когда она поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов"* превращается теперь в самоцель, в соглашение с крестьянством в целях его удовлетворения, а не уничтожения классов. Противоречия между государством и рабочими, неизбежность которых на протяжении всего переходного периода Ленин неоднократно настойчиво поддерживал, объявляются теперь несуществующими. Тактика единого фронта, которую Ленин выдвинул как одно из средств борьбы с оппортунистами в рабочем движении, все более превращается в тактику соглашения с ними.

В полном соответствии с тем, что ЦК, сползая все более и более с классовой пролетарской линии, вынужден в то же время замаскировывать это сползание, теоретики сталинско-бухаринского толка на словах рекламируют себя как ортодоксальных "ленинистов" – на деле же ревизуют Ленина, и все более и более "выхолащивают революционное содержание" его учения. Эта ревизия ленинизма с полной отчетливостью проявилась по трем тесно связанным между собой важнейшим вопросам: по вопросу о связи социалистического строительства у нас с мировой революцией ("теория победы социализма в одной стране"), по вопросу о характере нашего хозяйства вообще и по вопросу о характере наших государственных предприятий, в частности.

Победа социализма в одной стране

"Мы в этих дискуссиях (против "троцкизма") вполне завоевали, мне кажется, для всей партии ясное и точное убеждение в том, что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьим шагом, и что все-таки мы этот социализм строим и что мы его построим" (Бухарин. "Три речи", стр. 48). Значение для нас международной революции сводится к тому, что "гарантией от интервенции, от новой войны, от реставрации, принесенной на штыках капиталистических армий, может быть только международная социалистическая революция (там же, стр. 49). Такая постановка вопроса есть чудовищно-оппортунистическое извращение той позиции, которую занимала здесь до сих пор партия и которая была сформулирована не

---

* Доклад о продналоге на всероссийской конференции РКП 26 мая 1926 года, т. XVIII, часть 1, стр. 257.

кем иным, как тем же тов. Сталиным и не далее, как в апреле 1924 года в его брошюре "Об основах ленинизма". "Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны – об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской, как наша, уже недостаточно – для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран". Стоит только посмотреть, какими жалкими потугами тов. Сталин старается теперь (напр., в своей брошюре "К вопросам ленинизма" и в своих выступлениях на VII расширенном пленуме ИККИ) разъяснить эту формулировку в том смысле, что построить социализм в одной стране можно, но вполне гарантировать его от интервенции без международной революции нельзя, – чтобы понять, с какой быстротой, не успевая даже заметать следов, этот "вождь" партии сползает в ревизионистское болото и как далеко он уже сполз.

Оппортунистическая сущность этой новой теории не подлежит сомнению:

1) Международная революция при такой постановке вопроса становится только средством обороны нашей республики. Это объективно означает переход по отношению к международной буржуазии на оборонительные позиции, что особенно ярко подчеркивается в целом ряде выступлений Сталина и сталинской группы, в которых она с удовлетворением отмечает, что одного наличия рабочего движения на Западе оказалось достаточным, чтобы парализовать опасность нападения на нас. Рабочее движение на Западе рассматривается здесь, прежде всего, как способ охранения СССР от нападения империалистических держав, а не как путь к международной революции. Нетрудно видеть, насколько выдвигание на первый план этого значения революционного движения на Западе приспособлено для оправдания в глазах мелкой буржуазии деятельности Коминтерна.

2) Всем хорошо известно, что наша политика международной революции является одной из основных причин враждебного отношения к нам капиталистических держав и что отказ от нее был бы немаловажной "гарантией от интервенции". Таким образом, новая теория победы социализма в одной стране ведет к предательству международной революции ради сохранения безопасности СССР. Это предательство сталинская группа и проделала в своей политике по отношению к Англо-Русскому комитету и к революции в Китае.

3) Сами авторы этой теории считают, что для построения социализма у нас потребуется 20–40 лет.* Но тогда эта теория получает практический смысл лишь в том случае, если авторы ее считают возможной задержку революции на Западе на такой длительный период. И в самом деле, нет никаких сомнений, что сталинская группа свою политику начинает строить на молчаливом признании, что международная революция задержалась всерьез и надолго. Это означает отказ от ленинской формулы о вступлении капиталистического мира в эпоху войн и революций, ликви-

* См. речь тов. Рыкова по политическому отчету ЦК на XIV съезде.

даторскую позицию по отношению к мировой революции.

4) Раз мировая революция есть, прежде всего, "гарантия от интервенцин", которая может быть достигнута, как мы видели, и другими способами, то в глазах рабочего класса она перестает быть связанной с его повседневными интересами, является для него только моральной и подчас неприятной обязанностью. Это прямым путем ведет к обособлению нашего пролетариата от пролетариата международного. Этому вполне соответствует то, что вопросы международной революции в нашей партийной жизни отодвигаются на последний план, а иногда сознательно (как это было с вопросом об отношениях китайской компартии с Гоминданом) скрываются от партии. Даже сравнительно квалифицированные слои партии относятся с полной пассивностью к вопросам, стоящим перед Коминтерном и его секциями.

Демагогической клеветой является утверждение сталинцев, будто бы оппозиция стремится доказать, что без мировой революции мы не сегодня-завтра погибнем. Вопрос о гибели диктатуры пролетариата решается не в теоретических спорах, а в реальной борьбе классов. Спор идет не о гибели, а о том, сможем ли мы без помощи более передовых стран перейти к социалистической организации производства, сможем ли выйти за рамки нэпа со всеми присущими ему противоречиями и опасностями. Здесь мы подходим к вопросу о характере нашего хозяйства и наших государственных предприятий.

Наше хозяйство в целом

Основная характеристика, данная Лениным нашему хозяйственному строю, отчетливо дана в следующих словах:

"Но что означает слово переход. Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма или социализма. Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России. А в этом ведь весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

1. Патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство.

2. Мелкое товарное производство, сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб.

3. Частно-хозяйственный капитализм.

4. Государственный капитализм.

5. Социализм. (Ленин, т. XVIII, стр. 103).

Здесь говорится об элементах различных общественно-экономических укладов. Только в вольном изложении Бухарина "элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России", превратились в пять типов хозяйств. А это значит, что Ленин, определяя наш хозяйственный строй, как переходный, смешанный, отнюдь не понимал дела так, что одни хозяйства – патриархальные (т. е. целиком нату-

ральные), другие – мелкие товарные (т. е. производящие исключительно на рынок), третьи – частно-капиталистические (т. е. живущие исключительно прибавочной стоимостью, в отличие от кулака, например, применяющего и свою рабочую силу), четвертые – государственно-капиталистические, пятые – чисто социалистические. Наоборот, он не уставал подчеркивать, что в переходный период борьба между элементами социализма и капитализма идет по всему фронту, что различные элементы перемешаны в разных сочинениях и в разных пропорциях всюду, что "миллионы щупальцев мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция, вместо государственной монополии, врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни".

Смысл его плана заключался в том, что, опираясь на тот участок хозяйства, которым мы наиболее прочно овладели, – на государственную промышленность – через концессии, смешанные общества, кооперацию овладеть частным хозяйством, поставить капиталистические элементы под контроль пролетарского государства и, постепенно ослабляя их мощь, подойти к социалистической организации производства. Вместо этой, глубоко диалектической постановки вопроса, бухаринско-сталинская теория метафизически делит все наше хозяйство на участки социалистические, государственно-капиталистические и т. д., относя к социализму все, что находится в руках государства (т. е. и кредит, и государственную торговлю, и денежное обращение). Отсюда ее вывод, что поскольку "государственно-капиталистические" предприятия, концессии и аренда нам не удались, с одной стороны, а роль государственного хозяйства, с другой, за это время выросла, постольку значение госкапиталистических форм свелась к ничтожным размерам, что сам Ленин перешел будто бы к другому "кооперативному плану" развития нашего хозяйства, что вся задача социалистического строительства сводится теперь только к усилению роли в народном хозяйстве "социалистических", государственных и кооперативных предприятий. Эта теория усиленно замазывает, что и в государственном хозяйстве имеются капиталистические элементы, что роль их с переходом на денежное хозяйство усилилась, забывая, что сам Ленин переход от натурального товарооборота к денежному рассматривал как дальнейшее отступление* и предупреждал об опасностях этого отступления**. На эти опасности "сталинцы" и "бухаринцы" предпочитают

* С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас и, вместо товарообмена, получилась просто "купля-продажа". "Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения". (Речь на Московской губпартконференции 29 октября 1921 года, собр. соч. т. XVIII, сс. 385–387).

** "Когда мы изменили свою экономическую политику, опасность стала больше, потому что, состоя из громадного количества хозяйственных обыденных мелочей, к которым обыкновенно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным

закрывать глаза. Поэтому и вопрос о борьбе капитализма и социализма в нашем хозяйстве ставится ими совсем по-новому.

"Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа, либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической основе и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос". Так ставил вопрос Ленин.*

Сталинская группа ставит вопрос иначе: "Нелья смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма... Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути, хотя бы потому, что наличие советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития.** "Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать и обязательно станет на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения".***

Вопроса "кто кого" для новой теории не существует. Он уже решен: раз промышленность в наших руках, то она социалистическая, раз она социалистическая, то крестьянство неизбежно пойдет по пути социализма, ибо, видите ли, раз крестьянство не хочет нищеты и разорения, то оно и сумеет сделать так, чтобы этой нищеты и разорения не было. Конкретный анализ действительности замеияется этим логическим рассуждением, от которого за версту несет народничеством и которое ведет к тем же последствиям, как и народничество. Сладкие речи о неизбежности социалистического развития деревни, рассеивающие всякую "панику перед кулаком", только способствуют тому, чтобы не замечать, как "мелкобуржуазная гидра врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни", ослаблять нашу борьбу против капиталистических элементов нашего хозяйства.

"Кто не видит этого, – сказал по этому поводу Ленин, – тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками".

Наши государственные предприятия

Той же схоластикой проникнуты и рассуждения сталинской группы по вопросу о характере наших предприятий.

Их точка зрения по этому вопросу наиболее отчетливо была сформулирована на XIV московской конференции. В речах Рыкова и Бухарина

приемам преодоления ее. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т.д. – это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно". (там же, сс. 401–402).

* Ленин, т. XVIII, стр. 205.

** Сталин, "Об основах ленинизма".

*** Сталин, "К вопросам ленинизма", стр. 56.

наша промышленность определялась там прямо как социалистическая. Ни одного слова нет о том, что в ней имеются хотя бы отдельные элементы капитализма. Все ее недостатки сводятся, по их мнению, к тому, что "наша промышленность бедна, рабочие живут бедно, заработная плата мала, у нас рабочие получают меньше, чем у Форда" (доклад Рыкова). Лишь в докладах на XIV съезде и после него появились оговорки о том, что, хотя наши предприятия и последовательно социалистического типа, но "в рамках госпромышленности не вполне социалистические отношения между людьми". (Бухарин, доклад на собрании активных работников московской организации 5 января 26 года.) Но эти робкие оговорки не могут скрыть общей тенденции объявить структуру нашей промышленности просто социалистической, особенно если вспомнить, что еще в своей полемике с Каутским тот же Бухарин перед лицом растущей безработицы имел непонятную смелость заявить, что "в строгом смысле слова термин "наемный рабочий" не применим к рабочим государственной промышленности. Мы его употребляем лишь за неимением другого термина". ("Международная буржуазия и Карл Каутский ее апостол", стр. 64.) Вся эта доктринская схоластика* на деле льет воду на мельницу оппортунизма.

Наши предприятия принадлежат государству, а во главе этого государства стоит пролетариат. В этом огромная и принципиальная разница с капиталистическими предприятиями, благодаря которой, если только власть пролетариата сохраняется и укрепляется, наши предприятия, естественно, стремятся эволюционным путем перейти к социалистическим формам производства.** Это отличает их и от всех других хозяйственных форм, существующих у нас в настоящее время: В то время, как последние могут (как кооперативные) или стихийно стремятся (как крестьянские, ремесленные и частные) и при незыблемости диктатуры пролетариата эволюционировать по капиталистическому пути, сохранение пролетарской диктатуры является единственным условием, необходимым для того, чтобы обеспечить нашим госпредприятиям развитие в сторону социализма. Только низвержение этой диктатуры или ее перерождение может изменить направление их развития. В этом смысле в общей системе нашего хозяйства они являются подлинной базой нашего социалистического строительства. Но это не значит, что они уже сейчас социалистические.

Социализм отличается от капитализма тем, что рабочая сила перестает быть товаром. Между тем, в условиях нэпа рабочая сила покупается, хотя и пролетарским государством, но на рынке и только в качестве товара наряду со средствами производства становится одним из элементов производственного процесса. Что это обстоятельство не только "капиталистическая маска", как выражаются некоторые молодые теоретики бухаринской школы, которую для чего-то нужно носить последовательно социали-

---

* Недаром Ленин сказал про Бухарина в своем завещании: "Он никогда не учился и я думаю, никогда не понимал вполне диалектики".

** Но это же означает, что, если мелкобуржуазное влияние на советское государство усилится, то, как это и происходит у нас, усиливаются и капиталистические элементы в наших государственных предприятиях.

стическому предприятию, а ведет к очень практическим последствиям, обнаруживается тотчас же, как эта рабочая сила по тем или иным причинам оказывается для производства излишней. Рабочий становится тогда безработным. Мы можем ему в таком случае давать большее пособие, чем это делает капиталист,* больше заботиться о нем, но все это не уничтожает коренной разницы с социалистической структурой производства, при которой избыток человеческого труда сравнительно с потребностью в нем влечет за собой сокращение количества труда каждого отдельного рабочего, а не сокращение количества рабочих. Называть социализмом (хотя бы и плохим) такие формы организации производства, при которых рабочая сила осталась товаром, — это значит заниматься пошлейшим приукрашиванием действительности, только дискредитирующим социализм в глазах рабочих, объявлять решенной ту задачу, которая еще стоит перед нами — объявлять нэп социализмом.

Сосредоточив в руках государства основную часть средств производства, мы создали предпосылки для перехода к социализму. Но даже в такой, самой важной области, как отношение предприятия к рабочему, мы вынуждены еще сохранить капиталистические (хотя и без капиталистов) формы. А вынуждены мы их сохранить потому, что наш национальный уровень производительности труда чересчур низок, что мы не в состоянии обеспечить хотя бы и невысокий уровень существования всей массе свободной рабочей силы, имеющейся в стране (в результате чего часть ее мы вынуждены держать на положении резервной рабочей армии), что деревня, которой мы по той же причине не можем обеспечить развитие производительных сил без классового расслоения, выбрасывает из своих недр массы безработных. Только на основе высокого уровня техники Западной Европы сумеем мы преодолеть все эти явления настолько, чтобы не только улучшить положение рабочего (это мы должны и можем сделать и в рамках нашего хозяйства), но и превратить его из наемного рабочего в члена социалистического общества, которому всегда обеспечена и работа и средства существования. Именно в этом и заключается органическая связь нашего социалистического строительства с международной революцией. Отказываясь от этой позиции, сталинский ЦК переходит на позиции национального социализма, а этот национальный социализм в свою очередь сводит до уровня нэпа.

Было бы величайшей наивностью полагать, что это извращение и марксизма и учения Ленина остается только в области теорий — из него следуют очень практические выводы. Ярче всего они были выражены Молотовым в его речи на XIV московской конференции.

"Наше государство — рабочее государство и поэтому противопоставления рабочих государству мы ни в коем случае принимать не можем. Даже зародыш этой мысли партия допустить не может и не должна". И далее: "Как же можно рабочих приближать к государству, т. е. самих же рабочих приближать к рабочему классу, стоящему у власти?". Стоит только сопоставить это рассуждение с речью Ленина против Бухарина и

* Хотя на практике у нас далеко не всегда так бывает.

Троцкого на фракции VIII съезда Советов по вопросу о профессиональных союзах, чтобы понять, как беззастенчиво извращают Ленина теперешние ленинисты. Ленин даже в начале 1921 г., т. е. даже во время военного коммунизма с величайшей резкостью подчеркивал, что "поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства". Это же было подтверждено и на XI съезде партии, в момент перехода к развернутой форме нэпа, к хозяйственному расчету на госпредприятиях и к денежному товарообороту. "Перевод госпредприятий на хозрасчет, – говорит резолюция этого съезда о роли и задачах профсоюзов, – неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам труда между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомств, коим они принадлежит". Теперь же, в обстановке еще более развернутого нэпа, усиления классового расслоения крестьянства, появления новой буржуазии и неизбежности несравненно большего, чем тогда, давления этих классов на рабочее государство, вновь возрождается старая схоластика, которую Ленин клеймил "интеллигентскими разговорами" и "абстрактными рассуждениями", утверждающая, что рабочие и рабочее государство – едины суть. Это значит, в разгар нэпа возрождать теорию огосударствления профсоюзов, всякое требование рабочих к государству объявлять чуть ли не буитом, в момент развязывания мелкобуржуазной демократии связать рабочий класс по рукам и ногам и, широко открыв тем ворота в рабочее государство мелкобуржуазным элементам, повести советскую власть по пути перерождения.

Мы видели, как эта теория практически проводится в жизнь политикой ЦК по рабочему вопросу в течение последних лет. При каждом хозяйственном затруднении, вытекает ли оно из объективных условий или из мелкобуржуазных ошибок ЦК, от рабочих требуют жертв якобы во имя социалистического строительства, во имя "общеклассовых интересов". Всякое сопротивление этому со стороны рабочих объявляется "защитой цеховых интересов". Сталин создает теперь целую теорию – будто бы "ни один крупный шаг не обходился у нас без некоторых жертв со стороны отдельных групп рабочего класса в интересах всего класса рабочих нашей страны", и что "мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами" (эти "незначительные" жертвы означают увеличение безработных в течение трех месяцев на 200 т. – на 19%) "в интересах рабочего класса в целом" (речь Сталина на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ). Можно с уверенностью сказать, что если Сталину суждено не только вплотную подвести нашу революцию к контрреволюционному перевороту, но и самому осуществить его, то этот его контрреволюционный переворот, в котором он будет опираться на мелкую буржуазию против рабочих, будет произведен под флагом защиты якобы общих интересов рабочего класса, против якобы цеховых настроений "отсталых" слоев рабочих. Теория социалистичности на их предприятиях и отсутствие всяких противоречий между советским государством и рабочими дает сталинской группе готовые лозунги для контрреволюционного переворота.

Партия пролетариата не нуждается в приукрашивании действительности. Наоборот, она должна, как это и делал Ленин, точно и определенно разъяснять рабочему классу, какова действительная степень нашего приближения к социализму, не допуская здесь ни малейших преувеличений. Не вина наша, а наша беда, которой пролетарской партии скрывать незачем, что рабочая сила все еще остается у нас товаром. И до тех пор, пока это так, наше производство не может называться социалистическим производством, до тех пор нельзя ставить знак равенства между рабочими и рабочим государством, до тех пор, определяя отношение между ними, мы должны оставаться на прежней ленинской формулировке, отражающей существующее противоречие и дающей ключ к его преодолению: Наша задача в том, чтобы организовать рабочих для защиты их от наших несовершенных предприятий и несовершенного рабочего государства и для защиты рабочими этих несовершенных предприятий и несовершенного государства от его классовых врагов.

Теоретические же измышления сталинско-бухаринской группы, претендующие стать теперь официально идеологией партии, похожи на учение Ленина не больше, чем марксизм вождей Второго Интернационала довоенной эпохи был похож на учение Маркса.

Итоги

1. Мелкобуржуазная политика в области индустриализации страны, ведущая к задержке роста производительных сил страны, росту диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, росту паразитической буржуазии и росту противоречий между советским государством и рабочими. 2. Кулацкая ориентация политики ЦК в деревне, приводящая к полному бессилию в области мероприятий по развитию социалистических элементов в сельском хозяйстве, с одной стороны, отказу от организации классовой борьбы против кулака, с другой. 3. Внутрипартийный режим, приводящий к омертвению партии и профсоюзов, к отрыву партии от рабочих масс. 4. Шатания в области политики Коминтерна, приводящие к извращению тактики единого фронта вплоть до объединения с предателями пролетариата в Англо-Русском комитете и к отказу от революционной тактики позиций классовой борьбы в Китае. 5. Отход от ленинской теории в вопросе о социализме в одной стране, о характере хозяйства переходного периода и характере в переходный период национализированных предприятий, означающий на деле переход на позиции "национального социализма" и объявление нэпа социализмом – все это не оставляет никаких сомнений в том, что верхушка партии выродилась в олигархическую группу, ведущую к ликвидации завоеваний Октября, к ликвидации партии и стоящую на пороге прямой измены делу пролетариата.

Этому перерождению руководства партии способствовали те трудные условия, в которые была поставлена русская революция задержкой мировой революции. Тяжелая гражданская война истощила силы пролетариата. Лучшие его элементы были отвлечены на фронт. Пролетарский

тыл ослабел. В то же время в ходе успехов на фронте гражданской войны, на сторону советской власти все больше переходили чуждые пролетариату элементы, их влияние в государственном аппарате усиливалось. Оба эти обстоятельства привели к "частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя" уже ко времени созыва VIII съезда партии, констатировавшего это в принятой программе партии, и к огромному усилению этого бюрократизма к моменту окончания гражданской войны. Оно выразилось в широкой практике замены выборности назначенством, в ослаблении роли исполкомов и усилении власти председателя, ослаблении роли коммунистических фракций Советов и профсоюзов и отразилось даже на партии, где также широко применялось назначение секретарей парторганизаций сверху вместо выборов. Эта бюрократизация еще на IX съезде вызвала протест части партии, предупреждавшей об опасности олигархического перерождения, а позже, в том же 1920 г., этот протест внутри партии принял массовый характер в виде движения низов против верхов.

Окончание гражданской войны и переход на мирное строительство настоятельно требовали от партии ликвидации этого, возникшего в тяжелой обстановке гражданской войны, бюрократизма. Одновременно с этим с очевидностью выяснилось, что прямой путь к социализму, которым мы пытались идти во время гражданской войны, при задержке мировой революции для нас невозможен. Крестьянство, которое мирилось с политикой военного коммунизма в период гражданской войны, заявило против него решительный протест немедленно после ее окончания в форме крестьянских восстаний и Кронштадтского восстания. Объективная обстановка требовала, под угрозой потери власти пролетариатом, перейти с прямого пути к социализму на путь обходный, на путь нэпа.

Переход к нэпу неизбежно означал легальное развитие капиталистических тенденций и усиление повседневного давления на советскую власть непролетарских классов: "Когда мы изменили свою экономическую политику, — писал Ленин, — опасность стала еще большей, потому что, состоя из громадного количества хозяйственных обыденных мелочей, к которым обычно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам ее преодоления. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли — это и есть та опасность, которая свойственна нашему теперешнему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи, гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно". (Ленин, том XVIII, часть 1, стр. 401.) Новая экономическая политика ставила вопрос "кто кого" не в прямой вооруженной схватке, а в повседневной борьбе за социалистическое строительство. Опасность контрреволюционного насильственного переворота сменилась опасностью перерождения диктатуры пролетариата. Вопрос стоял о том, окажется ли нэп обходным путем к социализму или превратится в прямой путь к капитализму, как на это рассчитывает с момента перехода к нему сменовеховская интеллигенция во главе с Устряловым.

Решение этого вопроса в смысле победы социализма требовало величайшей активности рабочего класса под руководством партии. Партия должна была теснейшим образом связаться с ним, организовывать его постоянную повседневную борьбу против капитализма и против бюрократических извращений советского аппарата под давлением капиталистических элементов. Именно поэтому X съезд, признавший необходимым переход к нэпу, основную задачу партийного строительства сформулировал так: "Нужно вновь собрать партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. Нужно сблизить верха и низы, военных работников и гражданских, профессионалистских и советских, старых и новых членов партии, "молодых" и "стариков". Без решения этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда.

Эта задача не может быть решена при сохранении старой организационной формы. Очередные потребности момента требуют новой организационной оболочки. Такой формой является форма рабочей демократии. Курс на рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью и так же энергично проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на милитаризацию партии". (Резолюция X съезда по отчету ЦК, пп. 15 и 16.) В соответствии с этим, в отношении профсоюзов было установлено, что "главным методом работы профсоюзов является не метод принуждения, а метод убеждения. Методы рабочей демократии, сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войной, должны быть в первую очередь и шире всего восстановлены в профессиональном движении. В профессиональных союзах прежде всего необходимо восстановить широкую выборность всех органов профессионального движения и устранить методы назначенства. Профессиональная организация должна быть построена на принципе демократического централизма. Но вместе с тем, в сфере профессионального движения особенно необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма и милитаризма и милитаризованных форм работы в бюрократизм и казенщину". (Резолюция о профсоюзах, п.6.) XI съезд партии, в дополнение к этому, еще резче подчеркнул необходимость теснейшей спайки партии с рабочим классом через профсоюзы, установив, что "по отношению к социализированным государственным предприятиям" (не говоря уже о частных и концессионных), "на профсоюзы безусловно ложится обязанность защищать интересы трудящихся". (Роль и задачи профсоюзов, п. 3.)

Этой правильно намеченной линии не суждено было осуществиться. Пролетариат тогда еще недостаточно окреп, а во время болезни и после смерти Ленина руководство партией попало в руки людей, которые считали это руководство своей монополией. Стремясь во что бы то ни стало удержать эту монополию и в то же время не обладая для этого достаточным авторитетом, это, так называемое "ленинское ядро" (теперь расколовшееся), вместо курса на сплочение внутри партии и на сплочение партии с пролетариатом на основе рабочей демократии, которое одно только могло создать отпор враждебным классовым влияниям и решить вопрос "кто кого" в нашу пользу, взяло курс на командование нашей

партней, устраняя нз руководства всех, кто ей казался сколько-нибудь опасным для этой моиополин конкурентом. Это иензбежно должно было прнвестн н привело к ослабленню связей партнн с рабочнмн массамн, поставнвшее сейчас революцию перед непосредственной угрозой прямого разрыва между пролетариатом н советской властью, к бюрократнзацин советского аппарата и аппарата профсоюзов, к перерождению партийной верхушки н к огромному развитию элементов перерождения н в самой партин.

Задача собнрания "разбнтой на отдельные отряды" во время гражданской войны партнн осталась неосуществленной. Партня сейчас более чем когда бы то нн было "разбнта на отдельные отряды" и резче, чем когда-либо раньше делнтся иа "верха н иизы". Этн верха, разросшнеся в огромную армию партнйных, советскнх, профессноиальных, кооператнвных н других чиновннков, лншь в небольшой частн состоят нз старой, подлинно большевнстской рабочей интеллигеицин, прошедшей с рабочнм классом все годы реакции н революцни. Подавляющую часть этой армнн составляют: 1) меньшевнстско-эсеровская н буржуазиая интеллигенцня, которая, восприняв февральскую революцию, решительио выступала протнв Октября (Бройдо, Радченко, Лядов, Рафес, Мартынов н др.) и только после октябрьской победы советской власти устремилась, нща приложения своих сил, в ряды единственной легальной партнн, хотя "прн иных условиях находилась бы не в рядах коммуинстической партии, а в рядах социал-демократнн нлн другой разиовидностн мелкобуржуазного социализма".* Этн группы, которые "иногда сами нскренно счнтают себя коммуиистическимн, а на деле не совлекли с себя "ветхого Адама" – мелкобуржуазности - н приносят в РКП свою мелкобуржуазную псяхологию н навыкн мысли", теперь все "стопроцентные леннннцы" н считаются чуть лн ие "столпамн леиииизма". А ведь нменно их нмел в виду Ленни, когда предлагал "очистнть партню прнмерио до 99/100 всего чнсла меньшевнков, примкнувших к РКП после 1918 г., т. е. тогда, когда победа большевиков стала стаиовнться сначала вероятной, а потом иесомнеиной". 2) Интеллигеиция, которая принимала участие в работе большевнстской партни перед и во время революцнн 1905 г. (Кржнжановский, Лежава, Свндерский н др.), но в годы реакцнн отошла от партии, а кое-кто в Октябре активно боролся протнв пролстариата (напр., Серебровскнй). В этом окружеинн мелкобуржуазных меньшевнстских злемеитов небольшая группа подлннно большевнстской ннтеллнгенцни, огромпая часть которой погибла иа фронтах, сошла с полнтической арены нлн отстранена от руководящей ролн, сама в зиачнтельиой степеии разложилась: ннтересы сохранения портфеля н положеиия обычно стоят н у иее на первом месте.

Эта армия партийных н государствениых чиновников, такнм образом, и "идейно" и матернально заинтересоваиа в сохранеини теперсшней полнтнкн н является твердой опорой сталинской верхушкн. Она не остановится перед самымн суровыми "мерамн пресечения" против нарушнтелей ее благополучня.

---

* Резолюция XI съезда об укреплеини н иовых задачах партии.

В противоположиость этому, рабочая часть партии, тесио связаииая с рабочим классом, по которому все больше бьет мелкобуржуазиая политика сталинской группы, все резче расходится с переродившейся частью партии, обслуживающей партийный и государственный аппарат. Наряду с этим, обостреиие классовых отношеиий, получающееся в результате политики ЦК, усиливает пестроту социальиого состава партии. С одиой стороиы, в иее вливаются чуждые ей элементы в виде хозяйствеииого мужичка, эксплуатирующего бедняка и батрака. С другой, — при обостреиии противоречий виутри государствеииого хозяйства, противоположиость интересов партийца-рабочего и партийца-администратора усиливается. В партии создаются группы с разиыми интересами и разиой идеологией. Противоречия между рабочей частью партии и ее аппаратом ие только растут и будут расти, ио и иачииают приобретать классовый характер.

Не случайио, что уже после дискуссии 1923 г., ЦК все больше использует во внутрипартийиой борьбе силу государствеииого аппарата. В дискуссии 1926 г. и после иее это вмешательство государствеииого аппарата было примеиеио иастолько широко, что ие может быть иикаких сомиеиий в том, что в случае открытой борьбы сталиская группа пустит в ход все средства, открыто обопрется иа силу государствеииого аппарата. Это зиачит, что в партийиой борьбе оиа обопрется иа мелкую буржуазию, иаиболее типичный представитель которой, Устрялов, уже и сейчас приветствует Сталииа за его борьбу с оппозицией. Сталииская группа ие только сползает иа мелкобуржуазиую политику, ио все больше иачииает опираться иа мелкую буржуазию против рабочих.

Эта обстаиовка определяет целиком характер предстоящей борьбы: дело идет ие о выправлеиии сталиской группы, ие о компромиссе с ней, — дело идет о ликвидации ее господства в условиях, когда иа ее стороие будет ие только партийиый, ио и государствеииый аппарат и поддержка мелкой буржуазии. Совершеиио ясио, что одержать победу оппозиция сможет лишь в том случае, если оиа сумеет сплотить вокруг себя рабочую часть партии и обеспечить себе своей политической лииией сочувствие и активиую поддержку рабочего класса.

Поэтому иадо решительнейшим образом отбросить тактику пассивиого выжидаиия, ориеитировку иа "полевеиие" руководящей группы или ее расслоеиие в результате виутренних треиий. Так изываемые "центристы" (Сталии и К^{О}) служат лишь прикрытием для так изываемых "правых" (Рыков, Калииин и пр.), а иа деле ведут политику этой первой. Поэтому расчет иа разрыв между этими "группами" ии иа чем ие основан и является простой иллюзией. "Правая" иичего ие может выиграть в открытой борьбе с "центристами", и может добиться всего путем компромисса с иими. С другой стороиы, "центристы" охотио идут иа эти компромиссы, ибо отличаются от "правой" в лучшем случае лишь большей осторожностью в проведеиии той же линии.

Троцкистско-зииовьевский блок все еще ие может отделаться от этих иллюзий, из чего и вытекают его шатаиия и ошибки. Главные из иих заключаются в следующем:

1) Вместо того, чтобы показать партии, что главиой цитаделью правой

опасности является сталинская группа и подчиненный ей партаппарат (из чего исходила вся оппозиция перед дискуссией 1926 г.), оппозиция Зиновьева-Троцкого неоднократно ориентировала партию на то, что сталинская группа может сама начать бороться с правой опасностью. Апрельский пленум (китайский вопрос, Англо-Русский комитет, вопрос о партсъезде) достаточно отчетливо показал всю неверность такой ориентировки.

2) Своим поведением на февральском пленуме (единогласное голосование по всем резолюциям) и ранее на XV конференции этот блок дезориентировал революционную часть партии, создавая ложное впечатление, будто бы ЦК в своей практической деятельности воспринимает лозунги оппозиции. На деле сползание ЦК с пролетарских позиций никогда еще не шло с большей быстротой, чем в настоящее время.

3) Если даже оставить в стороне вопрос о допустимости заявления 16 октября, то двусмысленная оценка, даваемая этому документу троцкистско-зиновьевским блоком — в начале, как "вынужденного маневра", а затем, как основного документа, который всерьез и надолго определяет тактику оппозиции, — только затрудняет процесс оформления и сплочения внутри партии оппозиционных сил.

4) Оптимизм насчет возможного поворота сталинской группы "влево" дополняется ничем не обоснованным пессимизмом по отношению к рабочему классу, у которого якобы "цеховые интересы" преобладают сейчас над классовыми. Отсюда перспектива безнадежности и неспособность выдвинуть те лозунги, которые действительно могли бы создать сочувствие оппозиции со стороны рабочего класса и активную поддержку ей.

Подобные ошибки и шатания не могли не мешать и не могут не мешать и в будущем сплочению рабочей части партии вокруг оппозиции и мобилизации ее сил против сталинского ЦК.

Признавая недопустимыми эти шатания, было бы ошибкой, однако, переносить борьбу против ЦК уже на данной стадии за пределы партии, начинать уже сейчас организацию новой партии, вместо сосредоточения всех сил на борьбе против руководящей оппортунистической группы за восстановление прежней большевистской партии.

Как бы значительны ни были ошибки тех или иных оппозиционных групп, как бы ни велики были их колебания в тактических вопросах, у всей оппозиции имеется достаточно точек соприкосновения, которые дают возможность объединения. В борьбе за восстановление партии и диктатуры пролетариата одинаково недопустимы как идейная тактическая бесформенность, так и расколы и отколы, не оправдываемые существующим масштабом разногласий. Политическая позиция, изложенная в настоящем документе, являясь дальнейшим развитием и оформлением взглядов, лежавших в основе оппозиционного блока 1926 г., в числе прочих задач должна послужить орудием восстановления единства внутри оппозиции, объединения всех тех оппозиционных элементов, которые стоят за продолжение непримиримой борьбы с господствующей группой.

Но основной задачей оппозиции является разоблачение шаг за шагом мелкобуржуазности сталинской политики, разоблачение того, как эта

политика все более и более бьет по рабочему классу, как она все более и более начинает опираться на непролетарские классы. Выставляемые оппозицией практические требования должны отстаивать интересы рабочих, должны связывать эти интересы с задачами восстановления партии и диктатуры пролетариата. Ее тактика должна показать ее решимость бороться до конца. Она должна превратить стихийное недовольство рабочей части партии в сознательно активную борьбу за восстановление партии как рабочей и большевистской партии.

Это восстановление партии вовсе не означает, конечно, только смены теперешней руководящей группы. Замена одной, никуда негодной клики другой, хотя бы и лучшей, при сохранении старой системы, положения не исправит. Недостаточно одержать верх над сталинской группой, нужно изменить всю ту систему, на которой она держится. Нужно раскрепостить партию, легализовать ее. Нужно покончить с тем положением, когда партийные чиновники из слуг партии превращаются в ее повелителей, становятся несменяемыми, препятствуют низовым партийным организациям переизбирать и смещать партийный аппарат. За подобные попытки нужно беспощадно изгонять из партии. Нужно объявить беспощадную борьбу против всякого рода фетишей, вроде преклонения перед вождями, парторганами, тем "единством", которое фетишизирует сталинская фракция и под прикрытием которого она ведет мелкобуржуазную политику. Боевое революционное единство пролетарской партии возможно только тогда, когда ее классовая линия будет выдержанной, когда она станет на деле самодеятельной, самоуправляющей партией. Только тогда она сможет вновь стать подлинным авангардом рабочего класса.

[Вариант]

1. Явно выраженный мелкобуржуазный уклон в отношении промышленности, ведущий к задержке роста производительных сил страны, росту несоответствия между промышленностью и сельским хозяйством, росту безработицы и росту паразитической буржуазии.

2. Нажим на рабочих, низкий уровень их заработной платы и высокий уровень интенсивности труда, ведущий к противопоставлению интересов советского государства и рабочего.

3. Кулацкая по сути дела линия в деревне, приводящая к полному бессилию в области мероприятий по развитию социалистических элементов в сельском хозяйстве, с одной стороны, и ослаблению классовой борьбы с кулаком, с другой.

4. Бюрократизация советского государства наряду с усилением влияния в нем непролетарских классов.

5. Шатания в области политики Коминтерна, приводящие к извращению тактики единого фронта, вплоть до объединения с предателями пролетариата в Англо-Русском комитете и к отказу от революционной тактики классовой борьбы в Китае.

6. Отход от ленинской теории в вопросе о социализме в одной стране, о характере хозяйства переходного периода и характере в переходный

период национализированных предприятий, означающий на деле переход на позиции "национального социализма" и объявление нэпа социализмом.

7. Внутрипартийный режим, давящий активность рабочей части партии, отрывающий партию от масс рабочего класса, приводящий к перерождению верхушки партии и грозящий ликвидировать партию как авангард пролетариата, превратив ее в подсобный орган государственной власти — все это показывает, что нынешние руководители ЦК подходят к последним пределам сползания с пролетарских позиций.

Это, конечно, не означает, что партия переродилась. Несмотря на политику ЦК, задерживающую рост индустриализации СССР из боязни перед мелкой буржуазией, пролетариат растет и сплачивается. Отпор мелкобуржуазным шатаниям со стороны рабочей части партии усиливается. Кампании "против вылазок" оппозиции имеют все меньший успех. Перед лицом опасности перерождения диктатуры пролетариата, партия должна найти в себе силы в корне изменить внутрипартийный режим, возродить себя как авангард пролетариата, укрепить ослабевшие связи с ним и организовать вместе с ним мощный отпор растущему давлению мелкобуржуазных классов. Под этими лозунгами должна пройти подготовка к XV съезду партии, который должен дать отпор мелкобуржуазным шатаниям и установить в противоположность им твердую пролетарскую большевистскую линию.

Заварьян Н.	1906	Партбилет	№ 0040175
Емельянов (Калин) В.	1910	– " –	№ 0040174
Сапронов Т. В.	1910	– " –	№
Мино М. Н., апрель	1917	– " –	№ 0051235
Миньков М. И.	1912	– " –	№ 0009835
Смирнов В. И.	1907	– " –	№ 0084227
Хоречко Т.	1914	– " –	№ 0003737
Оборин В. П.	1904	– " –	№ 0051244
Дашковский И. К., март	1917	– " –	№ 0293317
Шрейбер С.	1908	– " –	№ 0751642
Смирнов М., апрель	1917	– " –	№ 0603155
Пилипенко Ф. И., март	1917	– " –	№ 0009345
Дунэ Э. март	1917	– " –	№ 0051603
Слидовкер А. Л., апрель	1917	– " –	№ 0052874
Тихонов Л.	1917	– " –	№ 0095213

Подлинные подписи прилагаются. На подпись тов. Сапронова получено согласие.

27 июня 1927 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ *

За последний период борьба группы Сталина против оппозиции вошла в новую стадию. [*Если и раньше основными методами борьбы против оппозиции являлись: изоляция оппозиционеров от пролетарской части партии и вообще от рабочих, неправильная информация партии о платформе оппозиции, искажение ее взглядов по важнейшим принципиальным и практическим вопросам, скрывание от партийных и беспартийных рабочих масс или неправильное освещение всех фактов, явлений и процессов (часто имеющих решающее значение для пролетарской революции), подтверждающих правильность линии и указаний оппозиции, репрессии в размерах и формах, совершенно удушающих внутрипартийную демократию и активность, полное попрание всего, чему учил партию тов. Ленин на случай возникновения разногласий внутри партии, то теперь всего этого оказывается даже недостаточно.*] Такие элементы, как Ярославский, Зарецкий, Розит и др., выполняющие прямые задания Сталина, помимо официального аппарата, систематически проталкивают в сознание общественного мнения партии и беспартийных ту [*чудовищную по своей гнусности и отравленности*] мысль, что оппозиция в случае войны может оказаться не на стороне советской власти.

Так, в передовице "Правды" от 22 июня 1927 г., № 143, говорится прямо: "Политически эксплуатируя эти трудности, оппозиция тем самым поставила под знак вопроса верность ее пролетариату и большевистской партии в часы опасности". На заседании Президиума ЦКК от 24 июня Председатель ЦКК тов. Орджоникидзе осудил эти слова. Ни один из членов Президиума не выступил открыто в защиту статьи "Правды", хотя мы, нижеподписавшиеся, открыто назвали эту статью грязной инсинуацией, насквозь проникнутой духом термидорианской ненависти к левому крылу. [*Точно согласовать с тем, что сказано на ЦКК.*]

Чем больше уходит эта агитация вглубь, в низовые ячейки, в среду беспартийных, тем более грубый и бесчестный характер она принимает. Все больше выпирает обвинение оппозиции в том, что она помогает Чемберлену, причем, чем дальше и глубже, тем бесстыднее и подлее становятся прямые намеки насчет прямого нахождения оппозиции на службе у Чемберлена. [*Чем больше уходит эта агитация вглубь, в низовые ячейки, в среду беспартийных, тем безответственней и свободней чувст-*

* На отдельных пяти листах большого формата – рукописные поправки, озаглавленные "Мои поправки" и помеченные инициалами Г. Е[вдокимов]. Всего Евдокимовым было сделано к тексту документа 28 поправок, часть которых была вписана между строк машинописной статьи Троцкого. В настоящем издании поправки Евдокимова включены в текст документа Троцкого, но даны в квадратных скобках и курсивом. На титульном листе поправок Евдокимова имеются, кроме того, рукописные пометки Троцкого и письмо Зиновьева Троцкому, публикующиеся в настоящем издании как отдельные документы (см. два следующих документа). – *Прим. сост.*

вуют себя "исполнители" этой разлагающей работы, и тем более грубый и откровенный характер принимает их агитация. Все больше выпирает обвинение оппозиции в том, что она помогает Чемберлену, причем, чем менее осведомлена и политически квалифицирована аудитория, чем теснее она зажата в тиски сталинского режима, чем меньше возможность отпора, тем бесстыднее и прямее становятся прямые намеки насчет прямого нахождения оппозиции на службе у Чемберлена и т. п.]

[*Начало этого абзаца исправить в таком виде: "При сколько-нибудь нормальном внутрипартийном режиме такая гнусная клевета и инсинуация, конечно, не были бы возможны ни на один момент. Полная их бессмыслица ясна и сейчас каждому честному члену партии. Бессмысленный характер этой клеветы особенно выпирает (не говоря уже обо всем остальном) ввиду того факта...*] Клевета и инсинуация приобретают не только отвратительный, но и бессмысленный характер, ввиду того факта, что важнейшие дипломатические посты заняты в настоящее время оппозиционерами, из которых многие уже успели открыто присоединиться к заявлению 83-х. Тов. Крестинский в Берлине, тт. Раковский, Пятаков, Преображенский, Владимир Коснор – в Париже, Каменев, Авилов-Глебов – в Риме, Антонов-Овсеенко, Канатчиков – в Праге, Уфимцев, Семашко – в Вене, Аусем – в Константинополе, Мдивани – в Персии, Краевский – в Южной Америке и т. д. и т. д. – все эти оппозиционеры охраняют интересы рабочего государства как дипломатические или хозяйственные представители СССР. При таких условиях нужно потерять не только революционную честь, но и остатки здравого смысла, чтобы говорить об едином фронте оппозиции с Чемберленом.

Политически вопрос стоит так. Английское правительство является сейчас главным врагом советского государства. Группа Сталина является сейчас фактически правительством советского государства. Группа Сталина, сбившаяся с классового пути [*вместо "сбившаяся с классового пути" сказать "сползающая с классового пути"*], ищет против Чемберлена помощи и поддержки Перселя, ухаживает за Перселем, принимает его ультиматумы, прикрашивает его роль, скрывает его предательства. Так как оппозиция этой политике противодействует, то группа Сталина, во имя сохранения своей дружбы с Перселем, ведет беспощадную борьбу с оппозицией. Каждому марксисту совершенно ясно, что главной агентурой Болдуина-Чемберлена в рабочем классе являются "левые" типа Перселя, Хикса и К^{o}. Поддерживать с ними блок, значит укреплять Чемберлена и ослаблять Советский Союз. Именно эти последствия имеет сейчас политика Сталина. Но так как его группа фактически управляет сейчас государством, то всякую критику ее политики она изображает как подрыв рабочего государства. Вся кампания, вся травля, вся клевета Ярославских, Марецких и пр. основаны на отождествлении социалистического отечества [*и партии*] со сталинской группой. В этом заключены уже не только термидорианской, но и чисто бонапартистской идеологии. [*Насчет "бонапартизма" нужно исправить.*] Многие представители большинства с тревогой и страхом наблюдают это отвратительное сползание. Но, запуганные режимом, в создании которого они сами

принимали участие, они ограничиваются платоническими осуждениями в четырех стенах, предоставляя поле действия Ярославским и Марецким [*вместо: "предоставляя поле действий Ярославским и Марецким", сказать "предоставляя обработку общественного мнения партии, зажатой в тиски этого режима, Ярославским и Марецким, за спиной которых..."*], за спиною которых стоит Сталин, ясно знающий, чего хочет и куда идет.

В Китае Сталин цепляется и цепляется до последней возможности за Чан Кайши, а затем за Фын Юйсяна, за Ван Тинвея, как в Англии – за Перселя. Искание дружбы с соглашательскими и предательскими верхами, вплоть до прямых представителей буржуазии, сопровождается все более ожесточенной и бешеной травлей по адресу оппозиции, как русской, так и международной (группа Урбанса и пр.). [*Этой ссылки на группу Урбанса недостаточно. Нужно указать на их позицию и работу в вопросе защиты СССР. Нужно указать, что все остальное клевета. (См. "Правда" о выступлении Рут Фишер в парламенте.) Нужно указать, что и здесь критику Сталина, клевещущего на Маслова, что он провокатор, отожд. с критикой СССР и т. д.*]

[*О позиции этой группы в вопросе защиты СССР.*]

Во внутренней политике группа Сталина все больше равняется по мелкобуржуазным и бюрократическим верхам, приближает непосредственно к делу руководства устряловских и полуустряловских спецов, типа Кондратьева, Садырина, Юровского и др. Сталин не только не отклонил похвалы, которые, с полным пониманием дела, расточает ему Устрялов, представитель новой буржуазии, требующий беспощадной борьбы с оппозицией, но открыто принял эту хвалу представителя дружественной ему части буржуазии. Именно поэтому Сталин вынужден и внутри партии выполнять устряловскую программу: высылать оппозиционеров, отсекать, подавлять их всеми средствами, охраняя свою политику от "разлагающего яда оппозиции" (слова Устрялова).

Линия Сталина ведет от низов к верхам [*неправильно сказано "ведет от низов к верхам", тут движение, линия* **от класса к классу**, *а не от низов к верхам (что дальше и сказано у Л. Д.)* **Нужно это место исправить**], от рабочих, батраков и бедняков – к кулакам, бюрократам, буржуазным спецам, от китайских рабочих и крестьян – к Чан Кайши, Фын Юйсяну, Тан Шенчжи, Ван Тинвею, от английского углекопа и докера – к Перселю, Хиксу и Ситрину. Это линия от диктатуры пролетариата к соглашательским верхам мелкой буржуазии, представляющим мост к крупной буржуазии. Чем более откровенно политика Сталина развертывается, чем яснее обнаруживаются ее последствия, тем нестерпимее становится для группы Сталина революционная большевистская критика со стороны оппозиции. Чем бессильнее чувствует себя Сталин на почве марксизма и ленинских методов, тем больше он вынужден идейную борьбу заменять методами организационного удушения. Но и эти методы, поскольку борьба ограничивается рамками партии, близки к исчерпанию. Группа Сталина вынуждена перенести борьбу за рамки партии – для того, чтобы получить возможность открыто применять по отноше-

нию к оппозиции не партийные меры, а методы государственного насилия, доводя их до конца.

Группа Сталина занята сейчас целиком подготовкой этой новой стадии борьбы, причем подготовительная работа ведется отчасти через официальный аппарат, отчасти неофициально, через отдельные фракционно-сталинские его элементы. Выступление Зиновьева на юбилее "Правды" с несколькими словами критики по адресу Мартынова и др. было подхвачено и раздуто, как апелляция к беспартийным против партии". С этой же целью создано специальное "дело о проводах Смилги". В качестве особого преступления вменяется Троцкому сказанная им на вокзале единственная фраза: "Наступают трудные времена, и каждый должен себя вдвойне чувствовать верным сыном революционной ленинской партии". Для чего это? Для того, чтобы дать возможность группе Сталина передвинуть как можно скорее всю борьбу против оппозиции за пределы партии и партийных методов.

Уже в течение всего последнего периода борьба против оппозиции фактически перенесена в гущу беспартийных. Сообразно с этим изменялись и изменяются лозунги борьбы. "Оппозиция хочет ограбить крестьянство" [*это старый, а не новый лозунг.*], "оппозиция хочет вызвать войну", "оппозиция идет в одном фронте с Чемберленом" – таковы новые лозунги сталинизма в его борьбе с большевизмом, в лице оппозиции. В соответствии с общим планом Сталина, Ярославский и ему подобные еще больше забегают вперед. [*Нужно сказать: "В ячейках, со стороны окончательно сбитых с толку полуторагодовой проработкой, гнусной травлей и последними событиями, или намеренно инспирированных одиночек раздаются..." и т. д.*] В ячейках сплошь да рядом раздаются уже совершенно черносотенные и отнюдь не случайные вопросы: на чьи средства оппозиция ведет свою работу? – хотя вся работа оппозиции состоит в борьбе за свои взгляды и не требует никаких других "средств", кроме твердого убеждения и политического мужества.

Классовый сдвиг политики Сталина имеет свою логику и неизбежно толкает его группу все ниже и ниже. Исключение оппозиции из ЦК является для сталинской группы только этапом, только ступенькой. При нынешнем направлении политики и, главное, нынешнем внутрипартийном режиме, исключение Зиновьева и Троцкого из ЦК требуется простой последовательностью. Нельзя вести курс на Перселя, Чан Кайши, Фын Юйсяна, Ван Тинвея, Устрялова и в то же время сохранять Зиновьева и Троцкого в составе Центрального Комитета. Эти тенденции непримиримы. Зиновьеву и Троцкому на смену должны прийти Мартынов, который стал уже с одобрения Дана, главным теоретиком сталинской линии в китайском вопросе.

До тех пор, пока политика Сталина не успела еще обнаружить своих результатов и могла внешне казаться победоносной, Сталин вел против оппозиции борьбу на истощение. Но после ужасающего, теперь уже двойного краха его политики в Китае, после убийственного и окончательного банкротства всей линии в Англо-Русском комитете, Сталин почувствовал себя вынужденным повести борьбу на истребление. Он уже не может

дольше терпеть. На него обрушиваются гигантские исторические события, которые говорят языком оппозиции.

Сталинский курс в Китае привел и продолжает приводить к безнаказанным разгромам рабочей и крестьянской революции теми буржуазно-соглашательскими верхами, с которыми Сталин хочет во что бы то ни стало оставаться в союзе. Поражения китайской революции укрепили, в свою очередь, английский империализм и облегчили ему выступление против СССР.

Сталинская позиция в английском вопросе укрепила позицию Генсовета, содействовала поднятию авторитета Перселя и других изменников, усилила этих лакеев империализма и дала им возможность в самый критический момент поддержать твердолобых палачей против английских рабочих (две великие стачки и закон против тред-юнионов), против китайской революции и против СССР. Теперь уже Генсовет перешел в наступление против нас и из разрыва Англо-Русского комитета делает демонстрацию, облегчающую Чемберлену его политику изоляции СССР.

Внутри страны сталинская политика, направленная на завоевывание верхов [*выражение "на завоевывание верхов" не подходит. Нужно сказать как-то иначе.*] потерпела по существу еще большее банкротство. Разница только в том, что последствия здесь сегодня еще не так очевидны, за отсутствием внешней проверки. [*Нужно сказать: "За отсутствием внешней проверки и благодаря полной неосведомленности партийных масс о ряде фактов, явлений, социальных и политических процессов громадной важности и значения".*] Опасность войны приближает эту проверку. Об этом именно и говорит документ 83-х, к которому сейчас уже присоединилось несколько сот товарищей [*дать точную цифру*], вступивших в партию до Октябрьской революции. Уступки мелкобуржуазным верхам города и деревни не приближают их к пролетариату, а, наоборот, повышают их требовательность. Все эти слои тянут на путь буржуазного режима. Устряловщина есть их идеология. Чем больше уступки Сталина, чем больше он заигрывает с устряловщиной, тем больше эти буржуазные элементы давят на него, требуя скорейшего и полнейшего разгрома оппозиции как революционного большевистского барьера внутри партии. Чем больше уступок верхам, кулаку, "крепкому середняку", бюрократу, спецу-устряловцу, тем больше беспокойства, тревоги, недоумения и недовольства в трудящихся массах города и деревни. Сталинский режим не дает этому недовольству принять оформленное партийное выражение с целью изменения политики. [*Вместо: "с целью изменения политики", нужно сказать: "которое могло бы при других условиях в корне изменить политику".*] Оппозиция является единственным рупором глубокой тревоги и загнанного внутрь недовольства масс. По самому существу создавшегося положения, оппозиция не может в таких условиях не быть небольшим меньшинством. [*Вместо слов: "По самому существу создавшегося положения, оппозиция не может в таких условиях не быть небольшим меньшинством", нужно сказать: "По самому существу создавшегося положения, партия в целом лишена возможности правильно ориентироваться в создавшемся поло-*

жении вещей, партийные массы лишены возможности организованно выявлять свое настоящее действенное, большевистски сознательное отношение к важнейшим вопросам внутрипартийной жизни, внутреннего и международного положения СССР и к ряду важнейших, решающих вопросов международного рабочего движения. В силу тех же причин и отношение между большинством и меньшинством, их роль и влияние на решения партии и "от имени партии" ни в малейшей степени не соответствует действительному соотношению сил внутри партии, как они могли бы и должны бы были определиться при нормальном партийном режиме, и как они, мы в этом глуроко убеждены, в конце концов определятся несмотря на все ухищрения и старания Сталина и всех его вольных и невольных помощников. Это наше убеждение зиждется на глубокой вере в силы партии и рабочего класса, на всей истории нашей партии, на ее богатейшем историческом опыте, на ее пролетарском характере, на ее ленинской закалке, на научном ленинском анализе движущих сил пролетарской революции.]

Сталинская политика есть политика бюрократического лавирования между классами. Эта политика неустойчива сама по себе. Большие события ее опрокидывают. Она оказалась целиком опрокинута событиями китайской революции. Теоретически там победили Мартынов и Дан, политически – Чан Кайши и Фын Юйсян. Это открыто передвинуло "национальную" власть на буржуазные рельсы. [*Выражение: "Это открыто передвинуло "национальную" власть на буржуазные рельсы", считаю* **в корне неправильным.** *А на каких рельсах она стояла раньше? На пролетарско-крестьянских, что ли? Нужно сказать: "Это открыто передвинуло "национальную" власть с псевдодемократически-буржуазных рельс на реакционно-буржуазные рельсы (или на реакционно-буржуазно-феодальные рельсы)*].

У нас до этого дело еще не дошло и, мы твердо убеждены, не дойдет. Но политика Сталина логически ведет к этому. Его борьба с оппозицией обезоруживает пролетарский авангард, внушает ему ложные надежды на врагов и завтрашних изменников и недоверие к действительным революционным друзьям, заглушает бдительность пролетариата по отношению к действительной классовой угрозе, надвигающейся справа, демагогической травлей против мнимых опасностей слева. [*Если принять мою предыдущую поправку, то само собой разумеется, что нужно редакционно изменить и переход ко второй части этого абзаца. Кроме того, нужно, по моему мнению, приделать конец к этому абзацу, со ссылкой на то, что на президиуме ЦКК была попытка обвинения в "обезоруживании пролетарского авангарда", направленного против устряловщины и устряловцев, использовать как обвинение, направленное против партии. Нужно указать, что когда мы говорим об авангарде пролетариата, мы в первую очередь имеем в виду нашу партию и прежде всего ее пролетарскую часть, а когда говорим о термидорианских методах и устряловских настроениях, мы никогда не имеем при этом в виду партию в целом, указываем точно, к кому это относится.*]

Внутрипартийная борьба легально и нелегально подстегиваемая ста-

линской группой, приближается к своему кульминационному пункту. Вывод из ЦК есть только очередная ловушка [*выражение "очередная ловушка", по возможности, заменить другим выражением*], которую Сталин подставляет нерешительным элементам в собственных рядах, подготовляя и **приучая их постепенно ко внепартийным** средствам **расправы с оппозицией**. Ярославские и Марецкие забегают вперед, расчищая дорогу. Дальнейший путь сталинской группы механически предопределен. Если сегодня она нам приписывает фальшивые цитаты, то завтра она вынуждена будет приписывать нам фальшивые действия. [*Предлагаю выбросить.*] Сталинская группа вынуждена будет, и притом в самый короткий срок, мобилизовать против оппозиции все те средства и приемы, какие в июле 1917 г. мобилизовал против большевиков классовый враг: "пломбированный вагон", "связь с реакцией", "иностранное золото". [*Предлагаю выбросить.*] К этому ведет курс Сталина. К этому – и ко всем вытекающим отсюда последствиям. Не признавать этого может только ханжа или политический слепец. [*А партия в целом? (Это я насчет "ханжа" и "политическая слепота"). Нужно, по-моему, приделать конец примерно такого сорта: "Но партия без конца терпеть такой режим не будет. Чем острее (и гнуснее) средства удушения живой большевистской мысли в ленинской партии, тем быстрее будет ликвидирован этот пагубный для партии и революции сталинский режим".*]

Мы считаем поэтому необходимым со всей ясностью сказать: СССР является для нас, несмотря на все мелкобуржуазные отклонения и бюрократические извращения, [*предлагаю выбросить слова: "несмотря на все мелкобуржуазные отклонения и бюрократические извращения"*] социалистическим отечеством, государством пролетарской диктатуры. За это отечество оппозиционеры будут бороться с большевистской преданностью и страстью, т. е. совсем не так, как большинство тех новых сталинских чиновников, у которых ничего нет за душой. [*Предлагаю сказать: "За это отечество оппозиционеры вместе со всей партией будут бороться с большевистской преданностью и страстью", а конец (насчет сталинских чиновников) предлагаю отбросить.*]

Но столь же ясно и отчетливо мы заявляем: сталинская политика роковым образом ведет к превращению государства пролетарской диктатуры в сперва замаскированное, а затем и открытое буржуазное государство. [*Вместо: "ведет к превращению", нужно сказать: "может привести к крушению пролетарской диктатуры через сползание с рельс пролетарской революции. Как и во всяком процессе, это постепенное сползание на определенной стадии...*"*] На пути к этому превращению стоит большевистским барьером оппозиция. Об этот барьер Устряловы обломают себе ногти и зубы. [ ] В несокрушимом сознании нашей безусловной правоты, проверенной в огне величайших событий, мы будем

* Страница рукописи с еще двумя поправками Евдокимова потеряна и в архиве отсутствует. Места в статье Троцкого, к которым Евдокимов сделал эти поправки, отмечены в тексте документа знаком [ ]. – *Прим. сост.*

бороться против сталинского мелкобуржуазного сползания до конца. Мы предвидим весь поток клеветы, который надвигается на нас. Мы разоблачаем ее заранее. Мы заранее видим подготовляемые Сталиным методы термидорианской расправы. Мы открыто предупреждаем о них нашу партию и международный рабочий класс. Мы с презрением и негодованием отметаем отождествление советской республики с правящей группой. Партия стоит над Центральным Комитетом, хотя бы и вооруженным всеми силами государственной власти, иначе она перестает быть партией, а Центральный Комитет перестает быть Центральным Комитетом. С негодованием и презрением отбрасываем мы отождествление социалистического отечества со сталинской группой. Мы будем со всей непримиримостью бороться со сталинской линией именно для того, чтоб оградить социалистическое отечество от внешних опасностей и внутреннего перерождения. [*Это надо оставить, но нужно иначе сказать.*]

Долой термидорианскую ложь и клевету! [ ]

Долой перселевщину, устряловщину и мартыновщину из ВКП и Коминтерна!

Да здравствует революционный большевизм!

Да здравствует СССР – первое отечество пролетарской диктатуры!

Да здравствует международная пролетарская революция!

Л. Троцкий, [*Г. Евдокимов*]

28 июня 1927 г.

ЗАПИСКА ТРОЦКОМУ

Л. Д.,

1. Поправок Евдокимова не успел просмотреть. Сам думаю так: ввиду огромной важности (и остроты необычной) документа – давайте еще один-два дня подумаем над ним. Надо бы одну страничку посвятить резолюции Президиума ЦКК, взяв ее за исходный пункт. Немножко больше о Китае и Ханкоу.

2. С китайским документом нужно бы сегодня кончить – максимум завтра. Есть уже ультиматум Фыи [Юнсяна] и Чан [Кайши] ханкоусскому правительству. Конечно, они сдадутся. Надо учесть сегодняшнюю передовую.

3. Ваше письмо о разгроме Шкирятова я (и другие видевшие) считают удачным и необходимым. А насчет Бутова все же "победа". Ройзнн сегодня "опровергает".

[*Г. Зиновьев*]

28 июня 1927 г.

ЗАПИСКА ЗИНОВЬЕВУ

Надо высмеять и пригвоздить сегодняшнюю передовицу. Теперь они дают лозунг вооружения рабочих и недоверия к генералам. (ср. Ленцнер). Видимо, Ухан уже "сдался" или сдастся сегодня. С коммунистами отступят куда-либо (может быть, даже в Москву) несколько "лево"-гоминдановских вождей и сие будет объявлено истинным Гоминданом.

Л. Троцкий

28 июня 1927 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦКК ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Уважаемый товарищ!

С разных сторон до меня доходят сведения о том, что ответственные работники партии, члены ЦКК и даже члены Президиума ЦКК, по разным поводам, в том числе и на официальных допросах, говорят о неизбежности исключения Троцкого и группы его ближайших единомышленников из партии. Так, например, мне снова сообщают, что такого рода заявление в официальной беседе сделал тов. Шкирятов, определяя число так называемых троцкистов, подлежащих исключению, примерно, в 20 душ. К этому тов. Шкирятов прибавил будто бы: "Что касается Зиновьева, то мы еще немного подождем, проверим" и пр.

У меня нет никакого основания сомневаться в правильности переданных мне сведений.

Получается двойная бухгалтерия. На официальных заседаниях ЦКК Вы возмущаетесь, когда я – в порядке возможной исторической перспективы – говорю об исключениях из партии и о неизбежно вытекающих отсюда дальнейших последствиях. Одновременно с этим, Ваши ближайшие сотрудники по Президиуму в совершенно официальном порядке подготовляют эту меру, говоря о ней, как о чем-то вполне предрешенном, и даже называя число подлежащих исключению.

Я говорил на заседании Президиума, что расправа с оппозицией производится по давно уже выработанному маршруту, а работа ЦКК есть только маскировка, внешнее прикрытие этого фракционного маршрута.Вы в известный момент сделали мне по этому поводу замечание, указав на недопустимость такого отношения к одному из высших органов партии. Но как же, позвольте Вас спросить, сочетать Ваш тон, как председателя, характер постановления и тон с характером речей, например, тов. Шкирятова, не говоря уже о тов. Ярославском?

Будь у нас мало-мальский здоровый партийный режим, мало-мальская почва партийного права под ногами, тов. Шкирятова следовало бы предать суду за фракционно-дезорганизаторскую работу, находящуюся в противоречии с официальной линией ЦКК. Но никто этого, конечно, не сделает, и эта ужасающая двойственность и фальшь есть бесспорное доказательство того, что режим нашей партии больной.

Л. Троцкий

28 июня 1927 г.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦКК

Стенограмма моих объяснений перед комиссией ЦКК напечатана так, как если бы я в текст стенограммы внес какие либо изменения по существу. Секретариат исходил при этом из того, что стенограмма точно передает то, что я сказал. На самом деле, в стенограмме есть большие пропуски и искажения. Когда я исправляю эти дефекты стенограммы, то я тем самым восстанавливаю то, что сказал. У вас же выходит, будто я изменяю то, что сказал. Если вы относитесь к сырой стенограмме, как к

точному документу, тогда незачем давать авторам стенограмму на исправление. Я считаю необходимым все это подчеркнуть здесь потому, что стенограмма моей второй речи на заседании Президиума вся состоит из огромных пропусков и искажений текста. Я говорил очень быстро и нисколько не обвиняю стенографисток. Но я требую, чтобы восстановленный мною текст не выдавался за измененный. Если вы намерены и дальше применять систему скобок и вставок из первого ошибочного текста, то я прошу напечатать в приложении настоящее мое письмо.

Л. Троцкий

29 июня 1927 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ-МЕТАЛЛИСТОВ

Уважаемые товарищи!

На VII Пленуме вашего ЦК вами вынесена по докладу тов. Лепсе резолюция о текущем моменте. В этой резолюции заключаются столь ложные и грубо клеветнические утверждения относительно оппозиции, что мы не считаем возможным – уже хотя бы из одного уважения к Союзу Металлистов – обойти вашу резолюцию молчанием.

1) Прежде всего надлежит отметить тот факт, что вопросы внутрипартийной борьбы вы перенесли на Пленум ЦК, являющийся беспартийным учреждением. Таких прецедентов в прошлой деятельности вашего Союза и вообще в деятельности наших профсоюзов не было. Вашей апелляцией к беспартийным против оппозиции вы как-бы хотите вынудить нас разъяснять не только партийцам, но и беспартийным, что наша позиция не имеет ничего общего с клеветническими утверждениями вашей резолюции.

2) Вы утверждаете в резолюции, что оппозиция ведет "гибельную пропаганду своей пораженческой идеологии". Что называется пораженчеством? Во всей прошлой истории нашей партии под пораженчеством принималось желание поражения своему правительству в войне с внешним врагом и содействие такому поражению методами внутренней революционной борьбы. Речь шла, разумеется, об отношении пролетариата к капиталистическому государству. Вы же переносите слово "пораженчество" на политику оппозиции, т. е. идейного течения внутри ВКП. Этим вы говорите, что оппозиция хочет поражения советскому государству в его борьбе с внешними, т. е. капиталистическими врагами и стремится оказать такому поражению содействие.

Достаточно просто определить понятие пораженчества, чтобы этим одним обнаружить наглую бессмыслицу приписывания оппозиции пораженческого отношения к советскому государству, в создании и в охранении которого оппозиционеры принимали и принимают не меньшее участие, чем кто бы то ни было в нашей партии.

3) Сообщая народным массам, будто сотни старейших членов партии, подпольных революционеров, ближайших соратников Ленина, участни-

ков и организаторов Октябрьской революции, участников и организаторов гражданской войны, участников и организаторов социалистического строительства стали в настоящее время пораженцами, вы вносите величайшую, совершенно необозримую по своим последствиям смуту в сознание народных масс. Каждый сознательный и честный читатель, из рабочих или крестьян, должен будет сказать себе, что, либо вы лжете, делая такого рода чудовищное утверждение, либо же советское государство настолько уже изменилось в своем существе, что даже ближайшие строители этого государства стали его смертельными врагами. На путь таких заключений вы толкаете народные массы, в первую голову их передовой отряд – рабочих-металлистов.

4) Ваши слова о пораженчестве должны будут показаться и нашим и международным рабочим тем более чудовищными, что на важнейших дипломатических постах, т. е. на непосредственной охране интерссов рабочего государства от капиталистических врагов, стоят в настоящее время почти сплошь оппозиционеры: в Берлине – тов. Крестинский; в Париже – тт. Раковский, Пятаков, Преображенский, Владимир Коснор; в Риме – Каменев, Глебов-Авилов; в Праге – Антонов-Овсеенко, Канатчиков; в Вене – Уфимцев, Семашко; в Стокгольме – Копп; в Персии – Мдивани; в Мексике – Коллонтай; в Аргентине – Краевский и т. д. Все перечисленные товарищи принадлежат к оппозиции и большинство из них уже успело присоединиться к так называемому письму 83-х, в котором оппозиция определила свое отношение к основным вопросам политики. Если оппозиционеры являются "пораженцами", то каким образом Центральный Комитет нашей партии может поручать этим пораженцам охрану наиболее жизненных интересов рабочего государства под непосредственными ударами врага? Ваше утверждение является не только клеветой на оппозицию, но и клеветой на Центральный Комитет, который был бы преступником перед партией и рабочим государством, если бы на дипломатические посты ставил "пораженцев", т. е. сторонников "поражения", вместо сторонников победы нашего государства над буржуазным миром.

5) Вопрос, конечно, не ограничивается оппозиционерами-дипломатами. Под заявлением оппозиции успело в настоящее время подписаться уже около 300 товарищей с дооктябрьским, в том числе многие – с большим подпольным стажем. В числе подписавшихся мы находим следующих товарищей:

Антонов-Овсеенко – бывш. начальник ПУРа
Бакаев – член ЦКК, бывш. председатель ЧК в Ленинграде
Беленький Г. – бывш. секретарь Краснопресненского райкома
Белобородов – быв. член ЦК, Наркомвнудел
Воронский – редактор "Красной нови"
Гертик – организатор "Правды" в 1912 г.
Евдокимов – член ЦК
Зорин – бывш. секретарь Ив.-Возн. губкома и кандидат ЦК ВКП
Зиновьев – член ЦК, бывш. председатель Коминтерна
Иоффе А. А. – бывш. член ЦК, бывш. полпред Германии и Японии

Ищенко – председатель Союза водников

Кавтарадзе – бывш. пред. Совнаркома Грузии

Каменев – член ЦК; бывш. зампред СНК, бывш. пред. СТО, полпред в Италии

Крестинский – бывш. Секретарь ЦК

Куклин А. С. – бывш. член ЦК, председ. Выборгского райсовета в Ленинграде

Лиздин – член ЦКК

Мрачковский – бывш. командующий военным округом

Муралов – член ЦКК, завед. Военно-морской инспекцией

Наумов – бывш. член Реввоенсоветов армии и флота, бывш. член бюро Ленинградск. губкома

Примаков – командир корпуса

Петерсон А. – член ЦКК

Путна – член ЦК, бывш. зампред. ВСНХ, торгпред. во Франции

Радек – бывш чл. ЦК, бывш. ректор китайского университета

Раковский – член ЦК, бывш. пред . СНК Украины, полпред во Франции

Сафаров – бывш. член ЦК

Серебряков – бывш. член ЦК и член Коллегии НКПС

Смилга – член ЦК, бывш. зампред Госплана

Смирнов И. Н. – бывш. член ЦК, Наркомпочтель

Сосновский Л. С.

Сорокин – рабочий, член МКК

Троцкий – член ЦК, бывш. Наркомвоенмор

Федоров – бывш. член ЦК

Харитонов – бывш. член ЦК

Шаров – бывш. член бюро Ленингр. губкома, работник Наркомторга и многие другие.

Все эти товарищи, как и большинство остальных старых большевиков, подписавших заявление, выполняют ответственную работу по поручению партии.

"Пораженцами" – повторяем снова – называются те, которые подрывают военную силу государства и его экономическую мощь. Можно ли было бы терпеть пораженцев на какой бы то ни было серьезной работе? Прямую ответственность за пораженцев перед партией и перед рабочим государством должен был бы нести в таком случае ЦК партии.

6) Вы, разумеется, знаете, что Центральный Комитет неповинен в том преступлении, какое вы ему приписываете. Вы не посмеете сказать, что оппозиционеры выполняют порученную им военную, дипломатическую, хозяйственную и всякую иную работу хуже сторонников большинства. Вы сами прекрасно знаете, что фраза о "пораженчестве" оппозиции есть отравленная ложь, и только. Вы пускаете эту ложь в оборот ради цели фракционной борьбы с идейным течением внутри нашей общей партии. Вы при этом не останавливаетесь перед ужасающей компрометацией партии и нанесением величайшего вреда рабочему государству. Приписывая оппозиции столь чудовищные взгляды и пуская их в оборот, вы

создаете тем самым и легализируете знамя для подлинных врагов советского государства. Трудно вообще себе представить большее дезорганизаторство и худшее раскольничество, чем ваша резолюция.

7) Мы не останавливаемся на других утверждениях резолюции относительно оппозиции: все они стоят, примерно, на том же уровне. Элементарный революционный долг по отношению к нашей партии и рабочему государству повелевает нам принять все зависящие от нас меры для опровержения ваших злобно-клеветнических утверждений перед лицом партийных и беспартийных масс.

Евдокимов
Члены ЦК: *Зиновьев*
1 июля 1927 г. *Троцкий*

Копия

НОВЫЙ ЭТАП КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ОТ ЧАН КАЙШИ К ВАН ТИНВЕЮ*

Новые события в Китае имеют такое громадное значение для судеб китайской революции и всего Коминтерна, что мы считаем своим долгом вновь обратиться к вам, несмотря ни на что. VIII Пленум Коминтерна, по настоянию Сталина-Бухарина, одобрил и сохранил в силе старую соглашательскую линию политики в Китае. Ни в одном из практических вопросов он не сделал шага вперед. Проверка не замедлила последовать. Не успел еще Пленум разойтись, как события в Чанша развернули все вопросы заново, обнаружив, что директив Пленума не хватило и на несколько недель. Так всегда бывает с оппортунистической линией в эпоху революции.

Переворот в Чанша, сопровождающийся кровавой расправой над рабочими и крестьянами, события в так называемом "левом" Гоминдане в Ухане, развитие событий на фронтах, соглашение Фын Юйсяна, а, по-видимому, и Ван Тинвея с Чан Кайши, – все это снова целиком и полностью оправдало и подтвердило тот анализ и те предсказания, которые мы делали в ряде документов, обращенных в ЦК нашей партии и в Коминтерн. К несчастью, – ибо все это разыгрывается на спине китайского рабочего класса, – и уроки, оплачиваемые ценою чудовищных ошибок и потерь, обходятся Коминтерну невыносимо дорого.

I. Что произошло в Китае после переворота Чан Кайши?

Контрреволюционный переворот в Чанша, как сообщает "Правда" от 16 июня 1927 г., начался уже 19 мая, а между тем партия и Коминтерн впервые узнают об этом важнейшем событии из телеграмм "Правды" только месяц спустя. Телеграмма о том, что Фын Юйсян избран членом Нанкинского правительственного совещания (т. е. белогвардей-

* На первой странице документа рукописная надпись Троцкого: "Написано, видимо, Зиновьевым. Л. Тр.". – *Прим. сост.*

ского правительства Чан Кайши), своевременно получена была ТАССом 24 мая (см. Бюллетень ТАССа "не для печати"). Это стало системой. Если нельзя скрыть, – по крайней мере оттянуть, "подготовив" партию новой атакой на оппозицию. Не ясно ли, что правильная политика в таких приемах не нуждается?

Что произошло в Чанша и других местах провинции Хунань?

Союз офицеров местного гарнизона с несколькими сотнями солдат, несомненно с ведома и согласия Тан Шенчи, т. е. сегодняшнего хозяина "левого" Гоминдана, 19 мая приступил к разоружению рабочих и крестьянских пикетов, 21 мая частями 35 корпуса были окружены и разогнаны рабочие и крестьянские союзы. Разоружено 500 человек. 12 убито. Арестовано около 20 руководителей союзов. При вести о перевороте, крестьяне прилегающих районов быстро организовали отряды и двинулись в наступление на Чанша. Однако, плохо вооруженные, они были отбиты пулеметным огнем и отступили. Командир 3 национального корпуса решил изъять "левых" из армии. По его распоряжению коммунисты-политработники высланы из корпуса. Перевороту в Чанша, как известно, предшествовало восстание Сяо Дуина, и еще раньше – Ян Сена. Такова краткая хроника событий. Главным действующим лицом в них выступает "союз офицеров". Совета солдатских депутатов нет. Потому что он невозможен? Нет, потому что его давно требовала оппозиция, а Сталин-Бухарин запретили.

Тан Шенчи повторяет почти фотографически Чан Кайши. Начиная с клятв и деклараций, он кончает расстрелами рабочих и крестьян и захватом власти. Совершенно очевидно, что "походом" на Север он маскировал подготовку контрреволюционного переворота в тылу своего "левого" правительства", которое всей политикой облегчает ему эту нехитрую работу. 10 мая (ТАСС) член уханьского правительства Сун Фо клялся (в интервью) своей верой в некапиталистический путь развития Китая. Реакционер Сун Фо – не пессимист, не маловер! 19 мая, через 9 дней, начались первые стычки уханских войск с пикетами в Чанша. Тан Шенчи – фактический командующий национально-революционной армией одобряет переворот в Чанша. Фын Юйсян тем временем сговаривается с Чан Кайши.

ТАСС сообщает из Шанхая от 11 июня: "Крестьянское движение в Хунани зачастую выливалось в ряд эксцессов (!). Так, отмечался запрет вывоза риса из уездов, захват лавок, дележ имущества". Какой из Авксентьевых писал эту реакционно-тупоумную гнусность? Как это могло быть напечатано? Не заметили? Способность не замечать такие перлы – не случайна: она воспитывается мартыновской установкой.

Другой корреспондент ТАССа, подбавив к своему сообщению как можно больше масла и сахара, вынужден все же признать, что на территории уханского правительства "по пятам военных побед идет новая реакция, лишающая крестьянство и рабочий класс основных завоеваний революции. Это имеет место не только на Юге и Юго-Востоке, но и в провинции Хенань и частично в провинции Хубей". ("Правда", 16 июня). События развиваются почти автоматически. Не тактике Сталина-Бухарина им помешать.

"Правда" от 17 февраля 1927 г. печатает "приказ военного совета уханского правительства", в котором говорится: „возможно, что неопытные(!) крестьянские организации допустили кое-где ошибки. Исполнительный Комитет Гоминдана уже принял меры и запретил конфискацию имущества солдат(!) и командиров. Нарушение этого постановления карается со всей строгостью. Так же строго будут караться и распространяющие ложные слухи, рассчитанные на то, чтобы вызвать рознь между крестьянством и войсками". Все развивается, как по указке.

Китайские Керенские обманывают народ, рассказывая сказки, будто кто-то конфискует землю солдат. На самом деле, вопрос идет о земле помещиков-генералов, офицеров и т. п. Буквально, тот же обман практиковали у нас Шингаревы и Авксентьевы. А "Правда" все это выдает за чистую монету. А министр земледелия – коммунист Тан Пинсян молчит. А Сталин-Бухарин громят оппозицию.

Уханское офицерство состоит из буржуа и землевладельцев. Правительство постановляет, по-видимому, с согласия компартии, не трогать земель офицерства. Армия превращается для помещиков в организацию взаимного страхования. Революционная партия должна бы взять прямо противоположный курс: на конфискацию офицерских земель, на вовлечение в это дело не только крестьян, но и солдат, на изгнание помещичьего офицерства из армии, на истребление контрреволюционных командиров. Тот или другой военный "поход" мог бы от этого задержаться, но зато поход угнетенных против угнетателей выиграл бы неизмеримо. Освободить же и объединить Китай, т. е. завершить национальную революцию, можно не путем северного похода Тан Шенчи в союзе с Чан Кайши, а путем революционного похода рабочих и крестьян против угнетателей, своих и чужеземных.

II. Левый Гоминдан и аграрная революция

Кто олицетворяет китайскую революцию? Что такое национальное движение после переворота Чан Кайши? – вот какие вопросы нужно было прежде всего решить после переворота Чан Кайши. Сталин-Бухарин встали на ту точку зрения, что "левый" Гоминдан должен пока что оставить в покое Чан Кайши и двигать свои войска на Север. "Пусть уж лучше пока что барахтается Чан Кайши в районе Шанхая, путаясь там с империалистами", – говорил тов. Сталин в университете им. Сунь Ятсена 13 мая 1927 г. (И. Сталин – "Революция в Китае и ошибки оппозиции", стр. 17.) Что же вышло на деле? "Барахтается" не Чан Кайши, "барахтается" Сталин со своей фальшивой политикой. Чан Кайши выиграл время, в значительной мере разложил и фактически завоевал на свою сторону ЦК "левого" Гоминдана и его "революционных" генералов, вошел в непосредственное соприкосновение с японскими и английскими империалистами. Мы продолжали тем временем тешить себя тем, что "наши", "революционные" генералы наступают на Север, мы обманывали себя и других, забывая, что на деле это не наши и не революционные

генералы, и что в Пекин они идут как раз для соглашения с англичанами и японцами и для "мирного" раздела власти с Чан Кайши, а быть может, и с Чжан Цзолинем.

Телеграмма ТАСС от 3 июня сообщает неожиданно благую весть о том, что "национальное правительство решило энергично бороться с Нанкином". Нет сомнения, что это новый обман. Кто хочет бороться с Нанкином, тот первым делом расправляется с нанкинцами в собственных рядах.

Если для Чан Кайши было достаточно похода на Шанхай и Нанкин, чтобы обеспечить себе подготовку переворота, если Тан Шенчи достаточно похода в провинцию Хунань для переворота в тылу "левого" правительства, то объявление похода на Нанкин, очевидно, должно будет служить маскировкой последнего грядущего переворота: изгнания или расстрела злополучных министров-коммунистов и ЦК компартии в Ханькоу.

События развиваются в эту сторону почти автоматически. Агентство Тохо (ТАСС 31 мая) сообщает, что "компромисс между обеими группами (Уханом и Чан Кайши), по-видимому, постепенно принимает реальные формы". "Гвоздь" положения в полной невозможности противопоставить реальную силу революции силам контрреволюции: вся предшествующая политика привела к тому, что рабочие и крестьяне не вооружены.

События в Чанша не эпизод, как пытаются снова представить дело "оптимисты" фальсификаторского цеха. Переворот охватил всю провинцию Хунань и часть провинции Хубей. В течение ряда недель там свирепствует белый террор. Хунань – это центр крестьянского движения. Чанша – центр революции с полуторамиллионным населением. Удар нанесен метко. Не политике Бухарина-Сталина его отвратить.

Суть дела не в том, что "отошли", "изменили", как у нас привыкли говорить, уханские Чан Кайши второго сорта. Суть дела в измене и банкротстве "левого" Гоминдана и Ухана.

Для посрамления маловеров, "Правда" от 18 июня сообщает из Ханькоу: "Несмотря на белый террор, господствующий в Чанша и других важных пунктах провинции Хунань, крестьянские восстания разрастаются, и многие районы по-прежнему во власти крестьян. В деревнях идет вооруженная борьба между крестьянами и джентри".

Чем грандиознее размах движения, тем яснее становится преступный оппортунизм руководства. Власть в руках крестьян направляется ведь против уханского правительства. Значит, Ван Тинвей будет этих крестьян снова и снова громить. Какой же мы им подадим совет? Может быть, расширить движение? Брататься с городскими рабочими? Создавать свои Советы? Или же мы скажем крестьянам, что изгоняя помещиков и захватывая власть, они самым недопустимым образом перепрыгивают через сталинскую "ступень"? Оппортунистическое руководство на каждой новой ступени загоняет революционное движение в тупик. Крестьянство может захватить землю, изгнать помещика, убить ростовщика и местного сатрапа. Но закрепить государственным путем аграрную

революцию распыленное крестьянство неспособно. Для этого ему нужно руководство. Гоминдан (реально существующий Гоминдан, а не выдуманная Сталиным "идея" Гоминдана) такого руководства не дает. Гоминдан борется против аграрного движения. И если пролетарский авангард не возглавит деревню, крестьянское восстание будет неизбежно разгромлено, как это всегда бывало в течение веков.

Давно ли на оппозицию обрушивались с обвинением в "недооценке" уханского центра, как очага крестьянской революции? А что вышло на деле? Вместо расширения базы в рабочих и крестьянских массах, коммунисты встали на путь "северного похода", т. е. пошли навстречу генералам, стремящимся расширить свое военное влияние, чтобы затем подвести генеральский итог территориальному расширению революции. Подлинная массовая народная революция снова, как и при Чан Кайши, оказалась "тылом", ограниченным нуждами фронта и подчиненным ему. Новый северный поход не мог быть продиктован революционными целями, ибо, чем больше войска шли на север, тем больше они теряли связь с революционной базой, тем больше укреплялся генералитет, тем больше облегчалась задача для Фын Юйсяна, Тан Шенчи и других милитаристов найти общий язык с Чан Кайши, чтобы с ним вступить в сделку с империалистами. Подлинная механика событий скрывалась от нашей партии. Зато теперь весь контрреволюционный и соглашательский хаос, порожденный новым северным походом, обрушивается на голову партии, как "внезапная" катастрофа. А между тем, неожиданного в событиях нет ничего: жнем то, что посеяли.

"Левый" Ван Тинвей помогал Чан Кайши созывать нанкинское совещание. В воззвании, подписанном им и Чен Дусю, он успокаивал рабочих накануне расстрела. Ван Тинвей играл явно двусмысленную роль перед самым разоружением шанхайских рабочих бандами Чан Кайши. По соглашению с "левым" Ван Тинвеем, генеральный секретарь киткомпартии писал за несколько дней до шанхайского расстрела, что "китайская компартия любит мир и порядок, как все другие партии".

Политика "левого" Гоминдана после переворота Чан Кайши явилась, как сказано, продолжением политики правого Гоминдана, применительно к новой ступени революционной борьбы на территории южных армий. "Левое" правительство Ханькоу, точно так же, как и правое, бросается на шею контрреволюционному генералу, отдавая ему напрокат знамя Гоминдана, обесчещенное в Шанхае. Оно не подпускает близко к этому знамени рабочих и крестьян, заставляя их только подчиняться, только следовать за генералом. В ЦК "левого" Гоминдана и в "левом" уханском правительстве остались также заведомо правые вожди, единомышленники Чан Кайши, как Сунг, Сун Фо, Евгений Чен и другие. Военное дело отдали в руки Фын Юйсяна и Тан Шенчи, из которых первый ничем не отличается от Чан Кайши, а второй отличается разве только еще большей реакционностью. Никакой реорганизации военных сил произведено не было. Конференция в Чен Чжоу представляла, видимо, такую же картину, как прежние конференции, на которых хозяйничал Чан Кайши. "Единство" ЦК "левого" Гоминдана, его "дисциплина" целиком направ-

лены против рабочего класса, против аграрной революции. Его политика, состоящая из лицемерных зигзагов, целиком служит развертыванию сил контрреволюции, вылезающих из-под гоминдановской ширмы, по мере своего созревания. А ЦК китайской компартии играет роль придатка к ЦК "левого" Гоминдана, роль заложника в лагере левогоминдановской буржуазии. Крестьянское движение, как и революционное движение рабочих, остается распыленным, оттесненным, загнанным в подполье – при бешеной враждебности армии и государственных органов, при выжидательном бессилии компартии.

Уже 24 апреля из Ханькоу сообщалось, что "левое" правительство навязало рабочим обязательный арбитраж во всех случаях столкновений между рабочими и предпринимателями на иностранных предприятиях. На деле это сводилось к запрещению стачек вообще, ибо иностранные предприятия нельзя резко отделить от предприятий китайских капиталистов.

После переворота в Чанша ЦК "левого" Гоминдана опубликовал сообщение о мерах, принятых им в связи с положением в провинции Хунань:

"1) сохранить временно (!) нынешнее (т. е. контрреволюционное) хунаньское правительство на время производства дальнейшего расследования; 2) реорганизовать организации Гоминдана и рабоче-крестьянские организации в провинции Хунань (в каком направлении "реорганизовать" – догадаться нетрудно); 3) все войска в провинции Хунань подчиняются генералу Чоу Ляну – специальному делегату, который командируется в провинцию Хунань ЦК Гоминдана; 4) все вооруженные конфликты между рабоче-крестьянскими союзами, с одной стороны, и военными – с другой, должны быть прекращены (т. е. рабочие и крестьяне должны молчать, когда их расстреливают). В противном случае будут приняты суровые меры, согласно революционной дисциплине; 5) назначается специальная комиссия для разрешения вопроса о положении в Хунани".

"Правда" называет эти решения "половинчатыми". На самом деле, они предательские. Но у "Правды" для гоминдановских реакционеров имеются только мягкие слова, так как весь свой запас грубостей она расходует на оппозицию. На самом деле, "решения" "левого" Гоминдана списаны с тех, которые писались Керенским и Шингаревыми, когда они прикрывали Корниловых и Алексеевых.

8 июня 1927 г. в "Правде" было напечатано "торжественное" заявление гнуснейшего реакционера Тан Шенши, крупнейшего помещика, повторяющего чуть ли не слово в слово знаменитые клятвы Чан Кайши в верности "принципам Сунь Ятсена", Гоминдану, союзу с коммунистами и т. д. И снова центральный орган нашей партии подносил подлое фокусничество Тан Шенчи без единого слова критики, как чистую монету. Где же "Правде" проявлять критическое чутье, когда она только и делает, что душит его! 9 мая 1927 г., в ответ на тезисы Зиновьева, тов. Сталин писал: "Создались на деле два Гоминдана – Гоминдан революционный (!) и Гоминдан контрреволюционный, Гоминдан в Ухане и Гоминдан в Нанкине".

"Гоминдан раскололся на два Гоминдана и развертывающаяся аграриая революция получила(!), таким образом, очищенный (!!) от правых гоминдановцев революционный (!!) центр в лице революционного (!!) Гоминдана в Ухане".

Приблизительно то же самое говорил тов. Сталин и на недавно закончившейся сессии Исполкома Коминтерна.

Под давлением Сталииа-Бухарина Исполком Коминтерна решительно отверг лозунг Советов для Ухана. Сталин даже доказывал Исполкому Коминтерна, будто в 1905 г. у нас было "только" два Совета: питерский и московский (см. "Большевик", № 10, стр. 22). Между тем, это голая неправда. В 1905 г. у нас было, по крайней мере, 30 Советов, в том числе в таких городах, как Иваново-Вознесенск, Одесса, Николаев, Кострома, Саратов, Орехово-Зуево, Екатеринбург, Надеждинский и Воткинский заводы, Киев, Екатеринослав, Юзовка, Ростов-на-Дону, Таганрог, Баку, Красноярск, Иркутск, Чита, Либава, Ревель и т. д. ("1905 год", под ред. Покровского.) Даже перед возмутительным извращением фактической истории 1905 г. не остановился тов. Сталин — только бы добиться отклонения лозунга Советов для Ухана, где аграрная революция уже "получила" готовый центр в лице Тан Шенчи и Ван Тинвея.

Но проверка не замедлила. Сталинский "центр революции" ("наш" Гоминдан) пошел в своей военной части (а это сейчас единственно реальная сила) по стопам "нашего" Чан Кайши, т. е. правого Гоминдана.

С марксистско-ленинской точки зрения этот факт объясним вполне, но не с бухаринской.

"В левом Гоминдане, — говорит тов. Бухарин, — осталась мелкая буржуазия, рабочие, крестьяне и некоторые группировки буржуазио-радикальной интеллигенции с некоторым охвостьем (!), играющим сравнительно второстепенную (!) роль, из радикальных (!) слоев крупной буржуазии". (См. доклад об итогах пленума ИККИ. "Правда", от 18 июня.)

Есть еще, оказывается, такие "радикальные (!) слои крупиой буржуазии", которые, чтобы сделать Бухарину удовольствие, удовлетворяются ролью охвостья, суть, однако, в том, что эти "радикалы" играют не "второстепенную", а первую роль. Бухарин и сейчас еще думает, что "левый Гоминдан находится под влиянием (?) компартии". Факты упорно твердят о противоположном: не Тан Пинсян и Чен Дусю влияют на Сун Фо, Сунга и Чена, а наоборот. Поэтому: Ван Тинвей пойдет (уже пошел) не с Тан Пинсяном, а с Сун Фо, Тан Шенчи и даже с Чан Кайши.

Китайская партия "всех классов" на деле опять оказалась буржуазной партией с "охвостьем" из коммунистов. Бухарин опять показал, что не отличает хвоста от головы.

Проверка пришла и показала, что политика Сталина-Бухарина в Китае систематически ослабляла позиции компартии и пролетариата, подчиняла его интересы интересам крупной буржуазии и соглашательских верхов мелкой буржуазии. Китайская буржуазия вела, наоборот, четкую классовую политику: прикрываясь ложной политикой Москвы, она использовала рабочих и крестьян до тех пор, пока ей было это выгодно.

Она расстреляла их, когда увидела угрозу растущей народной революции. Повторился и повторяется 1848 г., как если бы на свете не было ни 1905 г., ни 1917 г., ни теории марксизма, ни опыта большевизма.

III. Киткомпартия и "левый" Гоминдан

Снизу аграрная революция напирает, стремясь проложить себе дорогу. Но "сверху" ей бешено противодействует "левое" правительство Ханькоу. Что же делает в это время компартия? Коммунистический министр земледелия Тан Пинсян, при вступлении к исполнению своих обязанностей, развил программу, которую нельзя назвать иначе, как программой бессильного заискивания перед буржуазией, кровно связанной с чиновниками, помещиками, ростовщиками. Генеральный секретарь китайской компартии тов. Чен Дусю на съезде компартии в Ханькоу (3 мая) заявил, что "для конфискации крупной и средней земельной собственности необходимо выжидать (!) дальнейшего развития военных действий". Подобным преступным подчинением интересов и задач крестьянской революции "военным соображениям" контрреволюционных генералов и созданы были на деле предпосылки сперва для переворота Чан Кайши, а затем – для переворота в Чанша, для восстания Сяо Дуина, как и для всех будущих контрреволюционных переворотов. Незачем напоминать, что наш центральный орган печатал речи Чен Дусю без единого слова критики. Зато доставалось оппозиции, своевременно предупреждавшей о последствиях.

В то время, как "по пятам военных побед идет новая (Ханькоуская) реакция", – после восстания Сяо Дуина и переворота в Чанша, – ЦК киткомпартии обратился с почтительно-вещательным письмом в ЦК Гоминдана. Китайские большевики (?) уговаривают в этом письме китайских эсеров-кадетов, что наступило время призадуматься, "как осуществить некоторые (?) мероприятия (!) аграрной реформы (!)". Это в те самые дни, когда гоминдановские реформаторы расстреливают или не мешают расстреливать крестьян, совершающих аграрную революцию!

"Будущее революции – убеждает письмо – зависит от решительных действий со стороны Гоминдана". Не от восстания крестьян, не от руководства со стороны рабочих и самой компартии, а от ЦК Гоминдана, который по отношению к крестьянскому восстанию занимает контрреволюционную позицию.

ЦК компартии не требует в письме вооружения рабочих, а лишь возвращения отнятого у них оружия. Он выдвигает и такое "революционное требование", как "назначить немедленно карательную экспедицию для подавления восстания и уполномочить Тан Ченши (!!) послать войска для подавления контрреволюционеров". Посылать Тан Ченши усмирять контрреволюционеров в Чанша – это все равно, что посылать ген. Алексеева "усмирять" Корнилова – как делал в свое время Керенский.

Письмо ЦК компартии жалуется на то, что феодальные и милитари-

стические элементы подняли оружие против крестьянства, и что это "вызвало в руководящих революционных кругах (т. е. в самом ЦК Гоминдана) колебания". Отсюда делается елейный вывод: "армия должна поддержать Гоминдан и национальное правительство в осуществлении аграрной реформы". Вместо революции – реформа. Осуществляет ее национальное правительство, которое ее не хочет. Реформу должна поддерживать армия, которая, под руководством реакционных офицеров, громит крестьян. Громил должен усмирять Тан Ченшн, их отец и покровитель.

Что же последовало за этим увещательным письмом? Телеграмма "Правды" (16 июня) высокодипломатическим стилем сообщает: "по имеющимся сведениям не считается возможным, чтобы ЦК Гоминдана принял выдвинутые компартией предложения".

А если бы он даже принял их на словах, разве это хоть на волос изменило бы положение на деле? ЦК Гоминдана знает, что он "единственная" руководящая революцией партия; что компартия подчинена ему; что Коминтерн не допускает и мысли о выходе компартии из Гоминдана; что обреченная подчиняться буржуазной партии, компартия не может быть самостоятельна, не привыкла проявлять самостоятельность и потому не способна на нее. Взаимоотношения Гоминдана и киткомпартии, как они выразились в цитированном письме ЦК компартии, – а где же
му не способна на нее. Взаимоотношения Гоминдана и киткомпартии, как они выразились в цитированном письме ЦК компартии, – а где же
ответ? Кто скрывает ответ? – остаются наиболее надежной гарантией победы буржуазии над восстающими массами рабочих и крестьян. Кто этого и сейчас не хочет понять, с тем большевику разговаривать не о чем.

Насколько разлагающе "мартыновская" линия действует на киткомпартию, видно из воззвания киткомпартии от 23 мая 1927 г. (помещено в ханькоуской газете "Минь Гожи Бао" от 23 мая с.г.). В то время, как чан кайшистские генералы и офицеры, под крылышком "левых" вождей Гоминдана, расстреливают восстающих крестьян, китайская коммунистическая (!?) партия пишет буквально следующее:

"Необдуманные (!) действия крестьян, особенно в Хунани, вызвали волнения в войсках. Сяо Дуин желает использовать волнение в войсках для того, чтобы достигнуть своей контрреволюционной цели. Программа киткомпартии по отношению к мелким помещикам уже ясно определена. Необдуманные действия крестьян полностью противоречат действиям коммунистической партии... Коммунистическая партия против конфискации мелких помещичьих земель и земель командиров... Если мелкие помещики с удовлетворением (!) признают известные нормы аренды, защищаемые национальным правительством, то они не будут против крестьянского движения – опоры революции... Только лишь, если крестьянские массы объединятся вокруг национального правительства (расстреливающего их), можно будет укрепить фундамент революции".

Это язык меньшевиков, а не большевиков. Язык Либерданов и Авксентьевых, защищавших правительство Керенского против "необдуманных действий крестьян, которых громили корниловские офицеры. Ложная политика не только приносит поражение, – она разлагает единственное орудие победы – коммунистическую партию.

Такова картина в целом. Несмотря на жестокий апрельский разгром рабочих организаций, лишенные руководства крестьяне восстают. Ханькоуская военщина громит их. Ханькоуское правительство, колеблясь, поддерживает военщину. Компартия умоляет керенско-корниловский блок приняться, наконец, за аграрную реформу. Мартынов все это теоретически обобщает. Сталин и Бухарин громят оппозицию за ее маловерие по отношению к левому Гоминдану. Ни одного марксистского вывода по отношению к Китаю. Сколько угодно "оргвыводов" по отношению к оппозиции!

Некоторые товарищи (особенно, например, Ворошилов) объясняют все поражения и злоключения китайского пролетариата "недостатком революционных кадров". Как будто революционные кадры могут воспитаться при нереволюционной политической линии! Линия большевизма была предпосылкой воспитания большевистских кадров, с ростом которых она сама углублялась и крепла.

Если бы коммунистическая партия, опираясь на самые скромные молодые кадры, с первых своих шагов повела самостоятельную борьбу за влияние на пролетариат, руководила бы стачками, завоевывала бы руководящую роль в профсоюзах; если бы она беспощадно разоблачала претензии буржуазии на руководство национальной революцией и бесстрашно вмешивалась во все проявления недовольства угнетенных масс города и деревни; если бы она неутомимо уясняла пролетарскому авангарду его великую историческую миссию по отношению к своему классу и всем угнетенным массам китайского народа, – коммунистическая партия, в условиях быстрого развертывания революции, не только создала бы на этой работе гораздо более крепкие революционные кадры, но и завоевала бы неизмеримо большее влияние на пролетариат и крестьянство.

* * *

Но разве же возможно было бороться одновременно против Чан Кайши и Чжан Цзолиня, имея во фланге (на море) и в тылу (на Ян Цзы) военные корабли империалистов? Так ставят вопрос многочисленные теперь выученики мартыновской школы. – Ведь у врага, – говорят они, – регулярные армии с умелым командованием, высокая техника, открытая помощь с моря. А у нас?

– А у нас – революция! – Все забыто, под мартыновским мусором похоронены уроки всех великих революций, и в особенности революции 1917 г. У врага генералы, – поэтому и мы будем пристраивать к генералам "революционные" армии. Нельзя трогать генералов, иначе рассыплются армии, и нельзя будет совершить "поход на Север". Лучше не трогать Чан Кайши, обойти его бочком, иначе к нему могут прилипнуть "наши" генералы. Не надо слишком восстанавливать против себя помещиков, банкиров, вообще собственников, надо с ними "маневрировать" (т. е. поджимать хвост), иначе иностранные суда в двадцать минут разнесут Ухан и прочие революционные центры. Такова истинная подоплека всей нынешней, мартыновской линии.

Эта линия гибельна. На этом пути революция никогда не победит. Указывать на трудности пальцем и потом "обходить" их, значит обходить революцию, т. е. отказываться от того, что составляет нашу силу.

Бесстрашно проводимая рабоче-крестьянская революция есть самая грозная наша артиллерия, которая бьет одновременно и по Чан Кайши, и по Чжан Цзолиню, и по империалистам, и – в первую голову – по Тан Шенчи и всей вообще своре уханских реакционеров. Разгром помещиков и контрреволюционного офицерства в Ухане, – смелый, решительный, массовый разгром, – окажет непосредственное заражающее действие на войска Чан Кайши и Чжан Цзолиня и на крестьянские массы в тылу этих войск. Мы можем создать настоящую революционную армию только из недр аграрной революции, совершаемой под руководством рабочих. Ни Тан Шенчи, ни Чан Кайши, ни Чжан Цзолинь не смогут создать в этих условиях крепкой и устойчивой военной силы, – несмотря на всю свою технику и обилие офицерства. Иностранные империалисты окажутся, в свою очередь, тем слабее и бессильнее, чем меньше мы будем заигрывать с их внутренними агентами, уговаривая этих последних, цепляясь за них и оставляя им тем самым свободное поле действия. Солдаты и матросы империализма тем сильнее подвергнутся действию китайской революции, чем глубже эта последняя всколыхнет массы, чем беспощаднее расправится с врагами народа.

– "Но разве же мы против аграрной революции?" (голос Бухарина и К^{o}).

Кто пытается совершить революцию рука об руку сперва с Чан Кайши, потом с Тан Шенчи, теперь с Ван Тинвеем; кто подчиняет компартию сперва Чан Кайши, потом Ван Тинвею, кто отвергает Советы, как недопустимые в тылу генеральских армий, – тот является на деле противником аграрной революции или, по крайней мере, величайшей помехой на ее пути.

IV. Еще раз о природе китайской революции

Какова была исходная позиция оппортунистической линии Сталина-Бухрина в китайском вопросе?

Исходная позиция состояла в том, что сущность китайской революции – каковой сущности не понимает будто бы оппозиция, – составляет борьба против иностранного империализма. Из этого элементарного и бесспорного положения делался, однако, в корне ложный вывод. Давление иностранного империализма, по мысли Сталина-Бухарина-Мартынова, сплачивает будто бы воедино различные классы Китая, создавая возможность "блока четырех классов и даже особого некапиталистического правительства четырех классов (Мартынов, Рудзутак, Калинин и др.).

Именно вследствие того, что внутренние политические противоречия смягчаются (будто бы) империализмом и подчиняются потребностям борьбы с "внешним" насилием, – на самом деле империализм обостряет основные антагонизмы, – произошло то чудо, что старая теория Марты-

нова, столь позорно провалившаяся в 1905–1917 гг., оказалась как раз сшитой по китайской мерке. Мартынов с удовольствием узнал, что он, в сущности, всегда был большевиком – только не для России, а для Китая.

Что касается рабочего и крестьянского (аграрного) вопросов, то Мартынов предлагал в "Коммунистическом Интернационале" – в интересах экономии национально-революционных сил, – разрешать все социальные конфликты путем арбитражных комиссий. Это правоменьшевистское идиотство безнаказанно выдавалось за большевизм.

"Классический" ход старых буржуазных революций состоял в том, что пролетариат помогал буржуазии сесть в стремена, а затем она отбрасывала его ударом ноги по голове. Именно таков был и остается еще и сегодня ход китайской революции. Чтобы обеспечить этот классический ход, понадобились, в соответствии с новой эпохой, новые средства. В этом буржуазии огромное содействие оказали теория и практика Сталина-Бухарина-Мартынова, которые, вопреки своим намерениям, помогли и помогают буржуазии скрывать классовый характер ее руководящей партии. Киткомпартию обязали и обязывают подчиняться Гоминьдану, вплоть до отказа с ее стороны от критики сун ятсенизма, т. е. мелкобуржуазной теории, которая в руках крупной буржуазии стала могущественным контрреволюционным орудием против пролетариата.

Классовую борьбу превратили в абстракцию. Неизбежность предательства буржуазии в национальной революции превратили в пустую фразу, не имеющую никакого отношения к проводимой на деле политике. Всеми силами и средствами помогали китайской буржуазии политически подчинить себе пролетариат, сесть при его помощи в стремена и отбросить пролетариат ногою. А когда это случилось, Бухарин имел печальную смелость заявить: "Мы это всегда предвидели". Не клевещите на себя, ничего этого вы не предвидели! Вы надеялись на то, что путем махинаций "используете" буржуазию и выбросите ее, как "выжатый лимон". Ваше действительное предвидение разбилось вдребезги о классовую борьбу.

Пытаться оправдать мартыновскую политику ссылкой на северный поход*, который де пробудил движение рабочих и крестьян, значит только выпячивать свою несостоятельность, подчеркивать свое банкротство. Капиталистическое развитие вообще "пробуждает" массы, из чего для революционеров, однако, не вытекает блок с буржуазией. Классические буржуазные революции всегда поднимали массы, чтобы затем разгромить и закабалить их. Коммунист, который уже после шанхайского и кантонского разгрома рабочих продолжает хвастать тем, что поход Чан Кайши пробудил массы, поступает как апологет буржуазии, а не как пролетарский революционер. Мы помогли буржуазии – на ее лад, т. е. по-буржуазному – пробудить массы; но мы ничем не помешали ей разгромить их. Такова именно была во всех классических буржу-

* К слову сказать, Сталин и Бухарин все время, т. е. до больших побед, выступали решительно против северного похода, а когда начались победы, забыли, кто и куда ведет поход.

азных революциях роль мелкобуржуазных радикалов. Мартыновщина и есть мелкобуржуазный радикализм, только запоздалый и гнилой, ибо мы живем в империалистскую эпоху.

Аграрное движение, менее пострадавшее непосредственно от переворота Чан Кайши, который в первую голову громил пролетариат, продолжало нарастать, наперекор сталинской теории о превосходстве национального момента над классовым и о "блоке четырех классов", и несмотря на гениальное обещание Мартынова разрешить аграрный вопрос посредством арбитражных комиссий после совместной победы над империализмом. Пришлось в конце концов убедиться и признать факты: да, крестьяне ведут гражданскую войну против помещиков, чиновников, офицеров и ростовщиков, не справляясь, прописаны ли эти господа в Гоминдане.

Оппортунистическая линия Сталина-Бухарина, после беспомощных колебаний туда и сюда, описывает на этом месте резкий зигзаг: борьба с империализмом исчезает; ее место занимает борьба с феодализмом. Аграрное движение провозглашается основным содержанием революции. Все "своеобразие" китайской революции сразу рассыпается при этом прахом. Новый зигзаг знаменует растерянность и путаницу. Но, как мы сейчас увидим, это зигзаг в пределах оппортунизма.

В своей речи на Исполкоме Коминтерна тов. Сталин беспомощно пытался издеваться над тем, что оппозиция видит в таможенной проблеме одну из основных задач китайской революции. Это, видите ли, чиновничья точка зрения. Интересно было бы узнать, что собственно Сталин понимает под гнетом империализма в Китае? Очень похоже на то, что он пользуется готовыми словами, не вдумываясь в их содержание.

Под прикрытием военной силы империализм внедряется в Китай в виде готовых товаров, инвестированных в железные дороги и промышленность капиталов, в виде банков, увеличивающих внутреннее ростовщичество, в виде государственных займов, обеспечивающих выкачивание огромной доли национального дохода. Основой полуколониального положения Китая является его экономическая отсталость. Вторгаясь в Китай, иностранный капитал в известной мере толкает развитие страны вперед. За время империалистской войны достигнуты были в этом направлении огромные результаты, которые только и делают возможной самую постановку вопроса о гегемонии пролетариата в национальной революции. Но иностранный капитал воздействует на экономику Китая неравномерно. Толкая в известный момент одни отрасли вперед, он сознательно тормозит другие. Выкачивая гигантские прибыли, он задерживает внутренние накопления. В общем империализм сейчас тормозит и дезорганизует развитие производительных сил Китая, пользуясь для этого сочетанием экономических, политических и военных мер. Важнейшим орудием в его руках является в этом отношении таможенный аппарат. Полуколониальный характер Китая в последнем счете выражается именно в том, что китайский народ или его имущие классы лишены возможности ограждать промышленное развитие

своей страны путем соответственных пошлин, без чего отсталая страна не может вырваться из отсталости. Дело идет об экономическом суверенитете Китая. Через низкие пошлины, навязываемые извне, мировой капитализм насильственно открывает дверь Китая для своих товаров. Самостоятельное промышленное развитие страны тормозится, кустарные промысла разоряются. Это ведет, в свою очередь, к загниванию сельскохозяйственного тыла, к росту избыточного населения и пауперизма. Наиболее злокачественным выражением загнивания является всесильное ростовщичество. Именно на этой почве поддерживаются, возникают вновь и вырастают кабально-крепостнические отношения. Источником их, для большей части страны, являются не пережитки феодализма в собственном смысле, а экономические отношения, порождаемые насильственной задержкой капиталистического развития. По линии борьбы с империализмом таможенная проблема является основной. Ничего этого Сталин не понял. Таможенный вопрос он берет как ведомственно-бюрократический вопрос, а не как вопрос взаимоотношения китайского хозяйства с мировым империализмом. "Долой неравноправные договоры!" Это и значит, прежде всего, долой таможенную несамостоятельность Китая.

Значит ли это, что мы отвергаем или преуменьшаем значение аграрного вопроса? Такого рода вздорное обвинение вошло даже в резолюцию ленинградского актива. Этот пример, к слову сказать, лучше всего свидетельствует, какую убийственную смуту вносит нынешняя система перманентной дискуссии, которая ведется исключительно против отсутствующих и осужденных на молчание. На самом деле, именно оппозиция противопоставила мартыновской теории блока классов и рецепту арбитражных комиссий лозунги экономического наступления пролетариата и аграрной революции крестьянства. Привлечь крестьянство понастоящему к борьбе с империализмом, связать крестьян с рабочими и создать подлинно революционную армию можно только через аграрную революцию.

Огромное место, занимаемое ростовщически-кабальными, крепостническими и полукрепостническими отношениями в китайской деревне, между деревней и городом, а отчасти и в городе, совершенно бесспорно. Но товарные капиталистические отношения играют уже в Китае неоспоримо руководящую роль. Именно это и создает возможность руководящей роли пролетариата во всей революции, в том числе и в аграрной. Бухарину нужно преобладание "феодализма" для того, чтобы преуменьшить возможную политическую роль пролетариата и оправдать его нынешнее подчинение буржуазии или мелкобуржуазным соглашателям.

В соответствии со сказанным совершенно неверно сводить всю китайскую революцию к аграрному перевороту. Самая радикальная перетасовка земельных отношений (ее надо произвести во что бы то ни стало) не даст, однако, – без общего развития производительных сил, т. е. без индивидуализации – выхода из экономического тупика. А развитие индустрии немыслимо без таможенной автономии Китая. Этот

вопрос имеет для китайского хозяйства не меньшее значение, чем для нашего – монополия внешней торговли. Каким путем ни пойдет развитие производительных сил Китая в ближайшую эпоху, капиталистическим или социалистическим, Китаю все равно необходимо завоевать себе экономический суверенитет. В этом и состоит экономическое содержание борьбы с империализмом, т. е. национальной революции. Без завоевания власти пролетариатом и крестьянством, этот вопрос не будет разрешен, так же, как и аграрный.

Проделав зигзаг от абстрактного понимания "национальной" революции к столь же абстрактному пониманию аграрной, Сталин и Бухарин сохранили свою оппортунистическую установку целиком. Национальной революцией должен был руководить Гоминдан под командой Чан Кайши. Во главе аграрной революции должен стоять "левый" Гоминдан, во главе с Ван Тинвеем. Советы отвергаются Сталиным именно потому, что левый Гоминдан вполне достаточен (будто бы) для аграрной революции. Этот новый прогноз оказался настолько же глубоким и верным, как и старый прогноз насчет Чан Кайши.

Запрещение строить Советы мотивируется необходимостью сохранения блока с мелкой буржуазией, представленной Гоминданом. Здесь повторяется давно уже разоблаченная и осужденная большевизмом фальшь: под мелкой буржуазией, с которой необходимо идти в тесном союзе, понимаются не наиболее угнетенные и революционные массы деревенской и городской бедноты, а соглашательские буржуазно-интеллигентские верха, играющие в китайской революции ту же роль, какую у нас играли эсеро-меньшевистские комитеты в армии, "викжель" и вся вообще керенщина. Именно потому, что широко развернулась аграрная революция, кабальный блок компартии с ван тинвеевским Гоминданом есть главное препятствие на пути союза рабочих и крестьян.

Отход буржуазии запечатлен кровью шанхайских рабочих. После этого он стал – на словах, по крайней мере, – официально признанным фактом. Если так, то носителями революции ныне, во всяком случае, могут являться только пролетариат вместе с трудящимися и эксплуатируемыми массами деревень и городов. Между тем, нам говорили, что создание рабоче-крестьянских Советов будет означать восстание против уханского правительства, и что именно поэтому Советов создавать нельзя. Какой же класс представлен уханским правительством? На этот вопрос Сталин и Бухарин не отвечают. Серьезный классовый анализ вообще не мирится с оппортунизмом. Сталин и Бухарин вынуждены поддерживать маскировку уханского правительства, как не буржуазного, но и не рабоче-крестьянского, подобно тому, как раньше они поддерживали маскировку кантонского правительства, как надклассового (некапиталистическое правительство четырех классов).

Что же представляет собою уханское правительство в социальном смысле? Каково его отношение к основным классам Китая? Несмотря на все "своеобразие" китайских условий, нельзя не видеть, что по своей социальной роли уханское правительство есть китайская керенщина. Отношение Ван Тинвея к Чан Кайши примерно то же, что отношение

Керенского к Милюкову-Корнилову. Милюков непосредственно представлял буржуазию. Керенский являлся временным приказчиком ее в трудную историческую минуту. Соглашательские, викжелевские верха мелкой буржуазии представляют собой для известного периода единственно возможную буржуазную власть, которая ценою второстепенных уступок массам спасала главное: собственность собственников. Борьба между Ван Тинвеем и Чан Кайши имеет в основном тот же характер, что столкновение Керенского с Корниловым: эти эпизоды, как бы бурны они ни были, не меняют того факта, что обе группировки, путем разделения труда, выполняют одну и ту же контрреволюционную миссию.

В чем состоит в этих условиях роль революционной партии? В том, чтобы противопоставить не только пролетариат, но и революционные мелкобуржуазные низы соглашательским верхам, выполняющим роль правительства имущих классов. Внушать массам доверие к китайской керенщине есть прямое преступление против революции. В этом преступлении повинен всякий, кто утверждает, будто "левый" Гоминдан способен провести аграрную революцию, будто рабочие и крестьяне не нуждаются поэтому в Советах. Такова позиция Сталина. Все свои иллюзии по поводу "использования" буржуазии и "выжатого лимона" Сталин перенес с хозяина на приказчика, с буржуазии на ее соглашательских помещиков.

Значит, надо бы было немедленно низвергнуть уханское правительство? – возражает Сталин-Бухарин. Для них существует либо немедленное низвержение уханского правительства, либо взятие на себя полной ответственности за него перед массой, участие в нем, отказ от Советов в пользу ван тинвеевского правительства, отказ от самостоятельной партии в пользу ван тинвеевского Гоминдана. Между тем, подлинно революционная политика должна была состоять в том, чтобы мобилизовать трудящиеся массы под собственным знаменем против буржуазно-соглашательского правительства и тем самым подготовлять его низвержение. Поддерживать Ван Тинвея перед массами и в то же время страховать свою революционную репутацию припевом: "мы знаем заранее, что он изменит" – значит самым ярким образом показывать, как выглядит меньшевистское сползание с марксизма. Надо на деле подготовить разгром буржуазии и ее соглашательских приказчиков рабочими и крестьянами. Бухарин же подготовлял себе только словесную лазейку на случай предсказанного оппозицией нового разгрома рабочих и крестьян уханскими приказчиками буржуазии. Таковы на новом этапе те же две непримиримые линии: ленинская и мартыновская.

V. Компартии необходимо выйти из Гоминдана!

Вокруг вопроса об отношении коммунистической партии к Гоминдану теперешнее руководство партии сумело напустить густого тумана и сделать из элементарного вопроса клубок путаницы и противоречий. Отношение к Гоминдану является в основе своей отношением пролетарской демократии к буржуазной. Все сравнения Гоминдана то с Советами (Бухарин), то с революционным парламентом (Сталин) служат только

к замазыванию этого вопроса, в котором для марксиста-ленинца нет никакой неясности.

Необходимо поэтому подвести здесь краткий итог спорам вокруг вопроса о выходе и о сроке выхода компартии из Гоминдана, об отношении к верхушке Гоминдана и его "низам".

Что вхождение коммунистов в Гоминдан было допустимо лишь на время – на короткое время! – пока из элементов рабочего движения не вылупилось подлинное массовое рабочее движение – и лишь на определенных условиях – это было ясно для нас уже с самого начала. Главное из условий: действительная самостоятельность китkомпартии, ее неурезанная марксистская программа, самостоятельная организационная и агитационная работа.

Принятие Гоминдана в Коминтерн (в качестве "сочувствующей" партии) было опять-таки допустимо лишь, как короткий политический маневр, с рассчетом поставить руководству Гоминдана ряд твердых условий, разоблачить его антиреволюционную природу, удалить из Коминтерна на глазах китайских трудящихся масс и перенести всю силу нашей поддержки на китайскую коммунистическую партию и на развитие и упрочение ее союза с гоминдановскими низами, с крестьянством вообще. Пребывание же сперва чан кайшистского, теперь – ван тинвеевского Гоминдана в Коминтерне означает не что иное, как нашу прямую помощь китайской буржуазии в маскировке ее партии – против рабочих и крестьян.

Что касается нас, то мы сразу же после развития крупных массовых рабочих движений 1925 г. поставили вопрос по поводу дальнейшего пребывания китkомпартии в Гоминдане: по поводу отсутствия у нее организационной самостоятельности и последовательных революционных лозунгов. Мы ни на минуту не доверяли верхам Гоминдана. Все яснее становилось, что это – буржуазная верхушка, с которой надо рвать, сближаясь с "низами", т. е. с рабочими и крестьянами, входящими в Гоминдан. Одни из нас уже в конце 1925 г. требовали организационного разрыва с верхами Гоминдана – замены блока внутри Гоминдана блоком вне его. Другие выдвинули сразу же после шанхайской стачки 1925 г. лозунг вооружения рабочих, а в начале 1926 г. – ряд условий в ЦК Гоминдана, которые должны были неизбежно привести к организационному высвобождению компартии, к разрыву ее с верхами Гоминдана и к сближению с "низами" его. Сама китkомпартия на пленуме ее ЦК (июнь 1926 г.) подошла к тому же – к выходу из Гоминдана. Но Сталин и Бухарин отменили ее постановление.

Терпя поражение за поражением, Сталин и К^{о} удесятерили травлю против нас. Наши статьи не печатали. Наши заявления (например, заявление тов. Зиновьева по китайскому вопросу на июльском пленуме ЦК 1926 г.) не прилагали к протоколу. И в то же время нашу позицию изображали так, будто мы хотим разрыва не только с буржуазной верхушкой Гоминдана, но и с рабоче-крестьянскими "низами" его, изоляции компартии, выхода ее из революции и пр. Грубая фальсификация продолжалась более полутора лет. Рабочим говорили, что мы враги китай-

ской революции и китайских революционных армий, что мы против единства революционных рядов Китая, что мы – ликвидаторы. Мы не имели даже возможности ложь назвать ложью и клевету – клеветой.

После переворота Чан Кайши, тем более стало необходимо порвать с ЦК Гоминдана, противопоставив ему тесный союз самостоятельной киткомпартии с рабоче-крестьянскими "низами" Гоминдана. Мы вновь формулировали ряд условий, которые вытекали из создавшегося положения и при действительном соблюдении которых только и можно было бы еще киткомпарии на короткое время остаться в Гоминдане, чтобы собрать свои силы и увести за собою как можно большее количество рабочих и крестьян.

Нам было ясно, что и "левые" соглашатели, вроде Ван Тинвея, предадут рабочих и крестьян. И мы ставили такие условия для дальнейшего пребывания коммунистов в уханском "левом" Гоминдане, чтобы в кратчайший срок вывести на чистую воду и этих "левых" вождей.

Вместо того, чтобы встать на этот путь, Сталин, Бухарин и К^{o} продолжали держать под замком наши действительные взгляды, утверждая в то же время, будто мы хотим рвать не только с шайкой Ван Тинвея, но и с левогоминдановскими рабочими и крестьянами. Ван Тинвей же и К^{o}, в том числе и Фына, они продолжали изображать как надежных революционеров, союзников пролетариата и т. д.

Мы оказались правы по всей линии. Сталин и К^{o} объективно оказались помощниками Фын Юйсяна, Тан Шенчи и Ван Тинвея.

Теперь оставаться в дальнейшей связи с ван тинвеевским ЦК – значит уже прямо оставаться в союзе с расстрельщиками рабочих и крестьян. Надо немедленно выйти из "левого" Гоминдана и его предательского правительства. Надо освободить киткомпартию от буржуазных пут, обеспечить ей самостоятельность и помочь ей войти в честную коалицию с рабоче-крестьянскими низами "левого" Гоминдана против керенско-корниловской верхушки.

Прямым издевательством над теорией и опытом большевизма является утверждение, будто выход из Гоминдана означает "изоляцию" компартии. Компартия сейчас изолирована от аграрного движения. Главным изолятором является ЦК Гоминдана. Как издевались мы в 1917 г., когда нас пугали изоляцией от эсеро-меньшевистских комитетов армии, от викжеля и ото всей прочей российской ван тинвеевщины! Своей поддержкой Чан Кайши мы себя немало изолировали от шанхайских рабочих. Своей поддержкой Ван Тинвея мы себя изолируем от крестьян. Только самостоятельная компартия может возглавить профсоюзы и через рабочих овладеть аграрным движением. Не гоняться надо за чужим, синим знаменем, а развернуть свое, красное. Только самостоятельная борьба компартии за рабочих и крестьян внесет настоящую революционную дифференциацию в Гоминдан, вгонит клин раскола между господствующими ныне соглашателями, приказчиками имущих классов, и революционерами, низовиками, способными на союз с компартией. Это союз должен осуществиться методами открытого полити-

ческого соглашения перед лицом масс. Базой Союза должны чем дальше, – тем больше становиться Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Выход из Гоминдана означает немедленный выход коммунистов из уханского правительства и разоблачение контрреволюционной роли последнего по отношению к аграрному движению и рабочим организациям.

Выход киткомпартии из Гоминдана означает исключение Гоминдана из состава Коминтерна, ввиду не революционного, рабоче-крестьянского, а буржуазно-соглашательского характера всей политики Гоминдана.

Выход из Гоминдана означает осуждение линии Чен Дусю и Тан Пинсяна в аграрном и других вопросах революции, так как линия названных товарищей является ничем иным, как политическим выражением зависимости компартии от Гоминдана.

* * *

При Ленине Коминтерн провозгласил правильно лозунг: "Пролетарии всех стран и угнетенные народы мира, соединяйтесь!". При Сталине-Бухарине этот лозунг превратился в орудие подчинения колониального пролетариата "национальной" буржуазии.

При Ленине Коминтерн привлекал к себе народно-революционные организации (съезда народов Востока в Баку, съезд народов Дальнего Востока в Москве), ставя себе целью поднять и вести за рабочим классом крестьянские (и мелкобуржуазные вообще) организации угнетенных народов. При Сталине-Бухарине Коминтерн на деле в Китае отдал ведущую роль Центральному Комитету Гоминдана, т. е. буржуазно-угнетательской верхушке угнетенного народа.

Самой киткомпартии преподавали не уроки ленинизма, а уроки мартыновщины. Этим объясняется и то, что ее верхушка ведет теперь меньшевистскую политику.

Мы боролись за самостоятельность киткомпартии. Сталин нас травил. Мы можем себя обвинить лишь в одном: мы слишком недостаточно боролись против гибельной линии Сталина в Китае. Сталинский режим в партии мешал этой борьбе, извращал нашу позицию, клеветал на нас рабочим СССР, Китая и всему Коминтерну. Наша вина лишь в том, что нам не удалось помешать Сталину и Бухарину превратить верхушку киткомпартии в придаток к буржуазной верхушке Гоминдана.

Самостоятельность компартии – первейшее, элементарнейшее условие успеха, первейший революционный рычаг китайского рабочего класса. Сталин и Бухарин предали этот основной принцип ленинизма. Этим они взяли на себя политическую ответственность за все совершившееся.

Чтобы оправдать совершенные ими ошибки, которым нет оправдания, Сталину-Бухарину приходится теперь преуменьшать степень развития капитализма в Китае, принижать экономическую и политическую

роль пролетариата, преувеличивать всемогущество империализма (его солдат, его пушки), словом, доказывать, что китайская революция вообще не может прийти к победе – по соотношению сил, по недостатку закаленных кадров, по отсутствию опытных революционеров-командиров и пр. и пр. Этим всегда кончает оппортунизм: чтобы оправдать свою половинчатость, дряблость и трусость, он преувеличивает силы врага и преуменьшает силы революции.

VI. Для спасения революции необходимо круто изменить весь курс руководства

Китайская революция разбита, но не побеждена. Ее задачи остаются неразрешенными, ее силы – неисчерпанными. Китайская революция имеет гигантские резервы: молодой рабочий класс, черпающий свою силу в ведущей роли новой техники и капиталистических методов производства; многомиллионное пауперизированное крестьянство, всей обстановкой вынуждаемое все более сплошной массой подниматься на борьбу. Рабочий класс и крестьянство Китая, при их готовности к самопожертвованию, при их способности отказывать себе во всем и подниматься все большими массами против империалистов и собственной буржуазии, помещиков и ростовщиков, – представляют, при правильном руководстве, непобедимую силу. На пути к победе, как главное препятствие, стоит нынешняя сталинско-бухаринская линия руководства. С ней нужно покончить во что бы то ни стало.

Что для этого нужно?

1. Коммунисты, члены уханского правительства, должны немедленно выйти из его состава. Оставаться коммунистам в уханском правительстве теперь означает нести ответственность за расстрелы рабочих и крестьян. Выход должен иметь резко демонстративный характер. Надо обличить преступления уханского правительства против рабочих и крестьян, построив на этом обличении широкую агитационную кампанию в стране.

2. Коммунистическая партия выходит из Гоминдана, развертывает полностью самостоятельную революционную линию, создает свою коммунистическую прессу, организуется, где можно, легально, где нельзя – нелегально, бичует изменников "левого" Гоминдана и критикует колеблющихся. Подымая "низы" (рабочих и крестьян) против предательских и шатающихся вождей Гоминдана, киткомпартия разъясняет, что с действительно революционной частью левогоминдановских масс она согласна вступить в тесный союз для совместной борьбы на основе революционной программы.

3. Коммунистический Интернационал немедленно исключает "левый" Гоминдан из числа "симпатизирующих" партий. Он открыто разъясняет, что международный пролетарский авангард не может иметь ничего общего с теми, которые несут ответственность за расстрелы рабочих и крестьян в Чанши и за десятки других преступлений.

4. Киткомпартия немедленно приступает везде, где это еще возмож-

но, к открытой организации Советов депутатов рабочих, крестьян, солдат и городской бедноты. Сосредоточивая вокруг себя революционные массы, Советы руководят их борьбой против контрреволюции, против властей, пособничающих помещикам, контрреволюционному офицерству, буржуазии. Во всех Советах организуются коммунистические фракции, стремящиеся к руководству Советами.

5. Коммунистическая партия начинает систематическую устную и печатную пропаганду идеи Советов на территории всего Китая.

6. Коммунистическая партия не только пропагандирует вооружение рабочих и бедняков-крестьян, но предпринимает всюду, где может, практические шаги для захвата оружия, с целью создания рабочих и крестьянских вооруженных отрядов.

7. Компартия развивает настойчиво и широко революционную пропаганду среди солдат уханских армий, армий их союзников и их врагов, призывая солдат к расправе над контрреволюционерами и к поддержке борьбы крестьянства за земли. Солдатам должно быть обеспечено наделение землею из государственного фонда. Солдатские Советы должны выдвигать революционных комиссаров, контролирующих действия офицерства.

8. Объединяющим лозунгом является борьба за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, осуществляемую через Советы и направленную против иностранных империалистов китайской буржуазии, помещиков, милитаристов, ростовщиков, джентри.

9. Коминтерн немедленно обращается с открытым письмом к киткомпартии в духе указанных предложений. Коминтерн должен потребовать от киткомпартии решительного разрыва с теми коммунистами, которые будут стоять за союз с нынешним уханским правительством или будут противодействовать борьбе с ним.

10. Политбюро немедленно отменяет запрет обсуждения вопросов китайской революции в нашей печати. Совершенным безумием является сама мысль о том, что в нынешней обстановке можно оставить под запретом вопросы, являющиеся вопросами жизни и смерти для всего Коминтерна.

* * *

Пора честно, по-большевистски признать совершенные громадные ошибки. Пора перестать говорить казенные фразы о том, что мы все предвидели и что измены "союзников" только усиливают нас. Этому "оптимистическому" вздору никто не верит. Китайская революция находится в громадной опасности. Китайская революция могла победить при правильной тактике. Китайская революция может победить, если линия будет круто исправлена.

Упущено адски много времени. Рабочие и крестьяне Китая отнюдь не обязаны восставать по два и по три раза подряд, чтобы заставить нас порвать, наконец, реакционные блоки и исправить совершенные ошибки. Систематически тормозя революцию сверху, можно на долгий период свести ее на нет. Нельзя больше упускать ни одного часа. Основным

рычагом революционного действия является партия. Надо организационно высвободить китайскую компартию, чтобы она встала на собственные ноги, почувствовала самостоятельность и ответственность и взяла бы собственный курс пред лицом масс. Пора, наконец, перестать гоняться – по-сталински-бухарински – за изгаженным знаменем Гоминдана, давая преступно пятнать наше собственное знамя!

На нас лежит теперь прямая ответственность за дальнейшее развитие событий. Решения, которые мы предлагаем принять, имеют громадное практическое значение не только с точки зрения развития китайской революции, но и с точки зрения обороны нашей страны. Опыт показал, что ложная линия Сталина-Бухарина задерживает революционную борьбу, усиливает врага и приводит неизбежно к обострению нападения английского империализма на СССР. Развертывание китайской революции по линии большевизма покажет и "твердолобым", что труднее бороться с двумя революциями, чем с одной.

Не о голом престиже руководящей группы ЦК тут идет дело, а о судьбе революции на труднейшем историческом перевале. Что касается "престижа", то и он серьезно обеспечивается только одним: правильной революционной линией.

2 июля 1927 г.

Евдокимов
Зиновьев
Радек
Сафаров
Троцкий

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бухарин продолжает сбивать китайских коммунистов с пути

Своей последней статьей "Текущий момент китайской революции" ("Правда", 30 июня 1927 г.) тов. Бухарин показывает, что он не хочет и не способен учиться. По всему складу своей мысли Бухарин не марксист, а схоласт-комментатор. Он всегда пристраивает свои схоластические схемы к чужой политике, – как Каутский при "практиках". В первый период революции он строил свои схемы влево от фактов. Сейчас он их строит вправо. Ему при этом кажется, что он исправляет свои прежние ошибки. На самом деле, Бухарин никогда еще не путал так безнадежно, как сейчас.

Рассмотрим конспективно путаницу бухаринской оценки "текущего момента китайской революции".

1) "Замечательная оригинальность состоит в том, что три социально-классовых лагеря... имеют три организованных государственных центра" (Мукден, Нанкин, Ухан).

"Замечательная оригинальность" состоит только в историческом невежестве Бухарина: три государственных центра имели место почти во всех больших революциях. У нас учредиловский восточный фронт сменился монархическим. Рядом с монархически-помещичьим центром

Врангеля боролась против нас мелкобуржуазная Грузия. И так далее. Бухарин знал когда-то эти явления в ленинском освещении. В мартыновском они выглядят по-новому, и он их не признал.

2) "Классовая размежевка родила Чан Кайши. Чан Кайши "роди" Фына. Фын, по всей вероятности, в свою очередь, породит измену других генералов, создавая крупнейшую угрозу Ухану".

Этот евангельский слог поистине великолепен. Чан Кайши "роди" Фына. А кто при этом был повивальной бабкой? Не догадываетесь? Поглядите-ка в зеркало, любезнейший.

3) "Сила этого либерально-контрреволюционного лагеря (Чан Кайши – Фын) состоит во-первых, в количественном перевесе его вооруженных армейских частей; во-вторых, в его политической позиции..."

А кто же собственно помог либеральным контрреволюционерам обеспечить свой военный перевес? Кто внушал доверие к Чан Кайши. Кто требовал от коммунистов фактического подчинения Чан Кайши? Кто поддерживал и рекламировал Фын Юйсяна? Кто запрещал коммунистам призывать к организации солдатских Советов?

Еще хуже обстоит дело с "политической позицией" либеральных контрреволюционеров. Они используют – не то поучает, не то жалуется Бухарин – "традиции национально-освободительной борьбы". Опять-таки: кто же вооружил либералов этой традицией? Кто строил специально для них абстрактную теорию национальной революции, совершаемой при помощи блока четырех классов? Кто сделал фетиш из знамени чанкайшистского Гоминдана? Кто мешал, прямо-таки запрещал коммунистам, с первых же этапов революции, залагать свои собственные большевистские традиции? Бухарину опять необходимо поглядеться в зеркало и не пенять, что рожа крива.

4) Феодальный лагерь – по Бухарину – это Чжан Цзолинь. Буржуазно-либеральный лагерь – это Чан Кайши и Фын (последний в спешном порядке отчислен от "рабоче-крестьянского" лагеря). Третий лагерь – это Ухан. Классовая природа третьего лагеря не определена. Это просто "наш" лагерь – с кое-какими недочетцами. Как Гоминдан "почти" Советы, так и Ухан есть "почти" рабоче-крестьянское правительство. Правда, уханские генералы изменяют и будут изменять, – но – о, сладкая надежда, посланница небес! – "Ван Тинвей держится тверже других. Все в порядке: третьего дня "тверд" был Чан Кайши, вчера – Фын Юйсян, сегодня – Ван Тинвей. Довлеет днев злоба его. Расплата по делам Ван Тинвея наступит только завтра. Тогда можно будет и этого выдвиженца спешно отчислить в лагерь либеральной контрреволюции. Тем более, что все это раз навсегда "предвидено" в бухаринских резолюциях, которые пригодны на что угодно, только не на то, чтобы помочь китайскому пролетариату одержать победу.

5) Третий лагерь – Ухан. Но увы, "этот лагерь... не имеет достаточно надежной вооруженной силы. Его армия тает". Но ведь вся политика Сталина-Бухарина была направлена на то, чтобы не пугать генералов и не отталкивать их в лагерь реакции. Ведь Сталин считал недопустимым строить Советы "в тылу революционных армий". Ведь вся революция

объявлялась лишь генеральским тылом. Весь авторитет Москвы направлялся на то, чтобы не допустить Советов. И Советов действительно нет. Но, увы! Нет поэтому и революционных армий. Есть армии под командой контрреволюционеров, которые громят рабочих и крестьян. Всей нашей политикой мы помешали созданию рабоче-крестьянских вооруженных сил. Представители Коминтерна в Китае, в полном согласии с духом Мартынова и Дана, проповедовали: Минимум вооружения рабочих! Да здравствуют арбитражные комиссии между классами! Бородин требовал передачи Чан Кайши диктаторской власти (см. доклад тов. Чен Дусю). А Сталин 5 апреля 1927 г., на собрании московского актива, успокаивал: дело в верных руках; Бородин не спит! Таким-то образом бухаринская линия "роди" Ухан, который всем бы хорош, да вот только оказался орудием контрреволюции.

6) "Если бы, – плачется Бухарин, – директивы Коминтерна выполнялись на деле; если бы не тормозилось дело аграрной революции; если бы энергично проводилось вооружение рабочих и крестьян; если бы сколачивались верные военные части; если бы была ясная массам политическая линия; если бы выполнялась как следует директива о демократизации Гоминдана и так далее и т. п., то положение было бы не столь опасным для Ухана". Если бы, если бы... это не пародия, а дословно из бухаринской статьи. Если бы Бухарин немножко приобщился к марксизму, то он не докатился бы до суждений столь скандальной смехотворности. Кто же это не выполнил священных директив? И почему они не выполнялись? И зачем они давались? Знаменитая сталинская формула: линия правильна, но исполнители плохи. Не на китайскую ли компартию пытается ныне Бухарин свалить ответственность за собственную слепоту? Вздор! **Правильность линии состоит в том, что она создает для себя исполнителей.** Бухаринские директивы не выполнялись по той причине, что они никуда не годились, а поскольку выполнялись, они служили не тому классу, для которого были предназначены.

Под руководством Чан Кайши невозможно было "сколачивать верные военные части", а Сталин-Бухарин требовали сохранения руководства Чан Кайши. Да и кто бы стал их сколачивать? Компартия? Но мы ее заставили подчиняться дисциплине Чан Кайши. Вооружать надежные части можно было только в открытой борьбе – вчера с Чан Кайши, а сегодня с Тан Шенчжи. Для этого надо апеллировать не к блоку четырех классов, а к социальной ненависти масс против верхов. Надо чистить армию и администрацию снизу, через солдат, через крестьян, через рабочих, не боясь "анархии" и "эксцессов". Надо истреблять генералов-перебежчиков на месте; у помещиков-офицеров захватывать земли и передавать солдатам, солдат объединять с крестьянами и рабочими через Советы депутатов.

"Если бы была ясная массам политическая линия", – плачется Бухарин. Вот именно: ах, если бы пояснее было в голове у нынешнего сочинителя всяких линий.

"Если бы выполнялась как следует (!) директива о демократизации Гоминдана". Почему же она все-таки не выполнялась, эта замечательная

директива? Не хотели? Не умели? И к кому собственно директива адресовалась? Спой, светик, не стыдись! Сперва уговаривали "орабочиться" Чан Кайши, теперь уговаривают "надежного" Ван Тинвея. К делу уговаривания гоминдановских верхов специально приставлена китайская компартия. На этом она воспитывается. Словом: массы восстают, Гоминдан расстреливает, компартия уговаривает, Бухарин пишет директивы, которые не выполняются.

7) После всего, что было сделано (а сделано было все, чтоб подорвать революцию), Бухарин додумался ныне до следующих основных лозунгов:

"Рабочие и крестьяне, надейтесь только на свои собственные силы! Не доверяйте генералам и офицерам! Организуйте свои вооруженные отряды!"

Все это звучит весьма решительно. Да беда в том, что Бухарин сам не берет собственной решительности всерьез. И в сущности, правильно делает.

Чтоб рабочим и крестьянам надеяться только на собственные силы, надо первым делом эти силы организовать: нужны Советы рабочих и крестьянских депутатов. Нужна партия, которая руководила бы созданием Советов в прямой борьбе с контрреволюционерами Ухана. Нужна самостоятельная компартия.

"Не доверяйте генералам и офицерам!" — это звучит ужасно храбро. Но ведь генералы командуют? Но ведь у генералов ружья и пушки? Или ружья и пушки у солдат? Тогда надо солдат противопоставить генералам. Тогда надо изгонять и истреблять реакционных генералов. Кто бы мог, однако, это сделать? Восстающие крестьяне, рука об руку с солдатами, под руководством рабочих. А для этого-то и нужны Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

"Организуйте свои вооруженные отряды!" Превосходнейший совет. Но как несчастным китайским исполнителям осуществлять эту бухаринскую директиву? Под руководством уханского правительства? С разрешения "надежного" Ван Тинвея, или, может быть, в прямой борьбе против них? Но для руководства этой борьбой, для одного лишь призыва к этой борьбе нужна самостоятельная коммунистическая партия.

8) Между тем этого-то элементарнейшего, основного, безусловного непререкаемого требования Бухарин и не приемлет. Для него компартия на деле не классовая партия пролетариата, борющегося за демократическую рабоче-крестьянскую диктатуру в буржуазной революции. Для него компартия была и остается только левым крылом Гоминдана, которым вчера руководили либеральные буржуа, а сегодня руководят соглашательские приказчики буржуазии. Бухарин и сейчас, когда классовые отношения записаны кровью, стоит за подчинение компартии Гоминдану, что политически означает дальнейшее подчинение пролетариата буржуазии, и тем самым окончательную ликвидацию рабоче-крестьянской революции.

9) Но ведь "известно, что влияние компартии в Гоминдане непрерывно растет". Но известно и другое: под бухаринским руководством

китайская компартия, как показывает вся ее политика, в основных вопросах развилась в мелкобуржуазно-соглашательскую партию (см. цитированную выше прокламацию против "необдуманных действий" крестьян), являющуюся только левым флангом Гоминдана, и не более. Рост влияния этого левого фланга свидетельствует о силе напора масс. Но, чтобы организовать этот напор для победы, надо вывести компартию из Гоминдана, надо очистить компартию от гоминдановского духа, надо освободить ее самое от ложного руководства, надо помочь ей радикально перегруппироваться на основе большевистской линии. Чем больше мы будем оттягивать эту спасительную работу, тем более болезненные формы она примет, и тем более явится запоздалой по отношению к потребностям китайской революции.

10) Но ведь изгнания коммунистов из Гоминдана требуют правые уханцы? Неужели же мы пойдем – иронизирует Бухарин, – "навстречу этой платформе"? Совестно отвечать на такого рода заплесневелый меньшевистский аргумент. Правые гоминдановцы хотят изгнать коммунистов, чтоб их раздавить. А коммунисты должны освободиться из тисков Гоминдана, чтобы овладеть массами и раздавить своих врагов. Тут решает борьба не на жизнь, а на смерть. Гинденбург несомненно против блока буржуазных партий с социал-демократами и тем более против слияния социал-демократов с коммунистами. Неужели же отсюда вытекает для нас объединение с социал-демократией и блок с буржуазными партиями? И такими вот пошлостями решаются десять лет спустя после Октября защищать в партии Ленина необходимость дальнейшего политического закабаления рабочей партии партией буржуазии! Каленым железом надо выжечь эту постыдную линию из Коминтерна.

* * *

Поворот в судьбах китайской революции начнется тогда, когда подлинные китайские революционеры поймут гибельность бухаринских директив. Помочь в этом китайским революционерам и Коминтерну в целом – прямая обязанность оппозиции.

2 июля 1927 г.

Евдокимов
Зиновьев
Радек
Сафаров
Троцкий

Верно: *Словатинская*

"ШКОЛА" ЯРОСЛАВСКОГО

Уважаемый тов. Зиновьев,

Один разговор и обстановка, в коей этот разговор происходил, побуждает меня обратиться к Вам с просьбой выкроить немного времени и разъяснить мне все те вопросы, которые составляли его содержание с Вашей точки зреиия.

Дело было так: несколько дней тому назад уполномоченный коллектива партии по газете "Труд", где я работаю (ячейка ВЦСПС делится на ряд коллсктивов, которые, в свою очередь, выделяют уполномочениых для отдельных учреждений, расположенных в Дворце Труда), он же ответственный секретарь газеты, вызвал меня для беседы и заявил буквально следующсс (он не знал, что я разделяю взгляды оппозиции, ибо я в "Труде" работаю недавно):

"Я должен Вас поставить в известность как выделенного для работы в клубе об узком собрании актива в Рогожско-Симоиов. райкоме, иа котором (собрании) секретарь райкома тов. Полонский сделал доклад о внутрипартийиом положении...

...Оппозиция усиливает работу... Там-то и там-то обнаружены фракциоииые группы...

...Наши разногласия с оппозицией классового характера...

Мы лишь формально находимся в одной партии... не можем мы их считать коммуиистами... Нет смысла исключать оппозициоиеров... Сегодня исключите одних – завтра народятся другие, ибо иотки оппозиции в иаших трудностях.

...Наша задача так исключить верхушку оппозиции, чтобы она меньше увлскла за собой иароду...

...Вопрос с исключением стоит сще так, что одновременно с исключеиием иадо и арестовывать, ио что дело может дойти и до этого..."

Дальше мне было дано поручение в связи с тем, что в редакции работают иесколько оппозициоиеров, следить за присылаемыми ими материалами и чуть что – согласовывать по телефону вопрос с иим или по телефону с редактором.

Тут же мне была дана партнагрузка, которая, кстати, через два дия была снята.

Выслушав все это, я изложил ему свои взгляды, сказал, в чем я не согласси (коротко) с политикой большинства, отметил, что в газете я как дисциплиилированный член партии могу проводить только официально партийнуи точку зрения, ибо газета рассчитана иа беспартийных, и заключил уверенностью, что перед съездом партии будет проведена дискуссия, деловое обсуждение спорных вопросов, без чего обойтись, на мой взгляд, нельзя.

Его ответ:

"Никакой дискуссии не будет. Мы не допустим. А кроме того, иеужели Вы думаете, что если в дискуссии победит оппозиция, то мы так-таки и подчинимся? Никогда. У нас классовые разногласия. Если мы будем

побеждены, мы предпримем все, чтобы свергнуть (буквальное выражение) новое большинство. Мы не будем так миндальничать, как оппозиция. Мы пойдем на организационные и фракционные работы... Мы сделаем все, чтобы свергнуть".

Вот в общих чертах все. Характер беседы был не частный, а официальный, инструктивный, как бы слов тов. Полонского.

Вы поймете, какой рой мыслей все это у меня вызвало.

Как это назвать?

Что это исторически собой определяет?

Куда это растет? Вот вопросы, которые предо мной встали и на которые я просил бы Вас ответить.

С ком. приветом

А. Зильберман

8 июля 1927 г.

Москва, Глинищевский пер., 3, кв. 224

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП (б) *

Первым пунктом порядка дня соединенного пленума ЦК и ЦКК поставлен вопрос о международном положении (доклады тт. Бухарина и Чичерина). Вопрос о Китае имеет первостепенное значение. Ряд документов, представленных нами в Политбюро (и в редакцию "Правды") по этому вопросу, до сих пор не разосланы членам ЦК.

Мы настоятельно просим, чтобы в самом же начале пленума ЦК и ЦКК (или еще лучше за несколько дней до этого, дабы товарищи успели прочитать) были розданы эти материалы.

Перечисляем их:

1) Вынужденный ответ тов. Зиновьева.

2) Факты и документы.

3) Основные вопросы китайской революции и тезисы тов. Сталина.

4) Новый этап китайской революции. От Чай Канши к Ван Тинвею.

Мы просим ответить нам, будет ли это сделано секретариатом ЦК. Отсутствие ответа (что практикуется в отношении нас) мы вынуждены будем рассматривать как отказ.

Г. Зиновьев

[июль 1927 г.]

---

* На документе рукописная приписка Троцкого: "Написано, видимо, Зиновьевым. 1927 г." – *Прим. сост.*

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

Копия: В Презнднум ЦКК ВКП (б)
Копия: В Президиум ИККИ

В "Правде" печатается ряд статей тов. Бухарина и других по китайскому вопросу, цитирующих произвольно выхваченные отрвыки из наших неиапечатанных статей и писем в ПБ. Это совершенио неслыханно ни в какой большевнстской партии. Представьте себе что-либо подобное при Ленине! Это было бы при Ленине просто невозможно.

В начале мая 1927 г. Политбюро решило нн одной статьи Радека, Троцкого, Зиновьева по китайскому вопросу не печатать. Тогда еще можно было ссылаться на то, что событня в Китае находятся в полном разгаре, что полемика может отразиться неблагоприятно в самом Китае и т. д.

Теперь сам тов. Бухарин объявляет, что ЦК киткомпартии саботирует решеиия ИККИ, что созывается спецнальная конференция киткомпартии для критики ЦК и т. п. Словом, официально признано, что наступил момент открытой критики, разбора ошибок и т. д.

Можно лн теперь продолжать прятать наши документы по китайскому вопросу? Можно ли теперь оставлять запрещение печатать нашн статьи по китайскому вопросу? Где видано что-либо подобное?

Мы виосим предложение:

1) Отменить постановление о непечатании иашнх статей по китайскому вопросу.

2) Напечатать в "Большевике" хотя бы последнюю нашу коллективную статью "От Чан Кайши к Ван Тинвею".

3) Разрешить иам издать сборником наши статьи и заявления по китайскому вопросу — о том, что уполномочеиное ПБ лицо проверит текст с точки зрения интересов конспнрации.

4) Еслн ПБ находит более удобным, то дать общий сборник официальных документов (КИ и ЦК) вместе с нашими материалами о Китае.

Г. Зиновьев
Л. Троцкий

11 июля 1927 г.

В РЕДАКЦИЮ "ПРАВДЫ"
В ПОЛИТБЮРО

После того, как мы обратились с просьбой о напечатанин наших тезисов "Новый путь китайской революции", в "Правде" появилась статья тов. Бухарина, подвергшего эти тезисы критике без напечатания их. Мы не вдаемся здесь в обсуждение этого нового способа полемики: скрыть документ и затем критиковать его, выдергивая по произволу отдельные фразы. Мы не думаем, чтобы уважение к партии и к себе

самому допускало такого рода полемику. Но дело сейчас не в этом. Центральный орган – независимо от применяемых им методов – считает необходимым обсуждение нового этапа китайской революции. Доказательство этому – статья тов. Бухарина. Никаким государственным интересам это не грозит, иначе тов. Бухарин не мог бы, очевидно, печатать свою статью. Наши тезисы рассматривают те же вопросы, которым посвящена статья тов. Бухарина. Самый факт полемики с нашими тезисами показывает, что они вызывают необходимость этой полемики, т. е. что такая полемика целесообразна, иначе незачем было бы полемизировать. Но как и чем читатель должен объяснить тот факт, что самые тезисы, против которых ведется полемика, не публикуются? Не в праве ли читатель сказать себе, что те, которые опровергают чужие мысли, не позволяя опубликовывать их, попросту чувствуют себя неспособными вести действительную, а не подтасованную идейную борьбу?

Ввиду вышеизложенного решительно настаиваем на скорейшем опубликовании наших тезисов "Новый этап китайской революции".

Л. Троцкий

11 июля 1927 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аврамсои А. Б. 70
Авилов-Глебов Н. П. 212, 221
Аксельрод П. Б. 119
Александров А. Н. 70
Алексеев, ген. 230
Альский А. С. 70
Андреев А. А. 47, 49
Антонов-Овсеенко В. А. 94, 212, 221
Аусем 94, 212
Бакаев М. 100, 221
Беленький Г. 89, 221
Белобородов А. Г. 70, 221
Беляис Я. Я. 70
Бирман 27
Болдуин С. 212
Бородин (Грузенберг) М. М. 246
Бош Е. Б. 178
Брандлер Г. 124
Бриваль 110
Бройдо 182, 206
Бройдт 100
Брюханов Н. П. 21
Будзинская Р. Л. 70
Бутов Г. 218
Бухарин Н. И. 18, 35, 36, 38, 44, 46–48, 50–52, 55–57, 59, 60, 74, 102, 103, 121, 129, 164, 167, 195, 197, 199, 200, 201, 223–226, 229, 232–241, 244–248, 251, 252
Вабахан Н. 70
Валентинов Г. 70
Ван Тинвей 39, 121, 126, 132, 213, 214, 223, 226, 227, 229, 233, 237, 238, 240, 245, 247, 250, 251
Вардин Ил. 70
Василевский М. 19, 34
Васильев 25
Васильев Ив. 70
Виленский (Сибиряков) Вл. 70
Висневская 70
Владимирский М. Ф. 129
Володарский В. 121
Воробьев В. 70
Воробьев 108, 122
Воронский А. К. 221
Ворошилов К. Е. 129, 130, 232
Врангель П. Н. 245
Врачев И. Я. 70
Вуйович В. 40, 70, 82
Гертик А. 70, 221
Герцберг 70
Гессен С. М. 70
Гетье Ф. А. 41, 42
Гинденбург П. 248
Гордон Н. 70
Гуральский 70
Дан Ф. И. 40, 74, 98, 119, 214, 216, 246
Дантон Ж. 109, 122
Дарвин Ч. 117
Дашковский И. К. 210
Дзержинский Ф. Э. 129
Дуиэ Э. 210
Евдокимов Г. Е. 70, 73, 77, 132, 211, 217, 218, 221, 223, 244, 248
Ежов П. С. 70
Елькович Н. А. 70
Емельянов (Калин) В. 210
Емельянов Н. А. 70
Жорес Ж. 109
Жуб 99
Жук А. В. 70
Заварьян Н. 210
Зайдлер 178

Закс-Гладнев 71
Залкинд И. А. 31
Залуцкий П. А. 14
Зарецкий 211
Засулич В. 119
Зильберман А. 250
Зиновьев Г. Е. 10, 40, 43–46, 57, 69, 70, 73, 81, 82, 84, 86–90, 95, 101, 103, 106, 107, 114, 116, 121, 127, 129, 131, 132, 135, 179, 180, 208, 211, 214, 218, 219, 221, 223, 228, 239, 244, 249–251
Зорин С. С. 70, 221
Иванов В. И. 71
Иоффе А. А. 94, 221
Ищенко А. 222
Кавтарадзе 71, 222
Калинин М. И. 95, 153, 166, 167, 189, 207, 233
Калманович (Каламанович) М. И. (?) 27
Каменев Л. Б. 89, 90, 94, 105, 107, 142, 179, 212, 221, 222
Каминский Г. Н. 165, 166
Канатчиков 94, 212, 221
Канатчикова 71
Капель 100
Карпинский 167
Катта М. 71
Каутский К. 38, 55, 200, 244
Кауфман 23
Кац И. 68
Керенский А. Ф. 115, 230, 238
Керзон Д. 53
Кнуннанец (Кнунянец) Б. 120
Коваленко П. 71
Козлова–Пассек 71
Коллонтай А. 94, 221
Кон Ф. Я. 17
Кондратьев Н. Д. 213
Копп В. Л. 94, 221
Корнилов Л. Г. 115, 230, 238
Королев А. 71
Корш. К. 68
Коснор В. 57, 59, 212, 221
Косперский И. 71
Кострицкий И. 71
Котов В. А. 135
Краевский 94, 212, 221
Красиков П. А. 120
Красин Л. Б. 119, 120
Крестинский Н. Н. 94, 129, 212, 221, 222
Кржижановский Г. М. 206
Крывов Т. С. 120, 121
Кропоткин П. 109
Крупская Н. К. 57, 59
Кузьмичев 100
Куйбышев В. В. 64, 65, 87
Куклин А. С. 71, 222
Курелла А. (Г.) 128
Кутон 110
Куусинен О. В. 121, 126
Лазько М. 71
Лашевич М. М. 88, 89, 90, 100, 129
Леба Ф. 110
Лежава А. М. 206
Лелевич А. Г. 71
Ленин (Ульянов) В. И. 11, 12, 18, 28, 38, 40–42, 44, 46, 51, 52, 58, 60, 61, 63, 65–69, 72, 74, 75, 78, 79, 89–91, 97, 99–101, 105, 106, 111, 112, 116, 118–121, 123, 126, 129, 130, 132, 133, 136–139, 144, 163, 165, 170, 172–177, 180–182, 184–186, 189, 190, 191, 194, 195, 197, 198–206, 211, 220, 241, 248, 251
Лепсе И. И. 220
Либкнехт К. 120
Лившиц Р. 71
Лиздин Г. 71, 222
Лобашев Г. 71
Лобов С. С. 27
Лутовинов Ю. Х. 178
Люксембург Р. 120
Лядов М. Н. 182, 206
Майзлин 35, 36
Макдональд Д. Р. 82
Малета В. 71
Мальцев Б. 71
Мандельштам Н. 122

Мануильский Д. З. 128
Мииичев 71
Марецкий Г. 35, 94, 117, 212, 213, 217
Маркс К. 17, 65, 97, 101, 102, 140, 170, 172, 173, 180, 190, 191, 194, 203
Мартов Ю. О. 121
Мартынов А. 12–14, 39, 40, 43, 74, 98, 126, 134, 182, 190, 206, 214, 216, 232–235, 246
Маслов А. 92, 93, 213
Матен Г. 71
Мдивани (Буду) П. 94, 212, 221
Мельннчанский Г. Н. 47, 121
Микояи А. И. 15–19, 22, 28, 37
Милюков П. Н. 238
Мино М. Н. 210
Миньков М. И. 210
Молотов В. М. 44, 105
Мороз 95
Мрачковский С. 100, 222
Муравьев М. А. 91
Муралов Н. И. 71, 100, 222
Мясннков 116
Назимов А. Е. 71
Наумов И. К. 71, 222
Немцов 120
Оборин В. П. 210
Обухов 22
Орджоникидзе Г. К. 82, 84, 85, 87, 88, 90, 93, 99, 100, 101, 106–108, 113–118, 120–125, 127, 130, 211, 219
Островская Н. 71
Охотннков 100
Пеппер Дж. 39
Петерс Я. Х. 113
Петерсон А. 71, 222
Петров Ф. Н. 42
Петровский (Линей) Д. 126, 182
Пилипенко Ф. И. 210
Пит 110
Поздеева 71
Познанскнй И. 94, 95
Покровский М. Н. 229
Полонский 249, 250
Преображенскнй Е. А. 15, 16, 18, 94, 212, 221
Примаков В. 71, 222
Псалмопевнев 71
Пуанкаре Р. 11, 12
Путна В. 222
Пятаков Ю. 15, 71, 94, 212, 221
Пятннцкнй И. А. 59
Равнч О. Н. 71
Радек К. Б. 71, 81, 98, 132, 222, 244, 248, 251
Рудзутак Я. Э. 233
Радченко С. И. 206
Раковский Х. Г. 94, 212, 221, 222
Рафес М. 94, 126, 182, 190, 206
Рейнгольд И. 94
Рем М. С. 71
Ренодель 11
Робеспьер М. 109, 110, 122
Робеспьер младшнй 110
Розит 117, 211
Ройзенман 94, 115
Ройзии 218
Рыков А. И. 10, 65, 103, 130, 196, 199, 200, 207
Сабсовнч 31
Садовская 71
Садырии 77, 213
Самсонов М. 71
Сапронов Т. В. 77, 210
Саркнс 71
Сафаров Г. 71, 94, 222, 244, 248
Сахарова 113
Свидерскнй 206
Свнцын 24
Семашко Н. 94, 212, 221
Сен Жюст 110
Сергеев А. Н. 71
Серебровский А. 206
Серебряков Л. П. 71, 222
Ситрнн (Цитрин) В. 66, 113, 213
Слидовкер А. Л. 210
Словатинская 248
Смилга И. Т. 71, 73, 93, 97, 100, 101, 129, 214, 222
Смнрнов А. П. 88, 166
Смнрнов В. И. 210

Смирнов В. М. 15, 38, 130, 137
Смирнов И. Н. 71, 222
Смирнов М. 210
Соколов А. А. 71
Сокольников Г. 94, 99, 129
Сольц А. А. 107, 108, 110, 113, 115, 122
Сорокин 222
Сосновский Л. С. 71, 222
Сталин И. В. 10, 40, 43–45, 48, 57–60, 65, 78, 82, 88–92, 94, 96, 98, 101, 102, 106, 107, 110, 119, 121, 129, 130, 134, 158, 159, 166, 167, 180, 194, 196, 199, 202, 207, 211–218, 223–229, 232–241, 244–246, 250
Стасов 129
Стенгейс 99
Стецкий А. С. 126
Сун Фо 192, 224, 227, 229
Сунг 227, 229
Сунь Ятсен 225, 228
Сяо Дуин 224, 230, 231
Тан Пинсян 115, 225, 229, 241
Тан Ченши 230, 231, 246
Тан Шенчн (Шэнчжн) 115, 132, 213, 224, 226–229, 233, 240
Тельман Э. 39
Тер-Ваганян В. 71
Тихонов Л. 210
Томас Д. Г. 11, 51, 97, 98
Томский М. 14, 47–49, 52, 55, 56, 62, 97, 114, 154
Троцкая Н. И. 41, 42
Троцкий Л. Д. 9, 10, 14, 15, 40–42, 46, 56, 59, 60, 71, 73, 74, 81, 82, 84, 87, 88–91, 94, 99–101, 103, 104, 109, 113, 116, 117, 120–123, 125, 127–132, 134–137, 166, 178, 202, 208, 211, 214, 217–220, 222, 223, 244, 248, 250–252
Туманов 71
Угланов Н. 122
Удегест 98, 99
Ульянова М. И. 115
Урбанс Г. 93, 213
Устрялов Н. В. 67, 74, 75, 104, 106, 110, 204, 207, 213, 214
Уфимцев 94, 212, 221
Федоров Г. Ф. 71, 222
Фишер Рут 213
Фольмар 101, 102
Фонберштейн 72
Фошкин Ф. П. 72
Фын Юйсян 104, 114, 118, 119, 132, 213, 214, 216, 218, 223, 224, 227, 240, 245
Харитонов М. М. 72, 222
Хикс Г. 113, 212, 213
Хоречко Т. 210
Цатуров А. А. 72
Церетели И. Г. 13, 121
Цибульский З. С. 72
Чан Кайши 10, 11, 13, 39, 43, 56–58, 61, 72, 91, 114, 121, 126, 132, 138, 191, 192, 213, 214, 216, 218, 223–230, 232–235, 237, 238, 240, 245–247, 250, 251
Чемберлен А. 51–54, 56, 58, 97, 98, 108, 110, 114, 211, 212, 214, 215
Чен Дусю 45, 59, 115, 227, 229, 230, 241, 246
Чен Е. 227, 229
Чжан Цзолинь 192, 226, 232, 233, 245
Чоу Лян 227
Чубарь В. Я. 152
Чупров, проф. 17
Чхеидзе Н. С. 182
Шаров Я. 72, 222
Шепшелева М. И. 72
Шкирятов М. Ф. 93, 218, 219
Шкловский Г. 121
Шмераль Б. 39, 126
Шнейдеман 11
Шрейбер С. 210
Шурыгин А. С. 72
Шустер А. 72
Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) 96
Эльцин В. 72
Энгельс Ф. 67, 102, 170, 171, 173, 180
Юровский А. З. 213
Яковлев Я. А. 95, 96, 117
Ян Сен 224
Янсон Н. 82, 84, 87–91, 96, 103, 107, 110, 115
Ярославский Е. 88, 98, 104, 107, 113, 115–119, 121, 127, 129, 130, 211–214, 217, 219, 249

6р. 90 к.